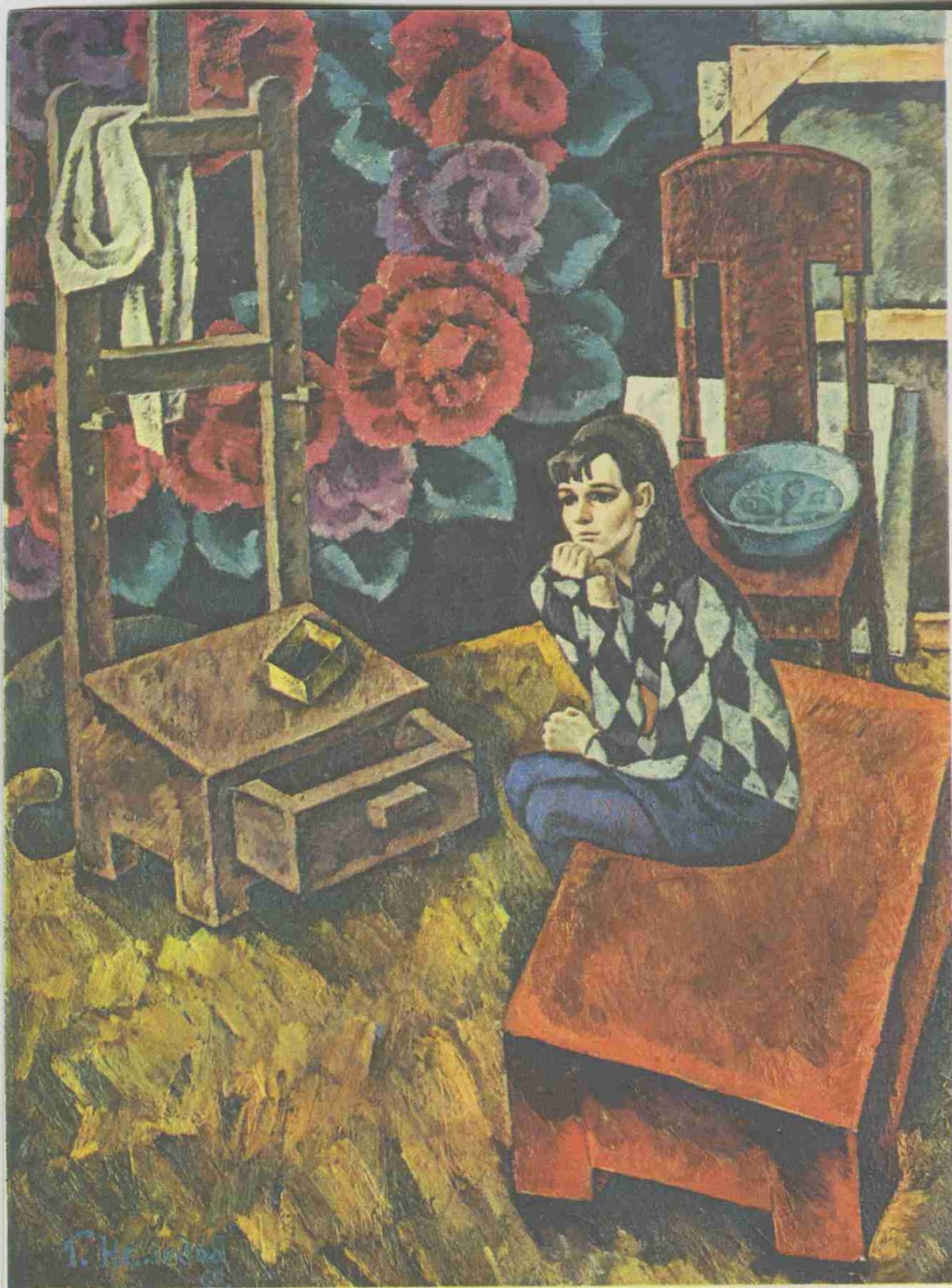

ЮНОСТЬ

12

1973

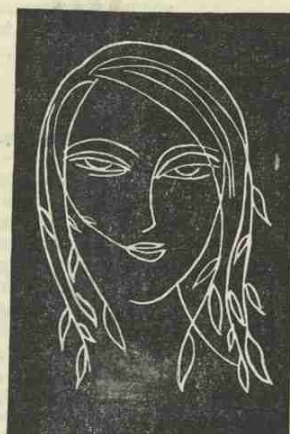

г. Неледва (Киев).

В мастерской.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ЮНОСТЬ

12 (223)
ДЕКАБРЬ
1973

Журнал
основан
в
1955
году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

В НОМЕРЕ

ПРОЗА

Сладислав ТИТОВ. Раздел. Повесть 5

Василий ЧИЧКОВ. Эти непослушные сыновья. Повесть. Окончание. 28

Аркадий АДАМОВ. Квадрат сложности. Повесть. Окончание. 65

ПОЭЗИЯ

Ярослав СМЕЛЯКОВ. Из неопубликованного . 2

КАДРИЯ «— Эй, ну-ка по чести ответь мне, чабан...». «Пой, Камила, пой...». Перевели с ногайского Т. Кузовлева и В. Равич 3

Семен ДАНИЛОВ. «Тогда мы жили у реки Амги...». «Шофер Семен, не мучай нас...». «В тайге — засохшие деревья...». Перевела с якутского Р. Казакова. 25

Марк ЛИСЯНСКИЙ. Березка. На площади святого Марка. Виа Систина 25

Иван ТАРБА. Горные туры на водопое. Наездник. Перевел с абхазского С. Куняев. 26

Николай ТАРАСЕНКО. «Спасибо тому вдохновенью...». «Алеша Фатьянов, который уже год тебя нет...» 27

Борис РАХМАНИН. Военрук. Ода морщинам . 62

Василий ШАБАНОВ. Солоница. «Тогда мы ждали не скворцов...» 62

Сергей ЧУХИН. «Прошла машина, тяжело дыша...». В Ясной Поляне. «Нет помину о стуже и ветре...». Сомнение 95

ПИСЬМО ДЕКАБРЯ

Лариса МАРИНИНА. «Может, и мой отец прочитает...» 63

КРИТИКА

Александр ПЕРЕВОЗЧИКОВ. Искусство Советской Прибалтики. (К нашей вкладке). 64

Максим ШТРАУХ. Главная роль. Окончание 85

Арам ХАЧАТУРЯН. Мир музыки — молодым!.. . 92

Григорий АНИСИМОВ. Успев сказать о самом важном. (На стендах «Юности») 104

ПУБЛИЦИСТИКА

Алексей ФРОЛОВ. Мастаки. Очерк 96

СПОРТ

Станислав ТОКАРЕВ. Четверухин уходит, чтобы остаться 102

ВСТРЕЧИ

Мартын МЕРЖАНОВ. Человек без профессии . 105

ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ

Варлен СТРОНГИН. Спасибо Федькиной жене! . 107

В. САПРОНОВ. Эпитафии 108

Содержание журнала «Юность» за 1973 год . 108

Главный редактор
Б. Н. ПОЛЕВОЙ

Редакционная коллегия:

А. Г. АЛЕКСИН,
В. И. АМЛИНСКИЙ,

В. И. ВОРОНОВ
(зам. главного редактора),
В. Н. ГОРЯЕВ,

А. Д. ДЕМЕНТЬЕВ
(зам. главного редактора),

Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ
(отв. секретарь),

К. Ш. КУЛИЕВ,
Г. А. МЕДЫНСКИЙ,

В. Ф. ОГНЕВ,
С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,

М. П. ПРИЛЕЖАЕВА.

Художественный редактор
Ю. А. Цишевский.

Оформление
О. С. Коккина.

Технический редактор
Л. К. Зябкина.

На 1—4-й стр. обложки
рисунок В. ОРЛОВА

Адрес редакции:
101524, ГСП, Москва, К-6,
Улица Горького, № 32/1.
Телефон редакции: 251-32-83.
Рукописи
не возвращаются.

Сдано в набор 3/X 1973 г.
А 12777.
Подп. к печ. 15/XI 1973 г.
Формат 84 × 108^{1/16}.
Объем 12,18 усл. печ. л.
17,62 учетно-изд. л.
Тираж 2 100 000 экз.
Изд. № 2651. Заказ № 1235.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина,
125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Ярослав Смеляков

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Лирика

Не за бумагой и столом —
я лириком в то время стал,
когда взрывчаткой и кайлом
в горах дорогу пробивал.

Пусть о влюбленных день и ночь
поэты-лирики поют,
а для меня в любом труде
любовь и лирика живут.

Живи же, лирика моя,
не угасай, не умирай
и вечным пламенем своим
сердца и души согревай!

Прощание с Москвой

Опять до рассвета не спится.
Причины врачам не постичь.
По доброму гулу столицы
тоскует Владимир Ильич.

По стенам тоскует и башням,
по улочке каждой кривой,
по всей ее жизни тогдашней,
по всей толчее трудовой.

Из этого парка и сада,
роняющих мирно листву,
ему обязательно надо —
хоть на день! — прорваться в Москву.

Легко ли рукою некрепкой,
завидев предместья Москвы,
свою всероссийскую кепку
замедленно снять с головы!

И с той же медлительной силой,
какою в те годы жила,
навстречу столица склонила
свои — без крестов — купола...

Оно еще станет сказаньем,
легендою станет живой,
последнее это свиданье,
прощальная встреча с Москвой.

Прощание с площадью Красной,
где в шествии будущих дней,
пока еще смутно, неясно
чуть брезжил его Мавзолей...

Комиссары

Вы, отдав жизнь одной идее
преображения земли,
ушли из армии в музеи,
в тома истории ушли.
И я гляжу с любовью тяжкой,
как вьется ветер фронтовой
над прибалтийскою тельняшкой
и перекопской кобурой.
Но даже с фотографий старых,
на фоне выцветших знамен,
вы речь ведете, комиссары
непререкаемых времен.
И полпланеты утром мая,
когда кружится голова,
за вами громко повторяет
тогдашних митингов слова.

Не в парадную дверь музея —
черным ходом — не наслежу! —
и гордясь и благоговей,
в гости к Пушкину я вхожу.
Я намного сейчас моложе —
ни морщин, ни сединок нет,
бьется сердце мое.

Похоже,
словно мне восемнадцать лет.
Будто не было жизни трудной,
поражений, побед, обид.
Вот сейчас из-за двери чудный
голос Пушкина прозвучит.
И, в своем самомнении каясь,
не решаясь ни сесть, ни встать,
от волнения заикаясь,
буду я — для него — читать.
Как бы ни было — будь что будет,
в этом вихре решаюсь я:
пусть меня он сегодня судит,
мой единственный судия.

Я смутно помню тот огромный зал,
где, опершись на белую колонну,
среди подлецов,
отличьями клейменных,
как чужестранец,
Лермонтов стоял.

О первых

Они прошли
стремительно и немо,
Держа всю правду в сомкнутых рядах,
Все звезды неба
на суконных шлемах,
Всю пыль земли на рваных сапогах.

Публикация Т. В. Стрешневой.

В небольшой комнатухе
С огромным окном
Мы четвертую зиму
Живем вчетвером.

Меж столом и кроватью,
Как между ветвей,
От утра до заката
Снуёт воробей.

Эта малая птаха
Нам тем дорога,
Что ее не пугают
Большие снега.

Улетают скворцы
От метельной земли,
Над пустыми полями
Летят журавли.

Только серые стайки
Шальных воробьев
Никогда не бросают
Родных городов.

Выбегает навстречу
И лает до слез
Дорогая дворняга —
Стремительный пес.

Черно-белые лапы,
Ободранный хвост,
Но он вовсе не так,
Как нам кажется, прост.

У него, кроме лая
И кроме чутья,
Есть свои установки
И верность своя.

В этой малой квартирке,
Где царствуешь ты,
Нам с избытком хватает
Твоей красоты.

Чувство юмора

Есть и такие люди
среди жителей любой страны,
что чувства юмора навеки
со дня рождения лишены.
Не страшновато ль, в самом деле,
когда, глазенками блестя,
земле и солнцу в колыбели
не улыбается дитя!
Когда, оставив мир пеленок
для школы и других забот,
тот несмеющийся ребенок
сосредоточенно растет!
Усилия педантично тратя,
растет с угрюмою душой,
беда, коль мелкий бюрократик,
большое горе, коль большой.
Все запевалы и задиры
моей страны и стран иных
жить не умели без сатиры,
без шуток добрых и прямых.
Какая, к дьяволу, работа,
зачем поэтова строка
без неожиданной остроты,
без золотого юморка!!
Я рад поднять веселья кружку

за то, что сам ханжой не стал,
что заливался смехом Пушкин
и Маяковский хохотал.
За то, что в будущие годы —
позвольте так предполагать —
злодеев станут не свободы,
а чувства юмора лишать!

Кадрия

— Эй, ну-ка по чести ответь мне, чабан,
Какой за овцу эту выкуп был дан!
— Мой друг! Мне в подарок принес ее год
Нелегкой работы, бессонных забот...
— Табунщик лихой, какова же цена
Гнедого коня — твоего скакуна!
— Мой гость, повнимательней слушай меня:
Три года скитаний мне дали коня...
— Старик, не откроешь ли тайну одну:
Где можно такую достать седину!
— Я отдал, сынок, за свою седину
Зеленую молодость — жизни весну...
— О старая мать, ты давно уж бела.
Откуда морщин ты так много взяла!
— Ах, разное в жизни случалось моей.
Платила морщинами жизнь за детей.
Но кто во вселенной ответить бы смог,
Что стоит единственный счастья глоток!

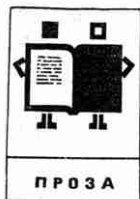
Перевела с ногайского Т. КУЗОВЛЕВА.

Пой, Камиля, пой,
Когда я слышу голос твой,
Уходит боль былых разлук,
Пленяет песня женский слух.
Пой, когда грешная земля
К весне спешит от февраля.
Обиды, горести забудь —
К весне, к весне мы держим путь.
О, дай мне чуточку любви,
Чтоб жить с надеждой меж людьми.
Прозрачна, как в горах родник,
Пой, Камиля, нас песнь роднит.
Когда уйдем в свой день и час,
Пусть песней провожают нас.
Пой, Камиля, дочь древних гор,
И женщины, потупив взор,
Как с влагой глиняный сосуд,
Песнь на устах твою несут.

Перевел В. РАВИЧ.

ВЛАДИСЛАВ
ТИТОВ

РАЗДЕЛ

ПОВЕСТЬ

I

На заре Прудки проснулись от резкого, пугающего звука. Во дворе Прасковьиного дома протяжно и тоскливо выл старый, полуослепший пес Мушкет.

Солнце еще не взошло, но на востоке, за колхозным садом, края низко висящих туч окрашивались в малиновый цвет, рдели и разгорались. Вой несея над домами, огородами, цеплялся за холодные трубы домов, верхушки деревьев и застревал где-то в низах, за гумнами, в густом, как вата, тумане.

Из крайней избы высунулась взлохмаченная голова Кузьмы Дорофеева, пугливо зыркнула по сторонам и вновь спряталась за скрипучей дверью. Босой, в одних трусах выбежал его сосед Андрей Чернышев. Постоял, почесал затылок и засеменил в дом.

Село лениво копошилось, стучало, скрипело в утробах изб, но улицы были пусты. По ним плыл жуткий, протяжный вой. Он то затихал, то вновь усиливался, срываясь на визг, высокий и пугающий.

— Кума, аль кобель чей сбесился? — спросил сонный женский голос.

— Молчи... аж мурашки по коже лезут, — откликнулся другой.

— Беду навоюет, окаянный! — ругнулся третий из окна напротив.

— Ни дать ни взять — к войне... — рассудительно заговорила первая женщина. — Помню, в сорок первом как раз, тоже на заре...

— Да замолчите вы, балаболки! — крикнул на них Кузьма. — Заладят: война, война... Никакой субдирнации не смыслят! Богу душу отдала Прасковья Тихоновна, царство ей небесное! А они: война... В рай к Савушке своему полетела. А по бокам херувимчики так и порскают, так и порскают, как воробьи вокруг галки!

— Чего богохульничаешь, непутевый! — пристыдила Кузьму бабка Авдотья.

— А может, они мне кумовья-сватовья, право такое обретаю!

— Кто кумовья? — серьезно спросил тот же голос.

— Херувимчики Прасковьи Тихоновны.

— И-и-и-их, все-то там будем, — вздохнула женщина в окне. — Дай-то бог нам столько прожить. Мой, окаянный, вчера напился, а корова в огород к Апросинье...

Рисунки
Евгения РАСТОРГУЕВА.

5

В соседнем доме заголосила старуха. Первые лучи солнца искрились в росе, пожаром пылали в окнах низеньких хат. Занимался новый день. Плач слился с воем Мушкета и окончательно разбудил село. Оно наполнилось звуками и людскими стайками потекло к Прасковьиной избе. Держась за материны юбки, хныкали сонные дети, крестились и тяжело вздыхали старухи.

Прасковья Тихоновна Рыбаева лежала на лавке, в переднем углу, маленькая, щуплая, и казалось, что она прилегла на минутку отдохнуть от неустанных домашних хлопот. Из-под белого, в черный горошек платка выбивалась седая прядь, на лице не было и тени страдания. Наоборот, оно выглядело каким-то тихим, умиротворенным, словно она встретила смерть как должное, давно ожидаемое, без страха и суесть, с чистой, спокойной совестью, с сознанием до конца исполненного перед людьми и жизнью долга. Спокойными были и желтые, будто восковые, руки, тихо сложенные на груди. Никто не слышал ее последнего вздоха, ее последних слов, если они были; никто не видел, как, почуяв близкую смерть, она облачилась в свое давно припасенное смертное одеяние, не видел, как ложилась на старую лавку, чтобы навсегда уйти из этого мира.

Может быть, только Мушкет, старый, полуослепший песть.

Восемь лет назад похоронив мужа, Прасковья Тихоновна коротала век одна. Доживала тихо, незаметно, стараясь сделать как можно больше добра людям, будто боялась своей жизнью помешать им. Считала несправедливостью, что пережила своего Савву, большого, сильного человека, и каждый день слезно молила о встрече с ним в том желанном, потустороннем мире.

И вот дождалась... И умерла тихо, незаметно, как жила, не причинив смертью излишних хлопот людям.

В избе было жарко и тесно. Народ все прибывал, подпирал сзади, жался друг к другу. Пришла бабка Авдотья, известная на селе голосильщица, поправила на голове Прасковьи седую прядь, хилой грудью набрала в легкие воздух и, привычно обхватив ладонями щеки, заголосила звонко и жутко:

— Да на кого ж ты нас оставила, подруженька наша горемычная?! Да отчего ж так рано закрылись твои глазоньки?! Да как же нам теперь без тебя век вековать?!

Около двери громко чихнул Кузьма, торопливо перекрестил рот и вышел в сени. Люди в горнице колыхнулись, засопели носами, нестройно подтянули Авдотью. Мушкет на мгновение затих, словно прислушиваясь к плачу, а потом завыл еще пронзительней и горше.

Хоронили Прасковью Тихоновну всем селом. Впереди процессии с большим березовым крестом в руках и с начищенными медалями на груди шел Кузьма Дорофеев. За ним длинной лентой тянулись односельчане. Было сухо и жарко. Люди молчали. А когда за селом, в полях, над похоронным шествием звонкими трелями залились жаворонки, Авдотья вдруг схилилась набок, подняла корявые, работающие руки к небу, тужко охнула и заголосила с какой-то отчаянной искренностью. Палило солнце, с полей несло чабрецом и донником, люди опускали головы и боялись смотреть в глаза друг другу.

Могила выкопала в углу кладбища, под белыми березками, рядом с могилой ее Саввы. Исполнил Прасковину просьбу добродушный мужик Кузьма:

под самым еще не совсем сгнившим боком Саввиного гроба наметил ей место вечного покоя.

Звякнули о сухую глину лопаты, охнули в последний раз бабы, и комья земли гулко ударили по светлой крышке гроба. Оттесненный частоколом ног, Мушкет громко взвыл и, кусаясь, ринулся к могиле. Не понимая своим старым собачьим умом происходящего, долго смотрел слезящимися глазами в черный провал, а потом поднял к небу морду и опять тоскливо завыл.

2

На другой день после похорон приехал Федор. Запыленный, потный, зашел к Кузьме, поставил у порога чемодан и сел на лавку.

— Ну, как она?.. — Он мямл в руках шляпу и не мог продолжить. — Как мама умерла?

— Да и не видел никто. Так как-то... Вроде бы и не жаловалась ни на что, не хворала и вот в одночасье... — Кузьма развел руками, будто оправдываясь. — Намедни к ней зашел. «Кузя, — говорит, — ты, как помру, телеграммку отбей Феде и Оле. Только, — говорит, — не страшай их, не дай бог. Как-нибудь помягче извести: больна, мол, непременно повидаться желает. Ты уж сочини, мил человек». Я ей гутарю: что ты, бабка Прасковья, ты еще нас переживешь, вон как по гумну скачешь! А она качает головой и отвечает: «Все-то ты балагуришь, Кузя. Я свое отскакала, нечего бога гневить». Деньги дала на телеграммы, не брал, да разве с ней сладить, в карман силком записала. Рубль двадцать осталось, сдача, значит, вот тебе и сдаю, кому ж еще. — Он покопался в кармане и выложил деньги на стол. Федор сгреб их и, не считая, сунул в карман пиджака. — Вот так, значит, Мушкет поутру завыл и известил всех. Я сразу так и сказал: Прасковья Тихоновна богу душу... померла, значит... — Он хотел улыбнуться, чтобы как-то подбодрить Федора, но посмотрел на него и понял, что улыбаться не надо, потому как не к месту, даже глупо, и тщательно откашлялся, прикрыв рот ладошкой. — А просятся заладила: война, война... Глупая бабенка выросла, скажу я вам, Федор Саввич.

— И записки никакой не оставила? Завещания или еще что?

— Этого не знаю. Чего не знаю, того не знаю и врать не буду. Так ведь и неграмотная была ваша мамаша.

— Да, да... — подтвердил Федор и вытер платком лоб. — Я ей в мае денег посылал, не знаешь, получила?

— Получила, куда ж им деться! — Кузьма улыбнулся, обнажив ровный ряд прокуренных, желтых зубов, и довольно заявил: — Магарыч мне поставила с этой самой десятки. Из лампадки вис. Ну и смехота, как сейчас помню. Душевная у нас мамаша была. — Он опять нахмурился и опустил голову.

— А за что магарыч?

— Как за что? — удивился Кузьма. — Я за так не буду. Нет, не живоглот какой-нибудь. Этого нет. Спроси любого...

— Да ты в бутылку не лезь. За что угощала, спрашиваю?

— Ежели угодно, скажу, стесняться нечего. Крышу ей перекрыл. Нанимала Костомарова, да он двадцатку заломил, а я за так согласился. Утречком пораньше, вечером после работы, так и перекрыл. Отчего же не помочь хорошему человеку? Магарыч — это она сама, я не просил. Даже отказывался

сначала, потом подумал: от чистого сердца дают, чего ж не принять. — Кузьма опять неловко улыбнулся и спрятал взгляд.

— Так вот, без всякого калыма перекрыл? — удивился Федор.

— Эх вы, Федор Саввич! — Кузьма покачал головой и обиделся. — Чего взять-то с вашей мамыши? Несчастный, можно сказать, человек жил. С хлеба на квас перебивался. Почти как нищая.

— Ну, ну! Не сочиняй чего не следует! — Федор сверкнул глазами и встал с лавки. — Деньги ей посылал, огород имелся, чего еще старому человеку надо? Ты вот, можно подумать, лучше живешь. Граф, понимаешь! Так я говорю?!

— Не про то ты гутаришь, Федор Саввич. — Кузьма сморщился, как от зубной боли, и отошел к окну. — Мамаша у вас скончалась, а вы не успели порог переступить — и все деньги, деньги... Да где б хоть деньги были, а то так... за все годы одна десятка горемычная!..

— Это почему же горемычная?!

— Да потому — одинокая ваша десятка, как вон та ветла на юру! Прасковья и бутылку-то мне купила, потому что сама пользоваться эти деньги не пожелала. Что были они, что нет их. Не привыкла она к чужому... к милостыне, прости меня, господи! — Он зло перекрестился и отвернулся. — В общем, не баловали вы ее, Федор Саввич, ни заботой, ни вниманием...

Федор, сопя носом, прошелся взад-вперед по комнате и опять сел на лавку. Кузьма, не оборачиваясь, стоял у окна и усиленно пыхтел гаснущей сигаретой. Накрапывал дождь, порывистый и крупный. Береза под окном шумела листвою, стегала ветками по стеклу. По улице с граблями и вилами на плечах торпливо прошли женщины. Вслед за ними прогремела арба, запряженная парой вспотевших рыжих ло-

шадей. В сарае хрюкал поросенок, и этот звук раздражал своей монотонной назойливостью. В избе остро пахло подгоревшей кашей, кислыми щами и сохнувшими детскими пеленками. День был на исходе.

— Хоронили с попом или как? — хмуро спросил Федор.

— Попы-то в наших радостных краях все перевелись. Был в Петровке один, да, болтают, от запоя помер. А может, и не помер, кто знает! Попы, они какие? Они хитрые. Сперва помрут, а потом воскреснут. Опium, одним словом. — Кузьма повернулся к Федору и, дурашливо выпучив глаза, пристально посмотрел ему в лицо. — Оркестров, фаншвар тоже не было. У Апросиньи балалайка сохранилась, опять же одна струна отсутствует, и бок мыши прогрызли, звук весь в пространство улетучивается, без всякой субдирнации. Но люди все на похороны пришли, все село. Один мальчонка с мамкой своей даже из Петровки прибыл. Только вас с Ольгой не дождалось. И поминки в складчину справили. Все как у людей.

— Зубоскал ты, Кузя! Дом хоть заперли? Или не догадались?

— Что-то дождик никак не соберется, — сказал Кузьма и отвернулся. Федор начинал раздражать его. — Очинно влага требуется разным полезительным растениям. А то сурепка господствует по полям и нивам. — Он резко повернулся к Федору. — Дом закрыли, а как же! В соседнем селе замок еле раздобыли. В своем, значит, не нашлось замка. Ни к чему он нам. Не от кого запирается-прятаться. А тот специально для тебя повесили! Потому что чего-чего, а замок-то ты приедешь проверить. А я-то, дурак, отговаривал! С Костомаровым спорить схватился. Вот ключ — на, бери! Иди проверь, не обокрал ли кто! Там миска с ложкой остались и юбка

старая. Эх ты!.. А еще человеком себя именуешь! — Голос Кузьмы дрогнул от обиды.

С двумя детьми на руках в избу вошла Тамара, жена Кузьмы. Следом за ней вбежали еще два измазанных рыжеголовых мальчугана. Тамара минуту стояла молча, потом опустила детей на лавку и обрадованно всплеснула руками.

— Никак Федор Саввич приехали! А вас уже и ждать перестали. Что так поздно?

— Не отпустили раньше, — несмело пробормотал Федор.

— Ох-ох, неужто на похороны родной матери могут не отпустить? — простодушно удивилась женщина.

— Все могут! — зло сказал Кузьма и сплюнул. — Ты ключик не забудь! — Он со стуком положил ключ на стол и, хлопнув дверью, вышел.

— Никак уже побраться успели? — спросила Тамара.

— Горяч он у тебя, горяч! — ответил Федор, пытаясь улыбнуться. — Все твои? — кивнул на детей. — Когда успели?

— И-и-их, Федор Саввич, дело-то наше деревенское какое?.. Ночи зимы длинные, керосина нет... — Тамара смеялась.

Дождь проходил стороной, небо светлело, и лучи заходящего солнца, искрясь, мягко ложились на мокрый луг, белые стены домов, пожаром отсвечивали в окнах. Занявшись хозяйством, Кузьма не слышал, как вышел из избы гость, окликнул его и, не получив ответа, пошел к избе матери.

Смутно было на душе у Федора. Чем ближе он подходил к дому, где родился и вырос, где провели последние минуты своей жизни его отец и мать, тем непонятнее становилось у него на сердце. Где-то глубоко в груди закипали слезы, но до глаз так и не доходили, потому что не пускал, убеждая самого себя в их бесполезности и даже противоестественности. Человек практичный и далеко не сентиментальный, он давно приготовил себя к тому, что рано или поздно получит извещение о смерти матери, и это так же неизбежно, как заход солнца и наступление ночи. Но вместе с тем вот сейчас ему стало страшно, оттого что оборвалась какая-то большая и последняя нить, связывающая его с этой жизнью, с прошлым, со всей сознательной памятью. И весь мир под этим небом стал огромен и пуст, будто отодвинулся от него, оставив в чуждом одиночестве. Нарушились сложные и непонятные связи, без них стало тревожно и сиротливо. Мать он любил, но какой-то спокойной, инстинктивной любовью, в которой никогда не было открытых проявлений нежности, не вышло и простой благодарной привязанности. Федор вспоминал ее руки, лицо, голос, мысленно ощущал ласковые прикосновения, на глаза навораживались слезы, но он тут же успокаивал себя: «А что толку? Этим не поможешь. Из гроба не поднимешь. Таков закон жизни». Из тайников памяти вставали картины детства, и в них мать — ласковая, мягкая, все о чем-то хлопочущая и до того необходимая и милая, что у Федора начинало часто стучать сердце и он повторял: «Таков закон жизни, живым живое...» Яркое, как будто это произошло вчера, перед глазами встал случай, когда его, уже двенадцати- или тринадцатилетнего подростка, побил отец. Мать полола огород, но, заслышав плач, птицей метнулась к сыну и заслонила собой от разгневанного отца. Потом он плакал у нее на руках, рядом хныкала перепуганная сестра Оля, и мать успокаивала обоих. Мысли его потекли сами, как ручейки дождя по стеклу, выхватывая эпизод за эпизодом, но Федор недовольно оборвал эту ожившую нить памяти: «Все то быльем поросло. Нечего зря душу беречь». Он

подходил уже к дому, когда навстречу ему вынырнул из-за угла Мирон, его давнишний школьный друг и постоянный соперник в детских играх. С минуту тот стоял неподвижно, потом торопливо шагнул к Федору и широко расставил руки:

— Федя, ты!

Федор нагнул голову, протянул для пожатия руку вперед, сухо бросил:

— Ну, здорово, Мирон...

Мирон весь как-то сжался и вяло пожал руку.

— Вчера похоронили...

— Знаю... — тихо сказал Федор и отвернулся.

Помолчали.

— Как живешь? — спросил Мирон. — По-прежнему слесаришь?

— Слесарю... — махнул рукой Федор. — Какая теперь жизнь! Не скалымишь — не проживешь. А откуда калым? Все грамотные стали. Прежде чем позвать слесаря кран на кухне заменить, каждый все законы и правила изучит.

Опять помолчали.

— Жалко Прасковью Тихоновну, — сказал Мирон.

— Что делать... все там будем... — развел руки в стороны Федор.

И вновь повисло неловкое молчание. Федор переминался с ноги на ногу, то опускал, то поднимал голову и щелкал костяшками пальцев.

— Федя, пойдем ко мне, — предложил Мирон. — Посидим, детство вспомним... столько лет не виделись. Про свою жизнь расскажешь, про нашу послушаешь. Мать помянем...

— Ну, о чем нам с тобой разговаривать, Мирон? — угрюмо буркнул Федор. — Все давным-давно переговорено. Мне дело делать надо. Дом вот, хозяйство без присмотра осталось. А кому нынче чужое добро дорого? Каждый норовит...

— Да о чем ты, Федор? — удивился Мирон.

— Ну, ладно, в другой раз как-нибудь... — Он повернулся и пошел к дому.

Неглубокая яма шагах в пяти от калитки заросла лопухами и крапивой. Она зарастала так всегда, сколько помнил ее Федор. Только теперь лопухи и крапива показались ему ниже ростом и гуще. Федор остановился. Он вспомнил, как рвал эту крапиву на борщ, обжигая до волдырей руки, и мать, целуя его, говорила:

— Федюшка, кормилец ты наш! Ты поближе к земле стебель бери...

«А она меня любила? — неожиданно подумалось Федору. — Конечно. Она же мать. Она не могла не любить». «А сильно?» — будто кто-то другой спросил у него. Об этом Федор никогда не задумывался, как не задумывался над тем, зачем он пьет, ест, дышит. «Какая теперь разница, сильно или не сильно? И вообще, какое это имеет значение? Кузьма говорил, что и Ольге дал телеграмму. Приедет или нет?»

Около дома охрипшим голосом задался пес.

— Ты чего? Своих не признаешь! — сказал Федор, но Мушкет продолжал лаять.

«Забыл... — подумал он и невзначай для себя горько усмехнулся: — Восемь лет не был... Так не гулял же! Работа! Да чего там работа... Хотя бы один раз в три года можно было приехать мать навестить».

Замок ржаво скрипел и не открывался. Федора охватило нетерпение. Будто вот сейчас за этой низенькой, ветхой дверью он встретит мать, обнимет и горячо, откровенно скажет: прости, мама, это я, твой сын, приехал к тебе!

«С ума схожу, что ли? Она же умерла!» — испугался Федор.

Зло рыча, к нему приближался Мушкет. «Как же его зовут?» — силится вспомнить Федор.

— Барбос, Бобик, Тузик! — выкрикивал он наугад, но пес рычал и срывался на лай. — Да ты что, забыл, дружище? Это же я вот таким щенком приволок тебя из Петровки! Забыл, да? Нехорошо так, нехорошо! Больно короткая память у тебя оказалась.

Федор вдруг вспомнил тот день, тихую, жаркую улицу соседнего села и барахтающегося в придорожной пыли рыжего щенка. Он понял, что этого лобастого, беспомощного пса выбросили просто так, за ненадобностью, на верную гибель, и Федя, не раздумывая, подобрал его. Щенок трясся всем телом и беспрестанно тыкался мокрым, теплым носом в его руки. Федя не знал, что с ним делать; выбрасывать было жалко, как-никак живое, прибыль в хозяйстве, а там, глядишь, и овчарка вырастет для охраны дома и огорода, и принес домой.

О дальнейшем он не помнил то ли потому, что выкормил щенка не он, а мать, то ли оттого, что животных никогда не любил.

— Пошел вон! — крикнул раздраженно Федор и дернул за замок.

Пробой хрустнул ржавчиной и выскочил из прилолки.

— Тоже мне хозяева! Запор, называется, поставили! Чужого-то добра никому не жалко! — недовольно буркнул Федор, вспоминая Кузьму и то, как он со стуком бросил на стол ржавый ключ.

Носком ботинка толкнул дверь. Она как-то тонко и жалобно пискнула и отворилась. В сенях было пусто. Только на стенах, свешиваясь со стрех и просто так, на гвоздиках и колышках, висели разноцветные узелки и пучки трав. Они висели здесь всегда, сколько знает он этот дом. «Укроп, — подумал Федор и откашлялся. — Мама собирала». В горле першило. «Не хватает еще заплакать», — успокаиваясь, укорил он себя.

— Укроп, — вслух сказал Федор и почувствовал, как дрогнул его голос. — Своими руками рвала, — сдавленным шепотом повторил он, удивляясь своему своему состоянию и тому, что громче сказать не может.

Избятая дверь, своей верхней частью выступая вперед, походила на люк какого-то фантастического корабля, и Федор, зная, что так она и выступала, сколько он ее помнит, сейчас удивился, почему раньше не задумывался об этом. Снаружи дверь была обита разноцветным тряпьем, и в одном из кусков он узнал свое детское пальтишко. Его шила мать долгими дождливыми вечерами длинной блестящей иглой из старой отцовской шинели. Он вспомнил, как плакала Ольга, потому что пальто было обещано ей, но в самый последний момент, перед раскройкой, все изменилось. Отец сказал: поносит Федюшка, потом Ольга, так выгоднее. Но Оле так и не пришлось его носить. Через полгода дырки на локтях были так велики, что зашить их не нашлось материала. Близким, родным пахнуло от изодранного клочка, и у Федора заныло сердце, он опустил плечи, сгорбил, но тут же пересилил себя: «Живым живое...»

Из окна рекой лился яркий поток солнца и, рассекая всю избу надвое, упирался в противоположную стену. Федор переступил порог и остановился. Обстановка комнаты поразила его своей кричащей убогостью. Желтый, как лицо покойника, стол криво прислонился к углу лавки, над ним висела электрическая лампочка, рядом с ней, черная от копоти, керосиновая лампа и справа на стене со стертыми цифрами и с огромной гайкой на заржавленной цепи — застывшие на половине пятого ходики. Он тронул маятник, часы два раза торопливо

тикнули и тут же остановились. Федор посмотрел в другой угол и увидел кровать. Она стояла там всегда, всю жизнь, и он помнил ее упругую сетку, подбрасывающую почти к самому потолку, и голос матери в сладком полузабытии сказок, и холодный страх темной осенней ночи с завыванием ветра и стуком дождя, и теплоту материнского тела. У Федора оборвалось сердце, и он, не славив с собой, громко всхлипнул:

— Мама... — Губы его задрожали, и он, пытаясь унять дрожь, закрыл лицо руками и заплакал.

Успокоившись, перешагнул солнечную полосу, подошел к кровати. Коричневое одеяло было в нескольких местах заштопано и одним углом свешивалось на пол. Под одеялом лежала синяя потертая простыня и перьевая подушка в такой же синей порванной наволочке. Сын попробовал матрац рукой и удивился. Сетки не было. Жесткие доски глухо громыкнули, и этот звук будто царянул Федора по душе. «Почти как нищая...» — вспомнил он слова Кузьмы и его презрительный, колющий взгляд. На миг стало стыдно, он даже почувствовал, как задрожали уши, но это состояние только разозлило его. Он тут же ушел от стыда, загордился: «Чего зря в душе копать? Этим не поможешь, каждый живет как знает. Живым живое...» Но голос Кузьмы не пропал, теперь даже не слова, а сам его звук укорял.

Федор походил по избе, заглянул в чулан — там тоже было пусто — и сел на большой самодельный табурет. Табурет скрипнул всеми своими грубо обструганными четырьмя ножками — видать, не привык к такой тяжести, — и Федору показалось, что он тоже укорил его чем-то. Он вспомнил — и даже с какой-то радостью — о том, что в матице, прямо над его головой, должен быть ребристый крюк — в привязанной к нему самодельной плетеной люльке мать качала его, а потом сестру Олю; к нему прикреплялись качели и из-за них дрались и с их же помощью мирились. А рядом на широкой доске потолка светлел желтый кружок величинной с пятак, и расходились от него в разные стороны темные узкие трещинки. «Смотри, Федя, солнышко! Прямо на потолке! Смотри, смотри!» — визжала от восторга Оля и тыкала пальчиком в потолок.

«Это сучок. Солнце не бывает таким маленьким и с черными лучами. Да еще в комнате... Солнце снаружи светит», — авторитетно заявил он и демонстративно отвернулся. «Нет, бывает, нет, бывает!» — упрямо доказывала сестра и под конец разревелась. «Стоит из-за такого пустяка нюни распускать! — солидно изрек брат и презрительно добавил: — Сказано, девчонка!»

Он поднял голову вверх и увидел: ребристый, потертый с боков крюк был там, где и прежде, а рядом на широкой потолочной доске желтело все то же крохотное солнышко, и только черные, тонкие лучики стали будто бы шире и длиннее... «Ну вот, не забыл, значит», — удовлетворенно подумал Федор и встал.

За грубой широкой русской печи стоял граненый стакан, наполненный наполовину светлой жидкостью. Федор взял и понюхал. В стакане была водка. «Неужели пила?» — удивился сын. Он попробовал жидкость на язык. Сомнений не оставалось, в стакане была водка.

«Что же получается?! — Он стоял растерянный, со стаканом в руке, и не знал, как отнестись к этому обстоятельству. — Если пила, то разговоры Кузьмы о нищете — сплошная выдумка. Значит, были у нее деньги. Вот тому доказательство. Поди еще и остались где-то. Старик, они запасливые. — Он поставил стакан на место, прошелся взад-вперед по горни-

це. — Может, Кузьме-то не только на телеграммы оставила. Да разве тот жох признается? Пиши пропало. Что с воза упало, то, как говорят... — Федор постоял, подумал и рассудил, что, пожалуй, зря не поспешил на похороны. — Хотя какая разница! Все равно живой не застал бы».

— Ну... не растащили Прасковьино добро?

В дверях стоял Кузьма и насмешливо улыбался.

— А кто ж знает! — эхом откликнулся Федор. Ждал такого вопроса и, дождавшись, обрадовался ему. — Замок-то просто так, для видимости, повесили.

— Что да, так нет! — засмеялся Кузьма. — И для видимости и для сохранения богатств. У нас наемный Димитрий ружжо, значит, получил для обороны колхозного амбара. А патроны к нему не подходят, калибр чужим оказался. Я ему гутарю...

— Мне до ваших амбаров дела нет! — нетерпеливо перебил его Федор. — Выпил, что ли?

— Малость есть, — откровенно сознался Кузьма и, будто гордясь этим, выпятил грудь.

— Я вот чего хочу... — Федор пальцем поманил его к себе, взял под руку и усадил на лавку. — Хаты тут почему у вас? В какую цену?

— А... я ему гутарю: ты не будь дуралеем, Димитрий! Ты дзот сооруди из стекла и бетона и собаку приобрети, непременно сучку, потому как сучка злее кобеля. И заживешь — кум королю, спи себе на здоровье и не сумлевайся, что ружжо похитить может всякая шпана.

— Ну, хватит, хватит, Кузя. Я о деле спрашиваю. Дело-то серьезное, не хаханьки какие-нибудь. Ты хоть на одну минуту можешь сосредоточиться? Я не шуточки шутить за сотни верст ехал сюда. Мне деньги нужны, во как нужны!

— Чего не могу, так не могу! — глубокомысленно изрек Кузьма и поднял палец вверх. — Но опять же, из каких таких субдирнаций?

— Да где ты слов-то таких нахватался! Субдирнация! В тюрьме сидел, что ли? — разозлился Федор. — Дело говори!

— Сам ты тюрьма! Культурности в тебе, Федор, ну ни на капельку! Апросинья, скажу я тебе, хоть и темная бабенка, но соображение имеет...

— Хочешь, сто грамм поставлю? Сориентирую меня в ценах на избы. Как человека прошу. Без знания-то прогореть можно. Продешевить, а?..

— Иде созьмешь?

— Чего?

— Магарыч.

— Да вот тут осталось... не допила... не допил кто-то...

— Я и есть...

— Что — я и есть?

— Не допил вчера на поминках, на похмелку оставил. А ты узрел. Ну и нюх у тебя, должен я сказать! Ополовинил, поди?

— Ты бери, Кузя, пей, — ласково заговорил Федор. — Хаты тут у вас в какую цену?

— Хаты? Хаты, брат, разные бывают. Вот моя, к примеру, скоро развалится. Осядет один раз, и все, и жаба двухглазая из Кузьмы и его выводка получится. Хаты, опять же, у нас никто никогда не торговал. Каждый своей избой обходится. Количественности нет, потому как глухомань, никакой субдирнации для молодых поколений.

— А в соседних селах? Слышал, наверное? Земля-то слухом пользуется! — скороговоркой частил Федор и тербил Кузьму за рукав. — Ты пей, пей, не стесняйся и расскажи все, как есть, насчет цен. На слом, может, кому нужна или еще как? Тут кирпич, бревна, стол вот, утварь разная...

— Не хочу я пить! И вообще!... — Кузьма отдернул рукав и засопел.

— Чего ты? Чего? — засуетился Федор. — Тысячи три дадут, а? Как думаешь?

— Я часто к матушке твоей заходил... — Кузьма глотнул слюну и помолчал. — Позавчера еще... «Кузя, — говорит, — ты телеграммки не забудь, мил человек...» Душевная была женщина! Нет теперь таких в Прудках. Идешь, бывало, а она кличет: «Кузя, ты обедал сегодня? Ну и хорошо, ну и слава богу. А то зайди, мил человек, щец похлебай».

Федор сморщил нос и отвернулся. Медленно встал, шагнул к лавке. Подошел к печи, поднял заслонку, заглянул внутрь. Под был закопчен, но Федор рассмотрел, что кирпичи почти новые. Справа, в загнетке, лежала коробка спичек. Она лежала там всегда — и тридцать лет назад, и когда он только начинал курить и тайком от матери брал из коробки по несколько спичек. Он взял спички, открыл: коробка была почти полна. Федор громыхнул ею около уха, положил в карман.

— Живым живое... — будто про себя, но вслух сказал он.

— А то бывало, — продолжал Кузьма, — качает головой и говорит: «И зачем ты пьешь так много, Кузя? Чего ты в водке хорошего нашел? Семья у тебя, детки...» И так стыдно станет, будто мать родную обидел. «Не буду больше!» — думаешь. А-а-а!... Он махнул рукой и шмыгнул носом. — Жисть наша... Петяка захворал, так она чуть не ползком приползла, травку в кулачке держит, а кулачок такой сморщенный, маленький и дрожит весь. «Отвар сделай», — говорит. А ты: «хата, хата»...

На гумне хриплым голосом тихо лаял Мушкет, срывался на тонкий жалобный визг и начинал скулить. О стекло билась большая зеленая муха, монотонно и назойливо жужжа. В окне последними лучами догорал закат. Федор стоял посреди комнаты и молчал. Обоим было неловко и будто бы тесно в этой комнате.

— Ночевать где будешь? — спросил Кузьма и встал, всем своим видом показывая, что разговор о ценах окончен да и затеян был не ко времени и совершенно зря. — Если желаешь, пойдем ко мне. Перин особых нет, но переночевать где найдется.

— Чего ради я из своей избы в чужую пойду? Что я, не хозяин, что ли! — хмуро ответил Федор, тоже поняв, что нужный разговор не получился и не получится, и все по причине вредности характера этого непонятного Кузьмы.

— Веселее будет, и вообще... погутарим, соседи придут, те-се вспомним...

— Не о чем мне с вами говорить.

— Дело хозяйское, — сказал Кузьма и, хлопнув дверью, вышел.

Далеко, за широким ржаным полем погромыхивал гром, но тихо, беззлобно, словно устав, отголоском стороной прошедшей грозы, и ночь спустилась на село осторожно, почти незаметно, склонившись косым серпом луны над южной околицей белых изб, и Федор с каким-то щемящим чувством отметил, что она будет темной и звездной, как тогда, в далеком, теперь уже едва памятном детстве. Потом к нему на миг явились видения детства, явилась мать, и все что-то ворковало около него, и была веселая и ласковая, а он куда-то убежал по полю переспелого ячменя, и колкие остяки колосьев впились ему в грудь и осыпали колени тяжелым, как дробь, зерном... Вскоре усталость сморила его, и он уснул на жесткой материнской кровати, под ее латаным одеялом, на синей, вытертой ее телом простыне, легко, как уставший пахарь, крепко, без снов.

Утром приехала Ольга. Рванув дверь, вбежала в комнату, остановилась у порога и безвольно выпустила из рук черную штапельную косынку.

— Не успела... хриплым голосом медленно сказала она и, задрожав всем телом, опустилась на пол.

Федор смотрел, как мелко дрожат ее побелевшие губы, и не мог найти слов, чтобы утешить.

— Мапочка, родненькая моя! — тонко вскрикнула Ольга, оторвала голову от пола и тут же уронила ее. — Прости меня, прости меня! — Она рыдала и билась головой. — Мапочка, мама, мама...

— Оля, перестань, хватит, Оля! — Федор подошел к ней, попытался поднять. — Этим не поможешь, из могилы не поднимешь. Пожалей себя, Оленька.

— Федюшка, нет больше нашей мамы...

— А что сделаешь, что сделаешь? Такова жизнь. Все мы только гости на этом свете. Успокойся. Ты с кем приехала? Одна?

— Борис с Виктором по степи идут, а я бегом... Как же теперь, Федя? Как же нам без мамы?

— Трудно, Оля, трудно, но надо держаться. Мужайся, сестрица. У Виктора отпуск или как?... Федор обнимал ее за плечи и гладил.

— За свой счет взял... Мапочка, милая, прости меня! Одной тебе пришлось доживать свои дни... Никто не приласкал, глазонки не закрыл!.. — Ольга мотала растрепанной головой и тыкалась в грудь Федора.

— Почему одна? Тут соседи. Хорошие люди. А Бориса зачем везла?

— Ну, как же, Федя, бабушка она ему родная или кто? Господи, почему ты взял ее у нас так рано?!

— Дай бог нам столько прожить, — сказал брат и отстранился от нее.

— Ты застал ее, Федя? — Ольга заплаканными глазами пристально посмотрела ему в лицо. — Застал, Федя? Расскажи, как это все?..

Она смотрела так, будто от того, застал он похороны матери или нет и вот сейчас расскажет о них или не сможет, зависело что-то очень важное и в ее жизни, и в жизни ее мужа Виктора, бредущего где-то по степи с четырнадцатилетним сыном Борисом, и даже в судьбе его самого. Федор отводил глаза и почему-то не хотел сознаваться в том, что на похороны тоже опоздал. Его разозлило то, что Ольга приехала с мужем, человеком, которого он недолюбливал. «Жмот! — думал про него Федор и недовольно морщился. — Долю потребует. Это уж как пить дать! Сынка прет с собой. Для чего бы это? С Виктором надо ухо остро держать».

— Все там будем, — сказал Федор и отвернулся. — А живым живое...

— Федя, неужели и ты опоздал? — Сестра взяла его за плечо и повернула к себе.

— Ну, опоздал, опоздал! — раздраженно ответил он и отвел взгляд. — Ты же вот тоже... Но это не меняет дела.

— Конечно, конечно, — поспешно согласилась Ольга и опять заголосила: — Милая ты моя маманя, кто же думал, что так получится? Виновата я перед тобой...

— Хватит, — буркнул Федор. — Дело надо решать, нечего оттягивать. Время не ждет.

Ольга перестала плакать, достала платочек и громко высморкалась. Федор смотрел на сестру, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Он боялся и оттого торопился. Боялся, что вот сейчас, сию мину-

ту откроется дверь, войдет Виктор, и тогда дело, о котором собрался говорить, примет совсем не тот оборот, на который рассчитывал.

— Какое дело? — спросила сестра.

— Дом срочно продавать надо, ну и все такое... — быстро сказал Федор и вытянул шею, ожидая ответ.

— Федюшка... — простонала Ольга. — Мама у нас умерла, а ты... Да кому она нужна, развалюха наша? Сто лет ей. Кто захочет, пусть даром берет, как память о маме. Если найдется такой, спасибо ему скажем. — Ольга всхлинула. — Мама-то наша, точно муравей, все, бывало, в дом несет, все тянет по былинке, по травинке. «Олюшка, поешь то, покушай это. Федюшка, осторожнее, поберегись, сынок...»

— Ну, если у тебя денег куры не клюют, то у меня их негусто! — сказал со злостью Федор. — И лишняя сотня мне карман не оттянет.

— Потом об этом, Федя... — умоляюще попросила Ольга. — Помнишь, как ты заболел? Мама ночью разбудила меня и с тобой на руках к бабке Груше... почти три километра...

— Оля... — Федор укоризненно посмотрел на нее и покачал головой, стараясь пристыдить за то, что она, по его мнению, затевает совсем ненужный разговор вместо того, чтобы конкретно и серьезно обсудить неотложное и важное дело.

Сестра не поняла укоризны и продолжала:

— А тебе лет десять было. — Она всхлинула и, поднеся ко рту платочек, вся как-то сжалась, стала маленькой, скорбной и похожей на мать. — А то, бывало, картошкой печеной или свеклой угостит кто из односельчан, так она нам несет. «Я сыта, я не хочу». Господи, а сама-то от недоедания шаталась в тот голодный год. Кожа да кости остались. Все нам в рот пихала, все нам...

— Давно все то было, — сказал Федор и шагнул по горнице. — Крыша на доме новая, да и дом добротный, послужит еще людям. И кирпич вот на печке почти новый, чего ему зря пропадать. Не похозяйски это. Можно и на слом продать, купят за милую душу, строятся, поди, в селе. Сейчас везде строятся. И этим надо пользоваться.

Ольга отсутствующим взглядом смотрела в пол и молчала. В соседнем дворе — наверное, у Кузьмы — протяжно и долго мычала корова, задиристо кокотал петух. За домом жалким голосом таявал Мушкет и скулил обиженно и слабо, как слепой щенок, силой оторванный от молока матери. Солнце уверенно плыло в синюю безоблачную высь, обещая знойный день.

— Однажды видела, как она шкурки картофельные ела. Картошку нам отдала, а сама... — Голос ее понизился, но она сдержалась. — От нас с тобой пряталась, чтобы не видели. А руки дрожат, торопится, как сейчас, все вижу... Не жалели мы свою маму. Как слепые были. Родная ты наша...

— Этого уж я не знаю! — Он остановился посреди избы, рубанул ладонью воздух. — Деньги ей посылал! Вот новую крышу за мои средства справил! Люди могут подтвердить.

Ольга отрешенно посмотрела куда-то в угол, мимо брата, и будто окаменела. Потом голова ее склонилась набок, мелко задрожали плечи.

— Плохие мы дети! Я и себя не оправдываю. Ну, пусть Виктор, бог с ним, он ей чужой, но ведь я... Я же дочь ее, она меня молоком своим выкормила, руками своими вынянчила, жизнь мне дала...

— Спокон веков так ведется. — Федор нервно шаркал ногами по комнате. — И ничего в этом особенного нет. Сама жизнь такой закон придумала, и не нам его отменять.

— Да при чем тут закон, Федя! Мама ведь наша... Могли бы почаще ее навещать. Письма хоть писали бы регулярно, а то ведь в суете, в кутерьме каждодневной все откладываешь: завтра, послезавтра, — а уже поздно, нет мамы... Ни писем ей уже не надо, ни заботы нашей.

— Известно все это. Давно известно! — быстро сказал Федор. — Нечего зря казнить себя. Продадим дом, разделим деньги. — Он на секунду замаялся, а потом решительно продолжил: — Только при разделе прошу учесть, что крыша на доме справлена за мои средства. Есть свидетели.

— Какой раздел, Федя? Разве я за этим сюда ехала! Не нужны мне никакие деньги.

— Вот, вот! — с радостью подхватил Федор. — Только ты это Виктору своему скажи. А лучше бумажку напиши: так, мол, и так, от своей доли в наследстве отказываюсь.

— Я напишу все, что тебе требуется. Только зачем это, Федя? Не позорься ты перед людьми. И так все волком смотрят на нас. И поделом ведь. Мать забыли, даже на похороны не приехали. Выходит, прикатили избу продавать. На что тебе далась эта хата? Да пусть даром возьмут, кто нуждается в ней. Не позорься ты, Федя, и нас не позорь.

— Какой позор? Почему позор! — возмутился Федор. — Дом наш, мы законные наследники, что хотим с ним, то и делаем. Живем мы пока не при коммунизме, так что...

Ольге вдруг показалось, что она находится в каком-то непонятном полусне-полузабытии и этот мужчина, нервно расхаживающий перед ней, совсем не родственник, а чужой, незнакомый человек, зачем-то выдающий себя за ее брата. «Но ведь умерла наша мама, — подумала она и посмотрела на Федора. — Нет, это он, брат. Мужчины всегда переносят горе легче, чем мы, бабы. Приехал вчера, выплакал свое, смирился», — решила сестра.

Под окном забасили мужские голоса, и Ольга вздрогнула, вспомнив, что это, наверное, пришли Борис и Виктор, и почему-то растерялась, подумав о том, что вот сейчас они войдут в избу и им надо будет объяснить, что матери нет, они опоздали, и вот, Федор, брат ее, тоже опоздал, и похоронили ее чужие люди, односельчане, как безродную сироту, — хотя Ольга знала еще тогда, когда задержались на сутки в дороге из-за сломавшейся машины, что так оно все выйдет и мать ей уже не увидит. Муж и сын успокаивали ее, убеждали, что все обойдется, на похороны они успеют, их обязательно должны подождать, просто не могут не подождать, и она в своем горе утешалась этой последней надеждой, но в глубине души почти была уверена, что надежда эта несбыточна. Она сердилась на свое внутреннее чутье, бранила и успокаивала саму себя, но чувство обреченной бесполезности этой поездки не покидало ее. Бессонная ночь в поезде была мучительной, и Ольга, как никогда в жизни, страдала и остро прочувствовала свою уже ничем не поправимую вину перед матерью. Вину за то, что очень редко навещала ее, особенно в последние годы ее одинокой старости. Винить за это своего мужа Виктора она не хотела, хотя в глубине души, как маленькая, но больная ранка, тлело такое желание. Да, он не пускал ее, постоянно ссылаясь на нехватку денег. Но и она не очень настаивала, боясь скандалов и разлада в семье. Да, он не любил тещу. Но что сделала Ольга для их примирения? Нельзя было так жить. Надо было что-то делать, упрашивать, уговаривать мужа, но к матери хоть изредка ездить. Всего этого сделано не было или делалось не очень настойчиво. И вот расплата. И ту сломавшуюся в двадцати километрах от железнодорожной станции машину

и опоздание на похороны Ольга восприняла как рок, как возмездие за свою непростительную вину и слабохарактерность. Оправдания себе она не находила. И оттого горе ее было неутешным.

В комнату медленно вошли Борис и Виктор. Сын взглянул на мать и, с одного взгляда поняв все, остановился в нерешительности у двери, переминаясь с ноги на ногу, не зная, что ему говорить и как вести себя. Виктор торопясь подошел к Федору и молча пожал руку. Потом шагнул к Ольге, погладил по плечу.

— Похоронили, — тихо сказал он как о деле обычном, давно обговоренном и решенном.

Ему никто не ответил. В горнице сразу стало будто бы неуютнее. Ольга смотрела в окно, вспоминала мать и, утирая нос зажатой в руке платком, тихо плакала. Федор готовился что-то сказать, но то ли нужные слова не шли в голову, то ли не мог выстроить их в требуемом порядке и только бегал взглядом с одного лица на другое и ни на одном не мог остановиться и сосредоточиться.

— Я вчера приехал, — просто так, чтобы не молчать, сказал Федор и почесал затылок.

— Если б не машина, мы бы успели, — в тон ему проговорил Виктор.

Ольга вспомнила, как два года назад она собралась с Борисом съездить в гости к матери и уже накупила подарков — цветастый шелковый платок, зеленую кофту, теплый халат, сумку бубликов, вкусно пахнущие коричневые медовые пряники, — но вернулся из командировки Виктор, и поездку пришлось отменить. И почему-то сейчас, вот здесь, ей явственно вспомнился раздраженный голос мужа и слова о том, что, мол, нечего зря тратить деньги на ненужные поездки, лучше использовать их на ремонт квартиры. И опять он был прав и не прав, и она пыталась возмущаться, плакала, умоляла, но он стоял на своем, а поступить более решительно, зная его крутой нрав, Ольга не решилась.

Платок, кофту, халат и все гостинцы пришлось отразить посылкой. Ольга вспомнила письмо, которое пришло от матери спустя неделю. На листке в косую линейку ломким детским почерком, вероятно, под диктовку, были написаны слова благодарности за добрую память и подарки и то, что платок очень понравился, крепкий, ноский, но только вот незадача: уж больно цветаст и потому, наверное, маркий при стирке. Бублики пришлись по вкусу, тем более, что в селе их не бывает, хоть пшеница вокруг стеной стоит, а она давно таких не кушала и с удовольствием отведала, предварительно размочив в молоке.

В конце письма Ольга прочитала: «Надысь видела я тебя, милая доченька, во сне. Но сон дурной — не в руку, — и надоумило меня, старую: не случилось ли чего с тобой? Ты уж пропиши, не ленись». И далее совсем неразборчиво, видно, дрогнула от жгучей жалости рука пишущего, и поскакали буквы в разные стороны, как стая испуганных птиц: «Савва, отец твой, покойник, часто снится стал мне. Чую, помру я скоро. Одно у меня на уме: хоть бы одним глазком увидеть вас, милых моих деток, и тогда со спокойным сердцем пойду в сырую землю».

Ольге после этого письма часто снились сны, снилась мать, крепкая, здоровая и все куда-то уходящая по бескрайнему дерезенскому лугу, по сильным травам, и руки ее были теплыми, пахли хлебом и парным молоком. Ольга просыпалась с улыбкой на губах, будучи вся еще там, в сказочном детстве, потом возвращалась к действительности, вмиг старела, вспоминала мать, но уже не ту, молодую, жизнерадостную, а старенькую, хилую, доживающую свои

последние дни, горькое письмо се, и беззвучно плакала в темную, чужую ночь: «Мама, прости меня, прости меня, золотая моя. Я знаю, ты поймешь и простишь».

— Вот так живешь на свете день ото дня — и то денег не хватает, то времени нет, — наигранно бодрым голосом заговорил Виктор. — А старики мрут. — Он пригорюнился. — В мир другой удаляются. В позапрошлом году только собрались к ней в гости, уже и подарков накупили, а тут ремонт подоспел.

— Помолчи, Витя, — сказала Ольга.

— Деньги, они счет любят. — Федор покашлял в кулак и пристально посмотрел на Виктора.

Тот отвел взгляд и полез в карман за куревом.

На гумне по-прежнему скулил Мушкет, но звук этот еле долетал до избы, потому что был слаб, а село уже проснулось, и теперь иные звуки, более энергичные и громкие, заполняли улицу.

На столбе среди села громко щелкнул репродуктор.

— Доброе утро! — сонно сказал густой бас. — Говорит колхозный радиопередатчик. У микрофона председатель артели Алексей Григорьевич Анохин. Слушайте наряд! — по-военному отчетливо и резко произнес Анохин. — Звену Чернышева закончить покос клевера на седьмой делянке. Завтра с утра перебросить технику на зерновые. Третью бригаду прошу... Ребята, я вас очень прошу подналечь сегодня. Сами понимаете, четвертый силосный бургер давно закрывать пора. С этим не шутят! Постарайтесь, ребята. — Немного притихший голос опять повысился, чеканя каждое слово. — Почему на втором участке сегодня ночью «ДТ-54» простоял без работы три часа? Мирончик! Напишешь письменное объяснение. Письменное! — еще тверже сказал он и клацнул выключателем.

На выгоне мычали коровы, выстрелами щелкал кнут, и зычный голос пастуха резко взмывал над пылящим стадом. Мимо дома проскользнул Кузьма, зыркнул в окно, но в избу не вошел. По дороге с косями и граблями на плечах шла группа людей, человек десять — все женщины и среди них один мужчина.

— Кума, ты бы приструнила своего непутевого! Носится на своей мотоциклете как угорелый! — звонкой скороговоркой зачастила Александра, крепкая розовощекая женщина. — Мало ему двух колес, как у всех, так он трехколесный раздобыл! Вчера чуть поросенка не задавил.

— Что поросенок... Вон Нюркин Мирон третьего дня ребятешек Кузьмы Дорофеева посадил на заднее сиденье и вдоль деревни... пыль столбом... Хорошо, что Яков Иванович оказался рядом, остановил его, а то покалечил бы детишек, анчихрист, — степенно проговорила толстая, приземистая женщина в цветастой капроновой косынке.

— Сказались наши мужики на этих мотоциклах! — усмехнулась бойкая черноглазая молодуха. — Больше, чем собак, в деревне развелось!

— Мотоцикл ерунда. Мой старый что надумал! — хохотнула Антониды, высокая, сухопарая блондинка. — «Давай, — говорит, — Тонечка, автомобиль купи». «Эт на что же тебе такой ероплан потребовался?» — спрашиваю. «За грибкамы съездить, в город на ярманку или в кафе и вообще культурно жить будем, как за рубежами, за окянами живут», — отвечает. «А огород пахать на ём можно?» — говорю ему. А он нос сморщил и фукает: «До чего ты невоспитанная, Антониды, ну, никакой в тебе рентабельности! В Испаниях, например...»

— Залетку себе в Петровке зазел, небось! — перебивая ее, громко засмеялась Александра, обна-

жая ровный ряд крупных, красивых зубов. — Вот и потрещался ероплан. Чтоб свиданничать сподручней было.

Все дружно засмеялись. Антониды махнула рукой.

— К залетке и на велосипеде укатит, не удержишь. Вон Дуськин муж... трое детей, а он к Турбановой... Ну и кобель! В женихах тихим, скромным ходил, как девка красная. А теперь, ишь, рассобачился!

— Горе с нашими мужиками, — перестав смеяться, вздохнула Александра. — Мой, как придет с работы, в телевизор упулится, и вожжами его не оттянешь. Тут и корова, и поросенок, и гуси с курами — четырех рук мало, а он... ну, квартирант квартирантом!

— А омет сена на гумне тоже квартирант наскреб? — серьезно спросила Антониды и, хлопнув себя по бедрам, расхохоталась.

— А твой-то квартирант опять сегодня ночевать дома не будет! — Александра озорно сверкнула перламутром зубов и подтолкнула Антониду под бок.

— Откеле знаешь?

— Муж сказывал. В ночное ему.

Вздвывая за собой темный хвост пыли, с оглушительным треском по улице на мотоцикле мчался Андрей Бахтин, известный в селе шабашник и дебошир. Женщины отпрянули в сторону.

— Бугай окаянный! — зачастила Александра. — Нет бы в поле, как все, а он тепленькое место присидел! Молоко-о-ово-оз. Ишь, помчался!.. К бабке Авдотье за опохмелкой, небось...

Антониды вздохнула, все нахмурилась и, не оглядываясь, пошла дальше. Поговорили о том о сем, о трудном лете, о том, что зима обещает быть не легкой, но все может измениться, если завтра-послезавтра, не позже, пройдет хороший дождь.

Люди подходили к концу улицы. Высокий, в очках косарь что-то сказал, и все разом посмотрели на Прасковьюн дом. Женщины замедлили шаг, намереваясь подойти к избе, но высокий опять пробасил несколько слов, махнул рукой, и люди прошли мимо.

Проскрипела телега, и возница, рыжий, взлохмаченный человек, зевнув во весь рот и будто испугавшись этого, резко дернул вожжами и неожиданно громко — для его маленького роста — гукнул густым басом:

— Но, тетеря, уснула!..

В доме Прасковьи Тихоновны повисло тягостное и неловкое молчание. Виктор прошел к окну, посмотрел на улицу. Федор переминался с ноги на ногу и злился на себя, на всех присутствующих за то, что никак не может начать разговор о разделе имущества.

В дальнем конце села появилась еще группа людей. Курносый мужичок в сером засаленном картузе и оранжевой тенниске навывпуск тонким, почти детским голоском старался перекричать товарищей:

— А я вот что предлагаю! Ты помолчи, Василий! Я предлагаю всем звеном к Анохину сходить!

— Правильно! — поддержал его Василий. — Пусть сам займется ночными сторожами. Почему они палки в колеса всей бригаде вставляют? Сушь такая стоит, дорога каждая травиночка, а они скот в клевер запускают, прохиндеи! Коленом под мягкое место таким работникам надо давать, а мы цацаемся с ними, как с детьми несмышлеными!

— Да докладывали ему об этом! — рубанул воздух ребром ладони Чернышев, высокий, смуглый мужик, звеньевой кормозаготовительного звена. — Не мычит, не телится наш Григорич. Замотался совсем. Рожь на корню сохнет, яровые в трубочку крутятся, а на свекловое поле смотреть страшно — как пустыня черноземная, ни одного зеленого росточка. Хуже не бывает. Вот и мечется.

— Чего тут рассусоливать! Рук у нас своих нет, что ли? Или не мужики мы? — неторопливым баском заговорил Егор Еремин, тракторист с сенокосилки. — Подсидеть ночью этих пастухов, поймать на месте преступления да морду набить как следует, чтобы в другой раз за скотиной смотрели. А то спать здоровы! А скотина что?.. Она тварь бессловесная, ей есть надо. Не обидно б было, если б ела, а то ж потопчет больше, чем съест. Ложбин надевает, сомнет клевер, потом не только косилкой, ножовкой не возьмешь. Вчера два шатуна сломал.

— А клевера-то сколько остается нескошенным из-за вмятин? — вставил Василий. — Нонешняя зима все подберет, каждая травинка на аптечных весах отпущаться будет, потому как засуха.

— Ты вот с Петровичем потолкуй, как быть, — обратился к Василию до того молчавший Яков Иванович, степенный, рассудительный человек. — Кум его ночным стадом управляет.

— А что кум! — откликнулся Костомаров. — Ты-то каждый день пищу потребляешь. Да еще с салцем вприкуску. А корова что?.. Если слова сказать не может, то пусть с голодухи мрет? Трава-то в степи вся выгорела. Вчера глянул на губы своей корове, а они в крови, как проволокой изрезаны.

— Ты, Костомаров, не так рассуждаешь... — снижая голос, сказал звеньевой. — Сейчас как-никак лето, скотина может пропитаться осокой, полынью, подножным кормом — худо, но можно. А зима настанет? А-а-а?.. Вот то-то...

Мужики помолчали. И каждый сам про себя решил, что ночные пастухи — хамы и их так или иначе надо проучить.

— Теперь другое, — прерывая молчание, заговорил Чернышев. — Тебе, Мирон, с копнителем, тебе, Василий, с прицепом и тебе, Андрей, придется сегодня ночью поработать. Слышал Анохина? Иного выхода, ребятки, нет.

— Опять вкруговую запрягаемся, — обидчиво буркнул Василий. — Баба скоро кормить перестанет...

— Ну, твоя потерпит! — перебил его звеньевой. — Надо скорей кончать с сеном и переходить на зерновые. Хлеба спасать надо.

— Не рассчитывается с нами Анохин за переработки ночные! — то ли в шутку, то ли серьезно сказал Мирон.

— Отгулы будут, когда белые мухи полетят и оконца в горнице узорами украсятся! — в тон ему ответил Чернышев, и все неторопливо рассмеялись, будто с приятностью вспомнили то время.

— Ну, прям, как мать родную на погост снесли... — сказал Василий, глядя из дом Прасковьи и ни к кому не обращаясь, будто соболезнуя самому себе.

Яков Иванович достал сигарету, чиркнул спичкой.

— Федор, говорят, приехал?..

— Да-а-а... — протянул Чернышев, — приехал...

— Тяжелый ноне год удался, — опять сказал Яков Иванович и нахмурился. — А хлеб все равно растить надо. Без хлеба всему крышка. Кровь из носа, а хлебушек давай. И корм скоту из десяти потов приготовить.

— Дождичка бы...

Голоса удалились, косари прошли. Улица на минуту опустела, а потом вновь заполнилась спешащими на поля людьми. Начался обычный сельский день. Был еще ранний час, но полсела уже знало о запоздалом приезде Прасковьиных детей.

Их в один голос осуждали. Виданное ли дело: совсем забыть родную мать и даже не приехать на ее похороны. И большая, искренняя любовь всего села к Прасковье Тихоновне повернулась теперь от-

кровенной неприязнью к ее детям. Не могли, не хотели односельчане простить Федору и Ольге их забывчивость, противояственной казалась им такая черная неблагодарность. Все ждали их скорого отъезда, дружно порешив, что дом должен занять Кузьма Доросфеев, добрейшей души человек, балагур, честный работник и отец семейства. Лучшее родного сына был он Прасковье Тихоновне, и село знало, что делил он с ней и радости и печали, да и последний кусок хлеба. Сам Кузьма не любил распространяться об этом, считая, что так и должно жить на этом свете.

Люди прошли, и село опустело, притихло. Небо над полями было голубым и чистым. Легкий ветер пахнул сухью, жестко шелестел рано желтеющей листвою деревьев.

Иная жизнь и другие разговоры шли в избе покойной Прасковьи Тихоновны.

— Дома почему здесь? Не приценивался? — обращаясь к Федору, спросил Виктор.

— А ты что, купить хочешь? — сощурился и весь подобрался тот, словно приготовился к прыжку.

— Боря, сходи попроси кого-нибудь проводить нас на кладбище, — перебивая мужчин, обратилась Ольга к сыну.

Борис вышел. В избе опять замолчали. Виктор прошел к печи, пощупал грубку, придирчиво осмотрел пол, топнул ногой, будто испытывая его прочность, и медленно, с расстановкой сказал:

— Дом-то продавать надо...

— Тут вот какое дело!.. — подступил к нему Федор. — Я и Ольга — законные наследники...

— Вот, вот, — согласно закивал головой Виктор. — Мы посоветовались тут. — Федор на секунду замаялся, потом выпалил: — Ольга отказывается от своей доли. Сейчас вот обещала справку написать.

Виктор остановился посреди избы, посмотрел на Ольгу, словно впервые увидел ее, потом на Федора, неприязненно и подозрительно, и голосом, не предвещавшим ничего хорошего, медленно, но уверенно отчеканил:

— Так вот, Федор Саввич, только без фокусов, я этого не люблю! Ольга не может сама единолично решать такие вопросы. Не может она. Глава семьи я! Стало быть, я и решаю. Никаких справок она писать не будет.

— Это как так не будет?! — взъерошился Федор, подступая к Виктору. — Она обещала! Я в суд!..

— Боже мой! — громко заголосила Ольга. — До чего дожили! Ведь мама... душа ее еще здесь витает... Федя! Как тебе не стыдно! Ну, ему она теща, он никогда не уважал ее, а ты-то...

— Вот именно! — воскликнул Федор. — Какое он имеет право на наследство?

— Имею, голубчик, имею, — ехидно улыбаясь, процедил сквозь зубы Виктор. — Любовь к теще тут ни при чем. Дураков нет. Советская власть — справедливая власть.

— У гроба ее спор затеяли, — рыдала Ольга. — Неужели вся жизнь только то и есть, что деньги! Да на что они мне, если у меня мама умерла?!

— Нет, ты посмотри на этого умника! — показал Федор пальцем на Виктора. — Я ехал сюда за семью сот километров деньгами своими кровными с ним делиться! Вас, таких гавриков, знаешь сколько по белу свету бродит?

— Знаю, — невозмутимо улыбнулся Виктор. — И вот мне, гаврику, как ты изволил выразиться, ей, Ольге, сестре твоей и жене законной моей, а также Борису, сыну моему от законного брака, зарегистрированного в советском загсе, полагается три части из четырех.

Он нарочно нажимал на слово «закон», зная от Ольги, что Федор не в ладах с ним.

— Что-о-о? — взревел Федор. — Нет такого закона! Ты грабить приехал?

— Взять, что причитается по нашему, советскому закону, — вновь надавил он на слово «закон».

— Какой позор! Какой позор! — причитала Ольга. — За что это все, за что? Нас люди возненавидят! Руки никто не подаст!..

— Оля, успокойся. — Виктор подошел к ней, погладил по голове. — Никаких справок ты ему писать не обязана и не напишешь. Три части наши. Он же один, как бродяга, никакой законной семьи у него нет, ты же сама рассказывала.

Вернулся Борис. На улице он долго говорил со своим давнишним дружкой Мишей Лариным и после разговора вошел в избу злым и взволнованным.

Ничего не тая и ничего не прибавляя, от чистого сердца, по-дружески выложил ему Михаил все, что думают о его родственниках односельчане, каким человеком была его бабушка и как относился к ней Кузьма Дорофеев.

Следом за Борисом пришел Кузьма, смущенный и оттого красный. Ольгу он хорошо помнил, уважал за добрый, покладистый характер и даже в молодости, говорят, чуть-чуть был влюблен в нее.

— Кузя!.. — Ольга подошла, опустила руку ему на плечо, отчего тот засмутился еще больше и притворно долго кашлял, отвернув лицо в сторону. — Как все было? Может, какие последние слова сказала? Желание последнее, может, было?

— Нет, нет! — будто с испуга, зачастил тот. — Никаких желаний, заещаний не было... и вообще Мушкет... прибежали, а она уже того... а собака —

она зверь бессловесный.— Он обвел всех взглядом и поспешно заключил: — Потому как кобель... Иные гутарили, мол, к войне, но все это по необразованности. Народ суеверный, особенно бабский пол. Еще от царского режима опиум идет. Прибежали, а она...

— Опять выпил? — недружелюбно посмотрев на него, спросил Федор.

— Никак нет! — по-военному четко ответил Кузьма. — Потому как с утра не потребляю. С утра она непользительная. Тощий живот одни яды из нее выбирает и на гибель всему организму пукает.

— Как хоронили? — спросила Ольга.

— Как всех, по-человечески. Честь по чести. Уважаемая женщина была ваша мамаша. А как же иначе? Почитай, все село прослезилось. Добрая была старушка. И за ребятами присматривала, если кому надобно, и за домом, и все прочее, разные полезности для людей делала. Смотришь, она с палочкой по селу, как наседка, всех объединает, тому словом поможет, тому огород прополоть, тому се... И хворать, сказать по правде, не хворала. Других лечила. О себе и подумать некогда...

— Водочку попил с ней, — хотел пошутить Федор, вспомнив вчерашний разговор о магарыче, но шутки не получились, потому что никто не понял ее, и он, криво улыбнувшись, отвернулся к окну.

Кузьма не обратил внимания на его слова.

— Хвори прогоняла от людей. Травками, корешками, настоями. Даже из других сел к ней приходили. Облегчение, значит, от разных хворей делала. Все шептала что-то, наговаривала. Но без колдовства, могу рунаться. Просто так, для обряда над пугырьками шевелила губами. А слова отсутствовали... А то у трав расспрашивала, откуда они, с каких пользытельности брали. Саму себя вот не отшпатель от смерти. А хоронили... хоронили — как всех... по-человечески, всем селом, от мала до велика. Вроде и чужая по сродству всем, а как родня. Мужики поплакали, бабы поголосили, потому что жалко. Всем она, в сущности, родственницей была. Вот, почитай, уже два дня село сиротой живет. Всем чего-то не хватает. Мальчонки режут, коих нянчила, а мужики, что мужики? Пьют с горя... Я так думаю: субдирнация нарушилась... Он посмотрел на Федора, не придерется ли тот опять к слову «субдирнация», которое и самому Кузьме было неясно, но очень уж нравилось и употреблялось им, когда не хватало слов, а мысль выразить надо. Но Федор, насупившись, молчал, и Кузьма продолжал: — Мушкет хоть и зверь неразумный, а вот, поди ж ты... тоскует... значит, и у зверя чувства есть. Благодарность и всякое там...

— А в бога бабушка верила? — робко спросил Борис, почтительно слушавший до того рассказ Кузьмы.

— Оно, конечно, бог — это опиум, но опять же молнии всякие, засухи... — глубокомысленно и, как Кузьме показалось, по-научному ответил он и развел руками, оставшись довольным, что умно ответил приезжему парню, поди, студенту или десятикласснику, на такой сложный вопрос и не попал впросак.

— Жила-то она как? — тихо спросила Ольга.

— Да как? — замылся Кузьма и опустил глаза. — Ничего жила, в обиду мы ее не давали. Картошка там, хлеб — с мира, как гутарят, по нитке... Он запнулся и покашлял в руку. — Детишек нянчила, деньги платили. Только не хватая Прасковью насчет денег. Дадут ей, а она опять же тем детишкам конфеты... Несознательная насчет денег была. Сызмальства не приучена, наверно. Не хваткая... — вновь повторил он и встал с лавки.

За ним поднялись остальные, вышли на улицу и направились к кладбищу. Впереди медленно двигался Кузьма, насупившийся и грустный. Метрах в пяти сзади, опершись на руку сына, низко опустив голову, шла Ольга. И далее, гуськом, молчаливые и злые, Федор и Виктор.

Солнце поднялось высоко и знойно накаляло воздух. За ближним концом села резкими, отрывистыми хлопками стрекотал трактор, и, словно стараясь опередить его, часто-часто тараторила сенокосилка, и звуки эти, ссорясь и перебивая друг друга, взмывали куда-то ввысь и, будто помирившись там, опускались на поля, село, огороды притихшими и умиротворенными, сливаясь с пением птиц и шелестом трав. За гумнами в нос терпко ударил запах полыни, у Ольги закружилась голова, в глазах зарябило от брызнувшего степного разнотравья, и шальной, тягучий крик чибиса вконец доконал ее. Ушедшее детство уже не в снах, а наяву предстало перед ней. И через явь она шла к могиле своей матери.

Ольга тяжело вздохнула, опустила на колени, потом ткнулась лицом в траву и, сдерживая крик, судорожно затряслась. Кузьма молчал и шмыгал носом. Борис сидел на коленях возле матери и срывающимся голосом успокаивал ее. Виктор пытался поднять жену, но Федор вертелся рядом и отталкивал его от Ольги.

— Вот видишь, вот видишь! — бестолково бубнил он и подбегал к Виктору то с одного, то с другого бока, пытаясь в чем-то обвинить его.

Ольга поднялась сама и, шатаясь, пошла вперед.

— Мам, успокойся, мам... — говорил Борис, размазывая кулаком слезы.

— Виновата я перед ней, Боренька. До конца дней своих виновата, — повторяла Ольга и горестно качала головой.

— А за неделю до смерти, как раз в прошлый четверг, — продолжал начатый в избе рассказ Кузьма, — приехали за ней из Петровки. Мальчонка при смерти, гутарят. Не то сибирка, не то младенческая. Фершал ихний на свадьбе гуляет, в стельку пьяный, помочь другому пациенту не в состоянии. Они на лошадь — и за Прасковьей, матушкой, значит, вашей. А у нее у самой поясница раззуделась. Однако села на дроги и в дорогу. Оказывается, мальчонка травы какой-то непользительной облопался, пострел. Так Прасковья Тихоновна корешками его отпоила. Она их все знала, эти полезительные травки и корешки. И где они произрастают, и как цветут, и когда их рвать надобно, чтобы они со свойствами были, и опять же составлять лекарства мастерица была. Лучше петровского фершала с хворобами справлялась. За пояс его могла свободно заткнуть, даже когда тому трезвым случалось быть.

— Сестрой милосердия служила... — не то в насмешку, не то всерьез сказал Виктор.

— Да вроде нет, — простодушно ответил Кузьма. — Обыкновенная Прасковья Тихоновна, или бабка Прасковья. А званий ученых у нее не было. Я думаю, совсем они ей не потребны. Она сама по себе человеком была. За звания деньги требуют, а ей что? Картошка имеется, хлеба кусок есть, ну и спасибо. Не привыкла она шиковать. Не рьяная к деньгам была. Людей лечила просто по потребности своей душевной. Обижалась, если кто деньгой зашуршит...

— А дом как содержала? — спросил Виктор.

— Вот таким, как ты, этого не понять! — петухом наскочил на него Федор. — У нее сын есть! Кому, как не ему, заботиться о матери? Деньги посылал.

Вот Кузьма может подтвердить. Он все знает. Скажи, Кузя... Скажи этому торговцу!

— Профессия тут ни при чем! — огрызнулся Виктор.

— Общество помогало, — пропустив мимо ушей их перебранку, ответил Кузьма. — Кто гвоздь, кто доску. Люди мы, не бревна засохшие, нужду чужую понимаем и чувства прочие имеем. Без всяких люминаций обходимся.

— Ты бы выражался попонятнее, Кузя! — уловив в его словах откровенный укор, буркнул Виктор.

— Папа... — укоризненно посмотрев на отца, сказал Борис. — Кузьма Николаевич очень правильно гсворит!

— Общество! Держи карман шире! Напоминает... — раздраженно выкрикнул Федор и умолк, поняв, наверное, что разговор о его помощи матери сейчас заводить не следует: Кузьма — плохой союзник ему в этом и скорее даже не союзник, а нежелательный свидетель.

Ольга вновь вспомнила мать. Вот здесь, в этой степи, ранней, теплой весной они собирали лечебные травы. Мать была задумчивой, мурлыкала песню, то и дело нагибаясь к земле. Ольга резвилась рядом, больше мешая, чем помогая. «Мама, мама! Смотри, муравей карабкается!» — звенел по степи Ольгин голосок. — Ой, а вот ящерица ползет зеленая, настоящая! Она живая, мама!» Мать поднимала голову и, вытирая вспотевший лоб, улыбаясь, смотрела на дочь: «Весной все движется, доченька. К теплу, к солнышку тянется». «А почему весной все к солнышку тянется?» «Потому что зимой было холодно, вьюга мела по степи, мороз трещал, натерпелись они лиха, вот и рады теперь солнышку. Видишь, благодать-то какая! Нет, ты совсем не ту травку рвешь. Эта еще не созрела, рано ей. Вот видишь, верхние лепестки должны быть чуть-чуть коричневенькими и немножечко оттопырены вниз». «А почему не созрела?» «Срок не вышел. Запомни, Оленька: каждой травке, каждому цветочку должен быть свой срок, тогда он поможет вылечить болезнь». «Почему они могут лечить?» «Потому что рано встают и берут у солнышка самые первые, самые ласковые лучики, почти волшебные, и песни всех птичек слушают, и целебную росу в себя впитывают. И так каждый день. Копят соки, а потом нам отдают». «Ой, мама, бабочка полетела!» «Глупышка ты моя!» — Мать ласково прижимала ее к себе, от рук ее веет дурманящим запахом трав, у Оли кружится голова, ей хочется бегать, прыгать, хохотать, а в небе светит солнышко, летают бабочки, поют птицы, растут травы, и рядом самый умный на свете, самый ласковый и красивый, самый добрый человек — ее мама.

Потом порывисто подул зябкий ветер, черные тучи заслонили солнышко, и пошел крупный, косой град. Он больно сек по рукам, ногам, голове, Оля всхлинула, и мать, как наседка, спрянула ее под себя, своим телом заслонив от бьющих льдинок. Когда град прошел — так же внезапно, как и начался, — Оля посмотрела на мать и увидела на ее лице слезы, а на правом локте тонкую алую струйку крови. Она вскрикнула от ужаса, от жгучей жалости к матери и еще от чего-то, чего она и понять не могла. «Успокойся, доченька, мне совсем не больно. Град прошел, сейчас выглянет солнышко, и все будет хорошо». — Она улыбнулась, и действительно через несколько минут вновь по степи брызнуло лучами солнца, и все стало хорошо и радостно. «Смотри, мама, кузнечик!» — вновь звенел Олин голосок, и мать, ласково улыбаясь, любовалась ею. — А почему эта птичка так грустно кричит?» «Это чибис. Давно давно злой колдун украл у него птенца, и с тех пор

чибис плачет по нему». На миг Оле тоже хочется заплакать, но солнце искрится в мокрой траве, и в груди у нее часто-часто колотится и радостно замирает сердце.

...Заросшее густыми кустами сирени и акации сельское кладбище было обнесено высоким тесовым забором, вдоль которого по всей длине тянулась неглубокая яма.

— Чтoб скотина не шаркала, — пояснил Кузьма.

На белых струганых воротах в верхнем углу висело гипсовое распятие Христа, покрашенное серебряной краской. С крыльями вместо рук и облупившимся гипсом на ногах Христос походил на белую летучую мышь, неизвестно зачем залетающую сюда.

Кузьма торопливо перекрестился и отпер ворота. Они тихо скрипнули, спугнув с забора стаю воробьев, которые взмыли вверх и тут же упали куда-то в кресты, густо торчащие из кустов.

Они долго петляли по узким тропинкам меж деревянных крестов, железных оград, меж старых, заросших травой и бурьяном могил, пока не вышли на другой край кладбища, где темнели свежие холмики. Подошли к одному из них.

— Тут, — сказал Кузьма и отошел в сторону.

Березовый крест, на скорую руку сработанный Кузьмой, с криво прибитой двумя ржавыми гвоздями перекладиной, светился на солнце свежеструганной белизной, будто скелет гигантского человека, отполированный прозрачными степными ветрами. И фантастический скелет этот, словно восстав из земли и в возмущении воздвиг руки к небу, так и остался стоять, как крик, как укор этой буйной зелени, просторному небу и солнцу, огромному и ослепительному. У креста лежали засохшие мальвы и две кувшинки, свесившиеся длинными водянистыми стеблями к другому холмику, низенькому и аккуратному. Там была могила Саввы, мужа Прасковьи Тихоновны, отца Федора и Ольги. Толстый крест на ней был пониже и, окрашенный заботливыми руками Прасковьи в зеленый цвет, казалось, рос из земли, но так и не выдюжив соревнования в высоте с соседними березками, замер в обиженной позе, смилившийся со своей участью, простой и незаметный. Когда-то Прасковья Тихоновна обложила могилу дерном, но теперь дерн сросся с землей, и казалось, будто в этом месте так и было с самого начала жизни, как есть сейчас. Вдоль вершины холмика, на узкой полоске насыпанной земли росли цветы. Их тоже посадила Прасковья Тихоновна в начале этого лета, а за месяц до своей кончины щедро полила теплой озерной водой, с тоскливым предчувствием скорого свидания с мужем своим, Саввой. Цветы буйно росли и цвели сейчас какой-то кричащей яркостью.

Было тихо. Лишь изредка залетающий с полей ветер, запутавшись в березах, слегка шелестел листвою. Солнце припекало все сильнее. Становилось душно.

Они стояли у могилы в ряд, с непокрытыми головами и молчали. Ольга перестала плакать, и только часто моргала, и удивленно смотрела то на крест, то на свежий, еще не совсем высохший холмик, и ждала, что вот сейчас что-то случится, выяснится какое-то очень важное обстоятельство ее жизни, и тогда все станет на свои места, все будет понятно и определено. Федор стоял прямой и строгий, вытянув руки по швам, и тоже чего-то ждал. У него из-за плеча удивленно и испуганно выглядывал Борис и ладошкой прикрывал рот, будто боялся, что обронит слово или возглас и тогда произойдет что-то страшное. Виктор, заложив руки за спину, низко опустив голову, мелкими шажками ходил вдоль могил. Кузьма стоял в стороне и виновато переминялся с ноги на ногу, словно в том, что три дня назад

умерла Прасковья Тихоновна, а ее родные дети не приехали на похороны и вот сегодня рано утром он привел их сюда и видит сейчас, как стоят они у могилы своей матери и не знают, что делать, — есть и его вина. Он шмыгнул носом и повернулся к ним спиной. «Неспособно теперь в селе без Прасковьи, — подумал Кузьма и полез в карман за папиросами. — Вот взрастила детей, а они... охламоны!..» — разозлился он, чиркнул спичкой, прикурил и, глубоко затянувшись, успокоился.

— Прожила сколько? — Виктор остановился у большого креста, потрогал его рукой.

— Дай бог, как говорится, нам столько прожить, — сказал Федор и двинулся с места.

— Семьдесят два, — ответила Ольга и все ждала: вот сейчас наконец что-то произойдет, но произойти ничего не произошло, и она вся разом обмякла, опустилась на могилу и заголосила протяжно и звонко, с надрывными переливами.

Ее не успокаивали.

— Живым живое, живым живое... — твердил Федор, нагибался, брал комочки земли, растирал их в пальцах, превращая в пыль, и высыпал на могилу. Нещадно палило солнце. Потом ветер усилился, дохнуло чабрецом и полынью, из-за темнеющего вдаль леса вышли и поплыли по небу серые тучи. Земля иссыхала от зноя, а тучи бежали мимо, все дальше к горизонту, собираясь там в темные клубящиеся груды.

В степи свистели суслики, а над ними в замутненной голубизне с отчаянной радостью заливались трелями жаворонки. Летний день привычно плыл над полями, окончательно вступая в свои права.

4

Напряженная отчужденность возникла вокруг притихшего, пригорюнившегося всеми своими тремя подслеповатыми окнами Прасковьиного дома. Что-то недоброе затевалось в нем. И село это чувствовало. Неизвестно почему, но чувствовало.

«В горе не уединяются, не замыкаются, не делают тайн», — решили односельчане и молча обходили дом стороной, ничего хорошего не ожидая от приехавших, особенно от Федора, зная его жадность и вздорный характер. «Где это видано, чтобы на похороны родной матери не приехать!» — возмущались одни. «Всякое бывает...» — осторожничили другие. «Сейчас им тут делать нечего!» — горячились первые. — Дом займет Кузьма, это каждому ясно, потому как он вроде родного сына был Прасковье». «На прошлой неделе Прасковья при мне лично сказала, что избу обрекает Кузьме». «Я тоже слышала». «Так-то оно так...» — качали головами третьи. «Вот пойти к ним и спросить, что они там думают, что замышляют! Почему от людей прячутся?» — не унимались первые. «А может, они вообще ничего не думают и не замышляют, — сомневались вторые, — горюют себе, мать оплакивают, потому как хорошие люди, а мы с топором в открытую дверь...»

— Ну, хватит судить-рядить! — решительно пресек разгоревшиеся в обеденный перерыв споры Чернышев. — Надо звать к людям и поговорить. Может, нужда какая есть, помощь требуется, а мы...

Дети Прасковьи Тихоновны сидели за ее выдавшим видом, кособоки столбом и неторопливо собирались свершить последний обряд по матери.

— Пусть земля ей пухом будет, — поднимаясь из-за стола, сказал Федор и залпом выпил.

— Мир праху... — поспешно подхватил Виктор и, сведя глаза в стакан, медленно выцедил водку.

Ольга сидела рядом с Борисом, в углу, на лавке, подперев обеими руками подбородок, и отрешенно смотрела в окно. Все мысли ушли из головы, все чувства покинули сердце. Она смотрела в окно и ничего не видела, слышала голоса мужчин, но смысла разговора не понимала.

Когда несколько часов назад Ольга вернулась с кладбища и во второй раз за этот день переступила порог отчего дома, ей вдруг с пронзительной ясностью открылся страшный смысл происшедшего. Все стало понятно и определено. Она пыталась вспомнить лицо матери, но не могла, и вновь видела себя на цветущем лугу, маленькой девочкой, но уже без матери, и ее больно сек тяжелый, черный град, становилось жутко, что это никогда не кончится, потом все вокруг заполнялось непонятной, но страшной тоской. Ольга бежала по лугу, наталкиваясь на кресты и, выбираясь из их плена, возвращалась к какой-то затуманенной действительности, где опять были кресты, и ее вновь окутывала тоска, которая где-то внутри нее тягучим голосом шипела: «Мама умерла... умерла, умерла...»

На столе стояла бутылка водки, три граненых стакана, лежали буханка черного хлеба и несколько свежих огурцов, сорванных Борисом в палисаднике, прямо перед окнами избы. Виктор довольно крякал после выпитого и смачно хрустел зеленым пупырчатым огурцом.

— Выпей, Оля, — предложил Федор, — на поминках надо пить. Этот обряд народ не зря придумал. Водка тут — как лекарство. Для успокоения души.

Ольга не слышала брата и даже не обернулась на звук его голоса.

— Как хочешь, — сказал Федор, — дело хозяйское, а живым живое, — и вновь потянулся к бутылке.

— Так я вот... как раз о живом... — заговорил Виктор. — Объявление о продаже надо повесить или как?..

Федор смолчал. Налил в стакан водку, выпил, посыпал солью ломоть хлеба, откусил и медленно разжевал.

— Ну какое тебе дело до всего до этого?! — чуть повысив голос, сказал он. — Чего ты к чужому добру примазываешься?

— Это как же к чужому! — возмутился Виктор. — У меня оформлен законный брак с Ольгой. Живем мы не где-нибудь за границей, а в нашей Советской стране. Есть законы...

— Законы, законы!.. — перебил его Федор. — Законник мне выискался! А я не дам денег за дом, вот и все! И катись ты со своими законами!..

— Дам — не дам... Разговор какой-то не мужской затеял. — Виктор ухмыльнулся и, сощурясь, посмотрел на Федора. — А тут раздел имущества. Три части мне, одна тебе — и баста!

— Ха-а-а! — нервно оскалился Федор. — А если Ольга, сестрица моя, вот здесь, сегодня утром, официально заявила, что отказывается от своей доли?

— А Кузьма тебе никаких заявлений не делал? Ни от чего не отказывался? Нет? — насмешливо бросил Виктор. — Или еще какой-нибудь пришей-пристебай? Еще какой прохвост? А? Дурачков ищешь?

— Погоди, Витя, погоди, не горячись, — успокаивая самого себя, тихо сказал Федор. — Давай поговорим серьезно. Дом содержал я. — Он погладил Виктора по плечу. — Деньги на ремонт посылал я. Недавно вот крышу новую за мои деньги справил. А в селе знаешь как? Во-о-о-о... Тому рубль, тому магарыч. Без калыма сейчас, сам знаешь, шагу не сделаешь. Тот же Кузьма, думаешь, святой?.. Он махнул рукой, словно отбиваясь от назойливой мухи, и продолжал: — Но при чем же здесь ты? Ты сам подумай, разве это справедливо — забирать

три части? Почему я должен отдать тебе три части? Ну скажи, Витя, почему? — Голос его стал заискивающим и умоляющим.

— Федор Саввич, я-то ведь тоже ни при чем. Закон-то, он есть закон. Нашей Советской властью написан. И с какой стати я буду нарушать его? Я не привык... Я хоть и торговый работник, но не калымщик, как некоторые, мне чужого не надо, мне мое отдай. Я порядок люблю.

— Оля, скажи же ты своему... — Он хотел добавить обидное слово, но подумал, что это излишне обозлит Виктора, испортит все дело, и только крикнул: — Что ты сама вот тут уторм!..

— Не ори! — огрызнулся Виктор. — Хозяин я, а не она! Я решаю!

— Папа! Дядя Федя! Перестаньте! — дрожащим голосом заговорил молчавший до сих пор Борис. — Ведь стыдно же, стыдно!..

— Не лезь не в свое дело! — спокойно, но твердо сказал отец.

— Что ж ты молчишь, Ольга! — крикнул Федор. — Скажи же ты этому жмоту, что отказываешься!..

— Кто жмот? — хриплым голосом спросил Виктор и, сжимая кулаки, поднялся со стула...

— Папа! Дядя Федя! Я прошу вас... — Голос Бориса сорвался. — Вы же люди! Живые люди! Как можно...

— Молчать! — цыкнул отец.

— Огурцы вы давеча ели, — вдруг тихо сказала Ольга. — А они как живые хрустят. Их мама своими рученьками вырастила... сажала, поливала... Она отвернулась к окну и опять замерла в неподвижной позе.

Виктор разжал кулаки и сел. Борис всхлипнул, вытер рукавом слезы и удивленно посмотрел на мать.

— Вы бы хоть Кузю на поминки позвали, — не поворачиваясь от окна, сказала Ольга. — Нехорошо так...

— Действительно! — с готовностью подхватил Федор, встал из-за стола, суетливо метнулся по горнице. — Вот сукины сыны! Как же мы маху дали? Действительно... Эх, ты!..

— Сходи, сынок, — тихо попросил Виктор и, ухмыляясь, полез в карман за сигаретами. — Сходи, он к стати тут будет. Кузьма утром рассказывал что-то о том, кто помогал Прасковье Тихоновне дом содержать и другие интересные подробности. Сходи.

...Кузьма вошел в избу, молча прошел по комнате и также молча поставил на стол бутылку водки. Потом сел, опустил тяжелые жилистые руки на колени и тут же всплеснул ими.

— Тяжелый ноне год образовался! Сверлит солнце жаром всю живность, спасу нет. С самого мая влагой не побрызгало. Опять же смертность возросла. Надысь в Петровке дед окачурился. Шустрый был дедок, а против смерти не устоял...

— Ты выпей, — перебил его Виктор и придвинул стакан.

— Вот я и гутарю, — продолжал Кузьма, принимая водку, — еще жить да жить бы Прасковье Тихоновне, а теперь что ж... теперь царство ей небесное и прочие печальности... потому как покойница...

— Ты вот что... — сказал Виктор и замолчал. Побарабанил по столу пальцами и устремил на Кузьму продолжительный взгляд. — Сколько по местным ценам дом этот стоит?

Тот отставил стакан в сторону и опять положил руки на колени.

— Случаев продажи изб у нас, считай, не было, — откровенно сказал Кузьма. — Все так как-то... По городам народ растекается, по другим селам замуж

шастают — если баба, конечно... так что затрудняюсь ответить.

— Приблизительно хотя бы? — раздраженно спросил Федор.

— У нас жизнь, она какая? Дом, корова, вот и все главные козыри. Один другого покрывает, масть на масть.

— А корова сколько стоит? — пододвинулся к нему Федор и даже будто бы подобрел.

— Сот шесть, — коротко бросил Кузьма и весь как-то сжался, словно вынул из кармана эти шесть сот и ни за что ни про что шваркнул их под ноги этому хлюсту.

— Вот это строение, с окнами, с дверью, с крышей, побеленное, покрашенное — и всего шесть сот? — медленно протянул Виктор, сглотнул слюну и выпучил глаза.

В избе наступила настороженная тишина. Федор дрожащими руками взял бутылку, принесенную Кузьмой, и зубами резко сорвал с нее пробку.

— Корова у меня цимменталка, двадцать литров дает, так что шестьсот свободно могут... — Кузьма искал нужное слово, но оно не приходило, и он, смущенный и униженный, будто просил милостыню, прижимал руки к груди, неловко топтал толстые, в темных трещинах пальцы и часто моргал короткими рыжими ресницами. — Свободно могут...

Федор вскочил из-за стола, схватившись за голову, зашагал по комнате.

— А я, дурак, сразу не раскусил этого молодца! Ха! — Он хлопнул себя по бедрам и развел руки в стороны. — Так вот оно что! Мне все ясно.

— Ну и мудрец! — Виктор с наигранным восхищением покачал головой и погрозил Кузьме пальцем. — Может, скажешь, что и все вещи, которые здесь есть, тоже в эту цену входят? В придачу, да?

— Ты только посмотри на этого бонапарта! Нет, ты постой, Витя, постой! — изображая на лице веселое удивление, говорил Федор, обнимая Виктора за плечи. — Почти новый дом, с абсолютно новой крышей и... шестьсот рублей! Да ты что? Спящий, милейший! Ну и бонапт!

— Федор Саввич... — Кузьма встал, несмело шагнул к Федору.

— Ты думаешь, — перебил его Виктор и подмигнул Федору, — ни в чем не разбираемся?! Цен не знаем! В вопросе цен мы собаку съели.

— Дурачки прикатили! — возмущился Федор. — Их можно, как липку, ободрать! Семьсот километров ехал сюда за его паршивыми шестьюстами. Может, они у тебя золотые?

— Они, мол, и от этого возрадуются! — вставил Виктор и засмеялся. — Нет, дружок, не на тех наварался! — добавил он и гордо потянул подбородком. — Мы тоже с Федей не лыком шиты!

— Граждане, товарищи! Федор Саввич! — завопал Кузьма. — Да не хочу я от вас никаких поблажек! Я думал как лучше. И мне и вам. Не субдینیрует плата, зачем расстраиваться? Продавайте дом другому. Только я что хочу? Нет этого другого, кроме меня, и вряд ли будет. Ведь хата моя очень даже может осесть, если трещина в стенке образовалась и угол скособоился, а через крышу вода моросит. Вот я и думаю... Корову, конечно, жалко, спору нет; без нее, кормилицы, Лазаря, возможно, заголосим, особенно младшие мои. Но и если дом осадет?.. Жена, детишки, скarb там всякий... А шестьсот — очень даже хорошая цена. Это я точно гутарю. Каждый может подтвердить.

— Хватит паясничать! — крикнул Федор и грозно подступил к Кузьме. — Хватит! Обчество приплел! «Кто гвоздь, кто доску»... — передразнил, он, вспоминая утренний разговор. — Вот оно ради чего сказки

рассказывал! — резко сказал Федор, адресуя слова Виктору. Вот, мол, смотри, все же я содержал дом. У него даже стало чуть веселее на душе, потому что опасный свидетель в деле его мнимой помщи матери, казалось, был окончательно разоблачен.

— Боря, иди сюда! — отходя от спорящих, властно приказал Виктор. — Бери бумагу, ручку, пиши... Пиши: «Продается...»

Открылась дверь, и в комнату тихо вошли Чернышев, за ним Яков Иванович и следом, робея и озираясь, Антонида. Виктор умолк и жестом остановил сына: «Погоди!»

— Мир дому сему! — сказал Чернышев, медленно стягивая с головы фуражку.

Ему никто не ответил. Федор сел, тут же встал, шаркнул ногами по горнице и опять сел.

— Али гостям не рады? — спросил Яков Иванович и сам удивился: почему это и вправду они не рады гостям и зачем он об этом спрашивает, когда и так все видно.

— Что вы, что вы, гости дорогие! — спорхнул с лавки Виктор и заулыбался. — Проходите к столу, милости прошу, чем богаты, как говорится, тем и рады! Прасковью Тихоновну... маму помянем. — Он на миг умолк и, пригорюнившись, продолжал: — Спешили, торопились и вот... не успели... Уходят старики, покидают нас... Очень я уважал Прасковью Тихоновну, что мать родную...

— Садитесь за стол, Яков Иванович, тетя Тоня, Андрей Пантелеич, — вытирая слезы, метнулась к ним Ольга. — Спасибо, что зашли...

— Как живете? — басом спросил Чернышев. — Ты по-прежнему слесаришь, Федор?

— А куда денешься... — неопределенно ответил тот.

— Это да... — так же неопределенно сказал Чернышев и повернулся к Виктору. — А у вас как дела, Виктор...

— Александрович, — улыбаясь, подсказал тот.

— Вот я и говорю, Виктор Александрович...

— Живем не тужим, — сказал Виктор и потер руки. — Оля штукатуром на строительстве, я в торговле мажусь... Трудное это и вредное занятие, скажу я вам, мясом население снабжать. Я уж не говорю, что каверзное. За день намахаться топором... спяны разогнуть некогда, ночью как убитый спишь, а поутру все заново...

— Заработки-то как? — осторожно спросил Яков Иванович.

— Не скалымишь — не проживешь, — хмуро бросил Федор.

— Ну, почему это, Федя, у тебя вся жизнь только к калыму сводится?! — расплывшись в улыбке, зашебетал Виктор. — Какой калым в нашей советской действительности? ОБХСС кругом, общественность... и вообще... Неужели честные люди перевелись! Нет, ты не теми глазами смотришь на жизнь.

Федор зло и пристально посмотрел на Виктора, презрительно ухмыльнулся, но ничего не сказал.

— Честно трудимся, честно живем, — продолжил Виктор. — Бывает и труднозато с деньгами, но концы с концами сводим...

— Помолчи, Виктор! — резко перебила его Ольга. — Проходите, Андрей Пантелеич...

— Ты не хлопочи, не хлопочи, Олюшка, — погладил ее по плечу Чернышев. — Подходя к дому, мы слышали громкий разговор. Никак, спорили?

Ольга рывком ткнулась ему в грудь лицом и заплакала.

— Образумьте хоть вы их, Андрей Пантелеич.

— Это почему же нас чужие люди должны враждовать? — резко поднялся Федор. — Кому какое дело до нашего добра?

— Погоди, Федя, не горячись, — встал рядом с ним Виктор. — Люди серьезные пришли, односельчане твои, рассудят по справедливости, по закону.

— Вы толком объясните, что тут происходит? — строго спросил Чернышев.

— Вот я и гутарю! — петушком вскочил осмелевший Кузьма. — Не субдинирует плата — не надо! Другому продавай. И нечего меня зазря обзывать! Бонапарт... Сам ты бонапарт! А у меня дети, семья. Я если решился расстаться с коровой, то потому что боюсь — осядет моя хата. Ему, видишь ли, денег мало. Так попробуй другого купца найди!

— Никак тут торг идет? — остановил его Чернышев. — Ну, Кузьма Николаевич, продолжай. Очень интересно послушать, кто у кого что выторговал.

— Ухари удалые нашлись! Коровы им за избу мало! — уже тише добавил Кузьма, надел картуз на голову и прихлопнул его сверху ладонью.

— Кузя, неужто Буренку хочешь со двора свести? — всплеснув руками, охнула Антонида. — Чем своих кормить-то будешь?

— Кормить, кормить... а если трещина образовалась...

— Значит, за избу Прасковью Тихоновну Федор Саввич корову требует? Так я вас понял? — спросил Чернышев.

— Какого черта вы прилипли ко мне со своей коровой! — зло выкрикнул Федор. — Дурачков ищете! Меньше, чем за три тысячи, я дом не продам! Хоть вверх ногами становитесь! Я хозяин!

— Правильно, Федя, — поддержал его Виктор.

— Значит, три тысячи с Кузьмы хочешь взять? — переспросил Чернышев.

Ему никто не ответил. Кузьма шмыгал носом и не знал, что ему делать со своим выдавшим виды картузом. Он то снимал его, мям в руках, то опять надевал на голову, то вновь снимал и принимался мямля. Ольга дрожала всем телом и прижимала к груди мокрую от слез черную штапельную косынку. Федор торопливо чиркал спичками по коробку, но спички ломались, он отбрасывал их в сторону, и они с легким стуком падали на пол. За окном пронзительно засвистел скворец, потом вдруг оборвал свист на самой высокой ноте и зашебетал что-то непонятное и приглушенное.

— Где же я такую прорву денег изымею! — задиристо сказал Кузьма и даже как-то подпрыгнул, не то от страха, не то от удивления.

— Чего тогда в чужие сани прешь? — ласковым голосом сказал Виктор и развел руки в стороны. — Чего? Я вот, например, «Волгу» хотел бы купить, а денег нет, я и не рыпаюсь.

— Папа! Кузьма Николаевич помогал нашей бабушке...

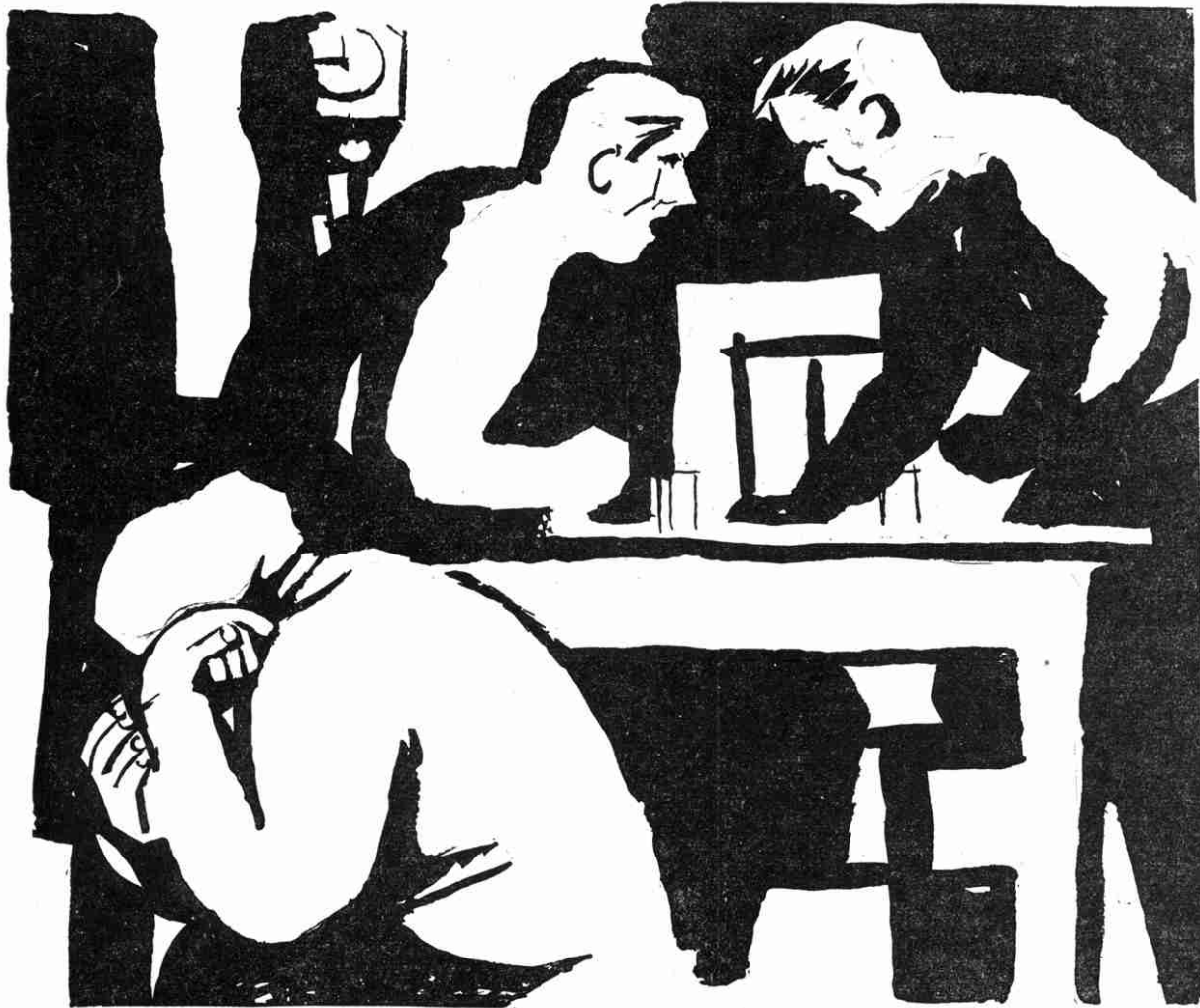
— Не вступай в разговоры взрослых, — все тем же елейным голосом остановил его отец, — уши нараву в другой раз.

— Три тысячи — это только по доброте моей душевной... — Федор наконец зажег спичку и прикурив. — Совсем же новый дом! Крыша, кирпич, потолок, рамы... Хоть на слом, хоть для жилья. В городе он бы, к примеру, семь тысяч стоил, а если в центре, то и все десять...

— Извиняйте. — Кузьма боязливо шмыгнул к двери и боком выскользнул на улицу.

Скандалов он не любил и немного побаивался их. Надо что-то говорить, за кого-то вступаться, не стоять же столбом неприкаянным. А что говорить? Цену за дом, которую назвал Федор, он не мог даже представить себе. Цифра показалась ему фантастической, не умещалась в его голове.

Не хотел он первым да еще сегодня — когда у

людей свежо горе и им не до хозяйских хлопот — заводить разговор о покупке дома. Но вышло так, что его с первых же слов втянули в это дело. И волей-неволей пришлось сказать о своем намерении купить дом. Выйдя из Прасковьиной избы, Кузьма мучился, чувствовал себя виновато и нехорошо, будто совершил подлый поступок. До слез было жаль Буренки, но и жить в старом доме становилось опасно. Он понимал все это и не знал, огорчаться тому, что купля не состоялась, или радоваться, что Буренка и завтра и послезавтра придет на свой двор и по утрам по-прежнему будет слышен упругий звон молочных струй о подойник и будет пахнуть парным молоком. В том, что дороже шестисот рублей за дом Прасковьи Тихоновны никто не даст, Кузьма был уверен. Кому, как не ему, в мельчайших подробностях знать эту избу. Он ее крыл, штукатурил, менял старые, сгнившие рамы, помогал перекладывать печь, знал о том, что раму на среднем окне через месяц-другой надо менять, и он, конечно, сменил бы ее, будь жива Прасковья Тихоновна. Сменил бы просто так, по доброте своей душевной, из сострадания к одинокой, старой женщине, и зарделся бы краской стыда, если она, тоже из доброты, предложила бы ему деньги.

«С Буренкой все-таки придется расстаться,— подумал он, подходя к своему дому и видя его ско-

собочившийся правый угол.— Не найдут иного купца на Прасковьино строение».

— Да что же это за хамство такое происходит!— вспыхнула Антонида, когда Кузьма вышел.— Грабить приехали?! Без Кузьмы этот дом давно бы развалился! А где ты, Федор, был все эти восемь лет, когда Прасковья Тихоновна, престарелая женщина, век свой одна доживала? Где ты был, когда этот Кузя, совершенно чужой ей человек, отрывал от своих детей последний кусок хлеба, чтобы поделиться им с твоей матерью? Где ты был, когда мы всем селом оплакивали ее? Где твоя совесть, Федор? Ведь ты же на этой земле родился!

По лицу Антониды катились слезы, она не вытирала их и, бурно жестикулируя, приближалась к Федору. Тот налившимися кровью глазами исподлобья смотрел на нее и не двигался с места. Ольга, совсем обессиленная и безвольная, обняв сына, громко плакала.

— Ты чего раскричалась тут, тетенька?!— Виктор сверкнул глазами и встал между ней и Федором.

— Я тебе не тетенька, а Антонида Селиверстовна!— рубанула перед его носом крепким жилистым кулаком Антонида.— Вы зачем сюда приехали? Дом продавать? Как вам не стыдно! На какую халупу раззарились!

— Дом мой! Я наследник! — тяжело сказал Федор, перекатывая крутые желваки. — Нечего мне здесь нравочения читать! Из школьного возраста давно вышел.

— Когда школьником был, от материной юбки на шаг боялся отойти, а как подрос — так и мать не нужна стала! На дом глаз загорелся! Нет, дружок, не выйдет! Не выйдет! — грозно сказала Антонида и притопнула ногой. — Собирай-ка, Федор Саввич, — уже тише добавила она, — свои пожитки и уматывай отсюда. А то ведь мы можем взять за шиворот и выбросить вон, как кота шелудивого!

— Да не связывайся ты с ним, Антонида! — сказал Чернышев и презрительно сплюнул. — Вызовем экспертизу, оценим дом, соберем по рублю, по десятке со всей артели, и пусть он давится нашими деньгами!

— Это почему же я хамство должна терпеть?! — вновь возмутилась Антонида. — Мне денег не жалко. Но зачем мы хамье будем поощрять? Они же окончательно распашутся!

— А я вот в суд на тебя, тетка, за оскорбление личности! — вкрадчиво сказал Виктор и зачем-то отвесил широкий поклон в сторону Антониды.

— Вон из моего дома! — взревел Федор, топая ногами и потрясая кулаками. — И чтоб духу здесь вашего не было! Мой дом! Мой! Мой!

— Пошли! — коротко бросил Яков Иванович. — Мы на общем собрании этот вопрос поставим. И все молча вышли.

Федор шаркнул к двери, рванул за ручку, будто для того, чтобы плотнее закрыть, но ручка оторвалась, и он, еле удержавшись на ногах, матерно выругался, подскочил к столу, погрозил кулаком, вслед удаляющимся односельчанам и, тяжело сопя, сел на лавку.

— Правильно, Федя! Так их! — Виктор подошел к нему и похлопал по плечу. — Боря, иди сюда! — опять позвал он сына. — Бери бумагу, пиши! Пиши... «Продается дом, новая крыша...» Напишешь десять штук... и на каждый столб!

— Я не буду писать! — решительно сказал Борис.

— Это как так — не буду? — удивленно переспросил отец, привычным движением щупая брючный ремень.

— Не буду! — сорвавшимся голосом крикнул Борис и встал, решительный и напружинившийся. — Потому что это позорно! Потому что это подло! Это невыносимо подло! Люди так не поступают! Это... — Цыц! — заорал отец, расстегивая ремень.

— Можешь убить меня! Зачем мне жизнь рядом с таким... Послушайте, что о вас народ говорит! — Слезы заливали ему лицо, но он не замечал их и звонким, срывающимся голосом выкрикивал: — Это подло, подло!..

— А ну встань, сопляк! — снимая ремень, командовал отец.

— Не тронь сына! — каменным голосом сказала Ольга и поднялась. — Из-за своих паршивых денег ты нам всю жизнь перегадил. Ты меня с родной матерью разлучил! А теперь на ее могиле торг затеял! Хватит!

— Оля, успокойся! Успокойся, Оля! — скороговоркой зачастил Федор. — Дом продать нужно. Ты не слушай этих моралистов. Каждый из них свое хочет урвать. Дом наш. Только зачем Виктор три части требует? Это несправедливо. Вот про это ты и скажи ему. Как супруга. Скажи. Исправь его.

— Вы оба как голодные крысы в одной банке. Из-за копейки готовы друг другу горло перегрызть. Стыдно же, Федя. Мама наша умерла... — Она в отчаянии качнула головой и села. — Да на что мне те-

перь деньги?! Матери-то не купишь! Вины-то перед ней не загладишь...

— Ты слышал! Ты все слышал?! — бойко наскочил на Виктора Федор. — Она отказывается! Борис тоже против тебя. Какое теперь имеешь право ты? Кто ты ей? Зять? Так про зятьев закона нет! А я сын! Прямой наследник!

— Хозяин я! — твердо повторил Виктор, пытаясь улыбнуться. Улыбка вышла кривой. — А бредни всяких психопатов к делу не подошьешь! Так что три части выложишь, как миленький!

— Мне и подшивать ничего не надо. — Голос Федора дрогнул, левая щека конвульсивно дернулась. — Я денег тебе не дам! И из комнаты этой выгоню, как тех прохвостов!

Виктор вскинул брови, сел, тут же встал, постучал себя по карманам, отыскивая курево, но в карман не полез, скривил лицо, прилепил к губам неестественную улыбку и елеинным голосом, тихо спросил:

— Это кого же ты вон выгонишь?

— Тебя! — рявкнул, багровея, Федор. — Как проходима и вымогателя!

— Повтори, что ты сказал? — Виктор сжал кулаки и двинулся к Федору.

— Мама, они драться будут! — тихо сказал Борис и зачем-то закрыл пальцами уши.

— Повтори!

— И повторю!

— Виктор, Федор, что ж вы делаете?! — Ольга мотала растрепанной головой, но слез, чтобы заплакать, уже не было, и она только мучительно морщила лицо.

— Три части, подлец, захотел! — Федор играл желваками и боком двигался к Виктору. — На чужое добро раззарился! Убью! — вдруг истошно закричал он и, дрожа, вцепился в грудь Виктору.

Они упали на пол, свились в клубок, скрипя зубами и ругаясь. У Виктора лопнула рубашка на спине, и Федор вспотевшей волосатой рукой цеплял его за голое тело, пытаясь опрокинуть на бок, но рука скользила, оставляя на теле широкие красные полосы. Виктор вцепился в волосы Федора, рывками тянул его голову книзу, изловчаясь ударить об пол. Мать и сын, вскочив на ноги, будто ослепленные и молча, расширенными от ужаса глазами смотрели на барахтающиеся внизу тела. Из носа у Федора текла кровь и маленьким ручейком капала на щеку Виктору. Он не обращал на это внимания, осыпал его тушами и рвал волосы.

— Убью, гад! Задушу! Вот тебе деньги! Мой дом, мой!

— Помогите! — истошно крикнула Ольга и всем телом бросилась на свившихся внизу мужчин.

На дворе смеркалось. Ветер затих, так и не пригнав дождя, дневная жара спадала. По высокому, чистому небу плыли реденькие облака. Кровавым багрянцем горел закат, предвещая опять знойный и ветреный день.

В изодранной, окровавленной рубашке, с чемоданом в руке по степи в сторону Петровки торопливо шагал Федор. Левый подбитый глаз его болел и медленно заплывал синей, с фиолетовым отливом опухолью. Мыслей или желаний в голове у него не было. Они все ушли, уступив место злобе, огромной, непреодолимой и такой яркой, что хоть кусай самого себя. Деньги... его кровные деньги, по всем расчетам принадлежавшие только ему, за которыми он ехал сюда семьсот километров, потратившись на дорогу, но все-таки надеясь их получить, деньги, которые он уже мысленно видел, ощущал их приятный шелест, пытаются отнять у не-

го! Он не помнил, как бросился в драку с Виктором, как разняли их Борис и Ольга и как он, ругаясь и грозя перебить всех, схватив чемодан, выбежал на улицу. Почему выбрал дорогу на Петровку, тоже не знал. Вначале мелькнула мысль уйти на станцию, сесть в поезд и уехать, но ее тут же задавило что-то огромное, непреодолимое: «А как же дом? Мой дом? Оставить этому проходивцу? Ни за что на свете!»

Степь была тиха и спокойна. Федор шел напрямик по травостой, приседая на левую ногу, ушибленную в драке. Пожухлая от зноя трава шуршала, стегала сухими стеблями и дымилась пылью, словно горела под ногами. Впереди Федора, по бокам и сзади, будто дразня его, пронзительно стрекотали кузнечики. Он ничего не слышал, не видел. Надо было принять какое-то решение, и он исподволь чувствовал это, потому что иначе можно потерять деньги, но сосредоточиться на принятии решения не мог — мешала переполнившая все клетки клокоущая злоба. «Почему я должен уходить из своего дома?» — вдруг пронзило его. Он остановился, сжимая кулаки, скрипнул зубами и побледневшими губами зашептал: «Убью гада!» На мгновение в памяти мелькнули Кузьма, ненавистная Антонида, Чернышев, и Федор был готов убить и их, не отдавая даже себе отчета, почему и за что.

На полпути к Петровке он сел, открыл чемодан и достал новую рубашку. В горячке хотел выбросить окровавленную и изодранную, старую, но передумал и бросил ее в чемодан. Встал, пошел, но, пройдя метров пять, остановился и подумал: «Чего я не видел в Петровке? Зачем иду?» Опять сел, рванул клочок травы вместе с землей, поднес к носу и резко отбросил в сторону. Потом подмиостил под голову чемодан и улегся лицом вверх, сверля небо озлобленными глазами.

Справа от Федора, почти под ухом, осторожно тренькал кузнечик, наверно, молодой и неопытный, вдали поспешно кричал перепел, в темнеющей голубизне неба проступали звезды. В Петровке раскатисто, как оркестровая труба, ржал жеребец молодым, сильным голосом, и, будто соревнуясь с ним, на ближнем конце села протяжно и тонко замычала корова. «Подобру-поздорову... — зло подумал Федор, вскочил, будто подброшенный пружиной. — Общим собранием решат, мерзавцы! Я вам решу!»

Звуки стихали, плотнее подступала темнота, и рой звезд, переспелыми яблоками высветившись на самом дне неба, приблизился к земле.

5

Федор бегом возвратился в село. Крадучись, как вор, пробрался гумнами к своему дому и, прислушиваясь, замер под окном. В избе было темно и тихо. «Спят», — злорадно подумал он, поспешно двигаясь вдоль стены. Луна еще не взошла, и ночь была беспросветно темна. У сарая тихо взвизгнул Мушкет и еле слышно заскулил. «Что б ты сдох!» — Федор замер и перевел дух. Где-то недалеко, на противоположной стороне улицы, тявкнула собака, наверно, спросонья, и вновь все стихло. Он прошел еще несколько шагов и нащупал дверь. Слегка толкнув, убедился, что на щеколду она не заперта. «Не боишься, гад!.. Я вам всем покажу «подобру-поздорову!» Входить в сени было страшно. Федор потоптался на месте и в другой раз осторожно попробовал дверь. Та открылась легко, без скрипа. Он достал платочек, вытер вспотевшие руки. Совсем рядом, во дворе у Кузьмы, звонко закри-

чал петух. Федор вздрогнул и отступил назад. Из дома напротив закукарекал другой, ему откликнулся третий, четвертый. Федор втянул голову в плечи и присел. Колени его дрожали, по спине текли липкие струйки пота. В избе кто-то тяжело вздохнул, и он подумал, что это, наверно, Ольга, прислушался, но звуки не повторились, и только неизвестно где монотонно и старательно тенькал сверчок. За селом, в стороне кладбища, с неба круто свалилась звезда, отблеском далекой молнии подсветила небо-склон и пропала в вязкой темноте ночи.

Петухи умолкли. Федор осторожно прокрался в сени. Сверчок тенькал где-то тут, в дальнем правом углу, где висели снопы укропа и пучки рыжих, высушенных трав. То, что они висели именно там, он помнил. Касаясь кончиками пальцев стены, нащупал дверь. Она была прикрыта. «Пальтишком моим обита», — будто кто-то другой, а не он равнодушно отметил это. Пучки висели так, как висели вчера вечером, — на нитках и тряпицах, свешиваясь по стене. Федор рукавом вытер пот и начал торопливо, на ощупь срывать сухие, хрустящие снопики. На дворе опять заскулил Мушкет. Федор присел и выпустил охапку трав на пол. Потом быстро поднялся, спеша, и уже не таясь, стал рассовывать пучки под стрехи. «Я тебе, гад, покажу три части!» — было подумал Федор, но тут же забыл об этом, еще более разозлившись. Пучки осыпались и с хрустом ложились под стрехи.

Федор сразу достал спичек десять и туго чиркнул ими по коробку. Сухая трава вспыхнула, как порох, высветив все сени с убогой, покосившейся дверью, дырявое, погнутое ведро в углу, торчащие из-за стрехи поломанные грабли с блестящей, отполированной ладонями ручкой и фигуру Федора, согнутую и зловещую. Змея огня, ярко треща, въедалась в иссохшие стрехи, перекладыны, крышу, ползла все дальше, расширяясь и усиливаясь в своей дьявольской пляске. Федор прыгнул к дверям, выскочил на улицу, зыркнул по сторонам и, не оглядываясь, напрямик через огороды побежал к железнодорожной станции.

Во дворе, собрав последние силы, протяжно и то-скливо взвыл Мушкет.

Порыв ветра пронес по селу пряный запах свежескошенного сена; вдали, в темном провале полей, натужно гудели тракторы, разрезали ночь острыми лучами фар; за седьмой делянкой, у самого горизонта, осторожно, без грома, чиркала сухая молния. Из репродуктора среди улицы тихими, плавными аккордами струилась музыка, и казалось, что звуки не хотят лететь дальше околицы, покидать село, а мягко ложатся на крыши уснувших домов, опускаются в траву и замирают там, то ли не решаясь мешать гулу работающих машин, то ли боясь разбудить уставших людей. В окнах домов то там, то тут гас свет. Село, погружаясь в сон, будто удалялось в пространство, походя на лайнер, уплывающий в густую темь. Около дома Антониды послышался звонкий девичий смех, его заглушил частый перебор баяна, потом инструмент будто взорвался звуками, и в его клекотание вклинился отчаянно звонкий голос:

С неба звездочка упала,
На земле растаяла.
Целоваться не умела,
Но любовь заставила.

Голосом чуть ниже, грудным и чистым, отчетливо отчеканили:

Раньше девок угощали
Сладкими конфетами,
А теперь их угощают
Только сигаретами.

Послышался дробный топот ног по земле, баян замурлыкал, как кот, но теперь уже его подстегнул задорный голос:

Восемь елок, восемь елок,
Восемь елочек подряд...
А теперь такая мода —
Девки сватают ребят!

...Дом Прасковьи Тихоновны пыхнул в ночь, как факел, щедро смоченный бензином. Языки пламени плеснулись вверх, треща и извиваясь, рассекли темень пучками шипящих искр. Правый угол дома, там, где сени, скрипя рухнул, пламя присело, а потом рванулось ввысь, осветив полсела, и загудело, дрожа и сливаясь в один огромный, во весь дом, трепещущий язык. На крыше что-то лопнуло, дохнуло черным дымом, и тут же из-под карниза вытекло ослепительно белое пламя, поползло по стене, потом взметнулось вверх и слилось с бушующим языком. В доме напротив зло и отрывисто залаяла собака, ее поддержала другая, дворов через пять, около Чернышева, во все горло загоготали гуси, и чей-то истошный голос, как кнутом, хлестнул по селу.

— Прасковья горит!

Село закопошилось и, продирая сонные глаза, гремя ведрами, устремилось к горячей избе. Спотыкаясь, падая, ругаясь и вновь вставая, люди спешили в крошечной тьме к огромному, под самое небо костру, пылающему на краю села.

— Бахтин! На мотоцикл и за пожаркой!.. — командовал Яков Иванович. — Сам заводи и мигом!..

— А вода-то в ней есть? — охнул чей-то голос.

— Миша! Ларин! — звал Чернышев. — Беги, сынок, во вторую бригаду, проси подмоги! Трактор пусть дадут!

— Я на велике, я сейчас! Они в ночном?

— На седьмой делянке.

— Стол, стол выносите!

— Уйди, придавит!

— Федор где? — тревожно кричали в толпе.

— Где Федор? — трясла плачущую Ольгу взволнованная Антонида. — Он вышел из дома?

Ольга мотала головой и не могла говорить.

— Мужики! Федор в доме!.. — сорвавшимся голосом вскрикнула Антонида и закрылась руками.

Стоявший рядом Кузьма схватил багор и ринулся к дому.

— Куда ты, дурья башка! — остановил его за плечо Яков Иванович.

— Человек пропадает! — неестественным голосом прохрипел Кузьма и попытался вырваться.

— Он ушел, — каменным голосом и громко, как на многолюдном митинге, сказал Борис. — Давно ушел. Подрался и ушел. Вот с ним подрался. — Он ткнул пальцем в сторону отца. — Из-за дома...

— Как подрался?! — подступил к нему Чернышев. — Ты что мелешь, малец?

— Они деньги за дом не поделили.

— Это Федор поджег! Он поджег! Он, он!.. — выкрикивал Виктор, испуганно озираясь.

— Под землей найдем! — тяжело сказал Чернышев и рукой отстранил Виктора в сторону.

Пожар бушевал полночи. Вконец обессиленные односельчане металась вокруг пылающего дома, лили воду и откатывались назад, обжигаемые огненно гудящим пламенем. Приехала пожарная машина. Быстро развернули рукава, и тугая струя из брандспойта гулко врезалась в пламя.

— Сушь-то какая! Не дай бог, ветер подует. Как порох, все село, дом за домом, пыхнет! — стонали бабы.

— Сбивай пламя справа! На Кузю перекинется! Да справа же, так вашу мать! Землей приваливай! — кричали мужики.

— Поливай из пожарки соседние дома! — распорядился Чернышев. — Этот уже не спасешь...

Виктор бегал от одного человека к другому, что-то доказывал, ругался, кричал и, вконец издерганный, подошел к жене и зарыдал, как обиженный ребенок.

— Дом ведь сгорел. Федор поджег. Некому больше такую пакость сотворить, лучше бы на двоих разделили.

Кузьма, с багром наперевес, с опаленным лицом и обгоревшими руками, неистово бегал от одной объятый пламенем стены к другой, тщетно пытаясь отбить у огня хоть малую толику того, что было несколько часов назад исправным домом.

На заре хлынул дождь. Ядреный, сильный, он поливал недогоревшие головешки косыми струями, и те шипели, извивались, коптя дымом и исходя густым бурным паром. Черная, обгоревшая печь — все, что осталось от дома, — взметнулась в небо оплавленной, полусгоревшей трубой и будто кричала от обиды, неизвестно кому жалуясь.

Подставив лицо дождю, у угла своего дома стоял Кузьма, устало уронив руки вдоль тела. Дождь сек ему голову, грудь, плечи, ручейками катился по лицу, заливал глаза, стекал по подбородку, лил за ворот, рубашка и брюки были измочены до последней нитки и липли к телу, а он все стоял, неподвижный и сосредоточенный, будто решал что-то неотложное и трудное. Над селом огненными щупальцами спрута блеснула молния, высветив всю улицу от конца до конца, и тут же грохочущий удар грома примял шелест дождя, и беленькие избы села будто сгрудились от испуга в кучу, прижались к земле и вмиг пропали, поглощенные наступившей темнотой. На дворе замычала корова, и Кузьма подумал, что надо бы пойти успокоить ее — ишь, дуреха, испугалась! — но по-прежнему молча стоял под теплым проливным дождем.

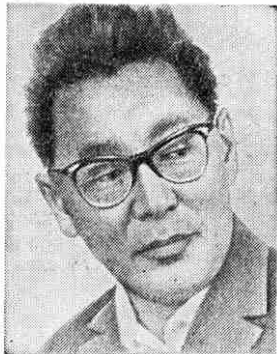
— Папа! — хныкнул в раскрывшееся окно сын. — Спать иди... Намокнешь...

— Олелек, сынок! — подбежал к нему отец, вытаскивая из окна и прижал к груди. — Дождик-то какой! Не зря в поле трудились! Урожай будет, сынок! Хлеб взрастет, Олелек! — Кузьма прижал к себе теплое, милое тельце сына и заплакал. Радость и боль переполняли его душу.

...Утром на могиле Прасковьи Тихоновны Рыбаевой сдох старый, полуослепший пес Мушкет. Его оттащили в сторону, к канаве, и там же зарыли.

Ворошиловград.

Семен Данилов

Перевела
с якутского
Р. КАЗАКОВА.

❊

Тогда мы жили у реки Амги,
охотники, бродяги и поэты.
Я не забуду тишину тайги
и тихие закаты и рассветы.
Гнездились в серых скалах там орлы,
ну, а внизу, под крутизной обрыва,
катились волны, ласково светлы,
и солнце нежно воду серебрило.
Там молнии кромсали ночью тьму,
и ночь была угрюма и сурова,
и тем отрадней сердцу моему
вся прелесть утра открывалась снова.
Там, у Амги, чьи воды дня светлей,
я, в первый раз изведав эти чары,
услышал песню белых журавлей
и танец их увидел величавый.
И я себе поклялся у Амги:
что в жизни бы потом со мной ни случилось,
но будут вечно бодрыми шаги,
и обойти свою сумею старость.
И я себе поклялся храбрым быть,
не отставать от тех, кто помоложе,
и зверя бить, и девушек любить,
красивых самых, гордых и хороших.
И все неутомимей, все смелей,
облитый солнца золотом червонным,
я шел и шел за цепью журавлей,
за утренней звездой моей, Чолбоном¹.

❊

Шофер Семен, не мучай нас,
не медли и не зли нас этим.
Скорей покинем Мангырас,
до Чирийэ скорей доедем!
Там лес особенно хорош.
Какие звери там и птицы!
Везде, куда ты ни пойдешь,
все голубо от голубицы.
Вдыхая аромат лесной,
тайгой осенней околдован,
вдвойне полюбишь край родной
за все, что дать тебе готов он.

¹ Венера.

А если Байаной² и нас
побалуует песной добычей,
отведем мы в поздний час
неповторимый суп из дичи.
Мы будем у костра сидеть,
не только руки — души грея,
и не устанет песни петь
тайга, которой нет мудрее.
А если дичи нет — пустяк,
нет ягод — ерунда, не боле.
Ведь главное, что мы — в гостях
у этой сказки, этой воли,
у этой доброй тишины,
где так легко в себя взглядеться,
где, кажется, шаги слышны
давно промчавшегося детства.

★

В тайге — засохшие деревья.
Сквозь них просвечивает даль.
Мне всей печалью юной, древней
их жизни отшумевшей жаль.
Мы так легко и так бесечно,
во все сердечно влюблены,
живем, как будто будем вечно
жить в мире, до всего жадны.
На плечи возраст мне не давит,
мальчишкой по земле хожу!
Пусть не дострою, а фундамент
с веселой верой возвожу.
Так человек природой создан:
не верит в то, что жизнь пройдет.
Сажает на пригорках сосны,
березки в путь с собой ведет.
«Брось хворостину — и до смерти
достанешь» — видно, про меня...
А все же, как вначале, светит
мне солнце на закате дня.

Марк Лисенский

Березка

Бежит дорога узкая — вся из бетонных плит.
Печальная и грустная березонька стоит.
Немного кривобокая, на взгорочке она

² Дух охоты.

Такая одинокая стоит себе одна,
 Стоит березка тонкая,
 Зеленая коса.
 Живет ее незвонкая,
 Неброская краса.
 Задумчивая, бледная,
 Вся в грезах и мечтах,
 И прелесть незаметная
 Сквозит в ее чертах.
 Она не унижается,
 Не нужен ей никто.
 И если обижается,
 То только лишь на то,
 Что все вокруг торопятся и смотрят
 на часы,
 Как будто бы сторонятся ее земной красы.

На площади святого Марка

В лучах готическая арка,
 Колонны в мраморном строю.
 На площади святого Марка
 Я, грешный Марк, в толпе стою.
 Собор уходит в сумрак ранний
 Над средиземною водой,
 И столики, как в ресторане,
 Стоят на площади святой.
 Поет толпа, играют скрипки,
 Вокруг зевак полным-полно.
 Венецианские улыбки,
 Венецианское вино.
 У стен дворца, где только дожди
 Священнодействовать могли,
 Мы дружно хлопаем в ладоши
 В такт песне нашеньской земли.
 Сметая пыль тысячелетий,
 Сдувая пену облаков,
 Переворачивает ветер
 Страницы каменных веков.
 Звенит на башне век двадцатый,
 А под старинный этот свод
 Идет матросик фатоватый,
 Ночную девочку ведет;
 И это до того нелепо
 Здесь, где над темною водой
 Парит божественное небо
 И храм на площади святой!

Виа Систина

Вечный город, о Рим, признаюсь: я забыл
 все на свете,
 Я забыл о дворцах и гробницах твоих
 именитых,
 И о каменном чуде развалин твоих
 знаменитых,
 И о том, что в отеле меня ожидают
 спагетти.
 Я стою возле старого дома на виа Систина,
 Я смотрю на фасад, на давно
 облупившийся цоколь,
 На окно, за которым писал в одиночестве
 Гоголь
 Свои «Мертвые души», уйдя от бессонниц
 и сплина.
 Он вчера Зинаиде Волконской читал
 «Ревизора»,
 Запинаясь, волнуясь, поспешно листая
 страницы.

И глядела она на него, чуть прищурив
 ресницы,
 И ему было зябко от этого холодного взгляда.
 Через площадь домой он шагнул,
 недовольный собою:
 «Ревизора» он плохо читал, не понравилась
 пьеса,
 И не вызвала в доме Волконских она
 интереса,
 А ведь он называл эту пьесу
 своею судьбою.
 Он идет не спеша по ночной и безлюдной
 столице
 В старомодном пальто, в глубоко
 нахлобученной шляпе.
 До него никакого нет дела ни Риму, ни папе,
 И ему этой ночью Москва непременно
 приснится.

В дом на виа Систина по лестнице
 выше и выше
 В темноте поднимается он,
 тишины не нарушив.
 Озарилось над Римом окно.
 Это «Мертвые души»
 За страницей страницу он пишет, и пишет,
 и пишет.

Мчится тройка в ночи, лишь мелькают
 столбы верстовые.
 Колокольчик звенит, и свистит обжигающий
 ветер.
 Я на виа Систина стою, я забыл все на свете...
 И вдали от России своей он писал о России.

Иван Тарба

Перевел
 с абхазского
 Ст. КУНЯЕВ

Горные туры на водопое

Горные туры спускаются на водопой,
 горные туры по скалам бесшумно крадутся,
 ведомой только лишь турам кремнистой
 тропой—
 горные туры с кремнистой тропы не
 сорвутся.

Там, где живут они, нет ни травы, ни воды,
там, где живут они, там неприступные

горы...
Из-под скалы, пробиваясь сквозь вечные
льды,
рвется река на равнину — в земные

просторы.
Но водопой — это сразу и благо и риск!
Туры, дрожа от волнения, идут к водопаду
и озираются в облаке розовых брызг,
и ощущают всей трепетной кожей прохладу.
Слаще и чище на свете воды не найти!
Пьют — не напоятся — они животворную
влагу,

Горы, как будто храня их в нелегком пути,
высятся рядом, давая на верность присягу.
Горные туры спускаются на водопой...
Но этот мир не лишен осязания и слуха:
может быть, слово, случайно рожденное
мною,
вдруг долетит до чьего-то враждебного
уха!

Горные туры... Мне видится их торжество
в час водопоя. Так пусть не иссякнет
источник!

Хватит... Довольно... Я выболтал
много всего —
и не дай бог, чтоб услышал мой голос
охотник!

Наездник

Как только на проселочной дороге
он появлялся, узнавали все
его коня по масти, по породе
и всадника во всей его красе.

Он так сидел, как будто вырос с детства
не в деревянной люльке, а в седле,
как будто конь и сбруя — все наследство,
что получил от предков на земле.

На стременах, упруго привставая,
бывало, остановит он коня
и, свысока округу озирая,
глядит за грань сегодняшнего дня.

Как будто бесконечные просторы
ему дороже, чем родная близь...
Но конь уже опять почуял шпоры
и перешел на медленную рысь...

Зачем он здесь внезапно появлялся!
Зачем, смущая девичьи сердца,
он наезжал сюда и не остался,
не осадил навеки жеребца!

Кто он такой? Все девушки гадали —
неужто вновь проскачет вдоль села
в какие-то неведомые дали?
Ну хоть одна б его с ума свела!

Ну хоть одна бы ослепила взглядом,
чтобы зашел воды напиться в дом,
чтобы прошелся вслед за нею садом,
чтоб соблазнился древним очагом...

Но все равно с невестой черноокой
сойдутся вперехлест его пути,
коль здесь он появился одинокий —
отсюда не сумеет ему уйти!

Николай Тарасенко

Спасибо тому вдохновенью,
спасенью от бед,
которое было, наверно,
которого нет.
Я веровал в каждую небыль —
вот счастья секрет.
Спасибо лазурному небу,
которого нет.
Спасибо мерцающим звездам,
погасшим давно;
спасибо раздавленным гроздьям,
отдавшим вино.
Спасибо за дальний, безгласный,
оставленный след.
За женственный образ,
прекрасней
которого нет.
Так было же счастье, наверно,
которого нет!
Спасибо, мой свет, вдохновенье,
спасенье от бед.

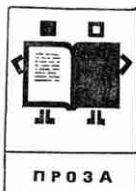

Алеша Фатьянов, который уж год тебя нет.
Под городом Вязники — желтый ракитовый
цвет.

Пока ты в дороге, в которой не видно
ни зги,
семья обошлась, и твои рассосались долги.
А сколько осталось на свете еще твоего!
Твой однопольчанин [с учета снимают его],
и этот, под песню, граненый стакан надпитой.
И эта, младшенька, с черной косой
подвитой.

Пока ты в дороге, в которой не видно
ни зги,
целуются так же друзья

и враждуют враги,—
и те и другие живут, для тебя и твои...
Под городом Вязники ночью поют соловьи,
что ежели кто и покинул до времени свет,
так это Фатьянов. Алеша Фатьянов, поэт.

ЭТИ НЕПОСЛУШНЫЕ СЫНОВЬЯ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Владимира ЮДИНА.

15

В понедельник утром, когда рабочие собирались около бытовки, Данилин всегда внимательно оглядывал их: может, кто пьян после воскресенья, может, у кого глаз подбит. Сегодня ребята были в порядке, без изъянов.

— Понимаешь, Данила, — начал Олег. — Приезжаю в воскресенье из деревни, вижу: на моей кровати сверток в промасленной бумаге. Разворачиваю: пирог с капустой. Думаю: какая это добрая душа изготвила для меня столь прекрасную закуску? А тут Петр подгребают. Сообразили на двоих. И пирогом закусили. Давно у нас такого праздника не было.

— Точно! — подтвердил Петр.

— Оказалось, пирог-то лично товарищу Ермакову привезли! А Кешка его нам подкинул. Мы, конечно, виноваты, товарищ Ермаков, что скушали ваш пирог. Но сие преступление было совершенно неумышленно, а по недоразумению. А потом мы мозгами раскинули. Ты однажды нас лишил дневного заработка. Мы тебя пирога — компенсация.

— Хватит базарить! — прервал Данилин. — Пора работу начинать.

— Эх, работа! — вздохнул Олег и пошел вместе со всеми в бытовку переодеваться.

И опять, как и вчера и позавчера, гудели вибраторы, наезжали на мост самосвалы, с грохотом вываливая в блок очередную трехтонную порцию бетона. Засучив рукава, трудились рабочие и вместе с ними Андрей. Но сегодня он делал это машинально, ничего не замечая вокруг. Он был погружен в собственные невеселые мысли. Только утром он узнал, что приезжала Лена. Шофер передал ему записку и, подмигнув, сказал: «Ну, девочка! Высший класс!»

Андрей на память выучил Ленкину записку и, чем чаще он повторял ее, тем яснее понимал: произошло непоправимое. Его воспаленное воображение рисовало картины одну страшнее другой. Он зримо представлял, как Лена сошла с автобуса, как искала его комнату, наконец вошла в нее и столкнулась с Кеш-

кой. Конечно, он поначалу расшаркивался перед ней, но потом пустил в ход свои излюбленные словечки.

За все, что произошло, Андрей винил себя. Как будто он мог не ездить в совхоз, а сидеть дома и ждать Лену... Прочитав записку, он собирался тут же отправить Лене телеграмму. Но не нашел кратких и все объясняющих слов, которые бы выразили то, что у него было на душе.

В разгар рабочего дня к блоку подкатил «газик» начальника участка. Рабочие, прислонив вибраторы к опалубке, вышли на помост.

Гладков был, видимо, не в духе. Обычно он здоровался с рабочими весело, любил пошутить, а сейчас только кивнул всем и закурил.

— Воскресенье отгуляли? — спросил Гладков.

— В силосной яме! — ответил за всех Олег.

— Зато зимой картошкой будем обеспечены, — объяснил начальник участка.

— Союз рабочих и крестьян, — сказал Петр.

Гладков промолчал. Видимо, свой главный разговор он не хотел начинать так сразу. Он поглядел на Олега и спросил:

— Ты по-прежнему с патлами ходишь? Двугривенного, видать, не хватило.

— Разве дело в двугривенном! — отозвался Олег. — Настроение поганое.

— С похмелья оно всегда поганое!

— Хорошо понимаете рабочий класс, Никита Степанович, — улыбнулся Олег.

— Рабочий класс понимаю. — Голос Гладкова звучал строго. — Но таких, как ты, понять не могу. Вечером водку пьешь. А весь день об одном только думаешь: как бы работа поскорее кончилась и снова напиться.

— Точно, как по нотам! — ухмыльнулся Олег.

— Ты не ухмыляйся! — рявкнул Гладков. — Хочешь работать на стройке — пьянку брось. Это и к тебе относится, Былов. Каждый раз, как вижу вас двоих, тоска по сердцу разливается. А ты, Петр, комсомолец, и ты, Ермаков! Неужели подействовать не можете?

— Зря вы на них, Никита Степанович, — заступился за Олега и Кешку Данилин. — Они пьют, но ум не пропивают — рабочие высокой квалификации.

— Не может быть у человека высокой квалификации, если у него с похмелья руки дрожат и он весь рабочий день о выпивке думает. — Гладков резко оборвал свою речь, бросил папироску. Не под-

нимая головы, он негромко, но весьма строго спросил Данилина: — Кто варил арматуру в пятом пролете?

— Былов.

— Сегодня обнаружили в трех местах халтуру: распорки на точечной сварке держатся, а должны быть приварены сплошь. Это что — высокая квалификация?

Гладков взглянул на Данилина, и ему показалось, что тот знал об этом, но утаивал.

— В следующий раз за такую халтуру под суд отдам! Сегодня же переделать работу.

— Как же там варить? — недоуменно спросил Данилин. — Подъемники сняты.

— Это меня не касается. Кто схалтурил, тот пусть голову ломает, — отрезал Гладков и пошел к машине.

— Слышал, Кешка? — спросил Данилин. — Я тебе тогда говорил, что нельзя так работать.

— С одной стороны, делай без халтуры, а с другой — давай поскорее. Как же это возможно?

— Придется исправлять.

— Ты что, шутишь? Там высота такая, — испуганно воскликнул Кешка. — Как там варить без подъемника, за что зацепишься?

— С тобой пойдет Андрей, — решил Данилин. — Он тебя на веревке держать будет. Он парень здоровый!

— И может от обиды за съеденный пирог случайно уронить, — сострил Олег.

— Пусть Олег пойдет со мной, — попросил Кешка.

— Зачем же я буду опытного рабочего с дела снимать для того, чтобы он веревку держал? Не резон.

— Я думал, что ты ко мне лучше относишься, — процедил сквозь зубы Кешка и тревожно глянул на Андрея.

Кешка взял в прорабской веревку, и они пошли к пролету металлической конструкции.

Кешка шел впереди, и Андрею была хорошо видна его вихляющая походка. Оттого что этот тип маячил перед глазами, снова и снова память воскрешала Ленкину записку. Как хочется схватить за шиворот этого наглеца!

Кешка негромко напевал какую-то песенку. Но делал он это не от радости. Ему казалось, что его ведут на эшафот. «Случайно отпустит веревку, гад, и только мокрое место от меня останется...»

Металлические конструкции высоко поднимались над котлованом. Наверху настланы доски, на которых стоял сварочный аппарат. Туда, наверх, вела деревянная лестница, грубо сколоченная из досок. По ней и полезли Кешка и Андрей.

Чтобы как-нибудь забыться — душу разъедала обида, — Андрей решил считать ступеньки. Одна, другая, третья... Он насчитал их сто четыре.

Когда они вышли на деревянный помост, перед взором открылась вся стройка.

Где-то в стороне завывала сирена. Люди у скалы побежали в укрытие. Прошло несколько секунд, и грохнул взрыв. В воздух взметнулось облачко черного дыма, полетели мелкие осколки породы. Огромный кусок скалы отвалился от горы и рухнул в воду. Мощные тракторы, как танки, лязгая тяжелыми гусеницами, сдвигали стальными ножами размельченные камни. Послышался стук отбойных молотков. Казалось, что пехота с автоматами в руках пошла в атаку.

— Держи веревку, — сказал Кешка и пристально посмотрел на Андрея.

Кешка обвязался веревкой, засунул за пазуху пачку электродов, одной рукой взял концы сварочного аппарата, другой — защитную маску. Он сел на край деревянного настила и сказал:

— Спускай потихоньку. Одной ногой наступи на конец веревки на всякий случай.

Кешка опускался вниз с раскинутыми в стороны руками.

— Стоп! — крикнул он.

Андрей задержал веревку и посмотрел вниз. Высоко над землей болтался на веревке Кешка, стараясь ногой зацепиться за арматуру. Когда ему это удалось, он посмотрел вверх, вставил электрод в вилку и, прикрыв лицо маской, ткнул электрод в металл. Огненные искры, как брызги, посыпались вниз.

Андрей закрутил вокруг руки веревку. И было даже приятно лежать на теплом деревянном настиле и смотреть на небо или вниз, где Кешка разбрасывал огненные брызги. И не было сейчас злобы к этому человеку, умелому рабочему, уверенно делавшему свое дело. Как будто не из-за него Лена уехала, не повадавшись с Андреем, оставив холодную, обидную записку. Кешка помахал рукой и крикнул: «Майна».

Андрей снял веревку с руки и хотел немножко отпустить ее. Но веревка, как скользкая змея, поплыла в ладонях, обжигая кожу. Кешка почувствовал, что летит вниз.

— Эй! — испуганно крикнул он.

И в этот момент Андрей что есть силы сжал ладони и грудью навалился на убегающую веревку.

— Брось эти шутки, гад, — услышал Андрей сильный от страха голос Кешки.

— Я нечаянно! — ответил Андрей и отер рукавом холодный пот со лба.

Кешка посмотрел наверх и глухо произнес:

— Вира!

Андрей перевел дыхание, глянул вниз, потянул на себя веревку.

— Стой! — крикнул Кешка и, поставив перед лицом защитную маску, продолжал работу.

Андрей опять прижал веревку к деревянному настилу и огляделся вокруг, пытаясь найти поблизости хоть какой-то выступ или крюк, за что можно было бы привязать ее конец. Но ничего похожего здесь не было. Негнущимися от напряжения пальцами Андрей завязал конец веревки вокруг ноги, лег на настил и обеими руками вцепился в веревку.

— Майна! — крикнул Кешка.

Андрей отпускал веревку. Он боялся, что она опять начнет выскальзывать из рук...

— Стой! — командовал Кешка.

...Ладони горели. Андрею казалось, что не веревка у него в руках, а раскаленный железный прут.

— Кончай работу! — крикнул Андрей, чувствуя, что у него нет больше сил.

— Еще немножко! — крикнул Кешка. — Майна!

Андрей ослабил пальцы левой руки. Он прижал веревку локтем к настилу и стал понемножку отпускать. Кисти рук были словно чужие. Они просто механически сжимались и разжимались.

— Стой! — крикнул Кешка.

Каждая минута теперь казалась Андрею часом. «Ну, что он копаются?»

— Эй, там, на стреме! — закричал Кешка. — Давай, вира помалу!

«Наконец-то!» Андрей встал на ноги и двумя руками потянул на себя веревку, хотел перехватить ее левой рукой, но в правой не хватило силы. Проклятая веревка заскользила вниз, обжигая ладонь.

— Держись! — крикнул Андрей и упал на настил, навалившись телом на веревку. Отдышался и опять встал. Двумя руками потянул веревку на себя. Теперь нужно было перехватить ее.

— Чего думаешь, тани! — тревожно крикнул Кешка. Андрей боялся. Он не верил в свою силу.

— Ты намотай на одну руку веревку и тогда перехватывай другой, — крикнул Кешка, видимо, поняв, в чем дело.

Андрей послушался, стало немного легче.казалось, что кисти рук начали оживать, он тянул и тянул, пока наконец в проеме не показалась рыжая голова Кешки.

Кешка цепко ухватился за край настила и вылез. Он ничего не сказал, только посмотрел на Андрея. Кешка смотал веревку, выключил сварочный аппарат, спустился по лестнице и пошел к прорабской.

Андрей сидел на деревянном настиле, ощущая на ладонях жгучий огонь веревки и усталость во всем теле.

Сверху он хорошо видел, как ребята кончили работать, как они пошли к прорабской, сели в грузовик и уехали.

Когда наконец утихла боль в руках и мышцы перестали дрожать, Андрей зашагал вниз по ступенькам. Снова к нему вернулось чувство чего-то невозвратно утраченного, той горечи, которую он испытывал утром.

Из-за поворота навстречу Андрею двигалась машина. Шофер посигналил и притормозил.

— С солдатским приветом! — крикнул Васюта. — Опять не в духе!

Андрей увидел Васюту и невольно улыбнулся. Васюта опять появлялся на его пути в тот момент, когда на душе тяжело.

— Снова поругался со своими? — спросил Васюта.

— Все плохо! — пожаловался Андрей и замолчал. — Не валяй дурака. Залезай в кабину. Выкладывай, что случилось.

И Андрей рассказал Васюте о приезде Лены, о ее письме, о том, что ребята злятся на него за случай с липовыми нарядами. И вообще ему хочется уехать домой...

Андрей говорил. Васюта молчал. Мотор огромного «четвертака» ровно гудел. В кабине было по-домашнему уютно.

— Когда я тебя увидел, — сказал наконец Васюта, — подумал, что ты парень сильный: бросил город, уехал на стройку. В наше время это не каждый может. Сопляком такое не снится.

Васюта замолчал. Он рулил, вглядываясь в дорогу.

— Ты воображаешь, что меня тут с оркестром встретили? Или ты думаешь, у меня не было в родном городе девушки? Я так считаю: если решил, то иди до конца. А девушка... Ну, что ж! Если она человек настоящий, все поймет. А если так, птичка в поисках сладкой жизни, так ее потеть не жалко.

Навстречу шел «четвертак». Васюта посигналил и помахал шоферу рукой. Тот ответил. За долгий рабочий день эти приветствия, пожалуй, единственное средство общения между водителями машин.

— В общем, не горюй! — весело сказал Васюта и похлопал Андрея по плечу. — Кстати, тут на стройке есть интересные девчата. Вчера на почте одну новенькую встретил. Не успел свидание назначить. Она на горе с монтажниками работает. Слушай... — Васюте пришла счастливая мысль. — Ты порули за меня, а я сбегаю к ней насчет свидания договорюсь.

— Давай! — согласился Андрей.

— Загрузишь машину и вернешься к этому месту! — крикнул Васюта.

Васюта остановил машину и спрыгнул на землю. Андрей пересел на место водителя, включил скорость, и машина тронулась. Сегодня Андрей

чувствовал себя куда увереннее. Если посмотреть со стороны, то едва ли кто заметил бы, что за рулем огромного «четвертака» сидит человек, у которого и прав-то нет. Уже дважды, после той первой, не слишком удачной попытки, Васюта разрешал Андрею управлять. Но этого оказалось достаточно. Андрей может теперь поставить машину под погрузку. Экскаваторщик дядя Миша прошлый раз даже не заметил, кто сидит за рулем. И только потом узнал Андрея.

Прямая дорога кончилась. Начинался спуск в котлован, где работал экскаватор. Андрей покрепче взялся за руль. Один поворот, другой... Экскаваторщик дядя Миша не удивился, увидев Андрея за рулем. Андрей точно развернул машину и подставил ее под погрузку. Дядя Миша бросил в кузов первый ковш. Грузовик осел под тяжестью десяти тонн земли. Раскрыв стальную пасть, ковш снова вгрызлся в землю. И еще десять тонн брошены в кузов.

— Отваливай! — Дядя Миша махнул рукой.

Андрей поехал по извилистой дороге вверх. Ему нравилась именно эта часть пути. Машина взбиралась в гору с двадцатитонным грузом. На подъеме особенно ощущалась ее сила.

Как хотелось Андрею, чтобы его сейчас увидела Лена! Она идет по дороге... Он догоняет ее, сигналил. Она оборачивается, видит Андрея. И потом они едут вместе. Тайга расступается перед ними. И кажется, что их приветствуют, покачивая верхушками, сосны, лиственницы и кедры, растущие по обе стороны дороги.

Андрей приближался к тому месту, где высадил Васюту. Он замедлил ход, посигналил несколько раз. Но на тропинке, куда скрылся Васюта, никого не было. «Может, его еще полчаса не будет. За это время я успею выгрузить породу. Задом подаю машину. Ставлю на ручной тормоз, поднимаю кузов. Порода ссыпалась, опускаю кузов и приезжаю сюда. Тогда Васюта наверняка скажет, что я прошел все испытания. Чуть попрактиковаться — и можно сдавать на права».

Андрей включил скорость и поехал к берегу реки, где делали насыпь. От воды потянуло холодом. Андрей поднял стекло в кабине.

Начался спуск. Дорога вьется, как змея. Крути баранку, вправо, влево. Вот они, главные шоферские испытания!

На краю насыпи дежурила Оля с флажком в руке. Андрей развернул машину и стал подавать ее задом. Оля внимательно следила и, как только задние колеса приблизились к краю насыпи, крикнула: «Стой!» — и взмахнула красным флажком. Но Андрей не сразу услышал это самое «Стой!» и не увидел флажок. У него было поднято стекло. И только, когда Оля крикнула еще раз, он нажал на тормоз.

Эта доля секунды оказалась роковой. Задние колеса съехали с насыпи, и уже никакая сила не могла остановить огромный грузовик. Нос машины задрался к небу. Андрей увидел верхушки деревьев и предвечернее небо с огненным отсветом заходящего солнца, а потом услышал всплеск воды. Грузовик по крутой насыпи катился в воду...

Машина скрылась под водой, и Оля громко закричала:

— Утонул!

— Да не ори! — Рабочие бежали к берегу. — Может, вынырнет.

Вода на том месте, где скатился грузовик, утихла, но Андрей не появлялся.

— Минута прошла,— сказал кто-то.— Значит, не вынырнет.

Кто-то уже снял фуражку.

— Что же вы стоите, олухи! Нырнули бы! — в отчаянии закричала Оля.

— Нырни! Тут глубина знаешь какая? Может, метров десять,— отвечали ей.— И течение с ног сшибает.

— Тогда остановите какую-нибудь машину и быстрее за краном.— Оля продолжала кричать, не замечая этого.— А ты,— она ткнула какого-то парня в грудь,— давай в поселок за врачом. Человека, если он полчаса под водой пролежит, спасти можно.

— Дело! — Трое или четверо помчались на дорогу, чтобы перехватить машину.

— Грузовик двадцать один ноль восемь сорвался с насыпи,— кричал еле дышавший от быстрого бега рабочий, отыскав на стройке начальника участка Гладкова.— Срочно кран нужен и водолазы.

По телефону Гладков нашел автокран и двух водолазов. Прошло, может быть, пятнадцать минут, а Гладков вместе с водолазами уже мчался к месту происшествия.

— Почему шофер не вынырнул? — сокрушался Гладков.— Какой парень Васюта! Машина, черт с ней, вытащим.

— Наверное, оглушило! — предположил водолаз.— Когда машина задом пошла, могло стукнуть виском об дверь.

— А может, дверь в воде открыть не смог,— предположил второй водолаз.— Давление воды большое, или перекося у двери получился.

Нельзя сказать, что для Гладкова это было первое ЧП. На его памяти тонули машины не раз, падали башенные краны, прорывало перемины. Каких только несчастных случаев не видел он на своем веку! Гладков относился к таким происшествиям хладнокровно, если не было человеческих жертв. А вот когда гибнут молодые ребята, плакать хочется...

Гладков посмотрел вперед на дорогу и увидел на обочине человека. Он сидел на камне, закинув ногу на ногу, и курил. Поза у него была беспечная. Гладков уже отвел взгляд, но вдруг ему показалось, что это Васюта. Гладков протер глаза и еще раз взгляделся — точно Васюта.

— Ну-ка, останови машину,— приказал Гладков.

Шофер резко затормозил. Васюта шел к машине вразвалочку, не торопясь.

— Тебя как зовут? — спросил Гладков.

— Что это с вами, Никита Степанович? — удивленно воззрился на начальника Васюта.

— Где твоя машина? — не своим голосом заорал Гладков.

Васюта сразу все понял. Он прыгнул на подножку и сказал:

— Давай скорее!

...Ох, как быстро распространяются вести на стройках. По радио никто не объявляет, а уже все знают, где что случилось... Весть о том, что утонул Андрей, бежала по стройке.

— Погиб! Погиб! Утонул! Он, этот солдат. Ну, сапоги которого в бетоне застряли.

К насыпи мчались на машине врач и Зина. А печальная весть, как круги на воде, расходилась по поселку все дальше и дальше.

Петр вбежал в комнату, где валялись на койках Олег и Кешка.

— Андрей погиб! — крикнул Петр.— Вместе с груженой машиной в Енгиры упал.

Олег и Кешка приподнялись с кроватей, но не произнесли ни слова.

— Вы слышите,— заорал Петр,— Андрей погиб!

— Бог не фразер,— не повышая голоса, бросил

Кешка,— он все видит и нахалов, которые хватаются за любую работу, наказывает.

— Сволочи! — в сердцах кинул Петр и хлопнул дверь.

...Однако Андрея похоронили раньше времени. Когда машина начала катиться с обрыва, Андрей взялся за ручку дверцы, чтобы открыть ее и выпрыгнуть из кабины. Но дверца не поддавалась, и Андрей сказал себе: «Стоп!» Отец правильно когда-то говорил: «У страха глаза велики. А ты скажи «стоп» и оглянись вокруг. Окажется, что выход есть».

Андрей заметил, что вода в кабину затекает медленно.

«Разденусь,— решил Андрей.— Легче будет вынырнуть». Он стал стаскивать сапоги. Пока он возился с сапогами, воды заметно прибавилось. Андрей снял рубашку, брюки и встал на сиденье. Вода уже была по грудь. Но Андрей выжидал. Он не знал, на какой глубине находится. Он правильно рассчитал, что чем меньше воздуха останется в кабине, тем легче будет открыть дверцу. Когда вода стала подходить к подбородку, Андрей несколько раз глубоко вдохнул и, повернув ручку, с силой ударил дверь плечом. Она поддалась тяжело, как бы нехотя. Уши сразу же заложило. Андрей глянул вверх и увидел темно-зеленую, беспросветную мглу. Он оттолкнулся от подножки и стал неистово гребсти руками. Над головой была все та же темень... Кажется, уже нет воздуха в легких. Но вода над головой чуть посветлела...

Андрей вынырнул из воды, увидел предвечернее небо, подсвеченное красными лучами заходящего солнца. Он жадно хлебнул воздуха, и тело его обмякло.

— Смотрите, смотрите, — закричала Оля, — выплыл!

Андрей еще хлебнул воздуха и скрылся под водой.

Но с берега в воду уже прыгнули два парня. Они приближались к Андрею. Они схватили его под руки, побили ладонями по щекам. Андрей открыл глаза и увидел лица незнакомых ребят.

— А ну давай дыши! — скомандовали парни.

— Дышу,— чуть слышно ответил Андрей.

Парни дотащили Андрея до берега.

Покачиваясь, словно пьяный, он вышел из воды и сел на землю.

— Андрюша, милый! — Оля подбежала к нему, встала на колени.— Жив!

— Жив! — ответил Андрей.

— Ну, как же ты так? Не слышал, что ли? Я же тебе кричала «стоп». Флажком махала. А ты ноль внимания!

— Стекло у меня было поднято! Уж я потом сообразил, да поздно...

— Ну ты и здоровяк,— сказал парень.— Ты под водой минут пять сидел. Наверное, ловцы жемчуга из Индии тебе позавидовали бы...

Андрей не ответил.

По дороге к берегу Енгиры, тревожно сигнала, мчался автокран. Машина еще не остановилась, а с подножки уже спрыгнул Васюта и подбежал к Оле.

Он хотел спросить ее, как все случилось, но увидел Андрея.

— Жив? — спросил Васюта.

Андрей кивнул.

— Ну, молодец, Андрюха! — радостно воскликнул Васюта. И заорал: — Жи-ив!

— Жив, голубчик! — со вздохом облегчения произнес Гладков.

Андрей не без труда встал. Оля притащила свою брезентовку и накинула ему на плечи. Оттого, что

на плечах была маленькая брезентовка, трусы прилипли к телу и ноги были босы, Андрей выглядел очень смешно.

Но Гладков не смеялся.

— Кто тебе разрешил передать руль? — Гладков бросил гневный взгляд на Васюту.

— Да он, понимаете... — начал Васюта, — он хорошо водит машину. У него только прав нет.

— Снимаю тебя с работы! — твердо сказал ему Гладков. — Пойдешь в звено Данилина разнорабочим. Ломом землю будешь ковырять. И можешь этот самый лом передавать кому угодно, даже Ермакову. И еще тебе скажу, — после некоторой паузы продолжал Гладков, — уже не как начальник участка, а как парторг. Выдвигали тебя на комсомольского секретаря. Так знай: я буду против. Безответственным людям нельзя давать власть в комсомоле. Вокруг Гладкова собрались шоферы, рабочие.

— На моем участке всегда был порядок. — Гладков обращался к Андрею. — А ты приехал цирковые номера выкидывать! То сапоги в бетоне утопил, то машину в воду скатил. Ты заплатишь за все звонкой монетой. И за подъем машины и за порчу ее. Я у тебя сороковку вычту из зарплаты. Не сорок, а пятьдесят рублей. — Он посмотрел на водолазов, которые надевали водолазные костюмы. — И за то, что я водолазов с работы снял, заплатишь!

На дороге появилась еще одна машина. Из нее вышли доктор и Зина. Они торопливо направились к собравшимся.

— Не спеши, — сказал Гладков доктору. — Выплыл! Стоит — здоров как бык. На нем пахать можно.

Доктор подошел к Андрею и пощупал пульс.

— Ты ему лучше дай сто граммов спирта, чтобы сопельки не текли, — посоветовал Гладков и стал смотреть, как водолазы готовятся к подъему машины. Водолазы тянули к воде тросы, лебедки.

К Андрею подошла Зина и, взяв его за руку, громко сказала:

— Андрюша, милый! — Зина посмотрела ему в глаза, и Андрей увидел слезы. — Я так испугалась! — Больше она ничего не сказала. Она стояла молча и держала его за руку.

Водолазы скрылись под водой.

Натянулся трос. Из темной воды Енгиря, как из морской пучины, медленно стал появляться сказочный богатырь. Сначала показался радиатор, потом крыша кабины и, наконец, кузов.

— Да-а, Никита Степанович! — сказал доктор. — Дела-а...

— Лоботрясы! Бездельники! На стройке вздумали поразвлекаться: хочешь порулить — пожалуйста. Машины вам не игрушки!

— Ты, Ермаков, — обратился доктор к Андрею, — завтра, пожалуйста, башенный кран повалишь?

Кругом смеялись.

— И еще нервы всем потрепал! — сказал Гладков. — Погиб! Почему сразу из кабины не выпрыгнул?

— Смысла не было! — спокойно ответил Андрей.

— Он сидел под водой и о смысле думал, — усмехнулся доктор.

— Это почему же не было смысла? — поинтересовался Гладков.

— Вода в кабину постепенно затекала, — пояснил Андрей. — Я разулся и разделся. Раздетому-то легче вынырнуть. К тому же, когда в кабине воздуха много, дверцу нельзя открыть, давление большое снаружи.

— Голова! — сказал Гладков и опять, как во время первой встречи, посмотрел на Андрея внимательно.

Гладков поймал себя на мысли, что этот парень небезразличен ему. Не такой уж он растяпа, как рисовал его звеньевой Данилин. Есть у него смекалка, и характер, видно, настоящий. Уже дважды этот парень удивил Гладкова. Первый раз, когда выступил против товарищей и отказался получать деньги по липовым нарядам. И сегодня...

16

Лена вернулась из своей неудачной поездки в то время, когда отец и мать были на работе. Она вошла в прихожую, бросила на стул сумочку и взглянула на себя в зеркало. «Хорошо, что дома никого нет, — рассудила она, — а то бы сейчас стали расспрашивать: что, почему...»

Особенно любопытна мать. Она хочет знать все, до самой мелочи. Когда ей расскажешь, она обязательно начнет поучать. Отец иначе относился к дочери. Он почти не вмешивался в ее жизнь. Приходил с работы, молча ужинал на кухне, потом садился в кресло, читал газеты или смотрел телевизор. Иногда Лене хотелось поговорить с ним. Но почему-то мать вставала на пути. «Отец устал, не морочь ему голову. Все, что надо, я ему сама скажу».

Сейчас, сидя в прихожей, Лена вдруг пожалела, что нет дома отца. Она рассказала бы ему все, как есть. Что сказал бы отец, неизвестно. Мать, конечно, всплеснула бы руками: «Это ужасно! С тобой они могли сделать черт знает что! Может, и Андрей стал похож на этого хулигана. С кем поведешься, от того и наберешься».

Но, несмотря на все эти вроде бы правильные слова, которые Лена как бы уже слышала от матери, все, что касалось Андрея, продолжало ее волновать, и судьба его не была ей безразлична.

Лена сбросила туфли, натянула тапочки и вошла в комнату. На столе лежала записка. «Гриша звонил несколько раз, — сообщала мать. — Просил позвонить!»

Лена повертела в руках записку и легла на кровать, уставившись в потолок.

«Гриша просил позвонить», — повторила она. Перед ее взором, будто на весах, закачались два человека — Андрей и Гриша — и два разных мира, стоящие за ними. Один мир жесткий, неуютный, в котором пребывал Андрей, другой — Гришин — привычный и понятный для нее. Она могла позвонить Грише и сейчас же очутиться рядом с ним.

Но, несмотря на обиду, которую Лена испытала на стройке и которая продолжала бередить душу, она думала прежде всего об Андрее. Только бы он вернулся домой.

Лена подошла к телефону и набрала номер больницы, где работала мать Андрея.

Видимо, Полина Ивановна была далеко от телефона. Лена долго ждала, прислонившись плечом к стене.

— Я вас слушаю, — раздалось наконец в трубке.

— Это Лена говорит, здравствуйте.

— Леночка, приехала, слава богу! — услышала Лена радостный голос матери. — Как он там, рассказывай.

— По телефону неудобно, Полина Ивановна, — ответила Лена.

— Хоть одно слово, — слышался нетерпеливый вопрос.

— Лучше все по порядку расскажу, когда увижусь!

— Ладно! — согласилась мать. — Приходи к нам в шесть. Только не опаздывай. А то я буду как на иголках.

Полина Ивановна подошла к столику дежурной медсестры. Она прочитала в журнале назначения врача. Выписала на отдельный листок фамилии больных, которым надо делать уколы, положила шприц и ампулы на тележку и двинулась в палату. «Почему Лена ни одного слова не сказала?» — тревожно думала мать. Но она постаралась подавить свое волнение, взять себя в руки. Она хорошо знала, с каким нетерпением ждут больные ее ободряющего слова.

Полина Ивановна вошла в палату и, привычно улыбнувшись, сказала:

— Доброе утро!

Больные приподнялись с подушек.

Сестра подкатила тележку к первой кровати. В отличие от прежних дней, наполняя шприц, она не расспрашивала больного о его самочувствии, не передавала каких-нибудь обнадеживающих слов доктора. Из памяти не выходил разговор с Леной.

Полина Ивановна наполнила шприц.

— Сестра, — сказал больной, — мне сегодня укол не должны делать.

Полина Ивановна взглянула в список и поняла, что ошиблась. Краска залила ее лицо. Больной заметил ее смущение и сказал:

— Наверное, вы меня с Потаповым перепутали.

Полина Ивановна, держа шприц в руке, передвинула тележку к следующей кровати.

— Потапов? — спросила она, не поднимая на больного глаз.

— Я Потапов, — ответил пожилой мужчина с серым, землистым лицом.

— Поворачивайтесь...

Полина Ивановна сделала укол и немного успокоилась. Она снова посмотрела в список, подкатила тележку к следующей кровати и взяла другой шприц.

Она посмотрела на больного. В его воспаленных, уставших глазах застыл участливый вопрос: «Что случилось? Почему ты сегодня не похожа сама на себя?»

— Лебедев? — спросила она.

Полина Ивановна делала уколы и размышляла о том, как важно бы посоветоваться с Алексеем Петровичем. «Одна голова хорошо, а две лучше. Надо пригласить его к нам домой. Он не откажется».

В перерыве между обходами врачей и процедурами Полина Ивановна отправилась в ординаторскую. Когда в комнате было поменьше врачей и телефон был свободен, она позвонила Алексею Петровичу.

— Здравствуй, Поля, — сказал Алексей Петрович, услышав ее голос.

— Беда у меня, Алексей!

— Заболела? — участливо спросил он.

— Хуже! — Мать помолчала. — Андрей уехал на стройку.

Алексей Петрович подумал, что ослышался, и переспросил.

— Не хотела я тебе раньше звонить. Надеюсь — вернется. А теперь уж и надежды нет. Лена к нему ездила.

— Почему он уехал? — спросил Алексей Петрович. Полина Ивановна замаялась.

— Узнал, что здоровье мое плохое, что я деньги соседке должна. Уехал на заработки, хочет мне помочь. А я день и ночь слезы лью. С учебкой-то все рушится.

Полина Ивановна ждала, что Алексей Петрович скажет какие-то сочувственные слова, а он молчал.

Он вдруг вспомнил тот день, когда был ранен. Он дополз до воронки из-под снаряда и свалился на ее грязное дно. Он лежал и был не в силах перевязать себе рану на бедре. Уже наступало забытие, слух переставал улавливать звуки боя. Может, из последних сил Алексей открыл отяжелевшие веки и увидел на краю воронки, на фоне грозового неба Петра.

Петр тоже скатился на дно воронки и лег рядом. Его раненая грудь была забинтована, и в том месте, куда попала пуля, кровь растеклась большим кровавым пятном. Дышал он тяжело, с хрипом.

Петр полежал минутку, затем с трудом поднялся и оглядел рану Алексея. Зубами он разорвал на нем гимнастерку и кое-как перевязал ему бедро.

Когда стемнело, Петр потормошил Алексея.

— Пойдем! — прохрипел Петр.

— Не могу! Оставь меня! — чуть слышно ответил Алексей.

— Пропадешь! Пойдем! На меня обопрешься.

Они с трудом выползли из воронки. Петр встал на ноги и зашатался, как пьяный, но не упал. Он чуть постоял, вроде бы проверяя равновесие, и потом под руку Алексею. Алексей обхватил товарища за шею, и они двинулись в путь... Еле живые добрели все-таки до санбата.

Полина Ивановна и не предполагала, что ее слова вернут Алексея Петровича в далекое прошлое и напомнят о муже. Алексей Петрович часто вспоминал этот случай. Ведь Петр сам еле стоял на ногах, а не бросил товарища. Тогда они еще не были друзьями: война впервые свела их.

Чем больше проходило лет, тем дороже казался Алексею Петровичу поступок Петра. Он стал для него как бы единицей измерения нравственных качеств человека.

И вот сейчас он снова все вспомнил, узнав от Полины Ивановны об отъезде Андрея на стройку. «А злые языки болтают, что молодежь у нас плохая, черствая», — подумалось ему.

— Что ты молчишь? — спросила Полина Ивановна.

— Удивляюсь на тебя! — ответил Алексей Петрович. — Андрей хочет тебе помочь, а ты слезы льешь.

— Во-он ты куда повернул! — разочарованно протянула Полина Ивановна. — А я-то думала, что ты мне посодействуешь. Придешь сегодня вечером? Послушаешь, что Лена расскажет. Совет дашь.

— У меня в четыре заседание на кафедре, — сказал Алексей Петрович. И тут же подумал, что заседание к вечеру кончится. — А во сколько Лена будет?

— В шесть.

— Постараюсь, — заверил Алексей Петрович.

— Ну, вот и ладно! — обрадовалась Полина Ивановна. — А то уж меня совсем тоска завла.

...Как только Полина Ивановна вернулась с работы, она начала хлопотать у стола. Решила устроить чай. На скорую руку испекла печенье и разложила его на две вазочки, достала банку вишневого варенья, сбереженного для особо торжественного случая.

Полина Ивановна пригласила соседку, и та явилась с большой тарелкой хвороста собственного изготовления.

Алексей Петрович пришел, как было условлено, в шесть. Когда он появился в дверях, Полина Ивановна позвала Маринку.

— Как вытянулась! — удивился Алексей Петрович. — Давно ли была крошкой.

Пришла и Лена. Полина Ивановна представила ее Алексею Петровичу. Протянув ему руку, Лена опустила глаза: вдруг он знает о ее встрече с Гришей? Но когда она робко взглянула на него, в глазах не

увидела любопытства. «Значит, ему ничего не известно», — решила Лена и успокоилась.

А Гриша час назад звонил ей.

— Леночка, привет! — сказал он. — Ты совсем пропала.

— Я ездила на стройку, к Андрею.

Гриша даже присвистнул от удивления. Однако ни о чем не стал расспрашивать и тут же предложил:

— Может, встретимся?

— Сегодня не могу. Иду к Полине Ивановне.

— Я слышал, мой отец тоже собирался туда. Идея! — воскликнул Гриша. — И я вполне там могу появиться.

— Стоит ли? — как-то нерешительно спросила Лена.

— Это я тебе потом скажу! — засмеялся Гриша. — До встречи.

Лена еще раз посмотрела на Алексея Петровича. Он стоял в стороне и был занят разговором с Ольгой Григорьевной. Нет, он, конечно, не знает, что Гриша собирается сюда явиться.

Маринка подбежала к Лене, обняла ее и тихонько на ухо сказала:

— Ты, конечно, передала Андрею от меня привет?

Лена обняла девочку и легонько потрепала ее по волосам.

Мать сняла с полки папку с нотами и вручила Маринке.

— Ступай в комнату Ольги Григорьевны. Тебе пора играть.

— Мама, я потом! — взмолилась Маринка. — Посижу немножко со всеми.

Но мать была непреклонна. Маринка, сделав кислую гримасу, ушла. Вскоре послышались звуки пианино.

Полина Ивановна налила гостям чаю.

— Ну, рассказывай, Леночка, как наш Андрей, — решила наконец спросить Полина Ивановна.

— Места там красивые, — начала Лена. — Высокие сопки. Река могучая. Она замолчала, понимая, что не таежные пейзажи интересуют собравшихся в этой комнате.

— Где живет он, как устроен? — настойчиво продолжала расспрашивать Полина Ивановна.

— Живет в общежитии, — ответила Лена.

— Где же ему еще жить, — вставил Алексей Петрович. — На стройке всюду так.

В этот момент в дверь постучали, и, когда Полина Ивановна крикнула: «Войдите!» — в комнату шагнул Гриша. Он был, как всегда, щегольски одет, как всегда, тщательно причесан, в руках букет сирени.

Гриша отвесил всем общий поклон и вручил цветы Полине Ивановне.

— Гриша, какой красавец, боже мой! — восхищенно произнесла Ольга Григорьевна. — На улице встретила бы, ни за что не узнала.

— Познакомься! Это Лена — невеста Андрея! — сказала Грише Полина Ивановна.

Гриша глянул на Лену невозмутимо, как совершенно незнакомый человек, церемонно поклонился и в то же время успел незаметно подмигнуть.

— Я узнал от мамы, что ты пошел к Полине Ивановне, — как бы оправдываясь, произнес Гриша. — Решил зайти.

— Хорошо сделал! — одобрила Полина Ивановна. — Сколько времени тебя не видела! Да ты садись! Бери стул и садись!

Гриша устроился напротив Лены. Полина Ивановна поставила перед ним чашку.

— Мы тут как раз об Андрее разговор ведем, — пояснила она, наливая Грише чай.

— Ты расскажи нам, как он тебя встретил? — попросила Ольга Григорьевна Лену. — Представляю его

изумление. Это было для него прекрасной неожиданностью.

— Никак он меня не встретил, — сказала Лена. — Я его не видела.

— Вот тебе на! В такую даль ездила и не увидела? — Полина Ивановна посмотрела на Лену с удивлением. — Где же он был?

— Я точно не знаю!

— Может, на сверхурочной работе? — предположил Алексей Петрович. — Это часто случается.

Разговор оборвался, последовала долгая неловкая пауза. Слышно было, как за стеной играла гаммы Маринка. Лена мучительно соображала, как бы поделкатнее рассказать, не вдаваясь в подробности, что произошло с ней на стройке.

— Вроде ты от нас скрыть что-то хочешь! — Мать с упреком глянула на Лену.

— Леночка, милая, — ласково сказала Ольга Григорьевна. — Здесь же сидят самые близкие Андрею люди. Ты говори все как есть...

— Когда я пришла в общежитие, в комнате, где живет Андрей, сидел парень, — решила наконец начать Лена и тут же отчетливо представила себе Кешку с его салынными волосами, запахом винного перегара и табака. — Он сказал, что они с Андреем приятели. А потом стал нести всякую чепуху.

— Ну что, что? Говори! — нетерпеливо воскликнула Полина Ивановна.

— Сказал, что рабочий класс в воскресенье желает выпить. А водку в воскресенье не продают, поэтому Андрей с друзьями ушел в деревню достать самогонку.

Полина Ивановна вдруг заплакала в голос.

— За что же нам такое наказание? — причитала она. — Мало мы страдали? Отец войну прошел, вернулся инвалидом, умер раньше времени. Я всю жизнь спины не разгибаю. Ждала сына, надеялась, а вон как все вышло...

— Плакать-то зачем! — прикрикнула на нее Ольга Григорьевна. — Побереги себя. Нервы ведь не восстанавливаются.

— Еще что этот парень говорил? — хмуро спросил Алексей Петрович.

— Ничего, — ответила Лена. — Стал ко мне приставать, за руки хватать. Я ушла.

— Рабочий класс! — В голосе Ольги Григорьевны звучало осуждение. — Без выпивки дня прожить не могут. Надо Андрея вытаскивать оттуда. Поехала бы к нему, поговорила.

— Разве я не говорила? Умоляла, чуть не на колени перед ним вставала.

Мать неудержимо плакала. Все сидели молча. А за стеной Маринка играла какую-то веселую мелодию. Она сбивалась, начинала снова.

— Хватит отчаиваться, — наконец сказал Алексей Петрович. — Что ты, на самом деле...

— Конечно, — сквозь слезы воскликнула Полина Ивановна, — чужую беду руками разведу. У тебя сын сидит рядом. Считаю, что диплом в кармане. А мой, если поживет среди такого народа, сам черт-те кем станет.

— Ты предполагаешь, если студенческий билет в кармане, значит, уж и человек! Ошибаешься! Сейчас у многих образование высшее, а воспитание едва среднее. Твой Андрей, по-моему, настоящий парень. Может, там какой-нибудь подонок сидел, напраслину разводил. А ты за голову хватаешься.

Лена почувствовала упрек в его голосе: дескать, не разобралась как следует, а говоришь. Она украдкой взглянула на Гришу. Но он не вслушивался в разговор. Он только делал вид, что слушает. На самом деле мечтал, как бы поскорее удрать отсюда с Леной.

Прошлый раз на пляже произошла осечка: Лена не поехала с ним на квартиру к Толику. Однако эта неудача не охладила Гришу, пожалуй, наоборот, еще больше разожгла. Лена теперь уже по-настоящему нравилась Грише. Он звонил ей после их прогулки на пляж, но не заставлял дома. Он подумал, правду говоря, что Лена не хочет подходить к телефону. И только сегодня узнал, что она ездила к Андрею, и понял, что эта поездка оказалась неудачной. Грише стыдно было признаться, но он был рад этому. В такие минуты девушке необходим кто-то, кто посочувствует ей, поддержит. Все это он, разумеется, делает. А потом... Гриша улыбнулся своим мыслям. Легким кивком головы он дал понять Лене, что пора бы отсюда сматываться.

Лене тоже не терпелось уйти — муторно было на душе. Но она не решалась перебить разговор.

— Андрея надо вытаскивать со стройки любой ценой, — еще раз решительно заявила Ольга Григорьевна. — Его надо устроить в институт и найти ему вечернюю работу. Конечно, он не должен сидеть на шее матери. Вы, Алексей Петрович, надеюсь, разделяете эту точку зрения?

Алексею Петровичу хотелось сказать: «Уж в большей степени надо волноваться за Гришу. У него студенческий билет в кармане, и он, конечно, получит диплом. Но как после этого сложится его жизнь, отношения с людьми...» Обо всем этом Алексей Петрович лишь подумал, а сказал так:

— Чем я тебе могу помочь, Полина? На днях еду в те края лекции читать. Могу побывать на стройке.

— И я с тобой! — Лицо Полины Ивановны просияло. — Может, мы его уговорим. Он тебя уважает, он тебя послушает. К его начальнику ходим.

— Кажется, вопрос улажен, — с удовольствием потирая руки, сказала Ольга Григорьевна. — Теперь и чайку можно попить с вареньем.

— Я обещала маме пораньше вернуться. Вы уж меня извините. — Лена встала из-за стола.

— Не будем задерживать, — тут же откликнулась Полина Ивановна. — Спасибо, что пришла, об Андрее рассказала.

— Папа, — обратился Гриша, — я, пожалуй, тоже пойду.

— Конечно, иди! — поддержала Полина Ивановна. — Леночку проводишь.

Алексей Петрович внимательно взглянул на сына. Он взял Гришу под руку и вывел в коридор.

— Я вижу, ты приглядываешься к этой девочке, — негромко сказал отец. — Не забудь, что она невеста Андрея.

— Папа, да ты что? — Гриша изобразил оскорбленную невинность. — У меня таких, как она, навалом: Нина, Марина, Маша, Тамара...

Отец тяжело вздохнул и, больше ничего не сказав, вернулся в комнату.

Гриша и Лена попрощались и вышли. Во дворе Гриша счастливо потянулся и сказал:

— О, блаженство! Теплый вечер, звездное небо! Наконец-то, мы освободились от этих скучных разговоров и нравоучений.

— У меня ужасное настроение. — Лена угрюмо шагала рядом с Гришей.

— Вполне понимаю. И поражаюсь Андрею. Видно, он холоден по природе. Бывают такие люди. Не дано им жаркого горения страсти.

— При чем тут горение страсти? — недовольно бросила Лена.

— Я, например, не уехал бы от тебя. — Гриша взял Лenu под руку, голос его зазвучал вкрадчиво. — Я бы грыз черные сухие корки, но был рядом. Если любишь, то невозможно уехать.

— У Андрея есть на то веские причины, — сказала Лена.

— Когда парень по-настоящему любит, то для него нет более веской причины, чем любовь! А у Андрея, следовательно, любовь, как говорят англичане, «соу-соу» — так себе.

— Хватит об этом! — Лена оборвала Гришу. Его слова были неприятны ей.

— Тоже верно! — тут же согласился Гриша. — А знаешь, что мой отец сегодня сказал? Я не должен с тобой встречаться. Ты, дескать, девушка Андрея. Ты принадлежишь ему, ты его собственность. Философия каменного века!

— А может быть, твой отец прав! — размышляла вслух Лена. — Зачем нам встречаться? Я невеста Андрея, ты его друг.

Гриша озадаченно посмотрел на нее. Он не ожидал такого оборота дела.

— Не понимаю, — пожал плечами Гриша. — Разве ты не допускаешь, что мы можем быть просто друзьями? Ты же сама в прошлый раз заметила, что между нами есть взаимопонимание. По-моему, это самое дорогое в отношениях мужчины и женщины. Ну, вот сейчас у тебя тревожно на душе, настроение плохое, верно?

— Верно! — Лена внимательно взглянула на Гришу.

— Нужно поскорее развеяться, — сказал Гриша. — Снять это нервное напряжение от бесполезной дискуссии на тему: «Как надо и как не надо поступать в этой жизни». А жить надо беспечно и весело! Пошли в кафе «Медведь». Посидим, поговорим.

Когда они подошли к кафе, Гриша широко распахнул дверь и пропустил свою даму вперед.

— Лукьяныч, привет! — крикнул Гриша швейцару. — Гостей принимаешь?

Едва они сели за столик, как к ним подскочил официант. Чувствовалось, что Гришу здесь хорошо знают.

— Значит, так, — сказал ему Гриша. — Бутылку сухого, красного.

— Будет сделано!

— Ну, а легонькую закусточку ты сам сообрази, и еще мороженое и кофе.

— Понимаю, — кивнул официант и, взяв со стола меню, ушел.

— Я о тебе думал все эти дни. — Гриша посмотрел ей в глаза. — Ты колдунья, ты околдовала меня и бросила.

— У колдуньи глаза должны быть черные!

— Ты колдунья особенная, сероглазая.

Лена засмеялась.

— И прошу тебя, — Гриша прикрыл руку Лены, лежащую на столе, — отбрось тревогу!

— Трудно! Душу давит.

Гриша сжал ей руку и понимающе взглянул.

— А может, Андрей умнее всех нас и расчитливее. У него точный расчет, он себе карьеру делает. — Гриша хитровато посмотрел на Лenu. — Год работает и вернется. У него биография: в армии служил, на великой стройке работал. Его на ручках в институте будут носить.

— Ну, что ты! — возмутилась Лена. — Это на него непохоже! Карьера! Расчет! Нет, нет! Он уехал, чтобы матери помочь.

— Ну, ты-то что так страдаешь! — Гриша снова взял Лenu за руку. — Год — не такой большой срок.

— Андрей меня тоже убеждал в этом. А мне год кажется целой вечностью. И я на Андрея все-таки в обиде!

Официант поставил на стол бутылку вина, красиво разместил тарелочки с закуской и удалился.

Гриша налил вино в фужеры.

— Так много?— простодушно удивилась Лена.
— Леночка!— воскликнул Гриша, и его яркие синие глаза изобразили искреннее изумление.— Тебе сейчас обязательно нужно выпить. Чуть забалдеешь, и так будет все прекрасно.

Они чокнулись.

— Чин-чин!— сказал Гриша.— Чур первая до дна.

— Никогда столько не пила, а сейчас назло Андрею выпью.

Лена выпила вино и вскоре почувствовала себя удивительно легко. Даже в помине не было той тоски, которая всего час или два назад давила сердце. Ей было свободно и весело. «Какой милый человек этот Гриша!— подумалось ей.— Как он заботлив, как понимает мое состояние».

Когда заиграла музыка, Гриша уверенно, по-хозяйски — и Лене это понравилось — взял ее за руку и повел танцевать. Он танцевал шейк, не обращая внимания на тех, кто старомодно витанцовывал фокстротные па в обнимку со своими партнершами.

Лену сразу заметили. Один за другим молодые люди пытались приглашать ее. Но Гриша говорил «нет» и сам шел танцевать с ней.

И только в конце вечера, когда Лену пригласил какой-то солидный мужчина, Гриша отпустил ее. Он решил, что ему пора позвонить Толику насчет «крыши».

Поднимаясь из-за стола, Гриша задел сумочку Лены. Она упала и раскрылась. Гриша поднял ее и увидел письмо Андрея. Он вынул письмо и быстро пробежал глазами по строкам.

«Если бы только знала, как я скучаю без тебя! Я помню о тебе каждую минуту. Даже ночью я не расстаюсь с тобой. Раньше мне не снились сны, а сейчас я каждую ночь вижу тебя».

Гриша усмехнулся. Засунул письмо в конверт и положил обратно в сумочку. Вот он уже у телефона, звонит Толику.

— Старик, здорово! Ты один?

— Один,— сонно ответил Толя.

— У меня такие дела!— воскликнул Гриша.— Ты помнишь ту Леночку с пляжа? Так она сидит сейчас со мной за столиком в «Медведе», понял? Смотайся куда-нибудь. А ключ оставь под ковриком, как в прошлый раз. Прощу тебя. Я в долгу не останусь.

Толя понял, что спорить бесполезно, и согласился.

Когда Гриша вернулся, Лена сидела за столом, расслабленно откинувшись на спинку стула. Ей казался прекрасным весь мир, все люди и Гриша.

Гриша улыбнулся Лене и опять наполнил фужеры.

— За тебя!

— Я так тебе признательна за сегодняшний вечер!— с чувством произнесла Лена.— Целый день мне было плохо и неудобно. Я не находила себе места. И, наверное, разревелась бы, если бы ты не позвонил. А сейчас мрак рассеялся. И правда, почему мы не можем с тобой встречаться просто так, подружески?

— Чин-чин!— прошептал Гриша и осушил фужер.

Он подозвал официанта и попросил принести еще одну, неоткупоренную бутылку вина и счет. Отдав деньги и прихватив с собой бутылку, Гриша подал руку Лене, и она послушно пошла с ним к выходу.

— На Краснофлотскую,— сказал Гриша, когда они сели в такси.

— Почему на Краснофлотскую?— спросила Лена.

Гриша всегда боялся этой роковой минуты во встречах с девушками. Казалось, что все в порядке, и вдруг начиная сначала. Гриша взял Ленкину руку и поцеловал.

— Мы заедем к приятелю,— вкрадчиво сказал он.— Помнишь, он подходил к нам на пляже? По-

сидим минутку, поговорим. Время еще детское, половина одиннадцатого. Тебе домой хочется?

— Домой мне не хочется!— призналась Лена и подумала, что мать еще не спит. Конечно, она станет расспрашивать, как там на стройке. Врать противно. Правду расскажешь — начнутся нравоучения. Уж лучше прийти домой попозже, когда мать уснет.

Чем дольше молчала Лена, тем тревожнее становилось Грише. Он решил, что счастливая надежда опять рушится, и поэтому начинал злиться. Но он хорошо знал, что злость не лучший советчик в подобных ситуациях, и старался погасить ее. Он нежно прикасался губами к ее руке и шептал:

— Мы сварим кофе, выпьем по чашечке. Хмель как рукой снимет. Потом я тебя домой отвезу...

Такси остановилось. Лена минуту колебалась и наконец вышла из машины. Гриша почувствовал себя победителем. Он подхватил Лену под руку и зашагал с ней к дому. В полутемном коридоре Гриша наклонился, приподнял коврик, на ощупь взял ключ, открыл дверь и пропустил Лену вперед. Квартира была маленькая, однокомнатная. Видимо, Гриша частенько бывал здесь. Он поставил чайник на плиту, вынул из шкафчика кофе. Потом взял Лену за руку и повел ее в комнату, которая была едва освещена. Гриша включил магнитофон. Минутку он стоял, как бы прислушиваясь к медленной мелодии. Он обнял Лену и стал танцевать, прислонившись своей горячей щекой к ее щеке. Сделав всего несколько па, Гриша прошептал:

— Ты мне очень нравишься, Лена! Я не могу равнодушно смотреть на тебя. Когда я вижу твои глаза, когда я слышу твой голос, твой смех...

Лена подняла на Гришу глаза, и он вдруг, схватив ее за плечи, поцеловал в губы.

— Что ты делаешь, Гриша!— воскликнула Лена, отпрянув от него.

Но он снова привлек ее и стал лихорадочно целовать.

— Я люблю тебя, Лена, дорогая!

— Ты с ума сошел!— испуганно произнесла Лена.

— Да, да! Сошел! Лена, милая!— Гриша посадил ее на тахту.— Очень люблю, не могу...

— Не надо, Гриша,— взмолилась Лена, когда почувствовала его горячие, дрожащие пальцы.— Это же нечестно...

Лена хотела вырваться, закричать, но не было сил...

17

3 вено Данилина начинало бетонные работы в новом блоке. Бетон обещали «навалом», а значит, работа предстояла настоящая и зарботки солидные. Но прежде всего требовалось закончить подготовку блока к одиннадцати часам.

— Живее поворачивайся!— покрикивал звеньевой.— Нажимай!

Кешка и Петр сваривали угольники на пилонах. Олег и Андрей крепили опалубку. Работа шла как обычно, но Данилину казалось, что ребята могли бы действовать попроворнее. И он снова кричал:

— А ну, давай скорее нажимай!

— Почему всю жизнь только и слышишь: «Давай, нажимай!»?— недовольно бросил Олег.— Хоть бы кто сказал: Олег Григорьевич, работайте спокойно.

— Хватит трепаться!

Но Олег уже прекратил работу, снял рукавицы и не торопясь стал закуривать.

— Я тебе серьезно говорю!—вскипел Данилин.— Время не ждет. Шоферы привезут бетон, увидят, что блок не готов, и отправятся в другое место.

— Значит, шоферы тоже торопятся,— не сдавался Олег.— Значит, все торопятся— и каменщики, и плотники, и весь народ? Ну, а зачем торопимся? Построим мы эту станцию, другую, третью. А нашим детям делать будет нечего. Они от безделья водку начнут хлестать.

— Ты не переживай за детей,— успокоил Олега Данилин.— Больше тебя они все равно не выпьют. А сейчас хватит базарить!— опять резко крикнул он.

Олег бросил сигарету, натянул рукавицы и взялся за дело. Данилин окинул взглядом рабочих и заметил, что Андрей заканчивает крепежку опалубки.

— На сварочной работе никогда не был?— спросил его Данилин.

Андрей отрицательно покачал головой.

Данилин взял концы проводов от сварочного аппарата, защитную маску, электроды. Вместе с Андреем они подошли к левому пилону,— пилоны видом своим напоминают высокую колонну, сваренную из металлических угольников. Кешка и Петр работали наверху этой колонны. Но внизу еще не были приварены распорки.

Данилин взял одну распорку и быстро приварил ее.

— Вот в таком духе и валяй,— сказал звеньевой.— Он передал Андрею вилку с электродом, защитную маску.— Только на электрод сильно не нажимай...

Андрей приставил маску к лицу и поначалу едва разглядел угольник и кончик электрода. Он ткнул

электрод в металл, огненные брызги разлетелись во круг, конец электрода приварился к угольнику. Андрей тащил его к себе, но он не поддавался.

— В стороны раскачивай!— крикнул Данилин, наблюдая за работой Андрея.

Андрей покачал направо, налево, и электрод оторвался от угольника.

— Понежнее работай! Самым кончиком к металлу прикасайся.

Вот, пожалуй, и все слова, которые произнес Данилин. Но Андрей усек смысл этой работы. Дело тут в сноровке. Он осторожно дотронулся кончиком электрода до металла— взлетел сноп разноцветных брызг. Вот начал плавиться металл, превращаясь из черного в красный, затем становясь розовым, потом белым... Электрод движется, жидкий металл ложится швом на угольники.

Когда Андрей сделал несколько швов, Данилин посмотрел, поколотил по сваренному месту молотком.

— Соображаешь,— одобрил он.— Красоты, правда, нет, но крепко получается. Дуй в том же духе.

На пилоны— высота их четыре метра— установят металлический мост. По нему будут заезжать машины и сваливать в блок бетон.

Еще не все крепления приварили к пилонам, а кран уже тащил по воздуху мост. Звеньевой обрадовался: если бы машины с бетоном пришли, а мост не был готов, тогда, считай, провалилось все дело. Машины поехали бы в другой блок, и жди их потом...

Кешка и Петр принимали мост. Они точно поса-

дили его на пилоны, сняли крюки с петель, и трос полпыл обратно, лениво раскачиваясь в воздухе.

Когда мост установили, Петр крикнул:

— Эй, Данила! Приваривать мост к пилонам будем?

— Успеем приварить. Слезай и кончай работу внизу.

— По инструкции полагается приваривать,— напомнил звеньевому Петр.

— Если бы мы работали по инструкции, мы бы эту плотину двадцать лет строили,— отмахнулся Данилин.

Первый самосвал с бетоном подъехал к блоку и нетерпеливо посигналил.

Данилин крикнул: «Давай!»

Машина осторожно выезжает на мост, установленный на четырехметровой высоте у рабочих над головой. Поднимается кузов, и бетон шумно валится в блок.

Начало положено. Данилин от удовольствия потирал руки: не так уж легко ровно к намеченному часу закончить подготовку блока.

Следом за первой машиной мчалась вторая. Нервно сигналил шофер, лихо заезжая на мост и вываливая бетон.

Завизжали, загудели вибраторы, и опять, как и в прежнем блоке, началась атака на бетон.

Самосвалы шли один за другим, и гора бетона в блоке росла. Звеньевой тоже взялся за вибратор и работал вместе со всеми, успевая еще взглянуть наверх, дать команду очередному водителю.

«Надо бы, конечно, приварить мост к пилонам,— думал Данилин, поглядывая наверх. Но мост стоял прочно.— В том блоке мы вообще не приваривали... хотя по инструкции полагается. Потом приварим,— решил он,— когда с бетоном будет заминка».

Однако никакой заминки не предвиделось. Бетон все прибывал.

Андрей работал с вибратором в руках. Теперь он справлялся с ним легко, играючи. Он переступал с ноги на ногу, одной рукой орудовал вибратором. Оттого, что Данилин ему, новичку, позволил варить— от этого у Андрея было приподнятое настроение. В последние дни все шло вкривь и вкось. Он сам себе казался каким-то невезучим, и вот наконец-то выпала маленькая радость. Сварочная работа ему понравилась. В ней есть особая красота. Когда видишь, как под твоей рукой плавится металл, чувствуешь свою власть над ним.

Андрею хотелось, чтобы Лена была рядом, чтобы она видела, как он работает. Ее присутствие нужно было Андрею не для того, чтобы покрасоваться перед ней, а для того, чтобы поделиться радостью.

«Может быть, сегодня приду с работы, и от нее письмо лежит. В нем все сказано. Почему все-таки она не дождалась и уехала, не повидавшись?» Что произошло здесь, в его отсутствие? Эта мысль мучила.

Очередная машина заезжала на мост. Водитель ехал чуть быстрее, чем другие, и поэтому колеса толкнулись о задний упор сильнее, чем нужно. Мост вздрогнул и едва заметно съехал с пилонов в сторону. Если бы Данилин следил, как ему полагалось, за самосвалом, то он бы заметил этот небольшой сдвиг моста. Но в этот момент он работал с вибратором в руках, и все внимание его было устремлено на растекающийся под инструментом бетон. Вверх он не смотрел.

Самосвал уехал, и Данилин продолжал усердно трудиться, изредка поглядывая на рабочих, которые не сбавляли темпа. Данилину было за пятьдесят, и не отставать от других в этом бешеном ритме ему

было трудно. Наконец он решил передохнуть и в этот момент увидел, как заезжала на мост следующая машина. Шофер открыл дверь и, высунувшись из кабины, потихоньку двигал машину назад. Звеньевой держал одной рукой вибратор, другую приложил козырьком ко лбу, чтобы не слепило солнце. Он стоял очень близко от пилона, почти под самым мостом, и груженный самосвал на четырехметровой высоте был над его головой. Машина медленно двигалась.

До упора оставался, может быть, метр, когда Данилин заметил, что мост смещается с пилонов.

Он хотел отбежать в сторону, но ноги были крепко схвачены бетоном. Данилин закричал: «Стой!»

Шофер резко затормозил, и в этот момент мост скользнул по одному из пилонов и резко накренился.

Машина не упала в блок. Ее колеса уперлись в металлический барьер. Но часть бетона выплеснулась из кузова и полетела вниз.

Данилин видел эту серую тяжелую массу, которая летела на него. В ужасе он обхватил руками голову и весь сжался в ожидании удара, и вот бетон обрушился на человека, смял и завалил его. Андрей первым бросился на помощь.

— Стой! — заорал Петр.

Мост мог съехать с другого пилона, и машина упала бы с четырехметровой высоты в блок. Поэтому рабочие стояли в дальнем углу, прижавшись к стене. Андрей не слышал этого окрика. Он стал разгребать бетон.

Олег и Петр начали кричать крановщику, чтобы тот поскорее подал трос.

Кешка, убедившись, что машина не падает, подошел к Андрею.

Помогая друг другу, они вытащили звеньевую из бетона и понесли на руках в бытовку. Кран повернул свою огромную стрелу и опустил трос к грузовику. Олег поймал один крюк, Петр второй. Они вылезли из блока, зацепили крюки за две серьги с той стороны моста, которая опустилась.

— Вира! — прокричал Петр.

Кран натянул трос, и мост встал в свое нормальное положение. Шофер, не выгружая остатки бетона, рванул машину вперед. Когда он съехал с моста, откинулся на спинку сиденья. На бледном лице стали появляться признаки жизни.

Данилина положили на скамейку, обмыли лицо. Оно казалось безжизненным...

Андрей делал ему искусственное дыхание. Он развел руки в стороны, а затем нажал на грудь, и Данилин жалобно застонал.

— Видать, грудь повредило,— предположил Петр.

— Еще бы не повредить! Чуть не полмашины бетона вывалилось,— сказал Олег.

— Опять ваше звено! — громовым голосом прокричал Гладков, входя в бытовку в сопровождении врача. — Разогнать вас нужно к чертовой матери: что ни день, новое происшествие. Кто ставил мост? — спросил Гладков.

— Мы с Петром,— ответил Кешка.— Но мы лица не ответственные. Когда мост подали, Петр крикнул Данилину: «Будем приваривать мост?» А тот ответил: «Успеем приварить! Слезай и кончай внизу».

— Правду говорит,— подтвердил Олег.

— Полчаса времени сэкономили! Жадность ододела. Халтурщики!

— Потихо, Никита Степанович,— попросил доктор.

— А кто из вас левый пилон варил, который подвернулся?

— Если бы мост приварили, он бы не подвернулся,— сказал Петр.

— Я еще раз спрашиваю: кто из вас левый пилон варил?

Все молчали. Андрею показалось, что рабочие смотрят на него. Хотя не один он варил — Петр и Кешка тоже сваривали угольники на этом пилоне.

— Я варил, — ответил Андрей.

Если бы рухнул потолок или провалился пол под ногами, это вызвало бы меньше удивления и гнева у Гладкова.

Сжав кулаки, он шагнул к Андрею.

— Как ты смеешь варить, если ты не сварщик?! — с надрывом крикнул Гладков. — Под суд отдам!

Андрей хотел объяснить Гладкову, что так ему велел звеньевой. Но промолчал. Ему стыдно было винить Данилина, который лежал на лавке чуть живой...

18

Гладков еще раз перечитал акт комиссии о несчастном случае со звеньевым Данилиным и отодвинул его в сторону.

Но, посидев минутку, он снова прочитал: «Звеньевой Данилин пострадал из-за собственной халатности...»

Гладков вынул пачку «Беломора», закурил и прошелся по комнате. Он пытался думать о чем-нибудь другом. Но в глазах стоял этот самый медленно идущий самосвал с бетоном и мост, который вдруг сдвинулся с пилона. Машина накренилась, чудом удержавшись на мосту. «Если бы машина упала с четырехметровой высоты в блок, всех бы ребят придавило насмерть».

Гладков отогнал от себя эту ужасную мысль и, ткнув недокуренную папиросу в пепельницу, сел за стол.

Хватит об этом. Нужно думать, кого на место Данилина назначить. На чистом листе бумаги Гладков написал фамилии рабочих звена: Ефимов Олег, Вольнов Петр, Былов Иннокентий, Ермаков Андрей. И еще написал: Абросимов Василий — бывший шофер Васюта с сегодняшнего дня начал работать в этом же звене.

Конечно, больше всех подходил на должность звеньевого Петр. Он владеет многими специальностями. Но уж очень он нерасторопен. Не уследит за всеми. Тут ведь нельзя витать мыслями в облаках — на землю глядеть надо! Гладков представил этого крепкого русоволосого парня с тетрадью стихов в руке. Он неоднократно выступал на вечерах самодеятельности, и все на строительстве знали, что Петр сочиняет стихи. Дело это, конечно, хорошее. Но оно не помогает в строительной работе. Нет, Петр для роли звеньевого не подходит.

И Гладков вычеркнул фамилию Вольнова.

«Ефимов Олег». — Гладков улыбнулся. Вот дать ему власть! Не жизнь была бы, а сплошное веселье. Липовые наряды потекли бы рекой. Гладков зачеркнул и эту фамилию.

«Иннокентий Былов», — прочитал Гладков и, не задумываясь, вычеркнул и его. Когда вычеркнул, все-таки отметил про себя, что сварщик он хороший и бетонщик опытный. Но никогда он не прирастет ни к какому месту! Типичный летун. Одна выгода в голове. Гладкову довелось как-то узнать, что Кешка рос сиротой. Какое уж тут воспитание! Перевоспитывать его в горячке стройки некогда. И годы у парня уже не те.

Следующим в списке был Василий Абросимов. Гладков задумался. Васюта всегда переполнен оптимизмом, который прорывается и в веселом взгляде

и в улыбке. Даже сейчас он не унывает, хотя и наказан поделом, не сидит за баранкой, а месит бетон наравне с другими. К тому же Гладков рассчитывал вскоре посадить его обратно за руль.

В списке остался один Андрей Ермаков. Гладков положил карандаш, откинулся на спинку стула и уперся взглядом в бревенчатую стену. Она была медового цвета, и на ней кое-где проступали капельки прозрачной смолы. Однако на стене этой не был написан ответ на заботивший его вопрос.

Когда случилось несчастье с Данилиным, Гладков приехал на место происшествия. Он увидел сдвинутый мост, обратил внимание, что из четырех угольников, которые были приварены к пилону как распорки, два оторвались. Конечно, их варил Ермаков, подумал Гладков и выругался в сердцах. Как же можно было допускать его к сварочным работам, если он не окончил курсы? Счастье еще, что два других угольника не оторвались. Вина во всем звеньевой. Он разрешил Андрею сварочную работу. Но какой теперь с него спрос? Сколько времени он проваляется в больнице?.. «Андрея Ермакова», — решил Гладков, — все же придется наказать за то, что взялся за работу, не имея на это права...»

Но когда началось следствие, все обернулось по-другому. Оказалось, что эти две «спасительные» распорки, которые не оторвались и удержали мост, были приварены именно Ермаковым. Сварка в этих местах была грубая, с волдырями, но выполнена добросовестно.

Узнав об этом, Гладков собрал звено и сказал:

— Скажите спасибо Ермакову. Если бы он варил, как вы, на халтуру, то лежать бы вам всем сейчас в гробу.

В душе Гладков порадовался, что с Андрея была снята вина. Он испытывал к этому парню какое-то противоречивое чувство. Ему была известна история с сапогами, его привел в негодование случай с затонувшим грузовиком. Когда Гладков приезжал в управление на планерку, в его адрес сыпались шуточки и обязательно кто-нибудь из инженеров с насмешливым сочувствием спрашивал: «На вашем участке, товарищ Гладков, башенный кран еще не упал в воду?»

И при всем том чутье подсказывало Гладкову, что этот парень — человек незаурядный. Такие люди не так уж часто попадались Гладкову на стройках. Разумеется, Ермаков не имел права садиться за баранку. Мог погибнуть ни за грош. Смекалка спасла. Да, смекалка и спокойное мужество. Этими качествами природа одаривает далеко не всех. Рука начальника участка машинально потянулась к пачке «Беломора». Он долго разминал папироску и наконец закурил.

И фамилия-то у него хорошая — Ермаков. Он вспомнил книгу, недавно попавшуюся ему на глаза, — «Потомки Ермака».

«А что, если его назначить звеньевым?» — неожиданно спросил себя Гладков. И сам удивился своему вопросу.

Удивился, однако подчеркнул дважды единственную не вычеркнутую в списке фамилию Ермакова.

...Когда Андрею сказали, что его вызывает Гладков, он подумал, что опять начнутся выяснения обстоятельств печального происшествия на мосту. Правда, теперь Андрей шел к Гладкову спокойно, без страха и угрызений совести. Ведь было совершенно точно выяснено, что не по его вине произошла авария. «Конечно, Гладков может прочитать мораль еще раз, — подумал Андрей, — почему взялся за сварку, не имея звания сварщика. Почему не отказался. Но это, так сказать, разговор воспита-

тельный, а не обвинительный. Еще, может, какой-нибудь штраф наложит».

Андрей усмехнулся. Он приехал на стройку зарабатывать деньги. Вот уже второй месяц пошел, как он здесь, а матери сумел послать всего полсотни. За сапоги вычли, за подъем «четвертака» вычли, тут еще эта история с липовыми нарядами, от которой тоже прибыли не было. «Сейчас Гладков скажет: за нарушение правил техники безопасности — штраф. — Андрей прикинул в уме и вздохнул. — Матери, наверно, и грустно и смешно: сын — добытчик, поехал на стройку за большой деньгой, а какой прок?»

Андрей постучал в дверь времянки и услышал голос Гладкова:

— Заходи!

Андрей подошел к столу, за которым сидел Гладков, и снял фуражку.

— Садись, — предложил Гладков. — В ногах правды нет.

Андрей сел.

— Может, закурить хочешь?

Андрей отрицательно покачал головой.

— Не хочешь, так я закурю, — сказал Гладков и стал неторопливо закуривать, поглядывая на Андрея и размышляя о том, как лучше начать разговор. «Пожалуй, лучше сразу быка за рога!»

— Я решил назначить тебя звеньевым на место Данилина, — сказал Гладков. — И приказ уже подписал.

Гладков взял со стола приказ и вручил его Андрею.

Андрей прочитал, удивился, помолчал сперва, а потом сказал:

— Несправедливо. У нас есть Петр Вольнов — он звеньевым может быть.

— Кто у вас есть, мне лучше знать! Бери приказ и выполняй...

— Не могу! Звеньевым должен многое уметь. — Андрей положил приказ на стол. — Да и вообще со мной только неприятности. Сапоги утопил в бетоне, машину загнал в реку. Незаконно взялся за сварочную работу — сами говорили.

Гладков поднялся из-за стола и прошелся по комнате. «Трудный малый», — подумал он и сказал:

— Струсил! Признавайся, струсил? А еще комсомолец! Такое не к лицу.

Андрей посмотрел на Гладкова и увидел усмешку в его глазах. Эта усмешка больно царапнула. А ведь начальник прав: он и в самом деле трусит.

— А мне показалось, что ты парень лихой, с характером, — продолжал Гладков. — Люблю лихих ребят! Сам в молодости лихости не чурался, да и сейчас... Значит, ошибся я в тебе...

«Почему струсил? — спросил себя Андрей. — Кешки испугался! Сопляк!» И опять, как тогда в городе, обозвав себя этим обидным словом, он обозлился на свою нерешительность.

— Что молчишь? — спросил Гладков, угадав внутреннюю борьбу, которая происходила в душе Андрея.

— Ладно, — нехотя вымолвил Андрей и взял приказ со стола.

— Если помощь будет нужна, заходи, — произнес Гладков, и в его глазах уже не было усмешки.

Андрей шагнул к ребятам. Приказ словно оттягивал ему карман. Он не мог представить, как встретят они его. Сегодня звено из-за того, что не хватает бетона, было переброшено на «пыльную» работу. Отбойными молотками нужно долбить твердую породу и грузить ее в поддон. Та самая невыгодная работа, из-за которой у Андрея уже была стычка с ребятами.

Когда Андрей подходил к месту, где находилось звено, он не услышал стука отбойных молотков. Петр и Васюта лежали на горячих камнях и спали. Олег и Кешка играли в карты на щелчки.

Андрей сел на камень, посмотрел на Олега и Кешку и сказал:

— Я ваш новый звеньевый.

— Ха! — произнес Кешка и бросил карты.

Андрей вынул из кармана приказ, разгладил его и дал Олегу. Олег разбудил Петра и Васюту и вслух прочитал приказ.

— Ну и что же, новый начальник, будем делать? — спросил Петр, протирая глаза.

— Работать! — ответил Андрей.

— Работа дураков любит — это всем известно.

— Мы много разных фраеров за последнее время видели, — зло бросил Кешка, — уже трое сменилось. И тут нате вам, пожалуйста, «сапоги» — стал руководящей силой. Ха! Ха! — Он демонстративно поклонялся пальцы и стал сдавать карты.

— Петра должны были назначить звеньевым, — сказал Олег. — Мы предлагали это Гладкову.

— Я тоже так считаю, — пожал плечами Андрей. — Гладков со мной не согласился, этот приказ написал.

— У нас тут стройка, а не армия, — заявил Кешка. — Мы не на военном положении. Приказ можно отменить. А ты на посту звеньевского — смех поросичий!

Издевка Кешки резанула слух Андрея. И если до этой минуты он еще сомневался в своих силах и побаивался ребят, то сейчас, сложив бумагу и сунув ее в карман, твердо заявил:

— Если уж меня назначили звеньевым, то я вам скажу так: кто хочет работать, пусть остается. Кто не хочет, может сматываться! Упрашивать не буду.

— Смотри, как заговорил! — воскликнул Олег. — Ты, что же, нам власть показать свою хочешь?

Андрей поднял валявшийся на земле Кешкин отбойный молоток. Через минуту послышался характерный шум осыпающегося камня.

Некоторое время ребята молча прислушивались к нему. Первым заговорил Васюта:

— Ты не прав, Олег. Назначили Андрея звеньевым, надо с этим считаться.

— Считайся! Твое дело! — крикнул на него Кешка. — Подголосок несчастный!

Кешка опять поклонялся пальцы и ловко раздвинул карты веером. Он подмигнул Олегу и качнул головой в сторону Андрея — со стороны была хорошо видна его широкая спина, сильные руки, держащие отбойный молоток.

— Если он так будет работать, — сказал Олег, — он один выполнит норму за все звено.

— Зря смеетесь, — опять послышался голос Васюты. — Труд уважать надо! Кончай перекур.

Васюта поднялся и, взяв отбойный молоток, встал рядом с Андреем. Следом за ним в работу включился Петр. А Кешка и Олег по-прежнему играли в карты.

Так и шло время до того самого момента, когда появилась Зина со своей кожаной сумочкой через плечо.

— Здравствуйте, друзья-товарищи! — весело приветствовала она ребят. — Все ли силы вы отдали великой стройке?

— А что, не видишь? — усмехнулся Кешка, аккуратно собирая карты в колоду.

— Вижу, — ответила Зина и присела на большой, округлый камень.

Андрей кончил работу.

— Говорят, ты новый звеньевый?

— Правильно говорят.

Они посмотрели друг на друга и помолчали.

— Что-то не о том разговор идет,— произнес Олег.— Трудящиеся желают получить вознаграждение за свое старание. Чего ж тут вола тянуть?

— Как будем считать?— спросила Зина и опять посмотрела на Андрея.

— Считай так, как есть!— сказал Андрей.

Зина вынула книжечку. Рабочие стояли вокруг и ждали.

— По два семьдесят на нос!— сказала она.— Больше не выйдет.

— Плохо работали!— закончил Андрей.

— Но уж ты, благодетельница, не оставь нас без милости,— пропел Олег.— Подмочи скалу...

— Нет,— отрезал Андрей.— Больше никакого подмачивания не будет.

Кешка пробился в круг, циркнул слюной в сторону и встал перед Андреем.

— Ты что ж, падло, опять против народа идешь?— Кешка прищурил один глаз.

Андрей спокойно сказал:

— Отойди в сторонку. Не с тобой разговор.

— Как это отойди?— Кешка уперся плечом в грудь Андрея.— Ты у меня из горла кусок выдираешь, а я отойди!

— Знаешь что, звеньевой,— сказал Олег.— Ты человек новый. Давай заведенный порядок не менять. Мы много не просим, но уж пятерку в день отдай. Кто виноват, что бетона не хватает и нас послали на эту дурацкую работу?

— Если трудиться честно, то и здесь по пятерке получится. А если на теплых камнях животы греть и в карты полдня играть, тогда и до трех не дотянешь. Кому не нравятся мои условия, могут уходить из звена.

— Ну, а если мы тебе кости поломаем?— спросил Олег, бросив на землю сигарету.

— Во-первых, у меня достаточно крепкие кости,— ответил Андрей все тем же спокойным тоном.— А, во-вторых, тебе тогда тюрьмы не миновать.

Кешка резко повернулся и схватил Андрея за грудки. Андрей взял его руку и сжал до боли. С другой стороны к Кешке подошел Васюта и сказал:

— Ну-ка, отвались!

— Ты не слушай его!— крикнул Олег Зине.— Выписывай наряд как надо.

— Я не подпишу,— твердо заявил Андрей и пошел к тому месту, где лежала его брезентовка.

— Чтоб я с такой парашей рядом жил!— истерично кричал Кешка.— Как будто я себе рабочего места не найду! Пойдем, Олег!

Олег собрался уходить.

— А ты что стоишь, Петр?— спросил Кешка.— Нам тут больше делать нечего. Нас предали.

— Так тоже нельзя,— неторопливо ответил Петр.— Сразу— пошли. Надо поглядеть, чем дело кончится.

— Гляди, гляди, Петя,— сказал Кешка,— только зенки себе не прогляди.

Кешка накинул на плечи брезентовку и ушел. Следом двинулся Олег.

— Выпишу, как есть, по два семьдесят,— решила Зина.— Мне это легче.— И вынула из кожаной сумки свою учетную книжечку.

Васюта и Петр оделись и пошли к прорабской.

Когда Зина кончила писать и спрятала учетную книжечку, она сказала Андрею:

— Я не думала, что устоишь: тут такой народ...

— А ты привыкла уступать. Не свои деньги отдаешь, а государственные. Кто тебя уполномочивал?

— Вас же, дураков, жалко!— вздохнула Зина, собираясь уходить.— Мне-то прибыли от этого нет...

— Ну как же! Слава дсброй души. Разве это не прибыль? Сегодня ты ему, а завтра он тебе какую услугу окажет.

— Хорошо же!— сердито бросила Зина.— Если ты попросишь когда-нибудь выписать наряд не так, как есть на самом деле, вот я тебе его выпишу...— Зина сложила три пальца, показала Андрею кукиш и пошла дальше.

Андрей остался один. Невесело было у него на душе. «Может быть, я слишком резко с ними говорил?» Нет, ему не в чем было упрекнуть себя. Зина рассердилась. Не хотелось ему ее обижать, но нельзя же попустительствовать всему этому безобразию. «Лучше сразу,— повторил Андрей.— Чтоб все было ясно».

19

В воскресенье Андрей сидел на лавочке около общежития и смотрел на противоположный каменистый и голый берег реки. Казалось, что серые камни грубо обрублены чьей-то могучей рукой. И только в одной незаметной расщелине росла сосна. Она была кривая, похожая на вопросительный знак. Андрей уже сто раз видел эту кривую, одинокую сосну и не понимал, как она могла вырасти среди сплошных камней.

Сосна на скале напоминала Андрею о его собственном одиночестве.

Прошла почти неделя с того дня, как его назначили звеньевым. Но обстановка на работе не наладилась, а, пожалуй, наоборот. Олег и Петр относились к Андрею прохладно, особенно после того, как ушел Кешка. Они винили во всем Андрея. Они долгое время работали вместе, привыкли к Кешке, их развлекала его шутовская болтовня, и их вовсе не радовала замена его кем-то другим.

Может быть, Андрей не чувствовал бы так остро свое одиночество на стройке, если бы в письмах из дома была бы хоть какая-нибудь поддержка. Мать по-прежнему просила и даже требовала вернуться в город и начать учебу. Если бы она узнала, что ему здесь так одиноко, она, наверное, даже обрадовалась бы. От Лены вообще писем не было, хотя Андрей дважды писал ей. Поначалу он каждый день ждал от нее письма. Возвращаясь с работы, он обязательно заходил на почту.

Но прошло уже три недели после того неудачного приезда Лены на стройку, а писем от нее все не было. Андрей очень обиделся. Что бы ей ни сказал тогда этот паразит Кешка, все-таки верить-то она должна прежде всего ему, Андрею! И Андрей зарекся писать Лене до того времени, пока не получит письма от нее. Он не отступал от своего решения, хотя на душе кошки скребли.

— Здравсьте!— Андрей услышал за спиной голос Зины.— Скучаете, товарищ звеньевой?

Андрей пожал плечами.

— В свободный день, в такую распрекрасную погоду скучать!— весело воскликнула Зина.— Едем на речку Контару.

— На чем?

— Петр лодку у рыбаков выпросил.

Зина подхватила Андрея под руку и потащила в общежитие.

— Неудобно!— сказал Андрей.— Меня Петр не звал.

— Что за церемонии? Бери свитер и пошли,— скомандовала Зина.— На Контаре красота необыкновенная, хариус сам в кастрюлю прыгает. А ты

тут сидишь на лавочке, и глаза у тебя какие-то печальные.— Зина махнула ему рукой и побежала по тропинке вниз, к реке.— Догоняй, Андрей!— крикнула она.

...На берегу около лодки возился Петр.

— Вот, пожалуйста, водолаз-подводник и к тому же звеньевой,— сказала Зина.

— У тебя, Зина, инициативы хоть отбавляй!— не слишком любезно встретил их Петр.

Зина и Андрей примостились на дне лодки, тут же лежали туго набитый рюкзак, ружья и удочки.

Петр оттолкнул лодку от берега, ловко прыгнул в нее. Лодку сразу же понесло по течению. Он резко дернул за пусковую веревку, и мотор заработал, выбросив в воздух облако сизого дыма.

Мотор ревел, оправдывая свое название «Вихрь». Вода мчалась за бортом, но берег двигался медленно. Слишком сильным было встречное течение.

Петр сидел на корме, управляя лодкой. На нем была шерстяная шапочка, на плечах штормовка с капюшоном. Он был похож на заправского боцмана, не хватало лишь трубки в зубах да бороды.

Андрей полностью отдался той радости, которую доставляет человеку красота первозданной природы. Плывут берега, открывая все новые и новые удивительные картины. Вот каменные громады скал нависают над головой, а то вдруг тайга темной стеной подступает к самой реке.

Лодка приближалась к створу будущей плотины. На левом берегу показались домики Нахаловки. Отсюда, издали, группа домиков казалась давно обжитой деревенькой. В огородах копаются мужчины. Женщины развешивают белье.

За следующим уступом открылся брезентовый городок «Теребилровка». Здесь не видно огородов; все скрыто деревьями, между стволами которых натянуты веревки, на них развешаются по ветру простыни, детские распашонки, пеленки.

Зина легонько толкнула Андрея, когда появилась насыпь строящейся дороги: вот то самое место, с которого он покатишься в воду на грузовике. «Насыпь-то, оказывается, высокая,— удивился Андрей.— Когда на нее смотришь отсюда, просто гора!»

Все ближе створ будущей плотины. Продольная перемычка сузила русло реки почти вдвое. Вода несет с бешеной скоростью...

Отсюда, с реки, все казалось масштабнее. И перемычка выше, и берега реки круче. Взрывники уже очистили на них место, куда примкнут широкие плечи будущей плотины. Даже не верится, что плотина будет такая высокая. И ведь все это рождается на твоих глазах, и ты в этом принимаешь участие.

Лодка миновала створ и поплыла навстречу дикой, нехоженой тайге. Скрылись из виду высокие подъемные краны и стальные тросы, натянутые между скалами.

...У каждого человека есть свое представление о счастье. У Петра все самое лучшее в жизни было связано с природой. С малых лет отец водил его по тайге. Он был заядлым охотником и по нескольку суток бродил по лесу. Для мальчика это были счастливые дни. Когда теперь ему удавалось раздобыть лодку и плыть вот так, как сейчас, по широкой реке с безлюдными берегами, он чувствовал себя совершенно счастливым. Он видел замшелые камни, укромные песчаные отмели, темные пещеры в скале, где, может быть, когда-то жили люди... Таинственное прошлое Земли открывалось ему.

Да и воздух здесь был другой. Он нес аромат трав, нежных лиственниц и смолистых сосен, папоротника и белоствольных берез.

Может быть, потому, что отец привил Петру лю-

бовь к природе, он и начал писать стихи. Теперь, плывя по Енгирю, Петр глядел на дикую предель тайги, и слова сами складывались в поэтические строки...

Справа показался широкий распадок, из которого вытекала речка Контара. Она быстро бежала среди каменных порогов. Вода завихрялась, пенилась и поэтому казалась белого, молочного цвета.

Петр направил лодку к устью реки. Лодка проскочила между двух огромных камней, торчащих из воды. Но на пути вставали новые и новые камни.

Повороты были все круче и круче, Андрея и Зину бросало то влево, то вправо. Высокие каменные утесы падали то в одну сторону, то в другую. Голубое небо вдруг оказывалось где-то сбоку. Вода мчалась у самого борта, брызги обрушивались в лодку.

Каменные пороги становились все менее проходимыми. Уже вроде бы нет просвета между камнями, но Петр ведет лодку уверенно и опять проскакивает каменный барьер.

— Ты знаешь, сколько в этой реке моторов лодочных затоплено? Тут все время лодки переворачиваются!— крикнула Зина.— Всем хочется наверх подняться, а пороги очень хитрые. Подводные камни притаились. Несколько человек погибло.

Зина еще хотела что-то сказать, но лодка сделала крутой вираж. Зина повалилась на Андрея. Их лица соприкоснулись. Андрей почувствовал щекой тепло ее лица. Лодка благополучно повернула, и они снова устроились на своих местах.

Но вот и конец пути. Добрались до цели. На берегу реки стояла избушка из толстых бревен, потемневших от времени. На дощатой крыше зеленел мох. Петр причалил к берегу, выключил мотор, счастливо потянулся и закричал:

— О-о-о!

Каменные скалы, стеной вздымавшиеся на том берегу, ответили: «О-о-о!»

Петр и Андрей вытащили лодку на берег, выгрузили вещи и понесли их в сторожку. В сторожке пахло сеном и пчелиными сотами. У окна стояли деревянный стол и скамейки, у печки лежали наколотые дрова. В маленькое оконце едва проникал свет, и от этого в сторожке было очень уютно.

— Ну, значит, так,— сказал Петр.— Я ловлю рыбу, а ты, звеньевой, бери двустволку — и за рябчиками. В армии небось тебя научили попадать в цель? — Петр встал, откинул волосы со лба и продекламировал: — «Ешь ананасы, рябчиков жуй. День твой последний приходит, буржуй!» — Затем он обратился к Зине: — А ты сходи в лес за ягодами, здесь их пропасть! Да захвати другое ружье. В тайге пригодится — сама знаешь, ты здесь не впервые.

Андрей и Зина пошли вверх по распадку. Первое время они шли молча, завороченные тишиной леса, этой таинственной глухоманью. Ни тропинки, ни следа человека. Казалось совершенно невероятным, что где-то совсем неподалеку возвышаются гиганты — башенные краны, протянуты линии электропередачи, стоит немолчный грохот стройки.

Среди высокой желтеющей травы, среди красноватых зарослей папоротника лежало поваленное бурей дерево невиданной длины. Его нельзя было перешагнуть. Андрей посмотрел вправо, влево. Метрах в двадцати вздымались корни этого лесного великана, вырванные из земли.

— Будем обходить? Лучше перелезем,— весело предложила Зина.

Они вплотную подошли к дереву, кора на нем была грубая, темная от времени.

— Подсади! — сказала Зина.

Андрей взял ее на руки и удивился, что она такая легкая. Зина засмеялась и обхватила Андрея за шею своей тонкой, но сильной рукой.

Андрей посадил Зину на дерево и сам сел рядом с ней.

— Скажи, Андрей,— спросила Зина,— к тебе девушка приезжала. Кто она?

— Невеста.

Зина покачивала ногами и смотрела на носки своих резиновых сапог.

— Ты ее любишь? — не поднимая глаз, спросила Зина.

— Люблю!

— А она тебя?

— И она меня любит.

— Счастливые! — вздохнула Зина.

Она долго молчала, будто забыв об Андрее. И вдруг сказала:

— А мне в любви не везет. Полюбила я парня, думала, на всю жизнь. А он оказался барахлом. Мелкий человек, с мелкими страстишками.

Зина взглянула на Андрея. Он сидел, закинув ногу на ногу и положив руки на колени. В глазах его не было любопытства, нетерпеливого вопроса. Это и понравилось ей и показалось немного обидным.

— Я и приехала сюда из-за этой несостоявшейся любви,— продолжала Зина.— У меня было такое чувство, будто меня обокрали. Как будто у меня было что-то дорогое. А у меня отняли это. Теперь я равнодушна ко всему—и к людям и к работе. Ты на меня рассердился тогда из-за нарядов, грубо одернул, но ты прав. Я это заслужила.

— Ты с Петром дружишь?

— Дружу! Он хороший парень. Но ему мое горе непонятно. И вообще я пришла к выводу, что чужому горю может по-настоящему сочувствовать только тот человек, который сам страдал.

— Зачем ты меня позвала сегодня? — спросил Андрей, пытливо заглянув ей в глаза.

— Мне показалось, что у тебя тоже на душе не весело,— ответила Зина и, помолчав, добавила: — А вообще все это бред и чепуха.

Зина спрыгнула с дерева на землю.

— Смотри, малина!

Когда Андрей подошел, в ее маленькой ладошке была горстка мелкой, но спелой малины.

— Тебе! — сказала Зина и высыпала ему на ладонь.

На ее ладошке остались красные, как кровинки, следы ягод.

— Как зовут твою невесту? — спросила Зина.

— Ленка!

— Почему не Лена?

— Ленка ей подходит больше.

— И все-таки я права,— сказала Зина.— Непокорно у тебя на душе, тягостно. Признайся.

— Да! — подтвердил Андрей.— Но как бы там ни было, Ленка для меня — на всю жизнь...

— Хватит сантименты разводить! — прервала Зина.— Мы с тобой ведь пришли в тайгу, чтобы добывать пропитание. Пора начинать. Шагай, рыцарь, на охоту, а я по ягоды пошла.

Андрей помахал Зине рукой и зашагал по склону

сопки. «Неспокойно у тебя на душе», — повторил про себя Андрей. — Как это она заметила? Он обернулся и хотел снова помахать Зине рукой, но она уже скрылась в зарослях малины.

Когда Андрей служил в армии и ему доводилось увидеть нечто не совсем обычное, он мысленно призывал Лену, ему хотелось, чтобы она была рядом. Но все это были только мечты!

Андрей вздохнул, заглянул в патронташ. Там лежало несколько патронов с жаканом; он взял один из них и засунул в ствол на всякий случай. Вдруг медведь встретился.

Андрей уже довольно долго бродил по тайге, и никакой птицы ему на пути не попадалось. И вот наконец, когда он уже подумывал, не вернуться ли ему к сторожке, из густой травы, тяжело хлопая крыльями, поднялся тетерев. Андрей вскинул ружье и выстрелил. Выстрел покатился громким эхом от сопки к сопке.

В тетерева Андрей не попал. Когда он разломил ружье, то понял, что выстрелил жаканом. Он перезарядил ружье, браня себя за непротестительную рассеянность, осторожно пошел вперед. Он держал указательный палец на спусковом крючке.

Опять вылетел тетерев, может быть, тот же, которого он так глупо упустил. Вытянув шею, испуганная птица в смятии хлопала крыльями, стараясь поскорее скрыться. Но тетерев успел отлететь только шагов на тридцать, как громыхнул выстрел. Дробь попала в цель.

Андрей закурил и, не вынимая сигарету из рта, пошел дальше, повесив сумку со своей добычей через плечо.

Вскоре Андрей увидел рябчика на сосновом суку и стал осторожно красться за ним. Вот он совсем уже рядом, вскинул ружье... но рябчик перелетел на соседнее дерево.

И снова Андрей бесшумно преследует его, вот-вот настигнет. Но рябчик не сидит на месте. Он будто зазывает Андрея куда-то в глубь тайги. И Андрей, подгоняемый охотничьим азартом, идет вслед за ним.

Он не заметил, как спустился в распадок и снова поднялся на сопку. На пути был молодой ельник, стоявший густой зеленой стеной. Андрей нырнул туда. Теперь рябчик не мог видеть его.

Андрей держал ружье наготове и тоненько посвистывал. Из любопытства рябчик перелетал с одного дерева на другое, ближе к молодому ельнику.

Андрей продолжал свистеть тонко, с переливом. Рябчик подлетел совсем близко.

Андрей выстрелил. Рябчик камнем упал.

«Погонял меня до седьмого пота, а все же попался!» — подумал Андрей.

Подобрав убитую птицу, он сел на поваленное дерево, закурил и, взглянув на часы, удивился. С тех пор, как они с Зиной расстались, прошло целых два часа.

Андрей пошел вверх по склону сопки. Ему казалось, что там, за перевалом, течет речка Контара и на ее берегу сторожка. Перевалив вершину сопки, Андрей стал спускаться. Но сторожки не было видно.

«Наверное, в следующем распадке», — решил Андрей.

Но и в следующем распадке сторожки не оказалось. Он пошел по низине, надеясь выйти к берегу Енгиры.

И действительно, вскоре перед ним открылась река. На той ее стороне до самого горизонта тайга. Основания сопок круто спускаются к воде, образуя каменные уступы.

Андрей шел по берегу у самой кромки воды. Ноги

соскальзывали в воду. Он миновал уступ; ни устья реки Контары, ни сторожки не было видно.

«Может быть, надо идти в другую сторону?» Он посмотрел на солнце, на течение реки, зачем-то подошел к воде и опустил в нее руку.

Закинув сумку с убитой дичью, Андрей зашагал все-таки вперед. Берег был крутой. Правая нога ступала ниже, левая выше. Ступня подворачивалась, и поэтому сапог тер ногу.

Так и шагал он: час шагал, а может, больше. Правая нога уже была стерта в кровь. «А вдруг и за следующим уступом тоже нет сторожки?» Он миновал его и, к своей немалой радости, увидел устье речки Контары и сторожку. Он снял с плеча ружье и выстрелил.

Петр и Зина, сидевшие на берегу, помахали ему рукой.

— Смотрите, какие у меня трофеи! — весело крикнул Андрей, подойдя к ним.

— Значит, с голоду не умрем! — мрачно сказал Петр, и Андрей удивился его тону.

— Медведь залез в сторожку и наши запасы съел! — пояснила Зина.

— Вот это да! — ахнул Андрей.

— Я пришла с малиной в сторожку, слышу кто-то внутри возится. Спрашиваю: «Андрей!» Молчание. «Петр!» Опять молчание. Вхожу, а медведь сидит на полу и доедает буханку хлеба. Я со страху ведро бросила и бежать. Он малиной закусил и пошел спокойненько.

Андрей рассмеялся.

— Чего ржешь! — с укором произнес Петр. — Вместо того, чтобы ласы с Зиной точить, надо было дверь в сторожку запереть. Уходили после меня. Теперь ни крошки хлеба, ни грамма сахара.

— Ешь ананасы, рябчиков жуй, — весело продеklamировал Андрей.

— Я могу так вкусно рябчика и тетерева приготовить — пальчики оближете, — сказала Зина. — Пошли разжигать костер.

20

В очередную смену, работая в блоке, топая по жидкому бетону с вибратором в руках, Андрей вспоминал тот прекрасный таежный день, и ему казалось, что у грустного, серого неба чуть розоватый оттенок и вроде бы вибратор не так тяжел и гудит не так сильно. И не таким уж трагическим казалось, что от Лены нет писем. Может, она уехала отдыхать в какой-нибудь медвежий угол, где нет почты? Случается же так? Мысль была настолько желанной, что она сразу утвердилась в сознании Андрея. И ему стало казаться, что зря он выдерживает характер. Лучше бы еще раз написал ей.

— Звеньевой! — крикнул Петр. — Бетон кончается!

Андрей спустился по деревянной лестнице. Он хотел найти прораба и выяснить, почему задержка с бетоном. Потом решил, что лучше идти к самому Гладкову. «Назначил звеньевым — помогай».

По извилистой дороге навстречу мчался самосвал с бетоном. Андрей остановил его.

— Куда везешь?

— На первый.

— А почему не на второй блок? — спросил Андрей.

— Гладков велел на первый, — ответил шофер и поехал своей дорогой.

Самосвалу нужно было сделать большой крюк прежде, чем он доберется до первого блока. Наблюдая за машиной, Андрей заметил на дороге толкое место, в котором поблескивала вода. Шофер решил проскочить лужу к ходу. Машина влетела в грязь и забуксовала. Натужно ревел мотор, крутились колеса, разбрасывая вокруг комья мокрой глины. С трудом, еле-еле машина выбралась на сухой участок дороги.

Андрей повернул обратно к своему блоку. Ребята сидели и курили.

— Бетона нам, кажется, не видать, — сказал Андрей. — Велено возить на первый блок.

— Ты иди к Гладкову и добивайся, — посоветовал Олег.

— Пустой номер. По его приказу возят бетон Семушкину. Значит, у него есть на это свой расчет.

— А мне плевать на его расчет! — возмутился Олег. — Мне работа нужна.

— Что раскудахтался? — остановил Олега Васюта. — Всем работа нужна. А что может сделать Андрей?

— Пусть идет к высшему начальству! — не унимался Олег. — Когда учетчица лишний рубль насчитала, он принцип свой показывал. А сейчас сидит, как телок.

Андрею были неприятны эти слова, но он чувствовал в них какую-то правоту и в то же время сознавал свою беспомощность. Стройка — это огромный механизм, и его звено — лишь маленькая клеточка этого механизма. Те люди, которым «сверху видно все», знают, куда в первую очередь направлять бетон, куда отправлять машины с гравием и песком. Но он-то ответствен за работу вот этих ребят! А что делать, он не знал и потому молча глядел вдаль, на дорогу.

Отсюда хорошо виден был грузовик, мчавшийся к блоку Семушкина. С налета он попал в грязь и, буксуя, ревя мотором, едва выбрался из нее. «А ведь дорога к нашему блоку ничуть не лучше, — подумал Андрей, — грязь, лужи, и повсюду валяются камни».

— У меня есть предложение, — обратился Андрей к ребятам. — Пока нам делать нечего, давайте поправим подъезд к нашему блоку. Камни с дороги уберем, лужи засыплем. Вот увидите, это поможет делу. И нам зачтется.

— А ты не хочешь проложить здесь асфальтированное шоссе и поставить на повороте пивной ларек? — с издевкой спросил Олег.

— Если мы улучшим дорогу к нашему блоку, то шоферы будут заинтересованы возить нам бетон. Посмотрите, какая плохая дорога к блоку Семушкина.

— Резон, — поддержал Васюта. — Делать все равно сейчас нечего. А это нам зачтется. Скажем: дороги чинили — плати.

Олег больше не спорил. Бетонщики взяли носилки, лопаты, ломы и принялись за работу. Они очищали дорогу от камней и этими же камнями заваливали грязные места.

На повороте, ведущем к их блоку, Андрей вбил кол. Из куска фанеры соорудил указатель и написал на нем: «Улучшенная дорога. Добро пожаловать!»

Делал все это Андрей весело, с шутками и прибаутками. Его радужное настроение передалось и другим.

— Наш звеньевой — голова! — одобрительно сказал Петр.

Закончив работу, все отправились обратно к своему блоку, уселись на теплый деревянный помост, закурили и стали ждать.

Андрей чувствовал себя, как игрок, сделавший ставку на небольшую, плохонькую карту, но не теряющий надежды на выигрыш. Он напряженно смотрел на извилистую дорогу, выходящую из леса.

Наконец-то появилась машина. Она все ближе к повороту. Сейчас шофер увидит указатель, притормозит и, конечно, свернет к их блоку... Но машина промчалась мимо.

— Да-а! — многозначительно протянул Олег и стал неторопливо разминать сигарету. — Голь на выдумки хитра, но...

Вскоре опять послышался гул мотора, и на дороге появилась следующая машина. И опять взгляды всех ребят прикованы к ней. Кажется, шофер притормаживает. Ну, конечно, он увидел столб с указателем и прочитал: «Улучшенная дорога. Добро пожаловать!»

Шофер невольно улыбнулся. В тяжелой работе на стройке улыбка кое-что значит. Шофер решительно повернул машину ко второму блоку.

— Ура! — закричал Андрей.

Водитель лихо подкатил к блоку, показав Андрею большой палец, и свалил бетон.

Снова загудели вибраторы, и даже Олег горячо взялся за дело. А машины шли одна за другой... Гора бетона в блоке росла. Ребята сбросили с себя мокрые от пота рубашки, но темпа не сбавляли. «Нет уж, дудки, давай бетона сколько хочешь. Мы выстоим!»

Шоферы, ожидая погрузки, сообщали своим товарищам: «Ко второму блоку дорога что надо! «Добро пожаловать!» Веселые ребята там работают. В пору им подбросить бетона».

В первом блоке, конечно, заметили, что машины к ним стали прибывать реже. А Гладков обещал бетон «навалом». Семушкин влез на помост и увидел, как машины с бетоном мчатся ко второму блоку.

Семушкин был человек исполнительный и любил во всем порядок. Он покачал головой и отправился к Гладкову, размышляя на ходу о том, что начальников много, а согласованности в работе нет. Один решил одно, другой — другое.

Когда Семушкин вошел во времянку Гладкова, тот разговаривал по телефону.

— Значит, сто кубов теса ты не дашь?... говорил Гладков. — Пятьдесят не нужны... Ну, сговоримся так. Ты мне сто кубов, а я тебе бульдозер на три дня. Ну, хочешь, вдобавок к этому два вагона битума отдам?

Гладков кивнул Семушкину, повертел в руке потухшую папироску, вынул из кармана спичечную коробку, прижал ее локтем к столу и зажег спичку.

— Что ты торгуешься, как базарная баба? — продолжал Гладков. — Я добавлю тебе ящик шиферных гвоздей. Но чтобы лес был у меня завтра! Все сто кубов сразу!

Гладков положил телефонную трубку, весело подмигнул Семушкину и спросил:

— Что, Семушкин, бетоном тебя завалили? Не справляешься?

— Смеется!... — с обидой в голосе сказал Семушкин. — Машины с бетоном ко второму блоку идут.

— Почему ко второму? — Гладков рывком поднялся, схватил фуражку и вышел.

Он быстро шагнул к тому месту, где машины сворачивали ко второму блоку. На повороте остановился, вынул пачку «Беломора», закурил и угостил Семушкина.

По дороге мчался грузовик.

— Стой! — крикнул Гладков. — Почему не возишь бетон в первый блок?

— Дорога там, смотрите, какая! Едешь и не знаешь, пронесет тебя черт или трактором вытаскивать будут, а тут дорога безопасная.— Шофер кивнул в сторону указателя.

Гладков только сейчас увидел указатель. Он сдвинул фуражку на лоб, почесал затылок, хмыкнул как-то непонятно, не то одобрительно, не то возмущенно, и уже затем строго сказал водителю:

— Приказ есть приказ. Вези бетон на первый блок!

— Ладно! — недовольно пробурчал шофер.

«Ведь придумает же, черт!» Нет, Гладков был явно доволен, от себя-то он этого не скрывал.

— Ты, Семушкин, — сказал Гладков, — возьми пример, позаботься о своем участке. Тебе и твоим ребятам польза была бы.

— Ну, правильно. Ваш Ермаков порядок нарушает, людским способом деньги выколачивает, а вы его поддерживаете.

— Если бы он что-то незаконное делал, я бы его не поддерживал. А если его звено в два раза быстрее, чем другие, работает, так я обязан платить больше. Да ты погляди на него! Ты тоже мог бы инициативу проявить. Вручную нет силы дорогу поправить — вызови бульдозер.

— Ладно! — сердито взглянул на начальника Семушкин и пошел к своему блоку.

Гладков еще постоял на дороге, дождался следующей машины, завернул ее к первому блоку и попросил передать его приказ другим шоферам.

Гладков шагнул к своей временке и думал о Семушкине... Был ли хоть один случай, когда он предложил что-то, выступил против чего-то?.. Гладков ворошил в памяти дела, факты, но ничего такого припомнить не мог.

Гладков подошел к временке и хотел открыть дверь, но, услышав гул самосвала, придержал шаг. Машина выехала из леса. Около указателя шофер притормозил, видимо, решая куда повернуть, и повернул к блоку Андрея.

Гладков усмехнулся и, махнув рукой, вошел в домик.

Ребята работали горячо и дружно. Когда в конце дня появилась Зина, она не поверила глазам.

— Да-а! — удивленно протянула она.

— Давай считай! — крикнул Олег. — Плакатик на дороге видела? Это благодаря ему у нас солидный приварок получился. Придумал звеньевой.

Зина одобрительно посмотрела на Андрея, вынула из кожаной сумки свою учетную книжечку, присела на помост и стала считать.

Посчитала — видимо, усомнилась. Еще раз сосчитала.

— По семь рублей на брата выходит, — сказала Зина. — Никогда такого с вами не бывало.

Андрей очутился в центре внимания. Его обступили ребята, и он впервые почувствовал себя настоящим звеньевым.

Как здорово, когда рождаются вдруг такие счастливые минуты победы! Андрей взглянул на Зину и увидел, что она радовалась его успеху вместе со всеми.

— Пошли домой! — сказал Андрей, и все тронулись вслед за ним.

Когда они подошли к прорабской, шофер «четвертака» спросил:

— Ты Ермаков? К тебе мать с отцом приехали!

— Не болтай. Отец мой умер!

— Ну, значит, с кем-то другим. С мужчиной таким представительным, седоватым. Садись, довезу!

Полина Ивановна и Алексей Петрович сидели на скамейке около двухэтажного бревенчатого здания управления строительством. Миловидная девушка-дежурная сказала им, что звеньевому Ермакову уже сообщили о приезде матери и он скоро будет здесь.

Полина Ивановна думала, что на такой большой стройке, где тысячи рабочих, не так-то легко будет найти сына. Кто его тут знает? А оказалось иначе. Девушка-диспетчер знала Андрея и очень уважительно говорила о нем. Это порадовало мать.

К домику управления подъезжали запыленные «газики» и могучие самосвалы. Из них вылезали люди, одетые в грубые спецовки и резиновые сапоги. Отряхнув пыль с одежды, они подходили к железным скобам, вбитым в ступеньки лестницы, и старательно соскабливали о них грязь с подошв. И только после этого скрывались в дверях управления.

Алексей Петрович взглянул на свои модные ботинки, легкие светло-серые брюки и усмехнулся. Вспомнилось ему далекое фронтовое время, когда он ходил вот в такой же грубой одежде, в тяжелых сапогах. Да и не только фронтовое время. Окончив институт, он работал инженером на строительстве пищевого комбината — монтировал там оборудование. Эти дни тоже остались в памяти на всю жизнь. Алексей Петрович попытался мысленно исключить — и не смог — из своей жизни тяжелые годы войны, работу на стройке. Все самое дорогое, что он ценил в себе, было приобретено в те трудные годы жизни. Он подумал о сыне. В последнее время Алексей Петрович все чаще задумывался о его будущем. Особенно после того, как увидел Андрея, вернувшегося из армии.

Года три назад, когда Гриша еще учился в школе, многие отрицательные черты его характера раздражали отца. «Он еще мальчик, — обычно говорила мать, — что с него взять!»

Гриша окончил десятый класс еле-еле. Троечки высоким столбиком выстроились в его аттестате — одна под другой. Если бы Грише было восемнадцать лет, Алексей Петрович не стал бы помогать ему при поступлении в институт. Пусть парень послужит в армии — это пойдет ему только на пользу! Но Грише было семнадцать. Еще целый год до призыва. Жена просила, жена требовала. Она говорила, что будет позором, если сын кандидата наук не поступит в институт. Теща закатывала сцены и стыдила Алексея Петровича. И он сдался, смалодушничал, попросил приятелей из приемной комиссии посодействовать. Неудобно и даже стыдно было просить коллег о снисхождении к сыну, но просил... В душе он надеялся, что пройдет год — малый образумится, исчезнет у него этокое бездумное, безответственное отношение ко всему на свете.

И теперь, когда прошли три года, Алексей Петрович ясно понял, что совершил ошибку. Гриша должен был пройти армейскую службу. Он вернулся бы из армии другим человеком, и они, наверное, были бы друзьями.

А сейчас они отдалялись друг от друга все больше. Те малоприятельные черточки, которые Алексей Петрович замечал у Гриши с давних пор, теперь с возрастом не только не исчезали, но укреплялись. Легкомыслие, себялюбие, эгоизм в отношениях с друзьями и, как подозревал Алексей Петрович, с девушками. Чисто потребительский взгляд на собственных родителей. Все это не могло не огорчать Алексея Петровича. Почти каждый разговор с Гришей теперь кончался ссорой, и, чувствуя свое

бессилие и боясь потерять контроль над собой, отец уходил в другую комнату, ложился на тахту, и самые горькие мысли не давали ему покоя.

Несколько дней назад Алексей Петрович случайно услышал, как его сын говорил по телефону с Леной.

— Это уж не та ли Лена, невеста Андрея? — спросил он, когда Гриша кончил разговор.

— Да ты что, папа, совсем уже...

— Если подтвердится, что ты за ней увиваешься, — с волнением произнес отец, — я знать тебя больше не захочу, учти!

Гриша пожал плечами и ушел. Алексей Петрович почти уверен был, что его сын говорил именно с Леной. От этого кровь прилила к вискам и сердце болезненно жалось.

Когда он подходил к телефону, то всякий раз боялся, что услышит голос Лены и это явится подтверждением тягостной для него догадки.

...Около управления остановился огромный «четвертак», из кабины вылез Андрей.

— Ну вот мы и приехали к тебе в гости, — сказала мать, обняв сына.

Подождал Алексей Петрович и поздоровался с Андреем.

— Что же ты в такой грязной рубашке ходишь? — Мать дотронулась до воротничка.

— Я с работы, мам. Вот сейчас умоюсь, рубашку другую надену, все будет в порядке. Пойдемте в общежитие, тут недалеко. Как я рад, что вы приехали! Алексей Петрович шел рядом. Андрей был чуть выше его ростом.

Андрей удивился неожиданному приезду матери, да еще с Алексеем Петровичем, но вида не показал.

— Я тут поблизости, в городе лекции должен читать, — сказал Алексей Петрович, поняв молчаливый вопрос Андрея. — Заехал посмотреть, как живешь!..

— Живу в порядке! Вкалываю. Звеньевым назначили. Сначала было тяжело, теперь привык. Скоро, мама, я тебе деньги буду присылать регулярно.

— Я уж думала, может, выпивать стал? — со вздохом произнесла Полина Ивановна, вспомнив рассказ Лены.

— Да ты что, мама! — удивился Андрей. — Я не пью, ты знаешь.

— Водка — она, зараза, прилипучая! — продолжала Полина Ивановна.

— Мама, перестань! — взмолился Андрей. — Тут у меня получились недоразумения. Два раза из зарплаты вычеты делали. Поэтому мало послал.

— Да я не о деньгах. Я о выпивке говорю.

— Он же тебе ответил, — вмешался Алексей Петрович. — Сама, что ли, не видишь: не такой он, что бы зарплату пропивать.

Разговор как-то не клеился. Каждый думал о своем. Полина Ивановна лихорадочно искала убедительные слова для того, чтобы объяснить цель приезда и уговорить сына вернуться в город. Алексей Петрович радовался встрече с этим крепким рабочим парнем, сыном фронтового друга.

Андрей хотел спросить мать о Ленке, но не решился вот так, сразу, заговорить о ней. Может быть, мать привезла письмо от нее? Может быть, Лена провожала мать? Андрей еще некоторое время боролся со своим желанием. Наконец он не выдержал:

— Лена к тебе не заходила? Ничего не передавала?

— Заходила, — ответила мать, — рассказывала о твоих дружках-приятелях и как вы тут развлекае-

тесь. С тех пор я ее не видела. Переживает, наверное.

Полина Ивановна хотела, чтобы ее слова заделали сына, пристыдили его. Вдруг это как раз и поможет вернуть его в город. Но когда мать взглянула на Андрея, то поняла, что напрасно причинила ему боль, и пожалела о своих резких словах.

Алексей Петрович тоже заметил перемену в настроении Андрея и опять вернулся к своим невеселым мыслям о Грише: «Неужели он, подлец, после отъезда Андрея сумел вскружить голову Лене?»

Они подошли к общежитию, и Андрей не успел спросить, что именно имела мать в виду, говоря о развлечениях. Дверь комнаты, где жил Андрей, была открыта. Слышался голос Гладкова.

— Я смотрю, у Олега Ефимова большая перемена в наружности. Постригся наконец.

— А как же! — весело ответил Олег. — Живем с другим настроением. Выпиваем теперь умеренно!

— Это по какой же причине?

— Денег стали зарабатывать больше! — с улыбкой продолжал Олег. — Раньше получишь трешницу в день — ни то ни се! Лучше пропить. А сейчас семь рублей в день и по-честному, без туфты. Можно кое-какие долгосрочные планы строить.

— Железная логика! Гвозди можно заколачивать! — посмеялся Гладков. — Но должен сказать, что ваши семь рублей выходят боком Семушкину.

— Надо кумекать, Никита Степанович. — Олег постукивал указательным пальцем себя по голове. — Наш-то звеньевой это умеет делать. А Семушкин ходит — фуражка на глаза и дальше своего носа ничего не видит. Мы же не силой машины с бетоном заворачивали. Мы на сознание шоферов воздействовали лозунгом... — Олег увидел Андрея в дверях.

— Здравствуйте, Никита Степанович, — шагнул в комнату Андрей. — Ко мне приехала мама, познаться. А это друг моего отца!

Он представил Полине Ивановне и Алексею Петровичу начальника участка.

Гладков повернулся к Андрею и погрозил ему пальцем:

— Зашел сказать тебе пару ласковых по поводу твоей сегодняшней инициативы. Но Олег за тебя горой... — В голосе Гладкова не было осуждения, а, пожалуй, наоборот: чувствовалось некое одобрение. — Хорошего сына вырастили, Полина Ивановна, — сказал Гладков, и лицо его сразу посветлело.

— Да вроде жаловаться грех, — сказала мать. — Школу отлично окончил, из армии с благодарностью командования вернулся. Ему бы в институте быть, а он, видите, рабочим на стройке.

Андрей взял полотенце и вышел из комнаты.

— Что же вы, Полина Ивановна, считаете, что рабочим быть — невелика честь? Да? Ну, нет! Гордиться надо... — сказал Гладков.

— Вы не так поняли, Никита Степанович, — сказал Алексей Петрович. — Дело посложнее. У Андрея отец был фронтовик — умер. У Полины Ивановны еще дочь есть, в школе учится, и, конечно, мать мечтает, чтобы сын поступил в институт и был рядом с ней.

— Значит, приехали агитировать Андрея бросить стройку? — спросил он.

Вопрос повис в воздухе.

Гладков с горечью подумал (и уже в который раз ему приходили на ум эти мысли!), что до сих пор еще многие не знают настоящей цены рабочим людям, не понимают их силы и значения в нашем обществе. Вот и эта, должно быть, вполне достойная женщина-мать, воспитавшая хорошего сына, бо-

ится за его судьбу, потому что он стал рабочим. Если бы только она одна!

Гладков был недавно на совещании партторгов и слушал доклад секретаря обкома партии. Тридцать тысяч молодых людей в их области — все, кто окончил среднюю школу, — как один подали заявления в вузы. Десять тысяч человек были приняты, двадцать тысяч провалились на экзаменах. Вот эти «неудачники» пошли в ряды рабочего класса. Но, вероятно, каждый из них считает, что это временно. Они работают кое-как, «с горя». Через год снова будут пытаться поступать в институты. А Ермаков работал на стройке радостно, и именно этим дорог он был Гладкову. Андрей сам увлекся работой и смог зажечь ребят своего звена.

— Он еще молодой, — наконец заговорила мать. — Не знает своей дороги. Погорячился, поехал сюда деньги зарабатывать, чтобы мне помочь...

Гладков не поддал виду, что обрадовался этим словам. Он не раз задавал себе вопрос, что погнало Андрея на заработки. Это могла быть причина благородная: любовь к девушке, помощь родным... Но ведь бывали и такие — и немало, — кто искал высоких заработков, чтобы весело гулянуть...

— Вы, наверное, хотите, чтобы я помог вам уговорить Андрея уехать со стройки? — спросил Гладков.

— На это мы не можем рассчитывать! — Алексей Петрович улыбнулся.

— Скажу вам честно, — продолжал Гладков. — Зря вы приехали. Такой парень, как Андрей, сам правильно решит свою судьбу.

— Он работающий, добросовестный, — продолжала мать, — и вы заинтересованы в нем. Ну, а положила руку на сердце?.. Ведь своего-то сына вы, небось, в институт определили?

— У меня нет сына, — ответил Гладков. — Не могу вам сказать, как бы я ему посоветовал поступать в том или другом случае. Одно знаю: в жизни правильную дорогу находит тот, кто ищет ее сам. — Гладков кивнул на прощание и ушел.

— Слышала? — спросил Алексей Петрович.

— А ты с каждым соглашаешься!

Полина Ивановна махнула рукой и присела на краешек кровати. Алексей Петрович ходил из угла в угол.

Пришли Петр и Васюта.

— А у вас тут горячий душ есть? — спросила Полина Ивановна.

— Нет пока. Скоро новое общежитие построят, там будет душ.

— На такой большой стройке нет горячего душа! — возмутилась Полина Ивановна.

— Зато есть река! — в разговор вмешался Петр. — Мойся сколько хочешь.

— В ней вода холодная!

— Для молодых в самый раз, — весело сказал Васюта. Он торопился на свидание. Принарядился, чисто выбрился и теперь брызгал на себя одеколоном. Ему хотелось быть при полном параде.

В дверях появился Кешка.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: он «под банкой». Кешка где-то пропал целую неделю. Говорили, что он уехал устраиваться на соседнюю стройку. Но его место в общежитии пока еще никто не занял.

Переступив порог, Кешка сказал:

— Ха! Здорово, братанчики, фартовые ребята! У вас, я вижу, гости. Наше вам с кисточкой!

Кешка низко поклонился Алексею Петровичу.

— Ты бы выбирал слова, молодой человек! — сказал Алексей Петрович.

Кешка сделал театральный жест и сказал:

— Па-па-ша!

Наверное, Кешка продолжал бы в том же духе, но в дверях с полотенцем появился Андрей. Он заметил испуганное лицо матери.

— Явился! Сейчас же забирай вещи и освободи койку! — Андрей бросил полотенце на кровать и взял рубашку.

— Может, ты на мое место этого подержанного джентльмена поместишь? — сказал Кешка и засмеялся деланным смехом: — Ха! Ха! Ха!

Андрей подошел к Кешке, схватил его за ворот рубашки:

— Ну-ка, извинись!

— Потише ты! — В тоне его уже не было нахальства: Кешка знал решительный характер Андрея. — Извините, — обратился он к Алексею Петровичу.

— И я вот тебе что скажу, Иннокентий Былов, — спокойно продолжал Андрей. — Если не хочешь с нами работать, — уходи скорее. Не мути воду.

— Ну ты, поаккуратней, — огрызнулся Кешка, — такие, как я, на улице не валяются. Тебя назначили звеньевым, ты меня перевоспитывай!

— Некогда перевоспитывать. Плотины нужно строить. Не хочешь работать честно, как все, освободи койку.

— Учти, у нас заработки теперь высокие, — включился в разговор Олег.

— Подголосок! — зло бросил Кешка Олегу. — То мне подпевал, теперь другому...

— Дialeктика! — с улыбкой ответил Олег. — Иду от худшего к лучшему.

— Смотри не споткнись, гад! — Кешка стал собирать вещи.

Мать сначала испугалась за сына. Но Андрей так уверенно вел себя, голос его звучал так твердо и спокойно... Да и ребята смотрят на Андрея с уважением. А тот как ни в чем ни бывало надел рубашку, взял мать под руку, и вместе с Алексеем Петровичем они вышли из общежития.

Алексей Петрович невольно ставил на место Андрея своего Гришу. «Мамыны сыночек. Разве он осмелился бы схватить за шиворот такого хулигана? Гриша отошел бы в сторонку или стал произносить какие-нибудь пустые слова: «Это нехорошо... Зачем вы так!..»

Андрей привел мать и Алексея Петровича в закусочную. Народу в этот час здесь было мало. Рабочие обычно собирались к вечеру. Андрей смахнул крошки со стола и усадил гостей.

Первый раз в жизни он угощал мать на свои деньги. Купил все, что можно было купить в буфете: пиво, бутерброды с сыром и колбасой, конфеты.

— Извините, — сказал Андрей, садясь за стол, — чем богаты, тем и рады.

— Конечно, не так, как дома, — вздохнула Полина Ивановна.

— Согласен. Но ничего! У нас тут скоро настоящий ресторан будет. А сейчас живем по-боевому. Горбушка хлеба на двоих, как в песне поется.

— Ну, а как же насчет учебы, Андрей? — спросила Полина Ивановна.

— Все время учусь чему-нибудь. — Андрей сдул пену и отхлебнул пива. — Уже несколькими специальностями овладел.

— Я говорю о высшем образовании...

Андрей посмотрел на мать, понял, зачем она приехала, и ему стало жалко ее. От этой жалости завертели мысли, замелькали строчки из материнских писем. «Учиться, учиться... Я все выдюжу...»

Андрей отлично понял, что мать привезла Алексея Петровича для того, чтобы тот помог уговорить его уехать со стройки. Андрей опустил взгляд в кружку, где на поверхности пива лопались белые пу-

зирьки, и, стараясь сдержать накопившее в нем раздражение, спросил как можно спокойнее:

— Скажите, Алексей Петрович, если бы среди нас был мой отец, он тоже уговаривал бы меня идти сейчас учиться? Как вы полагаете?

Алексей Петрович не знал, что отвечать. Пока он медлил, мать сказала:

— Был бы жив отец, все было бы по-другому. Ты бы уж давно учился в институте.

— Я так думаю, — твердо сказал Андрей. — Если бы отец сидел здесь рядом, то он сказал бы, что я правильно поступаю. Поработаю годик-другой, помогу тебе, а потом учиться пойду.

Мать поняла, что ей не удастся поколебать решение Андрея. Все слова, которые казались ей убедительными, сейчас потеряли всякий смысл.

— ...И вообще пора кончать разговор о поступлении в институт в этом году. Приемные экзамены уже прошли.

— Алексей Петрович поможет тебе на вечернее отделение поступить. Еще не поздно. А зимой на дневное перейдешь.

Андрей вздохнул.

— Ма-ма! — сказал он по слогам. — Сколько можно об одном и том же? Я буду учиться в будущем году. А сейчас я не могу — меня назначили звеньевым... И не хочу. Не нужны мне связи, протекции...

Полина Ивановна перехватила взгляд Алексея Петровича. Тот смотрел на ее сына с нескрываемым одобрением. Материнское чутье подсказывало ей, что Алексей Петрович сравнивает Гришу с Андреем. И, видимо, это сравнение было не в пользу Гриши.

— Ты лучше скажи: почему перед отъездом Лене не позвонила? — спросил Андрей.

— Она должна была сама зайти.

— Вдруг она заболела?

— Хотела я позвонить, — оправдывалась мать. — Номер ее телефона куда-то запропастился.

Андрей вынул из кармана блокнот, написал на чистой страничке телефон Лены и отдал матери.

— Как приедешь, позвони сразу же. Скажи ей, что я наберу два-три выходных и приеду в город. Вместе с ребятами нагрянем! Ты не против?

— Я рада буду, Андрюшенька! — ответила мать. В тоне ее теперь звучали другие ноты. Чувствовалось, что она почти примирилась с решением Андрея не уезжать со стройки.

Они поднялись из-за стола и пошли к реке.

— Вот здесь будет улица. — Андрей показал рукой в сторону тайги. — Решили назвать ее улицей Строителя. На том косогоре строится Дворец культуры. Точь-в-точь, как Большой театр, только размером поменьше. Жалко, что вы не сможете посмотреть створ будущей плотины. Какая будет громадина! Каждый агрегат нашей электростанции равен Днепрогэсу. Через одну турбину будет проходить воды столько, сколько во всей реке Дон!

Андрей с воодушевлением рассказывал о будущем городе и плотине. Ведь это был его город и его плотина...

22

Сибирская осень начинается рано. Еще август. Небо голубое и высокое, и солнце вроде бы светит ярко, а откуда-то с севера уже дохнуло холодом. И от этого первого холодного дуновения золотится листва на берегах, огненным жаром полыхают листья кленов. Тайга будто хочет порадовать людей своей красотой, прежде чем скроется под белым покрывалом зимы.

Конечно, жизнь на стройке кипит в любое время года. Дует холодный ветер, льет осенний, мелкий дождик — все равно будут неистово гудеть самосвалы, на каменистых берегах не перестанут раздаваться взрывы. Бетонщики запахивают плотнее брезентовки, накидывают на голову капюшоны и работают с вибратором в руках. «Если надо, значит, сделаем», — так однажды сказал Андрей, и эти слова понравились ребятам.

Сегодня как-то особенно немилосердно дул порывистый северный ветер. Он несся вдоль русла реки, между высоких каменистых берегов Енгиря, словно сквозь трубу, гудя и завывая. Он подхватывал капли дождя и превращал их в мелкую, водянистую пыль, которая проникала под ворот и в рукава брезентовки.

Андрей трудился вместе со всеми, стараясь не обращать внимания на этот противный ветер и морозящий дождь. Осталось метра полтора до верхнего края опалубки, и всем хотелось поскорее закончить дело. Блок был уже почти готов.

И все-таки настроение у Андрея было под стать сегодняшней погоде. Его мучил вопрос, почему Лена не отвечает на письма, почему не бывает у матери. Наверное, он и дальше бы размышлял об этом, если бы вдруг не заметил, что машины перестали подвозить бетон. Бетонщики прекратили работу, сняли рукавицы, отерли пот с лица и закурили. Посидели несколько минут, отдохнули, но машины не появлялись.

— Опять двадцать пять, — зло бросил Олег. — Только мускулы разогреешь, в ритм работы войдешь — бетона нет! Не бетонный завод, а богадельня!

— А на бетонном заводе рабочие, наверное, ругают железнодорожников, — предположил Петр. — А железнодорожники обвиняют цементные заводы и теде и тепе.

— Все-то ты знаешь! — буркнул Олег. — Только пользы от этого я не вижу.

Андрей поднялся на верх помоста — оттуда далеко было видно. Грузовики стояли один за другим на дороге, которая пролегла по перемычке, отделяющей котлован от реки.

— Кажется, авария, — сказал Андрей, — вода на дороге разлилась.

Решили пойти и узнать, что приключилось. К месту аварии с разных сторон шли рабочие, потому что без бетона им нечего было делать.

Оказалось, что лопнула труба, через которую откачивают из котлована просачивающуюся воду. Труба большая — шестьдесят сантиметров в диаметре, пролегает под перемычкой. Если надолго остановить насосы, вода затопит котлован. А где труба лопнула — кто ее знает. Длина трубы — сорок метров. Стой и гадай! Или вскрывая землю над всей трубой и ищи повреждение. А машины с бетоном будут стоять, бетон в кузовах будет твердеть...

Когда Андрей со своими ребятами подошел к перемычке, сюда уже примчались Гладков и Семушкин. На место происшествия прибыла в полном составе бригада слесарей. Все громко спорили, с какой стороны лучше вскрывать экскаватором землю над трубой.

Гладков, заложив руки за спину, ходил взад и вперед, курил и злился. Бетонный завод подавал ему сегодня бетон безотказно. Такое счастье выпадает не каждый день. И вот, пожалуйста, авария. Пока вскроют землю, найдут трещину в трубе, сварят... Полдня потеряно.

Гладков нервничал, злился, и эта злость мешала ему принять нужное решение и в короткий срок ликвидировать аварию.

А вода все шире разливалась. Экскаватор с торжественной медлительностью двигался к тому месту, где пролегла труба, но Гладков все еще не давал команды, которой ожидали от него рабочие.

К Андрею подошла Зина и легонько взяла его за руку. Они даже не сказали друг другу «здравствуй». Они только переглянулись.

— Очень интересно! — негромко произнесла Зина. — Если решат вскрывать дорогу, машины с бетоном будут целый день стоять. Много вы сегодня заработаете!

— Что делать — труба лопнула! ЧП!

— Ну, конечно, никто не знает, что делать! — Зина презрительно пожала плечами. — Вас тут собралось тридцать лбов, и никто не хочет пошевелить мозгами. Один страдает от разлуки с любимой, другой думает, как бы ему пол-литра вечером раздать, а третий стоит, глаза по сторонам и вообще ни о чем не думает!

Андрей рассмеялся, но ничего не сказал.

Гладков решил, что вскрывать землю над трубой — дело долгое. Начнешь с одного края, а трещина окажется с другого — ищи ее. Лучше остановить насосы, освободить трубу от воды, прорезать лаз и послать туда человека с лампой. Он найдет трещину. Над этим местом экскаватор вскроет землю.

Вроде дело не такое уж сложное, и все-таки Гладков волновался. Прежде, чем отдать приказ, он коротко объяснил собравшимся свой план.

— А если в трубе человек задохнется? — хриловато спросил Семушкин и посмотрел на Гладкова долгим вопросительным взглядом. — Технику безопасности не зря придумали! Если бы ее не было, мы, знаете, какие чудеса бы совершали, рекорды ставили... и гибли бы, как мухи.

— Ты всегда всего боишься! — возразил Семушкину бригадир слесарей, молодой задиристый парень. — План ясный. Тому, кто полезет, мы за ногу веревку привяжем. Если чего — этой же веревкой и вытащим.

— Мертвого, — пробурчал Семушкин и зачем-то натянул фуражку на глаза.

— Ничего там не случится, — с разных сторон зашумели рабочие: их вовсе не прельщала перспектива целый день сидеть без работы.

— Остановить насосы! — послышалась команда Гладкова.

Насосы, которые и день и ночь откачивали воду из котлована, затихли. Теперь каждая минута была дорога. Вода неумолимо просачивается в котлован, где лежат строительные материалы, где находятся работающие экскаваторы и другие механизмы. Нужно успеть ликвидировать аварию, пока не затопило все это.

Сварщики потащили аппарат к той части трубы, которая была ближе к насосам. Здесь труба держалась на опорах и была открыта со всех сторон. Кто-то отправился за переноской, без которой не обойтись при осмотре трубы.

Сварщики быстро прорезали лаз в трубе.

— Добровольцы для путешествия по трубе есть? — спросил Гладков.

Никто не отзывался. Каждый старался отвести глаза в сторону. В округлой дыре виднелась мокрая ржавчина, страшно было лезть в это не слишком широкое отверстие.

Андрей чуть не сделал шаг вперед, но вовремя образумился. «За всякую работу берусь, хотя толком делать ее не умею. Люди, наверное, уже смеются надо мной».

— Значит, никто не хочет лезть в трубу? А ведь все согласилось с моим планом, — с усмешкой в

голосе произнес Гладков. — Дело срочное. Каждая минута на вес золота!

— Можно я? — неожиданно для всех вызвался Олег и решительно шагнул вперед. — Я худой и ростом невысокий. А вась, пролезу.

Гладков взглянул на Олега. Не было у него обычной ухмылочки. И лицо сегодня вроде не такое помятое, как обычно после выпивки.

— Ну что ж! — сказал Гладков. — Валяй.

Олег взял переноску, помахал свободной рукой рабочим и полез в трубу. Провод переноски стал потихоньку разматываться. Бригадир отсчитывал метры. Все стояли молча, в ожидании. Гладков курил, шагая взад и вперед.

«Вот, поди, узнай, — размышлял Гладков, — кто тебя в трудный момент выручит. Сколько рабочих стояло! Вызвался тот, на которого не рассчитывал. Видно, нутро-то у парня неплохое. Кешка, наверное, заставлял плясать его под свою дудку. А теперь среди дельных ребят сразу свое лицо обрел». Настроение у Гладкова улучшилось. Провод переноски, извиваясь, как змея, уползал в трубу. Десять, пятнадцать, двадцать метров. И только на двадцать пятом остановился.

— Вскрывай перемычку на двадцать пятом метре! — крикнул Гладков.

Экскаваторщик стал отмерять двадцать пять метров от того места, где в трубе прорезали лаз. Двадцать пять метров кончались как раз там, где была дорога.

Гладков выругался. Опять подступила злость на сегодняшнюю неудачу. Ну, лопнула труба! Ну, хоть бы не под дорожку. Экскаватор вскроет дорогу, и грузовики будут стоять, как стоят сейчас. Рухнула надежда на то, что удастся вывезти с завода бетон.

— Вот так! — сокрушенно сказал Гладков. — План вроде был верный, а труба, как нарочно, лопнула под дорожкой...

Все стояли и ломали голову над тем, как бы найти выход из создавшегося положения.

Олег тем временем вылез из трубы. Его брезентовка была рыжей от ржавчины, лицо перепачкано.

— На стыке шов лопнул, — сказал Олег. — Полметра длины, пожалуй, будет...

— Лопнул шов, — вслух повторил Андрей и тут же еще громче сказал: — Но шов можно изнутри заварить.

— Великий рационализатор! — бросил Семушкин, который был настроен явно скептически. — Как только начнешь варить, так в трубе и задохнешься.

— Мы варили раза два, — сказал бригадир слесарей, — в противогазах. Они до сих пор в бытовке лежат.

— Скажи, Олег, — спросил Андрей, — можно изнутри заварить шов?

— А почему нельзя? — ответил Олег. — Можно! Только как ты туда все затащишь? Я с пустыми-то руками едва залез...

— Вот, пожалуйста! — кинул Семушкин с издевкой.

Андрей почувствовал, что краска залила лицо. Но он не сдвинулся, не отошел в сторону. Он был уверен, что можно найти какой-то способ и затащить в трубу концы сварочного аппарата. И вдруг вспомнил фронтовой рассказ отца о том, как однажды в разведке бойцы передвигались в трубе на маленькой тележке.

— Нужна маленькая тележка с колесиками, — неожиданно для всех почти закричал Андрей. — На ней можно в трубе передвигаться. Туда своим ходом — ведь у трубы наклон в ту сторону есть. Обратно ее легко на веревке вытянуть.

— Не забудь еще гудок к тележке приделать, — пристрил Семушкин.

— Тележка? Разумно! — поддержал Андрея бригадир слесарей. — Тут валяется негодный сварочный аппарат. Отрежем от него дно с колесиками, получится тележка.

Гладков не был полностью уверен в успехе этого дела. Но его прельщала мысль заварить трубу изнутри. Сколько времени сэкономили бы! Он все время поглядывал на часы. Каждая минута простоя обходилась слишком дорого. Самосвалы с твердеющим бетоном в кузовах стояли на дороге, а на дне котлована уже кое-где поблескивала вода, которую должны были откачивать остановленные насосы.

— Начинай! — разрешил Гладков.

Слесари быстро отрезали у железного ящика дно с колесиками и затолкнули тележку в трубу. Двинули ее туда, сюда — катится. Привязали веревку.

— Экипаж подан! — крикнул один из слесарей.

— Сначала я отправлюсь, — сказал Олегу Андрей, — а потом ты. Вдвоем мы скорее управимся.

Андрей взял переноску, противогазы, с трудом протиснулся в небольшой лаз, сделанный в трубе, и лег на тележку. Слесари стали отпускать веревку, и тележка покатила вниз по трубе.

— Поосторожнее там! — крикнул вдогонку Гладков. — Дергай за веревку. Мы будем знать, что все в порядке.

Пустую тележку легко вытянули за веревку. Олег взял концы сварочного аппарата и полез в темное горло трубы.

— Привет! — крикнул Олег, подкатив к Андрею.

В свете переноски был хорошо виден лопнувший шов. Наверное, земля осела, трубу изогнуло. Шов не выдержал и лопнул.

Они надели противогазы. Олег ткнул электрод в край шва, и полетели в стороны огненные искры. Металл плавился, соединяя рваные края трубы.

Андрей держал лампу, дергал за веревку, давая знать, что все в порядке. Олег осторожно прикоснулся электродом к металлу. Расплавленный красный металл слоем затягивал трещину.

«Мастерски работает. — Андрей вспомнил, как он сам варил угольники на пилонах. Вместо ровного шва у него получались волдыри. — Надо срочно учиться сварочному делу», — решил он.

С каждой минутой трещина становилась все меньше. И наконец совсем исчезла. Олег поставил на металле символическую точку, снял противогаз и весело сказал:

— Прощу экипаж!

Он лег на тележку, подергал за веревку и гулко прокричал: «Давай, поехали!» Веревка натянулась, и скоро Олег скрылся в темной окружности трубы.

В ожидании тележки Андрей остался в трубе один. Горячий шов еще дымился. Со стен трубы сползала рыжая, густая джигачина. Где-то там, наверху, по дороге уже двинулись самосвалы, груженные бетоном. От их тяжести содрогалась земля даже здесь, на глубине...

23

У входа в вагон была обычная вокзальная суета. С чемоданами в руках, с мешками на плечах люди напирали на проводницу, и она, маленькая, хрупкая девочка в форменной одежде, призывала пассажиров к спокойствию: до отправления еще много времени, все успеют сесть. Но никто не хотел ее слушать.

Именно к этому вагону подошли Андрей, Олег, Петр и Васюта. Остановились поодаль, закурили.

Среди будничной толпы пассажиров ребята в своих темных костюмах и белых рубашках выглядели празднично.

Поездка в город и впрямь была для них праздником.

— Смотрите, как напирают на проводницу, — заметил Васюта. — Того и гляди раздавят.

— И чего спешат? — удивился Петр. — До отправления еще семь минут.

— Бородатый, с мешком, как лезет... — Васюта бросил окурок, подошел к толпящимся у входа в вагон пассажирам и зычно скомандовал: — А ну, все — шаг назад!

Люди удивленно посмотрели на него.

— Ты иди команды подавай у себя дома! — крикнул бородатый мужик и, отталкивая проводницу, полез на подножку.

Васюта пробился сквозь толпу и схватил мужика за рукав.

— Стоп! — приказал он ему. — Сначала мы пропустим бабушку. — Рядом стояла, растерянно оглядываясь по сторонам, старушка с большим узлом в руках. — А потом вон ту женщину с ребенком.

Мужик рассвирепел. Желваки так и ходили у него по скулам. Может быть, он схватил бы Васюту за грудки, но сквозь толпу пробился Андрей, Петр и Олег. Мужик глянул на Петра — сажень в плечах — и утих.

— Граждане, вставайте в очередь, приготовьте билеты! — звонко выкрикнула проводница.

— Дедушка! — миролюбиво предложил Олег бородатому. — Встаньте рядом со мной. Как все пройдет, я вас в вагончик подсажу и мешочек подам.

Мужик, который был не так уж стар, недовольно проворчал: «Нужна мне твоя помощь! Дедушка...» Но все же отошел от подножки.

Проводница, проверяя билеты, благодарно поглядывала на своих добровольных помощников в праздничных костюмах. Они, как почетная стража, охраняли ее.

Ребята вошли в вагон последними. Места оказались там же, где уже устроился бородатый мужик. Он сидел у окна, резал хлеб толстыми кусками и клал на него сало. Жевал неторопливо, глядя в окно.

— Наш знакомый! — воскликнул Олег. — Уже закусывает!

Бородач посмотрел на ребят и ответил:

— Закусываю! Потому и в вагон лез, что есть хотелось. Со вчерашнего вечера во рту маковой росинки не было. То полночи на подводе от деревни до станции добирался, то в очереди за билетом стоял.

— Понятно! Голодный человек всегда зол на всех, — рассудил вслух Васюта.

— А вы откуда же такие будете? — поинтересовался мужик. — Разрядились все одно, как на свадьбу едете.

— Мы со стройки, — объяснил Олег. — Вот так-то, дед!

— Какой я тебе дед! — недовольно огрызнулся мужик. — Пафнутий Гаврилович меня зовут. Вы с той стройки? Где заслон на реке делают?

— Не заслон, а плотину! Темнота! — упрекнул Олег. — Газеты надо читать.

— И как это вы такую большую речку перегородить думаете?

— Теперь это просто, — ответил Васюта. — Техника! Люди чего хочешь способны сотворить, даже скалу в другое место перенести.

— Неужто! — Пафнутий Гаврилович перестал жевать.

Две женщины, сидевшие на боковой лавке у противоположного окна, притихли, вслушиваясь в разговор.

— Ты, Петр, прочитай-ка ему стихи о двух берегах,— попросил Васюта.— Очень у тебя там все наглядно изображено.

Петр посмотрел на Андрея, вроде бы ища его молчаливого согласия, потом тряхнул головой, отбросив волосы назад, и негромко начал:

Смотрите!
Вот он, строителя почерк:
Громадины краны,
Конструкций пространства,
Бетоном и потоком
Скованы прочно
Два берега,
Вечно не знавшие братства.
На левом
В затворы стучится вода,
Бетонные блоки растут.
На правом, как строки, висят провода.
По дну котлована
Машины идут...

— Ишь ты, едрена мать!— воскликнул мужик.— И плотину строят и стихи сочиняют. Головастый народ пошел. Слышите, бабы?

Две женщины, сидевшие на боковой лавке, согласенно кивнули.

— Ты на любой случай можешь стихи написать?— спросил Олег, который всегда несколько критически относился к поэзии Петра.

— Могу.

— Стихи надо писать о чем-то одном. Ну, о любви! И прежде чем братья за это дело, надо быть профессионалом,— заявил Олег.— Я дилетантов не признаю.

— Я стихи всегда сочиняю и нахожу в этом радость. Если человек стихи сочиняет, он и мир лучше понимает и сам лучше становится.

— А вот верный ли слух у нас в деревне ходит?— Пафнутий Гаврилович будто не слышал их спора.— Ежели вот эта самая плотина, которую вы строите, рухнет, то вся вода поперет по реке огромной волной, метров сорок вышины. Все она на своем пути уничтожит: и мосты, и деревни, и даже города.

— Верный слух! Но ты, папаша, не волнуйся!— заверил Васюта.— Мы плотину отгрохаем на века...

— Да-а!— неопределенно протянул Пафнутий Гаврилович и посмотрел на Андрея.— А ты чего, мил-человек, тоскуешь?

Ребята только сейчас заметили, что Андрей не участвует в общем разговоре.

Теперь, когда он не был занят делом, его еще больше мучил все тот же вопрос: «Почему от Лены столько времени нет писем?» Ни успехи на стройке, ни дружба с ребятами— ничто не могло отвлечь Андрея от его бесконечных тревог. Непокорно было у него на душе. И вот он едет к ней! В его распоряжении всего один день— суббота. Утром приедет в город, вечером нужно отправляться обратно. Как-то его встретит Ленка?

Когда Васюта, Петр и Олег узнали, что их звеньевой собирается в свой город, они увязались вместе с ним: «Ты нам все покажешь! Пообедаем, как люди, в ресторане! Твоя Лена подруга пригласит, развлечемся!»

Если бы ребята знали о настроении своего товарища, может быть, они и не поехали бы. Но Андрей им ничего не рассказывал.

— Я, пожалуй, ребята, подремлю на верхней полке,— сказал Андрей.

Он снял пиджак, повесил его на крючок, разулся и полез наверх. Заложив руки за голову, он слушал размеренный стук колес, видел, как в такт этому стуку вздрагивает чей-то чемодан, лежащий наверху. До него доносились обрывки фраз. Но он пропускал их мимо ушей. Он задумался над тем, есть ли на земле люди, у которых в жизни все хорошо, все идет гладко. И на душе покой и благодать! «Наверное, есть,— решил Андрей и тут же стал убеждать себя, что у него тоже все не так уж плохо.— Когда я из армии вернулся, впереди была неизвестность. То ли поступлю в институт, то ли нет. А сейчас все встало на свои места. Работа интересная. Впереди учеба. Верные ребята рядом...»

На днях Гладков вызвал Васюта и сказал:

— Можешь садиться за баранку. Твой исправительный срок кончился.

— Когда-нибудь потом вернусь,— ответил Васюта,— а сейчас позвольте в звене Ермакова поработать. Атмосфера дружеская, работать весело, а на машине все один да один.

Гладков удивился, но возражать не стал.

Завтра Андрей увидится с матерью. Когда она уезжала со стройки, в ее голосе уже не было трагических ноток. Прощаясь, мать не плакала, не смотрела на Андрея, как на обреченного. Мысль о свидании с ней теперь не тревожила его, а только радовала.

Но Лена... Она все время незримо присутствовала в его жизни. А письма от нее не приходили. И никакие успехи в работе не в состоянии были отогнать его тревогу. Ведь все, чего Андрей достиг за эти месяцы, было сделано для их будущего— его и Лены. Если бы знать, почему она молчит! Но неизвестность! Она постоянно беретит душу...

Уже скоро, уже завтра утром он поднимет телефонную трубку и позвонит ей. Перед отъездом у Андрея было настойчивое желание послать Лене телеграмму: «Выезжаю, встречай!» Но он боялся: а вдруг она не придет на вокзал! И тогда с первой же минуты после приезда он лишится даже надежды... а сейчас он надеялся на чудо. Вдруг она каким-нибудь образом узнает о его приезде и придет встречать?

24

Когда поезд подошел к перрону, конечно, никакого чуда не произошло. Сколько Андрей ни вглядывался в лица стоящих на перроне людей, Лены среди них не было.

Он хотел позвонить ей сразу же с вокзала. Но было только полдевятого утра— решил обождать немного.

И вот четверо крепких парней шагали по тротуару, наслаждаясь видом большого города, по улице мчались легковые автомобили, навстречу шли незнакомые люди. В широких стеклянных витринах красовались манекены, одетые в модные шляпы и пальто.

Казалось бы, что в этом ничего примечательного нет. Но поживи годик на стройке, в тайге, где легковых машин раз-два и обчелся, где на работу все ходят в резиновых сапогах, где чуть ли не каждого человека знаешь в лицо... любой город покажется удивительным и новым.

Справедливости ради нужно сказать, что ребята не чувствовали себя здесь чужими. Крепкие парни в добротных костюмах. Лица, темные от загара, волосы, выцветшие на солнце. Шагали неторопливо

и уверенно, это выделяло их среди вечно спешащих горожан.

— Слушай, Андрюха, а не пора тебе позвонить своей Леночке? — сказал Васюта. — Девять ноль-ноль! Уже время сколачивать здоровый женский коллектив. Пока соберутся, пока что! Время к обеду подойдет.

Подшли к телефону-автомату. Андрей полез в карман, но не успел вынуть мелочь, как ребята протянули каждый по две копейки. Андрей напряженно засмеялся, взял у них три монеты.

— Плата за организацию женских кадров, — сосчитал Васюта.

Андрей набрал номер телефона. Вот сейчас услышит он знакомое Ленкино «Алло!».

К телефону подошла мать Лены.

— Здравствуйте, Тамара Олеговна, — сказал Андрей.

— Гриша? — неожиданно для себя услышал он.

— Нет! Это я, Андрей!

— Андрюшенька, здравствуй! — наигранно-весело воскликнула Тамара Олеговна после некоторого замешательства. — Какими судьбами?

— На один день приехал. Лена дома?

— Только что ушла к подруге. Позвонил бы чуть пораньше.

— А у подруги телефона нет?

— Право, не знаю! — с сожалением произнесла Тамара Олеговна.

— Я через часок еще позвоню, — сказал Андрей. — Если она вернется, пусть подождет. И подругу не отпускает. Со мной ребята приехали. Хотим пообедать в ресторане.

Андрей вышел из будки, и друзья сразу все поняли. Петр похлопал его по плечу и сказал:

— Не горюй.

— Значит, программа такая, — стараясь придать лицу веселое выражение, предложил Андрей. — Купим чего-нибудь пожевать — и ко мне. А потом до обеда разбежимся по городу — кто куда!

— Приказ начальника — закон для подчиненного! — воскликнул Олег. — Знаете, мне чего, ребята, хочется?

— Выпить! — предположил Васюта.

Олег отрицательно покачал головой.

— Хочу любительской колбасы. Свежей, со сливочной! Килограмма полтора на четверых, и еще на каждого по белому батону. И еще полкило масла сливочного. На хлеб кладешь кусок масла, а на масло толстый кругляш колбасы и жуешь. Глаза сами закрываются от удовольствия.

— Большой изобразительный талант, — сказал Петр. — У меня даже слюнки потекли.

Ребята вошли в магазин. Олег обратился к молодой продавщице:

— Нельзя ли купить вот тот рулончик колбасы?

— Не рулончик, а батончик, — поправила девушка.

— А ему все равно, что рулончик, что батончик, лишь бы круглый! — Васюта подмигнул ей и, сбавив голос, спросил: — А если я вас приглашу на обед в ресторан «Енгири»?

— Пригласить, конечно, можете. Только я сегодня работаю до вечера.

— Неувязочка! — Васюта почесал затылок. — Но в следующий раз я приеду в город на два дня, и тогда... мы идем в ресторан.

Девушка улыбнулась в ответ. Взвесив колбасу, она сказала:

— Два килограмма сто граммов.

— На завтрак хватит, — заявил Олег.

— На завтрак? — удивилась девушка.

— А он живет в лесу и обожает колбасу, — в рифму сказал Петр.

Андрей пошел в кондитерский отдел. Он окинул взглядом витрину, увидел конфеты «Мишка косоплоский» и обрадовался. Он хотел купить целый кулек таких конфет. Это желание его преследовало с детских лет. Обычно мать покупала «Мишки» только по праздникам. Она редко давала детям по целой конфете. Чаще разрезала одну конфетку пополам. Половина Андрею, половина Марине. Оставшиеся на столе крошки она аккуратно сгребала рукой и клала в рот.

— Сколько в этот пакет войдет «Мишек»? — спросил Андрей, показав на пустой кулек, лежавший на прилавке.

— Взвесим и узнаем... Кило двести пятьдесят, — сказала продавщица.

В этот момент подошли ребята. Васюта увидел полный кулек «Мишек» и громко сказал:

— Андрей Ермаков гуляет!

— Может быть, убавить до килограмма? — предложила продавщица.

— Да вы что! — воскликнул Олег. — Это наш начальник. Он может у вас этих конфет хоть пуд купить.

Теперь они шагали, нагруженные свертками. Андрею не терпелось позвонить Лене еще раз, но он рассудил так: «Если она придет домой раньше, то будет ждать звонка. Значит, позвоню ровно через час».

Андрей привел ребят домой, открыл входную дверь и громко крикнул:

— Принимаете гостей?

Из кухни бежала Маринка, на ходу вытирая полотенцем руки. Не сказав ни слова, она бросилась Андрею на шею.

— А мама где? — спросил Андрей.

— Дежурит!

— Жаль, — огорченно произнес Андрей. — Ну, что, сестренка? Будешь за хозяйку! Вот тебе гостинец. — Андрей отдал кулек с конфетами.

Маринка заглянула в кулек и, подпрыгнув от радости, крепко обхватила Андрея за шею и еще раз поцеловала в щеку.

Знакомая с товарищами брата, она церемонно подавала каждому руку и, опустив глаза, негромко произносила:

— Марина!

Потом взяла свертки, быстро развернула, поставила на стол тарелки и побежала на кухню заваривать чай.

— Ну и сестренка! — воскликнул Олег. — Молния!

Олег раскрыл свой острый, как бритва, складной нож и начал резать колбасу. Он резал ее толстыми, аппетитными кусками. Но весь батон разрезать не рискнул. Он разрезал всего половину, а глубокая тарелка была уже полна. Затем Олег принялся за хлеб. Когда закончил работу, окинул взглядом стол и сказал:

— Натюрморт! Если бы еще пол-литра, то не было бы цены этому натюрморту. Но уговор дороже денег. До обеда ни капли в рот.

Маринка принесла чай, все сели к столу, девочка каждому подавала чашку, и лицо ее было по-взрослому серьезно.

Четыре месяца Андрей не видел сестренку и сейчас с любопытством разглядывал ее. Она загорела, подросла. Но по-прежнему на ней было то же самое старенькое, выгоревшее на солнце узкое платьице, в котором она была в день возвращения Андрея из армии.

Ребята мазали хлеб маслом, клали сверху кусок свежей, аппетитно пахнущей колбасы и с наслаж-

дением жевали, прихлебывая крепкий чай. Они соскучились по этой обычной городской оде.

В дверь легонько постучали, и на пороге появилась Ольга Григорьевна.

— Ой, сколько молодых людей! — всплеснула она руками. — Андрюшенька, здравствуй!

Ребята встали и по очереди пожали Ольге Григорьевне руку.

— Какие вы все молодые, сильные! — сказала Ольга Григорьевна. — Просто залюбуешься.

Ольга Григорьевна присела к столу. Маринка поставила перед ней чашку и налила чаю.

— Ты, Андрюша, приехал в город по делам или просто так, проветриться?

— У нас своего ветра не хватает, — сострил Васюта. — Он сюда проветриться приехал.

— Шутники, молодые люди! — сказала Ольга Григорьевна. — Да вы закусывайте, не стесняйтесь, я здесь свой человек. — Ольга Григорьевна отхлебнула чаю и еще раз внимательно осмотрела ребят. — А кто же из вас так напугал Леночку — девушку Андрея?

— Его нет, — ответил Петр, — уехал на другую стройку. От стыда.

— Леночка такие страхи рассказывала, — продолжала Ольга Григорьевна. — А я смотрю на вас и думаю: приличные молодые люди и даже не выпивают.

— Мы только чай, — сказал Васюта. — А вот Олег, например, даже чай редко употребляет, в основном молоко кипяченое пьет.

Ребята прыснули от смеха.

— Ничего, ничего, — покровительственно сказала Ольга Григорьевна. — Люблю шутку. Когда я была молодой, как мы шутили! Боже! Сколько выдумки было! Какое это было прекрасное время! А вы, наверное, комсомольцы?

— Все, кроме Олега, — ответил Васюта. — Он вышел из комсомольского возраста.

— Кто-нибудь из вас учится заочно в институте?

— Петр в Литературный собирается поступать. — Олег показал на Петра. — Стихи такие откалывает... как настоящий поэт, и к тому же на современные темы.

— Это прекрасно! Высшее образование так нужно в наше время, и горе тому, кто этого не понимает. Высшее образование, друзья мои, — это альфа и омега сегодняшней жизни. Вы все должны обязательно учиться!

Ребята перестали есть сочную, вкусно пахнущую колбасу. Им казалось неудобным жевать, когда Ольга Григорьевна произносит такие высокие слова.

Андрей подмигнул Маринке и показал глазами на «Мишки», лежащие на столе щедрой россыпью. Маринка взяла конфету, аккуратно развернула и засунула сразу всю в рот. Она жевала конфету, улыбалась, гладила себя раскрытой ладошкой по животу, изображая полное блаженство.

— А не засиделись ли мы? — вдруг спросил Васюта, когда Ольга Григорьевна сделала очередную паузу. — Приехали по городу пошататься, а время за столом проводим.

— Пора! — поддержал Васюта Петр и встал.

Олег с грустью поглядел на оставшуюся колбасу и тоже поднялся из-за стола.

— Обедаем в ресторане «Енгирь», — сказал Андрей. — Собираемся в три часа.

— И не только мы, — подмигнул Васюта. — Но и наши гости.

— Все будет в порядке, — заверил Андрей.

Ребята попрощались с Ольгой Григорьевной. Когда дверь за гостями закрылась, Ольга Григорьевна строго посмотрела на Андрея.

— Я должна тебе заметить, Андрюша, — с упрямством сказала она, — ты покупаешь дорогие конфеты, собираешься обедать в ресторане. А мать твоя копейки по утрам подсчитывает, у соседей в долг деньги просит.

— Она уже давно у вас не просит, — сказала Маринка, и Андрею показалось, что сестренка сейчас заплачет.

— У меня не просит, потому что и так должна двести тридцать рублей. Но вы знаете, как я хорошо отношусь к вашей матери. Я ее не тороплю отдавать эти деньги. Терпеливо жду.

— Двести тридцать, — повторил Андрей и вынул бумажник. Он поплевал на пальцы и стал отсчитывать одну за другой десятки. — Двадцать три? — сказал Андрей и спрятал оставшиеся деньги в карман. — Проверьте!

Ольга Григорьевна удивленно смотрела на Андрея, потом взяла деньги, аккуратно сложила их и, сев на стул, начала неторопливо считать, шепча губами: десять, двадцать...

Андрей посмотрел на Маринку и увидел ее ликующие глаза. Только минуту назад казалось, она расплачется, а сейчас в глазах девочки светилось столько радости. Щеки ее были пунцовыми от волнения.

25

Андрей шел с Маринкой по улице. Она крепко держала его за руку и весело болтала о своих школьных делах, об учителях, об уроках, об отметках и о подруге Тамаре из пятого «А».

Андрей рассеянно слушал сестренку, то и дело поглядывая на часы. Прошел час и три минуты с того момента, как он разговаривал с матерью Лены. Лучше повременить еще две минуты, и тогда... Наверное, она уже дома.

Вон стоит телефонный автомат. Андрей вошел в будку, опустил монету и набрал так хорошо знакомый номер.

— Лену можно?

— Леночка еще не пришла! — Андрей опять услышал голос Тамары Олеговны. — Просто не знаю, что делать. Она будет так расстроена, если не увидит тебя.

— Ну, ладно! Я еще позвоню! — сказал Андрей и повесил трубку.

Маринка взяла брата за руку и продолжала беззаботно щебетать о своих школьных делах. Андрей порадовался, что в эту минуту он не один, с ним сестренка, и он пойдет сейчас в магазин и купит ей платье.

— Какое платье ты хочешь? — как можно веселее спросил Андрей.

Маринка остановилась, уперла руки в бока, зачем-то поставила одну ногу на носок и сказала:

— Воротничок — небольшая стоечка! — Маринка показала пальчиками величину стоечки. — На груди кармашек и, конечно, чтобы был клеш.

— Ты знаешь, где продаются такие платья? — спросил Андрей.

— Тут недалеко универмаг есть, — ответила Маринка. — Мы заходили с мамой, видели... Но... денег не было. — Маринка привела Андрея в универмаг, в отдел детской одежды, и сказала: — Вот там в углу висят, видишь?

У прилавка со скучающим лицом стояла продавщица. Ей, должно быть, понравился этот русоволосый парень. Она улыбнулась.

— Моей сестре нужно платье со стоечкой, — начал Андрей, — с карманом и чтобы обязательно был клеш.

— Подберем такое платье, — ответила девушка и вскоре принесла на вешалке красивое голубое платье.

— Ой! — воскликнула Маринка.

Девушка увела Маринку в примерочную. Андрей прохаживался около прилавка и думал о том, как хорошо, что он может купить ей это самое платье. Он старался думать о Маринке, о ее радости и этим хотел отвлечь себя от тревожных мыслей о Лене.

Маринка выходила из примерочной робко, будто боялась нечаянным движением измять платье. Она остановилась перед Андреем, заложила руки назад и, глядя неморгающими глазами, спросила:

— Красиво?

Андрей показал большой палец.

— Ты вправду купишь мне это платье? Оно ведь дорогое. — В голосе Маринки звучало сомнение.

— Прошу, выпишите чек, — сказал Андрей продавец.

Маринка приблизилась к Андрею и шепнула:

— Ты сначала деньги посчитай.

Андрей поцеловал сестренку в щеку, улыбнулся и направился к кассе платить.

Наверное, Маринка была самой счастливой среди всех прохожих на этой улице. Она крепко прижимала к груди покупку, шла степенно...

— Я надену платье на ноябрьские праздники и пойду в нем в школу! — негромко говорила Маринка брату. — Вот все удивятся!

Андрей шагал по тротуару и, сам не замечая, искал глазами телефонную будку. Когда он увидел ее, то почувствовал, что она, как все сильный магнит, притягивает его. Но разумный голос говорил: «Рано! Прошло всего двадцать минут».

Менее разумный голос искушал, подталкивал к телефону-автомату. «Может, она сидит и ждет твоего звонка. А ты будешь мучиться, выжидать!» Андрей решил позвонить. Он опустил монету и почувствовал, что волнение сбивает ритм дыхания, в горле застрял ком. Он набрал номер, и гудки показались ему очень длинными... Снова ответила мать Лены. Андрей повесил трубку. Он стоял в будке и зачем-то, не отрываясь, смотрел на круглый диск.

Маринка открыла стеклянную дверь и позвала:

— Андрей!

Когда Андрей вышел из будки, она не спросила его ни о чем. Понимала ли она, что происходит в его душе? Может быть, и понимала. Ей стало грустно. Молча они дошли до больницы, где работала мать. Гардеробщица всплеснула руками:

— Андрюша! Как изменился! И времени-то прошло всего ничего. А какой стал!..

Санитарка пошла за Полиной Ивановой. Вскоре мать прибежала, поправляя на ходу белую шапочку.

— Вот какая радость! — Мать обняла Андрея. — Что же ты не сообщил? Я бы от дежурства освободилась.

— Сюрприз!

— Андрей мне платье купил — то самое, голубое... Мы с тобой его смотрели. Помнишь?

Маринка бережно развернула сверток и показала краешек платья.

— То самое, со стоечкой, с карманчиком!

Когда все трое сели на скамью у двери, мать взяла Андрея за руку.

— Ну, как ты? Какие планы? — спросила она.

Андрей хотел сказать матери, как он спешил домой и как рад, что увиделся с ней и с Маринкой, но не смог, лицо у него было несчастное, и Полина Ивановна сразу заметила.

— Что это ты как в воду опущенный? — спросила она.

— Да нет! Это тебе кажется... На стройке у меня все в порядке. В прошлом номере местной газеты мой портрет напечатали, — сказал Андрей. — Аварии мы быстро ликвидировали. Мне премию дали за техническую смекалку.

— Привез газету?

Андрей полез в карман и достал сложенный вчетверо небольшой лист. Мать развернула его и на первой странице увидела портрет сына.

— Ой, радость-то какая! На работе всем покажу. И Алексею тоже. Он в тебя просто влюбился. Заходил на днях, о тебе спрашивал.

— Почему ты мне о Лене ничего не писала? — наконец не выдержал Андрей.

— Что я тебе напишу? — Полина Ивановна пожала плечами. — Звонила ей несколько раз — дома не заставала. А однажды дозвонилась. Поговорили, обещала зайти, да вот до сих пор не зашла, видно, времени нет. А ты не волнуйся! Никуда твоя Лена не денется.

Андрей мслчал, уставившись в пол. Мысли его были невеселые.

— Мама, хочешь, я тебе новость скажу? — не вытерпела Маринка.

После того, как она показала матери свое новое платье, ей хотелось поскорее сообщить о деньгах, которые отдал Андрей Ольге Григорьевне. Она думала, что Андрей сам заговорит об этом. А он почему-то сидит и молчит.

— Ну, говори! — сказала мать.

Маринка таинственно улыбнулась, подошла поближе к матери и негромко, почти шепотом, объявила: — Андрей долг наш заплатил Ольге Григорьевне! Мать не сразу поняла смысл ее слов. Она некоторое время молчала, глядя на Маринку. А когда повернулась к Андрею, то в глазах застыли слезы.

— Да что ты, мама! — воскликнул Андрей. — Чепуха какая! Зарплата у меня теперь высокая. Премию получил.

— Спасибо, Андрюша! — сказала мать и, положив свою руку на руку Андрея, крепко пожала ее.

— В следующем месяце я тебе еще рублей сто пришло, поедешь на курорт. Ты оформляй путевку.

— Да ладно уж! Ладно! — Мать благодарно улыбнулась.

— А сейчас я должен идти, мама! — Андрей взглянул на часы. — Я ведь с товарищами приехал, договорились пообедать в «Енгире».

— Прислал бы телеграмму, я бы с работы сегодня отпросилась, обед бы для вас приготовила!

— Ладно, мама! Все еще впереди! — сказал Андрей. — Может, мы с ребятами вечером зайдем. Поезд уходит в одиннадцать.

— Вот и прекрасно! Я пирог испеку, твой любимый — с вареньем.

Андрей поцеловал мать, обнял Маринку и ушел.

26

Выйдя из больницы, Андрей направился к телефону-автомату, примеченному им, еще когда он шел с Маринкой по улице. Бросив монету, он набрал номер и услышал короткие гудки. «Хорошее предзнаменование, — решил он. — Лена пришла. Мать сказала ей, что я приехал».

Андрей еще раз покрутил диск и наконец-то услышал такое знакомое Ленкино: «Алло».

— Лена, здравствуй! Это Андрей! — выпалил он.
— Здравствуй! — ответила Лена, и в ее голосе он не услышал ни удивления, ни радости.

— Я тебе звоню все утро, приехал на один день с товарищами. Вечером обратно. Я не получил от тебя ни одного письма! Что случилось? Впрочем, что это я на тебя набросился! Давай поскорее встретимся, и ты мне все объяснишь. Я договорился с ребятами обедать в три часа в «Енгире». Ты приходи пораньше — к двум.

— Все так неожиданно, — сказала Лена, помедлив, и добавила: — Хорошо, я приду!

— Ладно, только не опаздывай! — крикнул Андрей.

Когда Андрей повесил трубку, он не знал, кого упрекать: себя или Лену. «Куцый какой-то разговор получился. Мог бы уж не торопиться так, поговорить еще минутку!» Но не хотелось думать ни о чем неприятном. Ведь через полчаса он увидит ее. Она будет размашисто шагать навстречу, придерживая рукой сумочку на плече. Как в тот день, когда он вернулся из армии.

Всего один телефонный звонок, всего несколько слов, сказанных ею. И он почти счастлив.

И все же его как-то смутно тревожил их слишком короткий разговор.

Андрей хотел прийти к Лене с цветами.

Он знал: прежде ими торговали на углу бульвара. И, подойдя ближе, увидел в огромных жестяных ведрах белые и розовые астры, пунцовые и желтые георгины. Цветы конца лета.

Он выбрал с десятка ярко-красных георгинов. Получился очень красивый букет.

Шагая к месту свидания, Андрей пытался вспомнить, когда он дарил Лене цветы. Только один раз за все годы, после выпускного вечера. Они бродили всю ночь до утра, и утром, проходя мимо рынка, Андрей увидел женщину, должно быть, только что приехавшую из-за города. Она продавала свежие розы — еще покрытые капельками росы. Андрей выгреб из карманов все, что у него было, и купил Лене небольшой букетик.

К ресторану «Енгирь» он пришел без десяти минут два. Огляделся, закурил. Старое, еще дореволюционное здание ресторана выглядело помпезно. Каменные атланты подпирали карниз второго этажа, крутособые, гривастые львы замерли по обе стороны от входа. Нюхотца отцы города хотели, чтобы это здание внушало почтение к капиталу и, конечно, к тем, у кого есть свой капитал.

Андрей прохаживался взад и вперед перед входом в ресторан. На него с любопытством и доброжелательством поглядывали. Уж очень парень похож на жениха: в черном костюме, при галстукке, да еще с букетом цветов.

Андрей нетерпеливо поглядывал в сторону, откуда должна была появиться Лена.

Наконец, он увидел Лену. Но шла она не так, как в тот день, когда он вернулся из армии. Не было у нее сейчас прежней торопливой, размашистой походки. Она шагала медленно и глядела куда-то в сторону, не искала его глазами.

Андрей бросился ей навстречу, отдал цветы.

— Я просто сходил с ума, — сказал он, взяв ее под руку. — Не пишешь. Может, думаю, заболела или куда-нибудь подалась в медвежий угол, где даже почты нет. Чего только не передумал!

— Жива и здорова! — ответила Лена, не поднимая на Андрея глаз.

— Неужели ты сердилась на меня из-за этого паршивого Кешки? Я так был тогда зол на всех и на самого себя, что мы разминувшись. Если бы ты сообщила о своем приезде, я бы не поехал в совхоз на воскресник. Сидел бы на скамейке перед входом в общежитие и ждал тебя, как верный пес.

— Но ты сегодня тоже не сообщил о приезде...

— Верно, — согласился Андрей, — видно, мы оба любим сюрпризы! Рассказывай, как ты жила!

Лена пожала плечами:

— Ничего особенного! Отдыхала, иногда купалась. Много читала, в кино ходила. — Она помолчала и опять повторила: — Ничего особенного!

И снова что-то в Ленкином голосе насторожило Андрея. И слова ее были вялые, безразличные...

— Лена, милая, перестань! — взмолился Андрей. — Наплюй ты на этого Кешку. Нельзя же меня казнить за него всю жизнь...

— Да при чем тут Кешка! — недовольно бросила Лена.

— Так в чем же дело, объясни! — Андрей перевел дух. — Может, ты меня до сих пор осуждаешь за то, что я не пошел учиться и уехал на стройку?

— Привет, привет! — услышал Андрей голос Васюты и, обернувшись, увидел ребят, которые подходили к ресторану.

Андрей нахмурился. Уж очень не вовремя они пришли. Но он скрыл свое раздражение и представил Лене своих друзей.

— Наконец-то вы появились, Лена! — воскликнул Васюта. — А мы уж думали, что вы просто прекрасный миф, легенда нашего друга Андрея.

Лена улыбнулась. «Какие славные ребята, симпатичные, должно быть. Они совсем не похожи на того противного Кешку».

«Может, там какой подонок сидел, напраслину возводил», — вспомнила она слова Алексея Петровича, сказанные за столом у Ермаковых. И ведь именно после встречи с Кешкой она подумала, что скоро и Андрей станет таким же.

— Лена! — обратился к ней Васюта. — Мы считываем на ваших подруг. Нельзя ли их пригласить? Веселиться так веселиться.

— Право, не знаю, если бы вы предупредили...

— Ну, а попробовать можно? — Васюта с готовностью вынул из кармана двухкопеечную монету.

— Знаете что, ребята, — вмешался Андрей. — Прошу вас, вы идите в ресторан, займите столик, заказывайте. Мы с Леной все обмозгуем и скоро придем.

— Ты с утра нам обещаешь, только результата нет! — не уступал Васюта. — Правильно я говорю, Лена?

Лена улыбнулась и пожала плечами.

— Я прошу вас, — настойчиво повторил Андрей. В голосе его уже слышалось раздражение. — Нам с Леной поговорить надо.

— Если так! — протянул Васюта. — Пошли, ребята.

— Так скажи мне, наконец, в чем дело? — спросил Андрей, когда вся компания скрылась за дверью ресторана. — Да пойми же, я должен был ехать на стройку. Иначе не мог.

Лена стояла, потупив глаза, в душе жалея, что ушли эти веселые парни. «Надо было взять монету, позвонить Ане или Люде. При них Андрей не стал бы задавать вопросы...»

— Молчишь? Ладно! — Андрей говорил резко, не в силах скрыть нервное возбуждение. — Тогда объясни: почему так долго не писала?

— Ты тоже не писал!

— Не писал потому, что ты не ответила на два моих письма!

— Будем считаться: кто ответил, а кто нет?

— Ну, ладно! — примирительно сказал Андрей и взял Лену за руку.

Их глаза встретились, и Лена поняла, что Андрею тяжело. И это уже не юношеская ревность, остро щекочущая нервы. Это намного серьезнее. Можно, конечно, солгать что-нибудь и успокоить его. Но лгать не хотелось. Стыдно!

— Я не могу больше так, Лена, — тихо произнес Андрей. — Я чувствую: что-то изменилось в тебе. Я непрерывно думаю об этом, но понять не могу. Она стояла, по-прежнему не поднимая глаз. Он замолчал, ожидая ответа.

— Может быть, у тебя кто-нибудь другой завелся?

— Глупости говоришь! — как бы между прочим обронила Лена. — Ты лучше скажи: подругам-то надо звонить?

— Почему ты переводить разговор? — резко возмущился Андрей.

— Твои друзья просили! — сказала Лена и, взглянув на Андрея, попыталась улыбнуться, но улыбка получилась неестественная, чужая.

И будто какая-то нечистая сила шепнула Андрею: «Гриша».

— А какой Гриша тебе звонит, позволь узнать?

Может быть, услышав это имя, Лена слишком быстро отвернулась, чтобы Андрей не заметил выражения ее лица. Но он все-таки почувствовал ее растерянность.

— Никакой Гриша мне не звонит! — как можно спокойнее ответила Лена.

— Врешь! — Андрей сказал это твердо, и Лена испуганно подумала: он знает о том, что у нее было с Гришей. Однако она взяла себя в руки и спокойно возразила:

— Почему ты со мной так разговариваешь, что тебе дает на это право? Ты уехал, меня бросил. А теперь приехал на один день, чтобы упрекать невесту в чем, высказывать оскорбительные подозрения.

— Как это я тебя бросил?

— Очень даже обыкновенно. Сел в поезд и уехал.

Андрей посмотрел на нее с удивлением, и Лена почувствовала, что больше у нее нет сил продолжать этот разговор. Все, что она говорит, нечестно, подло... Ведь она любит его! И она сейчас либо расплачется, либо выскажется начистоту. Но говорить о Грише нельзя! Лучше уйти. И как можно скорее. Сделать вид, что смертельно обижена.

— Прощай! — неожиданно для Андрея почти выкрикнула Лена и пошла прочь.

Андрей тут же догнал ее и взял за локоть.

— Ты с ума сошла!

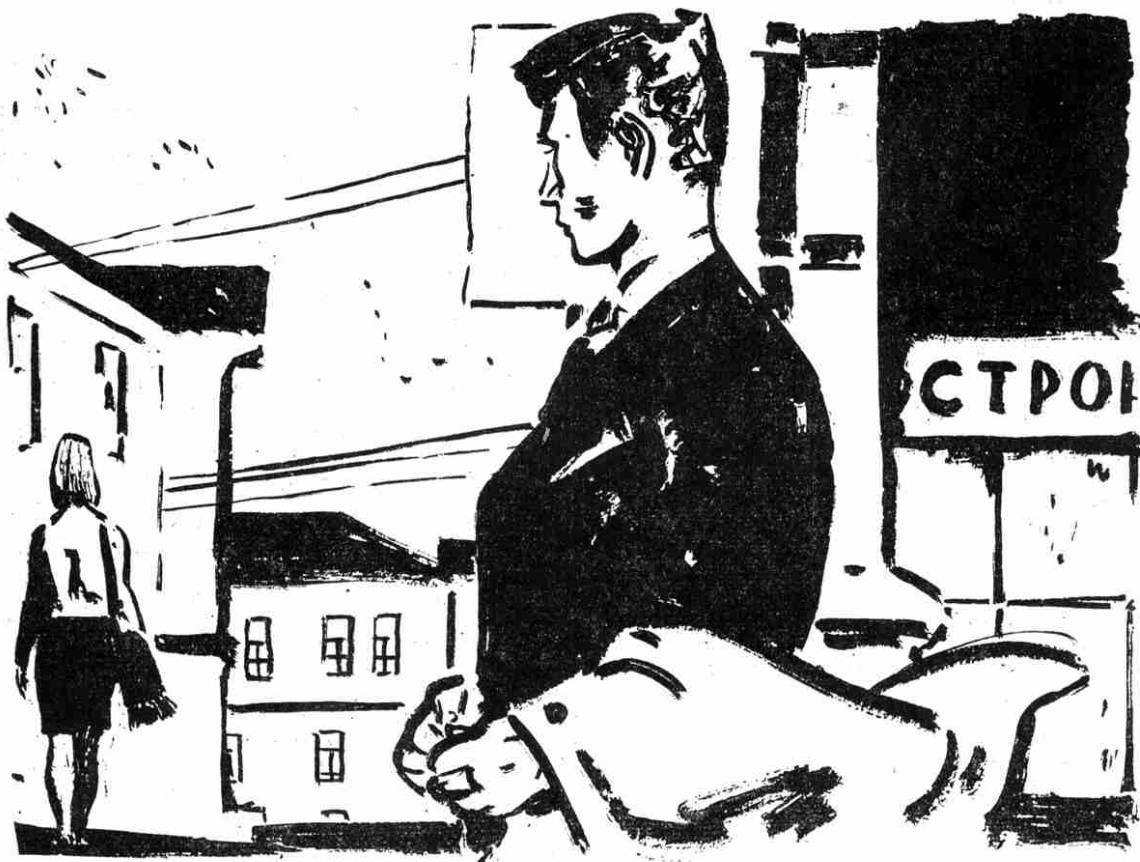
— Оставь меня!

— Лена, милая! — пытался успокоить ее Андрей.

— Я не могу с тобой сейчас разговаривать. И не хочу... — Лена отбросила его руку и быстро зашагала по тротуару.

Андрей опешил. Он стоял и смотрел, как уходит его Ленка. И все помрачнело вокруг. «Может, действительно, она полюбила другого, — горестно подумал он. — Но почему ты стоишь, Андрей? Почему ты не догонишь свою любимую? Не схватишь ее крепко за руку? Ты же сильный мужчина».

...У Лены хватило выдержки идти спокойно только до ближайшего перекрестка. Когда она завернула за угол и поняла, что Андрей не видит ее, она закрыла лицо руками и пошла, шатаясь, как пьяная, плача на ходу. Стыд, жалость к самой себе терзали ее. Самым мучительным было сознание, что она любит Андрея больше, чем когда-либо прежде, и что она потеряла

его по своей вине. Память безжалостно возвращала ее к тем дням и часам, когда они были вместе. Все, что связывало ее раньше с Андреем, казалось ей и сейчас необыкновенно прекрасным, возвышенным. Зачем было устраивать трагедию из-за его отъезда на стройку? «Я должен помочь матери и выглядеть человеком в своих собственных глазах», — сказал он ей.

«У меня есть папа и мама, — вспомнила она слова Гриши. — Они меня родили. Я их об этом не просил. Теперь пусть заботятся обо мне».

«Боже мой! — с отчаянием упрекала себя Лена. — Что же я наделала! — От мысли, что никогда больше не увидит Андрея, ужас охватил ее. — Лучше признаться ему во всем. Он любит меня! Простит. Нет! Нет! Никогда! Я дрянь, дрянь! — казнила она себя. — Ну как я могу сделать ему больно? За что? За то, что он любит меня?»

О Грише она думала с ненавистью. Чувство обиды и горечь сменились яростной решимостью высказать этому пустому, ничтожному человеку свое презрение.

Лена почти бежала к своему дому. Едва переступив порог, она схватила телефонную трубку и набрала Гришин номер.

— Да-а! — послышался в трубке спокойный голос Гриши.

— Это говорит Лена!

— Ой, Леночка, как приятно!

— Я хочу сказать тебе, что ты негодяй! — крикнула в трубку Лена.

Гриша, видимо, не ожидал такого оборота дела.

— За что же такая немилость? — растерянно произнес он.

— Негодяй! — повторила Лена. — Ты... — у нее перехватило дыхание. — Ты... воспользовался моим доверием, моей слабостью. Ты разрушил самое драгоценное, что у меня было, — нашу с Андреем любовь. Я никогда не прощу себе того, что произошло. Но ты мне отвратителен. Я больше не хочу тебя знать, я не хочу даже слышать твое имя.

Лена бросила трубку, села на стул и громко заплакала.

«Негодяй, — повторил Гриша и недоуменно пожал плечами. — Наверное, Андрей узнал, что мы встречались, и поднял шум. Иначе отчего бы она взбесилась? Этот солдафон, конечно, и отцу скажет. Сам виноват, зачем уехал и бросил ее. Не я, так другой нашел бы ее».

Гриша пытался найти какое-то оправдание себе, но не находил. Ему вспоминались слова отца: «Если ты начнешь за ней увиваться — я знаю тебя больше не захочу!» Потом на ум пришла ее фраза, сказанная в тот день, когда они шли в кафе: «Зачем нам встречаться?» «Не понимаю, — ответил тогда Гриша. — Разве ты не допускаешь, что мы можем быть просто друзьями?»

Но Гриша хорошо теперь понимал, что Лена не похожа на других знакомых ему девиц. После встречи на квартире у Толика Гриша позвонил Лене. Как обычно в таких случаях, он начал разговор неприужденно, с каких-то пустых фраз и, конечно, предложил сегодня же встретиться.

— Не встретимся! — ответила Лена, к полному удивлению Гриши.

И он понял, что настаивать бесполезно.

Однако он звонил Лене и на следующий день и еще много раз, но всегда под каким-то предлогом

она отказывала ему в свидании. Самолюбие Гриши, привыкшего к легким победам, было задето. «Как будто мало девушек, с которыми весело, забавно, и они не устраивают из-за пустяков трагедию! Ни за что не позволю ей больше». Но прошло всего два дня, и Гриша позвонил снова. Опять услышал: «Нет, не придут!»

Теперь он уже понимал: то, что ему удалось уговорить Лену поехать к Толику, было случайностью. Однако Гриша надеялся, что рано или поздно она согласится опять встретиться с ним. И вдруг сегоднешний звонок...

Гриша поднял трубку и набрал номер ее телефона.

— Да! — услышал он тихий голос Лены. Она все еще сидела у телефона, не в силах подняться.

— Я тебя умоляю! — произнес Гриша. — Выслушай! Ты зря меня считаешь негодяем! Я вовсе не хотел воспользоваться твоим удрученным состоянием. Я совсем не думал об этом. Ты мне понравилась с первого взгляда. А теперь у меня появилось к тебе чувство, которое я не испытывал к другим...

— Прекрати этот поток красивых слов, — обрвала его Лена. — Ты вторгся в мою жизнь исподтишка, воровски. Я не оправдываю себя! Тем противнее мне все и больнее. Я не хочу тебя ни видеть, ни слышать, не звони больше...

— Теперь ты, конечно, поедешь к Андрею? — перебил Гриша.

— Мечтала бы! Только он не примет меня, прогонит. И правильно сделает. И все из-за тебя. Ты разрушил! Ты убил во мне веру во все светлое. Не хочу с тобой разговаривать...

Лена повесила трубку, бросилась на тахту и уткнулась лицом в подушку.

27

Завено Андрея закончило работу в блоке. На дне котлована вырос еще один квадратный бетонный красавец, который способен столетия держать на себе тяжесть гигантской плотины.

Окончание работы — всегда событие радостное. Ты видишь воочию результаты своего труда. Постепенно, день за днем, рос этот блок и прочно возвышается теперь и вписывается в общий рисунок будущей плотины. Прошло не так уж много времени с тех пор, как Андрей приехал на стройку, а уже многое изменилось вокруг. Высоко поднялись по обе стороны реки порталы краны. Уже видно, как встанет плотина поперек реки. Как она упрется своими широкими плечами в ее скалистые берега. По насыпи, с которой когда-то Андрей скатился на грузовике в воду, теперь пролегает шоссейная дорога. По ней мчатся груженные «четвертаки».

Да и в самом поселке за это время произошли большие перемены. Рядом с бараками поднялись пятиэтажные красавцы дома. Гладков обещал Андрею, что рабочие его звена в числе первых получат жилье в этих домах. Со всеми удобствами... и душ горячий и ванна.

Андрей стоял на самом верху на площадке блока и оттуда подавал знаки крановщику.

— Эй, Петр, не зевай!

Петр поймал два крюка и зацепил их за серьги, приваренные к рельсам моста. Затем Андрей подал знак крановщику, и длинный тонкий трос натянулся — мост повис в воздухе, а потом медленно поплыл туда, где приступили к сооружению нового бетонного блока.

Андрей видел людей, которые крепили опалубку для этого сооружения. Издали они казались маленькими и одинаковыми: все в брезентовых робах, в рукавицах и защитных шлемах. «А ведь у каждого из них есть свои радости и печали», — подумал Андрей. — И может быть, кто-то страдает сильнее меня».

«Ну, почему я ее отпустил? Я же мог побегать за ней, задержать. Неужели я не нашел бы нужных слов? Она всегда была откровенна со мной. А может, ей и скрывать-то нечего — мне что-то померещилось».

Что за несчастный день! Разрыв с Леной. Мог ли он подумать, что это возможно!

Лучше не вспоминать. Если бы разум был сильнее чувств! Если бы он мог освободить от страданий! Но не дана разуму такая власть над человеком. Можешь твердить себе хоть каждую минуту, что надо забыть Лену, наверное, у нее появился кто-то другой, она больше не любит тебя! Но чувство и память не сдаются. И ты снова видишь ее глаза, она доверчиво кладет свою руку на твою — ласковый жест... И разум твой умолкает. Ты снова обольщаешь себя надеждой. Эта ссора, этот холодный тон — просто досадное недоразумение. Какие-то глупые обстоятельства вторглись в нашу жизнь. И может, я сам виноват! Зачем я усомнился в ней, произнес это проклятое «врешь»?

Но ведь звонил же ей какой-то Гриша. Не могла же ее мать чисто случайно назвать это имя.

Андрей вспомнил Гришу. Может, это он ей звонил по какому-нибудь делу? Но откуда он узнал телефон? Нет, тут что-то не так просто. Если бы знал... И Андрею захотелось сейчас же, сию минуту мчаться на станцию, сесть в поезд, встретиться с Леной, все выяснить до конца.

«Хватит!» — остановил себя Андрей, испытывая досаду на самого себя. И сорвал ее на Олеге:

— Ты что копаешься, как престарелый пенсионер! — Олег никак не мог отвернуть болты, крепящие опалубку. — Не отворачиваются — срежь их к чертовой матери. Вон там слева концы от сварочного аппарата лежат.

Андрей увидел Зину, которая шагала к их блоку. Она помахала ему рукой и поднялась по деревянной лестнице на помост. Ребята прекратили работу и собрались вокруг нее.

— Здравствуйте, товарищи. Все ли силы отдали родной стройке? — Это было ее обычное приветствие.

— Нет, еще не все, — угрюмо сказал Олег. Его обидел окрик звеньевых. — Когда все отдадим, будем лежать в гробу.

— Юмор висельника!

— Возможно.

— Видно, вы вчера в городе лишку набрались, головы болят, — заметила Зина.

Никто не поддержал разговор. Чувствовалось, что ребята не настроены шутить сегодня.

Зина посмотрела на Андрея, тот молча курил. Казалось, он не слышал ничего.

Ребята приехали из города в удрученном состоянии. Отправились туда отдохнуть, повеселиться, а вышло все иначе. Они поняли, что у их звеньевых серьезные неприятности. С Леной, наверное, что-нибудь не так. Пытались расспросить его — молчит. И обед в ресторане показался скучным и долгим. Да и все путешествие... В общем, не стоило ехать.

— Вы все кислые, а я принесла вам приятную весть, — сказала Зина. — Вам будет премия за досрочное окончание работ в блоке.

— Рады стараться, — ответил за всех Васюта.

— А тебя,— обратилась она к Андрею,— Гладков вызывает.

— Поживее кончайте тут,— сказал Андрей.— Наверняка Гладков сейчас новое дело подкинет.

Вслед за Зиной Андрей спустился по лестнице на дно котлована. Некоторое время они шли молча.

— Как домой съездил? — спросила Зина.

— Хорошо.

— Непохоже что-то! — Зина помолчала и спросила: — Мама, сестренка здоровы?

— Да,— односложно ответил Андрей.

Женское чутье подсказало Зине, что у Андрея не все благополучно. Ей хотелось заговорить с ним об этом, но она не решалась. Сама она, когда поняла, что обманута, ни с кем не делилась, ни у кого не искала сочувствия. Может быть, и Андрей так.

«Присесть бы где-нибудь в теньке и все рассказать Зине»,— думал меж тем Андрей. Он верил, что эта девушка с такими правдивыми, ясными глазами сумеет понять его и, может быть, даже объяснит то, чего он сам себе объяснить не мог. Но желание открыться Зине тут же порождало страх. А вдруг она подтвердит все его худшие опасения! Нет, лучше молчать...

Так они и дошли молча, каждый наедине со своими мыслями, до временки начальника участка. У стола стояли Гладков и Семушкин. Они рассматривали чертеж, который лежал на столе, прижатый по углам кусочками кирпичика.

— Вот и Ермаков прибыл! — сказал Гладков и крепко пожал руку Андрею.— А мы стоим и гадаем.

— На кофейной гуще,— добавил Семушкин.

— Понимаешь, Андрей, дело ответственное и весьма срочное,— пояснил Гладков.— Привезли оборудование для котельной, которая будет отапливать новые жилые дома. Осень, как видишь, на носу. До наступления холодов нужно дать тепло в дома. Под котлы требуется сложный фундамент. Вот гляди! — Гладков показал пальцем на чертеж.

Усилием воли Андрей заставил себя сосредоточиться на хитроумных сплетениях чертежа. Но смысл их не доходил до его сознания. Голова была занята другим.

— Что молчишь? Не простое дело, правда? — обратился к нему Гладков.

— Наверное, понять не может! — предположил Семушкин.— Такой чертеж не всякий инженер прочтает.

— Командир комплексного звена должен уметь чертежи читать,— возразил Гладков и, посмотрев на Андрея, заметил его отсутствующий взгляд.— Ты не заболел случайно?

— Здоров! Все в порядке! — смущенно ответил Андрей и низко нагнулся над столом. Постепенно смысл чертежа стал доходить до него. Он разглядел ровные тоненькие линии и стрелочки, похожие на копыта, у острия которых значился размер. Замысловатый чертеж уже не пугал его, пожалуй, наоборот,— вызывал прилив энергии.

— Не простое дело, но и не такое уж хитрое. Разберусь,— сказал Андрей.

— Семушкин такой фундамент берется заложить за тридцать дней. Ну, а ты что скажешь? — Гладков пылливо уставился на своего подопечного. Андрею вдруг захотелось превзойти Семушкина — этого опытного и вместе с тем осторожного строителя, который прикрывается маской простачка, а на самом деле всегда себе на уме.

Он вынул блокнот и карандаш. Заглянул раза два в чертеж, записал в блокнот цифры и стал считать. Он складывал и умножал высоту, ширину и длину, определяя общий объем бетонных работ.

Взгляды всех были прикованы к Андрею. Семушкин смотрел на него равнодушно, Зина — взволнованно, а Гладков — с нетерпением и любопытством. «Как жалко, что у меня не родился сын,— думал Гладков.— Ну, что дочь? Замуж вышла, и прощай. Теперь только письма, да и то редко пишет. А вот был бы рядом такой упрямый, ловкий и решительный парень. Радость-то какая! Да и под старость опора!..»

— За двадцать пять дней сделаю,— сказал Андрей и спрятал блокнот.— Ребята меня поддержат,— продолжал он, помолчав.— Работа интересная и почетная. Все рабочие ждут жилья. Как тут не постараться! В грязь лицом не ударим.

— Скажи, пожалуйста! — насмешливо воскликнул Семушкин.— Дешевый капиталец в глазах начальства хочешь нажить?

— За двадцать пять дней сделаю! — упрямо повторил Андрей.

— Трепотня! — возмутился Семушкин.— Вы ему дадите работу эту, а он и за тридцать пять дней не справится. Да ты что — по двадцать часов в сутки будешь вкалывать?

— А ты все меряешь на физическую силу! — усмехнувшись, возразил Андрей.— По формуле «сила есть — ума не надо».

— Бетон! Его растягивать приходится. Берешь вибратор — и тррр... — для убедительности Семушкин показал руками.

— Конечно, вибратор, тррр! Это ты правильно говоришь,— согласился Андрей.— А я на бетоне не собираюсь время экономить. Я буду его экономить на опалубке.

— Как ты сэкономишь на опалубке, она фигурная. Каждый угол колоти по-своему.

— А зачем я тебе буду объяснять? — спокойно ответил Андрей.— Вот когда я сделаю опалубку, придеешь и посмотришь.

Андрей нетерпеливо взглянул на Гладкова, который стоял молча, видимо, прикидывая что-то в уме. Только десять минут назад тоска сдавливала сердце и все казалось ненужным, безрадостным. А сейчас он ждал слов Гладкова, как чего-то исключительно важного, будто от них зависело невесте что в его жизни.

Деловой азарт все больше охватывал Андрея. «Если Семушкин согласится сделать фундамент за двадцать четыре дня, то я возведу его за двадцать три,— решил про себя Андрей.— Я докажу всем — и Семушкину и Гладкову, что наше звено одно из лучших на стройке».

Правда, и сейчас, несмотря на деловую увлеченность, Андрей не забывал о Лене. Он посчитал — за то время, пока он будет выполнять эту срочную работу, у него накопится несколько выходных дней. Тогда он поедет домой. Он, конечно, встретится с ней. Возможно, и она горько жалеет об их ссоре. Они сядут где-нибудь на укромной скамейке и выяснят все до конца. Что же, в сущности, разлучило их?

Андрею казалось, что они поймут друг друга. И когда душевные невзгоды останутся позади, он расскажет ей о своих победах на стройке. Она будет слушать его с восхищением, как некогда прежде. А сейчас — ждать и надеяться...

Борис Рахманин

Военрук

Не спали, не откалывали трюки...
В то время мы Жюль Верна обожали...
Был в школе военрук у нас безрукий,
и мы его за это уважали.
Без рук — он был вдвойне нам интересен.
Жестокие, но праведные судьи,
решили мы, что он второй Мересьев.
Ведь разница пустячная, по сути.
Мы верили ему, что ветер горек,
что к летчикам в дома влетают птицы,
что Базой называется тот город,
куда необходимо возвратиться.
Он в сотый раз все повторял сначала,
испарину коленом вытирая.
Мы слушали, немая, замирая.
От высоты в висках у нас стучало.
Но руки... Ими трогать можно клавиш...
Писать в тетради... Лодку сбить на мысе...
Но руки... Их умыть владелец вправе
в прямом, а также в переносном смысле..
Поправить ловко волосы седые...
Но руки!.. Ведь они так умногнулись...
Всё поделись нам руки золотые,
которые из боя не вернулись.

Ода морщинам

Мне нравятся морщинистые лбы.
Взгляните на прохожего иного —
годами и мгновеньями борьбы
весь лоб его как будто разлинован.
Судьба... Она каналы маety
в ушко иголочное процедила...
А эту вот морщинку, эту ты
вишневым острым ногтем прочертила...
Но нет! Но нет... Не горести одни,
да битвы, да болезни мы узнали.
Взгляните — здесь и радостные дни
оставили свои инициалы!
Вот след стихотворенья... След струны...
Вы слышите пчелиное гуденье!
Вот след вчерашней старческой стерни...
След нынешнего вешнего цветенья...
Оставил след и свежий хруст рубля,
и силуэт земного корабля,

упавший в космос дождевою каплей,
и сердца влажный взгляд из-под ребра
на милосердно занесенный скальпель...
Вот след от поздно сбывшейся мечты.
Вот след решенной в муках теоремы...
...Напрасно институты красоты
прописывают розовые кремы.

Василий Шабанов

Солоница

Мне теперь все чаще снится,
Хоть она и далека,
Озорная Солоница,
Ярославская река.
Как по ней мы в лодке плыли,
Быстрой, бодрой, молодой,
И белели шляпки лилий
Над разбуженной водой.
Серебрился луг росистый,
И плотва плыла по дну.
И всего один транзистор —
На такую тишину.
В камыше застыла цапля,
Как природы торжество.
Это тоже век двадцатый,
Капля малая его.
Глядя в воды, словно в годы,
Можно плыть и не грести.
Память вечную природы
В сердце бережно нести.
Почему нас отдалили
Будни жизни городской
От полей, от этих лилий,
От березки над рекой!

Тогда мы ждали не скворцов,
Не их шальные трели.
Мы возвращавшихся отцов
Во все глаза смотрели.
С утра смотрели дотемна,
На крышах восседали.
Дорога с Запада длинна,
И мы все ждали, ждали...
У возвратившихся бойцов
Считали мы медали.
Но только не было отцов.
И мы все ждали, ждали...

«...Может, и мой отец просят...»

Здравствуй, «Юность»! Пишу в редакцию впервые. Очень хочется с кем-нибудь поделиться своими размышлениями. И вот, надеясь, что вы меня поймете, решила обратиться к вам.

Мне двадцать лет. Я живу в Новосибирске с мамой. Живем вдвоем. Отца у меня нет. Моя мама никогда не была замужем. Ей было двадцать четыре года, когда я появилась на свет. Трудно ей было, моей мамке, ох, как трудно. Очень рано ее подкосила болезнь.

Многие ее осуждали, что вот так просто взяла и родила меня. Много лет она пробыла на инвалидности, не в силах работать. А на руках я, совсем еще маленькая, беспомощная. И все-таки мы пережили с ней все трудности. Теперь нам намного легче. Я работаю, мама тоже. Ничего особенного, возможно, и нет в этом. Много ведь таких семей. Но я хочу поговорить о моем отце. О том человеке, который прекрасно знает, что есть у него дочь, и все же ни разу не подумал о ней.

Вспоминается один случай. Давно это было, я еще в школе училась. На мое имя была прислана бандероль от моей подружки. Прихожу на почту, подаю свое свидетельство о рождении и бланк. А женщина, которая проходила мимо, заглянув в свидетельство, для чего-то вслух произнесла: «Прочерк, наверно, незаконно-рожденная». Ничего я тогда не ответила, да и что я бы смогла ответить? А вернувшись домой, долго плакала. Я отца тогда звала. Молила его, чтоб приехал ко мне, чтоб всему миру сообщил, что он мой отец. Не услышал меня отец.

С глубокой обидой я смотрела на своих подруг, которые мне заявляли: «Хорошо тебе, у тебя нет отца, а тут чуть чего — папка за ремень хватается». Ничего я им не говорила о своих переживаниях. Хвасталась только, что бить

меня некому, что счастливей я их. (Мама меня никогда не била.) А в душе я завидовала тому, что они произносят это слово — «папа». Когда была маленькая, часто, очень часто стояла я где-нибудь — или в магазине, или у кинотеатра. Стою и смотрю на мужчин: а вдруг кто-нибудь из них мой отец. Путаюсь под ногами у них и мечтаю, посмотрит сейчас на меня и спросит: «Слушай, милая, тебя не Ларисой ли зовут?» Я быстро отвечаю: «Да, Лариса. А маму — Наташей». И он узнает меня, возьмет меня в свои сильные руки и будет с радостью кричать: «Дочка, доченька!» А я обхвачу его за шею и буду шептать: «Папа, папочка...» Но не было этого. Поглядев на меня сердитыми глазами, дяденьки просили меня не мешаться под ногами. И так изо дня в день.

Подрастая, я перестала искать отца. Я стала только думать о нем. Я даже не знаю, где он живет, с кем живет. Не знаю его лица. (У мамы даже нет его фотографий. Порвала она их в молодости.) Я никогда не спрашиваю ее об отце. Знаю, что больно ей, чувствую это. Она даже смотреть на меня подолгу не может: сильно я на отца похожа. Об этом мне сказали мамы знакомые, которые знали его. Знаю я только, что служил он в нашем городе. Вот тогда мама с ним и познакомилась. Знаю, что он видел меня, маленькую, когда мне месяц только был. И все-таки уехал, на прощание даже не зашел посмотреть на меня. Стыдно ему, видно, было. Сбежал, как трус. Об этом мне тоже рассказывали мамы знакомые.

А я росла, ждала его и часто вместо слова «мама» говорила «папа». Это еще, когда я только начинала говорить.

Двадцать лет прошло. Возможно, он живет сейчас с какой-нибудь женщиной, воспитывает своих детей, любит их. И совсем забыл о том, что где-то так же, как и его дети, живет человек, мечтающий узнать его, увидеть. Жажда произнести это родное слово — «папа».

Дорогая редакция! Я вас очень прошу, если есть возможность, напечатайте мое письмо в каком-нибудь из номеров вашего журнала. Может быть, такие вот отцы прочтут его и вспомнят о своих детях. А может, и мой отец прочтает. И еще я хочу сказать вам, что я обязательно найду своего отца. Пусть он где-то даже очень далеко, но я приеду к нему и просто скажу: «Здравствуй, папка! Вот я тебя и нашла». Я не буду его ни стыдить, ни ругать. Слишком долго я жду его. Мне бы только увидеть его, услышать его голос.

С огромным уважением к вам

Лариса Маринина.

г. Новосибирск.

**АЛЕКСАНДР
ПЕРЕВОЗЧИКОВ**

ИСКУССТВО СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ

Осенний смотр произведений художников прибалтийских республик в Центральном выставочном зале Москвы был посвящен пятидесятилетию образования Союза ССР. Художественное творчество Литовской, Латвийской и Эстонской республик представляли живописцы, графики, скульпторы, прикладники, дизайнеры. Выставка насчитывала более тысячи двухсот произведений.

Прибалтийские национальные художественные школы, яркие, самобытные, со сложившимися традициями, со своими патриархами и авангардными группами, со своими путями развития, очень близки одна другой по существу своему. Едва ли не половина участников экспозиции в Манеже — молодые художники. Молодые — возрастом. Творчество их зрело и значительно. Подтверждение тому — работы вильнюсского скульптора Д. Ф. Матулайте «Неринга», эстонского ваятеля Ыуна Юла «Песня», произведения латвийского художника-станковиста Ю. Т. Звирбулиса, создавшего иллюстрации к «Божественной комедии» Данте, акварели Я. Анманиса, офорты Л. Зикмане, интересная графика эстонских художников Х. Ларетей, Винта Тыниса...

Одной из особенностей выставки стала ее широкая художественная публицистичность. Перед зрителями предстает эпически развернутый спектр сюжетов, осмысленных через призму нашей современности.

Жизнерадостен живописный колорит картины латвийского художника Л. А. Бумане «Студенческое лето». В разгаре третий трудовой семестр — будни строительного отряда. Лето студенческих песен и самоутверждения — трудом. Они строят дома. И главное — строят себя.

Молодежи посвящено полотно эстонского художника Юрри Пальма. «Апсамбль» — так называется эта картина, одна из самых интересных его работ.

Монументально очерчены фигуры участников апсамбля. Напряженной передачей сложной цветовой гаммы подчеркивается обстановка творческой сосредоточенности каждого и духовной спаянности всех.

Произведение молодого латвийского живописца С. С. Музиса «В дальний рейс» — о романтике морских дорог, о предстоящем расставании. Они рядом, но уже не вместе. Художник находит свежие краски, чтобы передать это неуловимое состояние начавшейся разлуки и продолжающейся любви.

Изображение наших дней в живописи было бы неполным без связи с днем вчерашним. К тревожным годам становления Советской власти в Прибалтике возвращает полотно литовского художника С. В. Джукштаса «Смерть активиста».

Выставка обнаруживает тяготение к глубинному выражению современности. Это можно почувствовать и в ее портретной части.

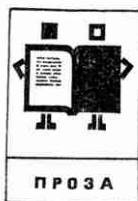
Ведь портрет, удавшийся вполне как выражение характера, — историческое свидетельство эпохи. Если время создает нового человека, то художник его запечатлевает на полотне. Портрет — диалог мастера и того, кто выбран им для изображения.

Картины эстонского художника Субби Олева, темпераментные по цвету, удивительно тональны. Изобразительное пространство его картин свободно от мелочей. Ему чужд элемент случайного и всего того, что губительно для изысканной простоты живописных полотен.

Портрет Хельги и Энна Пылдроос покоряет задушевностью настроения. Художник пишет лица молодых людей с нескрываемой теплотой и симпатией. Они кажутся озаренными каким-то особым светом, светом чистоты, одухотворенного единства, полной гармонии... Высокий психологический настрой портрета Субби Олева поддерживается насыщенной цветовой средой, полной утонченной прелести.

Совершенно в иной плоскости расположена творческая доминанта вильнюсского художника И. К. Шважаса. Мир техники, машинный век стали миром его полотен. Он записывает их крупными, спешащими мазками, предельно точно передавая соотношение цвета, формы, объема, ритма. Его «Локаторы» напоминают гигантские раскрывшиеся цветы, прислушивающиеся к космосу. Теме морского индустриального пейзажа посвящена его работа «В Клайпедском порту».

Мы смогли остановиться на некоторых образцах живописного искусства, но ведь еще были превосходно выписанные пейзажи, проникновенно волнующие автопортреты, со вкусом разработанные интерьеры и натюрморты, и многое, многое другое из произведений художников Советской Прибалтики.

Глава VIII

ЧЬИ-ТО ТЕНИ

АРКАДИЙ
АДАМОВ

Утром Лена говорит:
— Ко мне сейчас зайдет Гога. Побудь в кабинете, ладно?
Я улыбаюсь.

— Ты, кажется, боишься своего страстного поклонника?

Лена в ответ презрительно пожимает плечами.

— Я, к твоему сведению, умею не только танцевать. Пусть попробует... Понимаешь,— задумчиво говорит Лена, глядя в окно.— Вчера, когда мы шли из интерклуба, он сказал: «Пусть твой братик держится подальше от этой девки, а то ему могут сделать ой как нехорошо». Я к нему пристала, чтобы он сказал точнее, а он ни за что. «Скажу,— говорит,— только самому братику. Не женское это дело». Страшную важность, понимаешь, на себя напустил.

— И, конечно, лез целоваться? — чуть-чуть даже ревниво спрашиваю я.

— А ты сам не лез к Гале? — смеется Лена.

КВАДРАТ СЛОЖНОСТИ

ПОВЕСТЬ

— Попробовал,— признаюсь я.— И вот что из этого получилось...— Я рассказываю о своем разговоре с Галей у калитки ее домика.— Она явно кого-то боится,— в заключение говорю я.— И скорей всего тех, кто убил ее возлюбленного. Видимо, этого самого Клячко. И тут замешан Зурих. Так что твой Гога может нас вывести на чей-то след или хоть дать какой-то намек на него. И за то спасибо.

Лена сомневается.

— Вряд ли. Он действительно малявка и питается слухами. Но поговорить тебе с ним все-таки надо.

— Да, конечно.

В это время звонит телефон.

— Братик? Привет! Как поживали?

— Отлично. Привет, Стась.

У нас с этим майором установились удивительно простые и дружеские отношения. Вот это, я понимаю, начальник.

— Надеюсь, вас пока никто не обидел в Одессе? Вернее, тебя. Насчет сестренки я в курсе.

— Меня попробовали. Но обидел, кажется, я. И серьезно. Наверное, даже попало в сводку.

— Да? Уж не трех ли джентльменов на Греческой?

— Возможно. Я еще плохо знаю вашу географию. Приду, доложу во всех подробностях.

— Машину прислать?

— Пока еще есть ноги. Буду у вас через час-полтора.

— Будь,— говорит Стась.— Жду.

— Из Москвы они ничего не имеют? — Лена пылливо смотрит на меня.

— Самы туда сегодня позвоним.— Я не могу сказать Лене то, что узнал вчера ночью от дежурного, уж лучше я буду пока волноваться один.

Лена пытается меня спросить еще о чем-то, наверное, о тех, кто попал в сводку, но в этот момент раздается деликатный стук в дверь. Пришел Гога. Я быстро скрываюсь в соседней комнате.

Некоторое время я слышу его журчание и мурлыканье в гостиной и веселое щебетание Лены. Никаких других звуков я не улавливаю. Гога, видимо, ведет себя вполне прилично.

Рисунки
А. ЛУРЬЕ.

Окончание. Начало см. в № 10 и № 11 за 1973 год.

Потом Лена открывает дверь и громко говорит мне:

— Виталий, зайди к нам, пожалуйста. Гога тебе что-то хочет сказать.

Лениво потягиваясь, словно меня разбудили или оторвали от какого-то дела, я захожу в кабинет.

Теперь при дневном свете я могу разглядеть Гогу как следует.

Он худощав и высок, хотя и заметно ниже меня, у него тонкое смуглое лицо, резко очерченный рот, густые брови и черные, зачесанные назад длинные волосы чуть не до плеч, широкие бакенбарды. Одет он, как и вчера, в узкие брюки и пеструю рубашку. Но сегодня наряд его дополнен синей джинсовой курточкой с металлическими пуговицами, изящно подчеркивающей тонкость талии и ширину плеч. Ничего не скажешь, красивый парень. Но в черных выпуклых глазах Гоги — какая-то суетливость и неуверенность, хотя движения его весьма развязны. Словом, рыбка он действительно мелкая, и, наверное, мало кто с ним считается.

— Салюттик! — Гога нарочно крепко пожимает мне руку. — Слушай меня. Одесса встречает тебя аплодисментами. И где ты ту Галю подцепил, мальчик нежный, кудрявый, влюбленный, а? Интересно знать.

— Была выставлена в комиссионном магазине. А что? — самодовольно ухмыляюсь я. — Такой красотики я в Одессе больше не встретил!

— Ха! — Гога хлопает себя по обтянутым бедрам. — Нет, ты просто деформированный! Или перегретый! Слушай меня. Ты бросаешь не на ту даму. Это тебе говорит Гога. Понятно? И пока не поздно, кончай. Я тебя умоляю.

— Это еще почему?

— Галка мечена. Понял меня?

Я вполне искренне удивляюсь.

— Ничего не понял. Объясни, пожалуйста.

— Колоссально! Он ничего не понял, вы слышите? Ну, так слушай меня здесь. Говорю исключительно ради твоей сестрицы. — Гога бросает на Лену выразительный, полный огня взгляд. — Чтобы она потом не плакала по брату. Мне это будет больно.

— Ладно, учтем, — нетерпеливо говорю я. — Давай выкладывай.

— Так вот, чтоб ты знал. — Гога делает таинственное лицо. — Галка имела одну исключительную связь. Солидный дядя. Кожа всегда набита бабками. Тысячи имел. Я его лично видел. Говорят, это ради него она Гришку-ударника бросила. Мужа. А потом сама получила вывих. И решила красиво мстить. Эта курочка безмозглая.

— Ну, знаешь...

— Увянь. Я еще не кончил, — важно перебивает меня Гога. — К ней недавно прилетел один неполноценный из России. Ее новый кадр. И дело, — он переходит на трагический шепот, — запахло золотом. Чужим, между прочим. Улавливаешь? Тот персонаж через это золото уже, говорят, сыграл на три метра под землю. И Галке сейчас тоже будут делать плохую жизнь. Чтоб мне пропасть, если нет. Золото, оно кусается. Больно. Особенно чужое. Усек?

— Кто же это ей будет делать плохую жизнь?

— Есть люди...

Но я понимаю, что больше он уже ничего не знает. Он, конечно, питается слухами. Но слухи эти кажутся довольно достоверными. И то, что Гога общил, заслуживает внимания. Особенно, если составить кое-какие факты. Но неужели тут действительно замешано золото? Чье, Зуриха? Скорей всего. Значит, Клячко и Галя решили его обмануть? И в этой грязной банке с пауками началась драка.

Да, ради золота Зурих мог пойти и на убийство. Вполне мог. И даже не на одно. Чужими руками, конечно. И если схватить эти руки...

Я обнимаю Гогу за плечи и говорю:

— Пойдем. Лена нас извинит. Я хочу сказать тебе пару слов.

— Тет-а-тет? Это всегда можно.

Мы уходим в соседнюю комнату, и я говорю:

— Вот что, Галя — это теперь моя женщина. Усекаешь?

— Или нет!

— Тогда давай заключим договор. Ты мне узнаешь, кто ей будет делать ту жизнь. Только точно, или все ломается. А я тебе, кроме успеха у Лены...

— Все! Замри! — азартно восклицает Гога. — Больше ничего не надо! Интересуюсь только за это!

— Надо, Гогочка, надо. Ты даже не представляешь, сколько тебе еще надо. И я тебе помогу.

Гога весело смотрит на меня.

— Нет, у тебя не все ушло в рост. Это точно. И ты мне просто, таки-да, нравишься.

— В таком случае...

— В таком случае, — торжественно объявляет Гога, — по рукам. Я подписываю договор. И ты узнаешь, кто такой Гога, чтоб мне не жить!

Когда мы с Леной приходим в управление, постовой милиционер уже весело и дружески козыряет нам, хотя легкомысленный наш наряд режет глаза на фоне строгих милицмейских кителей и скромных темных пиджаков с белыми сорочками. Я замечаю, что многие сотрудники бросают нам вслед кто удивленные, а кто понимающие взгляды.

Между прочим, такая популярность нам совсем ни к чему, и надо было с самого начала договориться со Стасем, чтобы встречи наши происходили в другом месте.

Стась встречает нас шумно и радостно.

Здесь же и Лева. Он, как всегда, скромный и молчаливый, сидит в стороне, на диване, и перебирает какие-то бумаги. Нам он дружески кивает.

— Привет, привет, — оживленно говорит Стась. — А мы вам приготовили роскошные новости. Как спала, сестричка? — обращается он к Лене и смотрит на нее почему-то с сочувствием. — Глазки у тебя какие-то покрасневшие.

И тут я тоже замечаю, что Лена выглядит усталой и словно невыспавшейся. Недавняя веселость как-то незаметно стерлась с ее лица, а в глазах появилось беспокойство и нетерпение.

— И спала хорошо, и вообще все хорошо, — скороговоркой отвечает Лена и спрашивает: — Какие вы нам новости приготовили?

Высокая, тонкая ее фигура в этот момент застыла в каком-то напряжении, хотя руки небрежно засунуты в прямые карманы наимоднейших кожаных брюк, а голова с копной рыжеватых волос откинута назад, и вид у Лены, казалось бы, лихой и самоуверенный. Но в голосе и во взгляде ее я улавливаю что-то беспомощное, ну, просто страдание какое-то, которое она уже не в силах от нас скрыть. Неужели она чувствует беду?

— Сейчас все будет доложено в лучшем виде, — бодро говорит Стась, подходя к сейфу и, кажется, не замечая ее состояния. — Два весьма важных сообщения из Москвы. Да вы садитесь, — спохватывается он. — Садитесь же! Расте вам, кажется, больше некуда. Особенно твоему любимому братцу.

Мы усаживаемся. А Стась достает из сейфа бумаги и возвращается к столу.

— Значит, так, — говорит он и раскладывает бу-

маги.— Доложу все по порядку. Во-первых, Москва передала сообщение из Пунежа...

Я невольно бросаю взгляд на Лену. Она сидит очень прямо, не шелохнувшись, вцепившись руками в подлокотники кресла, словно собираясь вот-вот вскочить, убежать куда-то, и не спускает глаз со Стасы. Рот по-детски полуоткрыт.

— ...Из Пунежа,— повторяет Стась.— Знаком вам такой городок, надеюсь?

— Еще бы,— коротко отвечаю я.— Ну, что там?

— Там ваш сотрудник малость оплошал. И, конечно, даром нам такие вещи не проходят. В общем, слушайте. Сообщение, надо сказать, подробное.

Вот что мы узнаем.

Игорь, приехав утром в областной центр, немедленно ознакомился со всеми материалами по убийству Клячко. Сотрудникам местного уголовного розыска удалось установить людей, видевших Клячко на вокзале в момент его приезда из Саратова. На вокзале его никто не встречал, и он узнавал, когда идет местный поезд на Пунев. В самом Пуневе, как и предполагал Игорь, удалось довольно быстро установить, к кому приезжали иногородние гости. Таким человеком оказался некий Петр Горохов, рабочий местной деревообделочной фабрики, в прошлом дважды судившийся за разбой. После убийства Клячко он исчез. Жена его заявила, что Петр уехал к родственникам в Воронеж. Но проверка установила, что он туда не приезжал.

В тот же день Игорь выехал в Пунев. Там он решил сам побеседовать с женой Горохова и отправился к ней один. Встречавший Игоря сотрудник пуневского отдела не советовал ему это делать. Дом был подозрительный, все связи Горохова установить еще не удалось, обстановка в самом доме была также еще не ясна. Но Игорь настоял на своем. В сообщении особо подчеркивалось, что капитан Откаленко был настроен крайне нервозно и очень торопился с расследованием. В ту ночь Игорь в гостиницу не вернулся.

Утром в доме Горохова никого не обнаружили. Он был пуст. Видны были лишь следы ожесточенной борьбы и пятна крови на полу. Розыск в течение дня ничего не дал. А вечером в отдел с плачем прибежала жена Горохова. Там с ней случился сердечный приступ. Вызвали врача. На женщине были обнаружены следы побоев. Она не скоро пришла в себя. И лишь тогда смогла сообщить следующее.

Через несколько минут после прихода к ней Игоря в доме появился муж с двумя неизвестными ей людьми. Все они были сильно выпивши. Как началась драка, она не помнит. И выбежать из дома уже не могла. Двоих Игорь, кажется, ранил, а его самого ударили ножом и еще чем-то тяжелым сзади. Потом Игоря в беспамятном состоянии отволокли в заброшенный сарай около реки, туда же заперли и ее. По словам Гороховой, муж и его дружки собирались немедленно покинуть город. Всю ночь она ухаживала за Игорем, а потом, измученная, уснула. Очнувшись только под вечер. И Игорь тоже. Они там чуть не замерзли, в этом сарае. С трудом ей удалось выбраться, и она прибежала в отдел.

Сотрудники милиции немедленно кинулись к тому сараю, где и обнаружили раненого Откаленко. Его тут же отправили в больницу. Срочная проверка на вокзале подтвердила, что все трое преступников накануне покинули город. Причем один из них, предположительно сам Горохов, взял билет до Одессы. Кассирша заметила, что у них при себе было много денег. Проверка в поезде, где был пря-

мой вагон на Одессу, ничего не дала. Вероятнее всего, Горохов, доехав до областного центра, раздумал дальше следовать этим поездом, ибо преступник он опытный. Очевидно, Горохов и является убийцей Клячко. Работа в этом направлении продолжается силами областного уголовного розыска.

Далее в сообщении шли приметы Горохова. В конце указывалось, что следует учесть возможность его появления в Одессе, и высказывалось предположение, что он ищет встречи с Зурихом.

Отдельно была приложена справка о давней судимости Зуриха за крупные хищения в строительных организациях Саратова, где он длительное время работал. А также справка о судимостях Горохова и местах отбывания наказаний. Из этих справок следовало, что Зурих и Горохов некоторое время находились в одной и той же колонии. Проверкой также установлено, что Зурих Михаил Александрович нигде не прописан — ни в Саратове, ни в Москве.

Стась, наконец, кончает читать.

Я смотрю на Лену. Она сидит все так же неподвижно и прямо, в напряженной позе, вцепившись длинными пальцами в подлокотники кресла. Губа у нее сейчас закусена и прищурены глаза, словно от дыма.

Стась отрывается от бумаг и с тревогой спрашивает:

— Что с тобой, сестричка? Капитан Откаленко — это не муж твой, часом?

Ох, уж эти ребята из розыска, от них невозможно ничего скрыть.

— Нет,— хрипло отвечает Лена и отводит глаза.

Стась переводит взгляд на меня, и я нетерпеливо отвечаю на его немой вопрос:

— Да нет же, нет.— И, помолчав, добавляю уже другим тоном:— Откаленко — друг мой... и ее.

Но удивительный Стась, кажется, все понимает. Впрочем, и Лева тоже. Черные его глаза сочувственно смотрят на Лену.

Эти люди прекрасно знают, что такое риск, опасности и потери в нашей работе. Чуткость их, мне кажется, сродни той, что была у солдат на фронте, которых тоже ждали женщины, иной раз совсем близко и тоже под огнем.

А Стась уже хмурится и отрывисто говорит:

— Ладно. Отставить. Повторяю приметы этого Горохова. Слушайте.

Он читает на этот раз совсем медленно. А я пытаюсь представить себе по «словесному портрету» облик этого бандита.

— Ну, а теперь,— говорит Стась,— сообщение номер два. Москва передала известие от Рогозина. Некий Николов... ты, кажется, должен его знать,— Стась кивает мне (господи, мне ли не знать Николова!), — так вот, Николов получил письмо от Зуриха, из Москвы. И тот просит Николова не писать ему по одесскому адресу, который он ему дал. Этого адреса, мол, больше не существует. А писать все в ту же счастливую Одессу, но на почтамт, до востребования. Вот так, родные, и никак иначе. Вы все чувствуете?

— Чувствуем, чувствуем,— откликаюсь я за всех, потому что Лева молчит и Лена тоже.— Видно, Зурих окончательно порвал с Галей, если... если только мысленно уже ее не похоронил.

— Возможно и такое,— соглашается Стась.— Мы запросили адресный стол Одессы — Зурих и у нас не прописан...

— Но скоро придет.

— Нет, он уже в Одессе,— уверенно говорит Стась и даже прихлопывает кулаком по столу.— У

меня чутье на этих шакалов. Правда, Левушка? Ты что-то хочешь сказать или нет?

— Ага,— говорит Лева.— Хочу. Мы имеем в гостях еще одного бандита... И он непременно появится в том самом месте. Куда ему еще деться?

— Точно, Левушка. Там надо будет серьезно поработать, если я тебя правильно понял.

— Да что это за место? Скажите, наконец,— прошу я.

— Главный там Левушка,— усмехается Стась.— Ты не думай, пожалуйста, что он всегда такой тихий. Он всюду такой, какой надо. Правда, Левушка? И все это его идея, роскошная идея. Увидишь сам.

— Это место,— скромно замечает Лева,— среди воров и прочей дряни называется не как-нибудь, а «Солнечная долина» или еще «У господ бога за пазухой». Шикарное место. Покажем.

— Ладно,— говорю я.— Сделаем это завтра, если нет возражений.

Лева смотрит на Стася, и тот соглашается.

— Завтра так завтра. Хотя можно было бы и сегодня вечером. Конечно, попозже.

— Сегодня у меня свидание,— с усмешкой говорю я.— С Галочкой. Я сказал ей, что еле дождусь вечера. А до этого есть еще одно деликатное дельце.

Далеко за Молдаванкой, во дворе одного из новых домов, разместилось нужное нам строительное управление, сокращенно СУ. Мы с Леной долго бродим по улицам, пока его находим.

Всю дорогу мы молчим, ограничиваясь рассеянными «да» и «нет» или короткими расспросами прохожих. Я неотступно думаю об Игоре, и Лена тоже, в этом я уверен. Как он мог допустить такой страшный промах? Как мог так неосмотрительно поступить? И это Игорь, всегда хладнокровный, расчетливый, осторожный. Почему он так спешил? Хотел побыстрее вернуться в Москву ко всем своим неприятностям, что ли? Нет, он, конечно, рвался к Лене, он не знал, что она уехала со мной, он думал, что она его ждет. Впрочем, дело скорей всего не в этом. В конце концов я тоже рвусь в Москву, к Светке. Но я не допущу такого просчета, особенно после того, что случилось с Игорем. А у него просто сдали нервы, он издерган до предела всеми последними событиями. Эх, если бы я был рядом с ним... Как он там теперь в больнице, один?..

Я не могу оторваться от этих проклятых мыслей. Они мучают и преследуют меня. А надо бы думать сейчас совсем о другом. О некоей Инге Криволап, купившей васьковскую кофточку у Галины Кочерги, и о некоем Богдане Теляше, якобы замешанном в хищении двадцати тонн керамзита в Москве. Кое-какие сведения об этих двух персонажах нам дали одесские товарищи. Инга знакома только с Галей, причем отнюдь не является ее близкой подругой и потому, скорей всего, не посвящена в ее секреты. А Богдан Теляш — фигура слишком ничтожная среди дельцов-жуликов, чтобы располагать какими-либо сведениями о Зурихе, не говоря уже о непосредственном контакте с ним; последнее вообще, очевидно, исключается. Да и тогда, в Москве, Теляш имел дело совсем с другим человеком. И тем не менее все эти связи надо отработать, хотя бы для того, чтобы с чистой совестью их отбросить.

Интересующее нас СУ, как я уже упомянул, разместилось в глубине двора, в первом этаже небольшого, аккуратного дома.

Лена остается ждать меня на скамейке возле детской песочницы, где копошатся малыши. Двор залит солнцем, и несколько молоденьких, недавно

посаженных деревьев еще не способны дать хоть какой-нибудь тени.

На Лене сейчас серая короткая юбочка и знаменитая васьковская кофточка, специально прихваченная нами из Москвы. Кстати, эта кофточка ей удивительно идет. План действий у нас с Леной приблизительно намечен, исходя из полученных сведений.

Итак, Лена сидит на скамейке и рассматривает новейший рижский журнал мод. А я вхожу в прохладный, темноватый подъезд и приступаю к расспросам.

Ингу я обнаруживаю довольно быстро, как, впрочем, и следы Богдана Теляша. Но сначала мне нужна Инга. Она техник-строитель и работает в сметном отделе, комната номер одиннадцать в конце длинного коридора.

Я направляюсь туда.

Комната оказывается большой и светлой, она тесно заставлена столами, вдоль стен протянулись застекленные шкафы, набитые толстенными папками и рулонами бумаг.

Ингу я угадываю сразу, все остальные женщины здесь значительно старше. Это очень худая, высокая черноволосая девушка, некрасивая, с удивительно подвижным, как у обезьянки, личиком и живыми темными глазами. К моему удивлению и удовольствию, на ней оказывается знакомая кофточка, которая Инге тоже идет.

Я подхожу к ее столу и весело говорю:

— Здравствуйте. Вы, если не ошибаюсь, Инга?

Она отрывается от каких-то таблиц и справочников, поднимает на меня глаза и тоже улыбается.

— Здравствуйте. Откуда вы меня знаете?

— Удивительное совпадение,— говорю я.— Мало того, что меня просила передать вам привет Зиновья Удальцова...

— Ой, бросьте! — всплескивает руками Инга.— Она вам за меня рассказала?

— Именно,— с энтузиазмом подтверждаю я.

Она вскакивает из-за стола, одергивает кофточку и, двумя руками поправляя волосы, говорит одной из женщин:

— Оксана Петровна, я сейчас. Вот товарищ до меня из Москвы.

Женщина за соседним столом молча кивает, и, провожаемые любопытными взглядами, мы выходим в коридор.

— Вы-таки правда москвич или нет? — спрашивает Инга.

— Правда москвич,— подтверждаю я.— Мы сестрой приехали отдохнуть к вам сюда на несколько дней. Ну, и заодно кое-какие дела, конечно. Пойдемте, я вас познакомлю. Она меня ждет во дворе.

— Ой, да конечно же!

Мы выходим во двор, и я подвожу Ингу к скамейке, где сидит со своим журналом Лена.

Девушки секунду с удивлением смотрят друг на друга и вдруг начинают хохотать. Это одинаковые кофточки приводят их в такой восторг.

— Мы тут еще с одной вашей подружкой встретились,— говорю я.— Галка Кочерга, знаете?

Лицо Инги неожиданно становится строгим.

— Ой, ребята. За Галю я ничего не скажу, но вы от нее подальше. И вовсе она мне не подруга, и я уже жалею, что купила у нее вот эту самую кофточку, ей-богу.

— Но, по-моему... — пытаюсь возразить я.

— Ай, бросьте! — перебивает меня Инга.— Она красивая. Но уж вы меня слушайте.

Я решаю, что сейчас самый подходящий момент оставить девушек одних, и говорю:

— Ладно. Вы тут поболтайте. А у меня дело. Я сейчас приду.

Мне надо повидаться еще с Богданом Теляшом. А Лена все делает сама. Я в нее теперь верю. Это способный и надежный работник. Я представляю, как ей сейчас тяжело. Но она ни словом об этом не обмолвилась со мной.

А у меня другое, не менее сложное дело.

Богдана Теляша я отыскиваю тоже довольно легко. Он работает в отделе снабжения. Теляш оказывается маленьким, юрким рыжеватым человеком неопределенного возраста, в круглых очках и с оттопыренными ушами.

— У меня к вам дело,— тихо и внушительно говорю я ему, перегибаясь через стол, за которым он сидит.

Теляш понимающе кивает, и мы выходим покурить в коридор.

Там я пристально смотрю в его бегающие, настроженные глазки за круглыми стеклами очков и сухо говорю:

— Вам привет из Третьяковки, зал Куинджи. Григорий Макарович вернулся и тоже шлет привет.

— Мерси,— довольно сдержанно отвечает Теляш. Настороженность в его глазах не исчезает.

Это странно. Возможно, что он не знает смешного пароля насчет Третьяковки. Это какая-то выдумка Зуриха. Но уж Григория Макаровича он знать должен. И доверять тоже.

— Велено передать,— говорю я,— дельце с керамзитом считайте только задатком. Теперь найдется кое-что поинтереснее.

— Знаю,— неожиданно отвечает Теляш.

Вот это уже совсем странно. Известный ему Григорий Макарович, отсидев два года, действительно вернулся, но работает в другом тресте и преступных связей, по нашим сведениям, ни с кем из прежних дружков не поддерживает. А других знакомств в Москве у Теляша не было. Неужели они сейчас появились? И возникла новая преступная цепочка? Но если он уже знает, что ему может сообщить человек от Григория Макаровича, то это должна быть все та же, старая цепочка. В прошлом она тянулась от Теляша к Григорию Макаровичу, дальше к Бурлакову и от того уже к Зуриху. Но два средних звена сейчас выпали. Хотя Теляш об этом может и не знать. Что же остается? Неужели с ним установил связь сам Зурих? Быть того не может! Слишком уж мелок этот Теляш. Но чем черт не шутит!

— У вас был гость? — осторожно спрашиваю я.

— Или нет,— хитренько усмехается Теляш.— Или я уже ничего не значу, по-вашему? Так вот, представьте, значу.

Его просто распирает от самодовольства.

— Был Тема? — называю я первое пришедшее мне на ум имя.

— Был Сема,— теперь уже весело скалит крупные зубы Теляш.

— Понятно,— отвечаю я.— Но нужна серьезная встреча для делового разговора. Втроем.

Теляш быстро осведомляется:

— Кто третий?

— Сам,— многозначительно отвечаю я.

— Сам не придет,— возражает Теляш.— Чтоб мне рубля за всю жизнь не заработать.

Я насмешливо спрашиваю:

— Он вам сам это сказал? Или вы такой гениальный прозорливец?

— Представьте, сам.

— И давно?

Я еле сдерживаю волнение.

— Всего три дня назад.— Он загибает пальцы на руке.— Ах, нет. Пардон! Четыре.

— Связь есть? Тогда я кое-что ему передам.

— Он... будет мне звонить на праздники.

— Прекрасно. Я тоже буду вам звонить. Ваши телефоны?

Я напорист, строг и деловит. Я не даю ему ни минуты передышки.

Секунду поколебавшись, Теляш называет мне свои телефоны, служебный и домашний. Я записываю.

— Как вас зовут? — спрашивает он.— Если поинтересуются.

— Олег Иванович,— снова называю я первое пришедшее мне на ум имя и вдруг соображаю, что так звали убитого Клячко.

Вот это уже получилось неудачно. Между прочим, отдаленно я чем-то похож на беднягу Клячко, разве только выше его ростом. Как бы не подвел он меня на этот раз, мой рост. Ну, да ничего уже не поделаешь.

— Задаток к вашему новому гонорару у меня,— говорю я Теляшу напоследок.— Вручу при следующей, более удобной встрече.

И замечаю, как радостно блеснули глазки у этого прохвоста. До чего же легко купить такую шваль! Теляш заискивающе улыбается, показывая свои лошадиные зубы.

— К вашим услугам. Чтоб мне не иметь другой радости.

Мы прощаемся.

— Михаилу Александровичу нижайший привет из Третьяковки,— говорю я и тоже улыбаюсь.— Зал Куинджи, не забудьте.

— Да, да. О чем вопрос. О ревуар,— суетится Теляш.

Черт возьми, я даже не ожидал такой удачи! Подумать только, ничтожный этот человек, от встречи с которым я, честно говоря, мало что ждал, вдруг столько дал мне. Поистине, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Итак, Стась оказался прав. Зурих здесь, в Одессе. Это уже точно. Хотя пока мелькнула передо мной только его тень.

Да, дело приобретает серьезный характер, и надо быть ко всему готовым. Зурих — это вам не Теляш...

Я выхожу во двор.

Девушки, прощаясь, нежно целуются и тоже сговариваются о новой встрече. Они, кажется, понравились друг другу.

А по дороге Лена мне рассказывает такие новости, что под конец я даже на миг забываю о своем разговоре с Теляшом.

— Ты знаешь,— говорит Лена,— эта Инга совсем неплохая девушка. Правда, одно время она дружила с Галей, но только пока не разобралась в ней. А сегодня они окончательно поссорились. Из-за одного парня.

Лена лукаво смотрит на меня.

— Какого парня? — удивленно спрашиваю я.

— Сейчас узнаешь. Утром Галя ей позвонила, сказала, что ей обязательно надо с Ингой поговорить. И вот в обеденный перерыв, то есть часа два тому назад, они встретились. Началось с того, что Галя предложила Инге помочь реализовать эти самые кофточки. Их сейчас у Гали, оказывается, много. Причем недавно привезены. Из Москвы. Но самое интересное другое. Галя сказала, что они с Ингой весь доход делят между собой. Никакой доли никому на этот раз она выделять не собирается. Человек, который привез кофточки, оказался, по ее словам, подлецом, и она собирается раз и навсегда от него избавиться. Она уже знает как. Слушай

внимательно.— Лена делает паузу.— Оказывается, в Одессу приехал парень, который по уши в нее влюбился и готов сделать все, что она прикажет. Ты понимаешь, кто этот парень?

Я усмехаюсь:

— О, да. Он за нее пойдет в огонь и в воду. Можешь не сомневаться.

— А я и не сомневаюсь. И тогда будет большая драка. Галя ее подстроит. Тот парень, оказывается, умеет здорово драться. Галя уже проверила. А я, представь, и не знала.

На этот раз Лена смотрит на меня с негодованием.

— Да, он кое-что умеет,— смущенно бормочу я.

— Он еще умеет лгать, этот парень,— отчеканивает Лена.

— Он обо всем доложил Стасю,— оправдываюсь я.

— Ладно, ладно. Я это запомню,— с угрозой говорит Лена и продолжает:— Так вот. Будет драка. И Галя позаботится, чтобы оба попали в милицию. Ее парню дадут не больше десяти суток. Он вполне порядочный.— Тон у Лены в этот момент до невозможности язвителен.— А за тем человеком тянется хвост. И он сядет надолго. Неплохо придумано, а?

— М-да,— соглашаюсь я.— Неплохо.

— Вот тут Инга с ней и поссорилась,— продолжает Лена.— Сказала, это подлость по отношению к тому парню. Ну, и все остальное, конечно, тоже. И она не желает в этом участвовать. Ты теперь представляешь, что готовится сегодня вечером?

Некоторое время мы идем молча. Потом я говорю:

— А ты знаешь, Галя, очевидно, выводит меня не на Зуриха. Он в драки не лезет. И сам кофточка не возит. Это кто-то другой. А на Зуриха меня выводит Теляш.

И я рассказываю о своем разговоре с этим типом.

— ...Правда, он что-то, мне кажется, не договорил. Или даже что-то соврал,— заключаю я.— Он такой. Поручиться за него нельзя. И куда он еще приведет, до конца неясно.

— Это, конечно, верно,— соглашается Лена.— Тем важнее для нас линия Гали. Но я очень боюсь твоего сегодняшнего свидания. Если что-нибудь случится, синяками ты не отделаешься.

— Да, пожалуй...

Всю остальную часть пути до гостиницы мы обсуждаем план на сегодняшний вечер. И пытаемся все предусмотреть.

Из гостиницы я звоню Стасю.

Уже смеркается, когда я подхожу к домику, где живет Галина Кочерга. Мне удается внимательно разглядеть низенький палисадник, калитку, небольшой двор, заросший кустарником, два толстенных раскидистых каштана и за ними неказистый одноэтажный домик с застекленной верандой и слегка покосившейся телевизионной антенной на крыше.

Улица, где я нахожусь, тиха и безлюдна. Тротуары здесь, словно тоннели: огромные, старые акации раскинулись над ними. В трещинах асфальта растет трава. Еле видная между деревьями мостовая вымощена булыжником. Да, здесь, сколько ни вглядывайся, ничего и никого не заметишь.

Я толкаю калитку. Она оказывается запертой. Без особого труда я нашариваю длинный крючок, он легко откидывается.

К дому ведет выложенная плоскими камнями дорожка.

Но я не успеваю сделать по ней и нескольких шагов, как слышу скрежещущий звук цепи, бегущей по проволоке, и kloкочущее рычание.

Передо мной вырастает довольно крупный, лохматый пес. Странно, что Галя не предупредила меня о нем. Пес злобно лает, но не кидается на меня. Я миролюбиво говорю:

— Ладно тебе, старина. Не сердись. Я пришел в гости, понимаешь?

Но собака продолжает угрожающе рычать.

Тогда я медленно и решительно делаю шаг вперед. Пес рычит еще злобнее, но отступает. Я делаю еще шаг, потом еще. Так мы добираемся до крыльца. И тут я наклоняюсь, протягиваю руку и треплю пса по густой гриве. Рычание сменяется тихим, довольным урчанием. Собака меня признала.

Сам не знаю почему, но собаки вообще со мной дружат, любые. Наверно, чувствуют, что я их не боюсь и люблю. Не было случая, даже в детстве, чтобы какая-нибудь из них меня укусила. Зато много было других случаев. Ох, сколько бы я мог рассказать о своих знакомствах с собаками!

Итак, я уже спокойно поднимаюсь на крыльцо и стучусь. Дверь быстро распахивается, словно кто-то следил за мной из окна.

Это, конечно, Галя. На ней очень открытое нарядное платье, на обнаженной руке красивый браслет, а на шее переливаются бусы. Она хватает меня за руку.

— Ой, я забыла предупредить тебя о Шалуне.

— Хорош шалун,— ворчу я.— Это же бандит.

— Ай, оставь. Он своих не кусает.— Галя улыбається.— Он только лает. И я зараз знаю, что до меня пришел гость.

Мы проходим в комнату, заставленную всевозможной мебелью, среди которой бросается в глаза широкая горка, набитая сверх всякой меры хрусталем и фарфором. С потолка свисает замысловатая бронзовая люстра, утыканная белыми лампочками-свечками и обвешанная хрусталиками, как ледышками. Чудо, а не люстра, наверное, в полтонны весом.

Вслед за Галей я пробираюсь к дивану.

— Мама сегодня ночует у знакомых,— игриво сообщает она.— Мы будем одни. Ты не возражаешь?

— Я в восторге.

Голос мой звучит вполне искренне, и Галя, кажется, довольна.

— Сейчас будем ужинать,— оживленно говорит она.— Бо я никого больше не жду.

Это означает, что мы никуда сегодня не пойдем. Значит, задуманная операция откладывается. А сегодня, надо полагать, будет вечер обольщения и «привязывания», чтобы потом, ошалев от любви, я кинулся за нее в любую схватку. И получил бы свои десять суток, как «порядочный». Все это не бог весть как оригинально.

Галя поднимается с дивана, собираясь, видимо, накрыть на стол, но я удерживаю ее за руку. Галя, улыбаясь, уступает.

— Какое красивое кольцо,— говорю я, рассматривая три бриллиантика, схваченные золотой веткой.

— Это подарок,— грустно вздыхает Галя.

— От того человека?

— Конечно...

Она даже не краснеет.

— Кто же его убил, ты знаешь?

Галя наклоняется ко мне и почти шепчет:

— Я тебе покажу, кто это сделал.— Она зябко поводит плечами.— Он здесь, в Одессе. Он теперь приехал до меня...

— Почему же ты не заявишь в милицию?

— Что ты! Я... боюсь. Или ты не понимаешь?

— Глупости.

— Да, да. Он-таки может убить. Не думай. Сам увидишь.

— А где я его увижу?

— Потом.— Галя вскакивает с дивана.— Я тебе за него все скажу. Но потом. Или мы ужинаем, или что?

— Или что,— смеюсь я.

Галя шутливо грозит мне пальцем.

— Ты очень быстрый мальчик. Но мы-таки поужинаем. А потом поговорим за это дело.

Итак, сегодня во всяком случае, меня не ожидают какие-либо неприятности. И эта Галочка не такая уж дура, чтобы в первую же минуту окунуть меня в свои темные дела. На сегодня запланирована, видимо, только психическая подготовка.

Галя между тем торопливо накрывает на стол. Главное место на нем занимает солидный графин с водкой и бутылка коньяка. Легкие напитки программой не предусмотрены. Среди прочих закусок появляется и целое блюдо великолепной жареной скумбрии. Дирекция, очевидно, не останавливается перед расходами.

Потчует меня Галя с увлечением и энергично подливает водку. Я на ее глазах старательно и постепенно хмелею. Так же старательно я демонстрирую и свою растущую влюбленность. Но от слишком горячих излияний Галя, слава богу, вынуждена уклоняться. Как-никак, но она совсем недавно потеряла любимого человека. Это обстоятельство, о котором ей волей-неволей приходится все время помнить, заставляет ее быть хоть отчасти сдержанной. И я уважаю ее чувства.

Довольно долго у нас идет обычный разговор, легкий и бездумный, в котором, однако, улавливаются черточки подлинного Галиного характера.

— ...Ай, брось,— говорит она мне.— Всех будешь жалеть, на себя не хватит. А сама себя не пожалеешь, никто тебя не пожалеет. Своя рубашка у всех ближе к телу, чтоб ты знал!

— Ну, все-таки...— пытаюсь возразить я, желая продлить спор.

— Или нет!— запальчиво перебивает меня Галя.— Ах, ты еще у меня, таки-да, глупенький! Никому не верь, никому. Я уже давно разуверилась. Чоб ты знал. Есть люди плохие и очень плохие, ну, еще никакие, слюнявые я их называю.

— А тот, кого ты любила, он какой был?

— Он? Да никакой. В том и беда. Он был слабый. И меня не послушал. А надо быть сильным и смелым. И любить надо так. Ты умеешь любить? Но знаешь как? Чтобы только любовь у тебя была. Чоб ты за любимую с головой в воду. Вот так умеешь? Женщине от мужчины больше ничего не надо, чоб ты знал, милый.

О, да! Я себе представляю, как легко и быстро соблазнил ее Зурих своими деньгами и подарками и сделал еще хуже, чем она была до этого. Он втянул ее в свои темные дела, сделал из нее ловкую спекулянтку. И теперь эта маленькая хищница, видимо, собирается надуть его самого, крупно надуть, на золоте. А заодно прибрать к рукам и партию кофточек... И тут нужен ей я.

Вот кем стала эта женщина. А раньше, я уверен, была просто дурочкой, хорошенькой, сверхсоблазнительной дурочкой, вокруг которой вились всякие, и свою долю в ее жалкую судьбу они, эти «всякие», тоже внесли. Спросить бы ее о той, прежней ее жизни.

Но в какой-то момент Галя вдруг становится серьезной и собранной. По-видимому, она решает, что я достаточно выпил и лукавить с ней уже не в состоянии.

— Ты можешь сделать ради меня одно колоссальное дело? Да или нет? — спрашивает она и умоляюще смотрит мне в глаза, словно пытаясь прочесть в них что-то.

— Могу,— твердо заявляю я.— Какое дело?

— Я говорю... за того человека. Он грозит меня тоже... убить.

Голос у нее прерывается и дрожит. Кажется, она и в самом деле боится «того человека».

— За что? — спрашиваю я.

Вопрос поставлен быстро, напористо и как-то неудобно. Галя, я вижу, слегка смешалась и говорит первое, что ей приходит в голову:

— А я ему отказала во взаимности. Он давно до меня добивается. И убил он из ревности, я знаю.

— Я ему покажу взаимность,— с угрозой говорю я.

— Покажи. Покажи обязательно,— горячо и умоляюще шепчет Галя, прижимаясь ко мне и как бы ища защиту.— Ты такой сильный.

Фу ты! Ну и сценка! Как в плохих романах. А еще говорят, что в жизни такого не бывает. Мне становится смешно, но я держу себя в руках. Ничего не поделаешь.

— Будь спокойна,— распаляюсь я.— Где этот тип?

— Завтра,— говорит Галя.— Ах нет. Завтра праздник. Послезавтра мы пойдем в одно место, и я тебе его покажу.

— Что еще за место? — грубовато спрашиваю я.

Но сейчас это можно: я все-таки выпил и к тому же взволнован.

— Есть у нас одно такое местечко,— улыбается Галя.— «У господ бога за пазухой». Не слыхал?

Я с изумлением смотрю на нее. Галя понимает мое изумление по-своему и звонко смеется.

...Поздно вечером я ухожу домой.

Во дворе уже совсем по-дружески бросается мне в ноги Шалун и тихо урчит. Я запускаю пальцы в его густую шерсть и бормочу:

— Ну, приятель, и выбрал же ты себе хозяйку...

На следующий день внезапно и резко холодает. В воздухе носятся редкие снежинки. Солнце лишь изредка выглядывает между черно-лиловыми тучами.

Но одетая в красные полотнища и флаги Одесса все равно радуется празднику. Многоголосый шум, музыка, песни вливаются в окна гостиницы.

Мы с Леной залезаем в свои свитеры и куртки и отправляемся бродить по городу.

Мы выходим на Приморский бульвар, откуда виден весь порт и расцвеченные флагами белоснежные корабли, шагаем по знаменитой Дерибасовской, где шумный и пестрый людской поток льется прямо по мостовой. На пальто и куртках алеют кумачовые ленточки, над головами плывут флаги, портреты, транспаранты, разноцветные воздушные шары.

Такого многоголосого шума и взрывов хохота, такого брызжущего веселья я, по-моему, не встречал ни в одном городе. Но это же чудесная, неповторимая Одесса, ее Дерибасовская!

Лену я держу за руку, чтобы не потеряться в толпе, и изредка поглядываю на ее улыбающееся, порозовевшее лицо. Лене тоже хорошо сейчас, и я радуюсь, что она хоть на время отвлеклась от своих грустных мыслей и нелегких забот.

Неожиданно перед нами вырастает Гога в черном кожаном пиджаке и ярком кашне. Он выскакивает из толпы, как черт из коробочки, и мне на секунду

становится неприятно. Я сейчас настроен совсем на другую волну.

— Салют! — кричит Гога, размахивая красным флажком.

Мне невольно хочется вырвать у него из рук этот флажок.

Гога подсакивает ко мне чуть не вплотную и, зажав голову, шепчет в ухо:

— Следуйте за мной. Я покажу один дом. И ша! Вопросы потом. А пока «мы только знакомы, как странно». Народная песня.

Затем он галантно раскланивается с Леной и даже целует ей руку.

Делать нечего, мы сворачиваем в какую-то тихую улицу и идем вслед за Гогой, который с независимым видом шагает впереди нас. Очевидно, по каким-то соображениям он не хочет демонстрировать свое знакомство с нами.

Я стараюсь запомнить улицы, по которым мы идем.

Наконец Гога сворачивает в подворотню какого-то большого и старого здания с высокими стрельчатыми окнами и каменным львом у подъезда.

В большой полутемной подворотне Гога ждет нас. Когда мы туда заходим, он берет меня под руку, отводит в сторону и указывает в глубину двора, где стоит небольшой деревянный домик.

— Вон в той доходяге, — тихо говорит Гога и опасно озирается, — временная резиденция этого типа. Предупреждаю: бандит. Он будет делать Галку.

— За что?

— Жадность убивает человека, — вздыхает Гога. — Говорят, что-то припрятала и не отдает. Нарушает закон, дурочка.

— Ты говорил, золотом пахнет?

Гога кивает.

— Именно что. — И, словно спохватившись, торопливо добавляет: — Ша. Я исчезаю. Вы после меня. Ясно? И не сразу.

Мы возвращаемся к Лене. Гога, обольстительно улыбаясь, прощается с ней.

— Вы разрешите вечером вас сфотографировать? — галантно спрашивает он.

Я незаметно киваю.

— Заходите, — весело соглашается Лена.

Гога довольно поспешно и с явным облегчением исчезает. Неужели он так сильно рисковал, приведя нас сюда?

Мы с Леной, обнявшись, словно влюбленные, нашедшие наконец укромный уголок, стоим еще некоторое время в подворотне. Через голову Лены я внимательно изучаю двор и одинокий домик вдали.

— Интересно, кто этот тип... — задумчиво говорю я. — Откуда он приехал и кто его позвал...

— Позвал его Зурих, — убежденно отвечает Лена, пряча лицо у меня на груди. — А вот приехал... может быть, это тот самый, из Пунежа, как ты думаешь?

— Возможно, — соглашаюсь я. — Вполне возможно. Эх, хоть одним бы глазком на него взглянуть!

— Ничего. Взглянут другие.

— А может быть, зайдем во двор? — предлагаю я. — Он же нас не знает. Хотя бы поближе рассмотрим эту доходягу.

— Не надо, — решительно возражает Лена. — Лучше не надо. Мало ли что?

И, к счастью, я ее слушаюсь.

Мы возвращаемся в гостиницу, и я на всякий случай запоминаю дорогу и адрес того дома.

Этот адрес я немедленно сообщаю по телефону Стасю.

— Все будет сделано, — говорит он. — Вечером жди Лева, как условились. Ты меня понял?

Лева приезжает к нам под вечер. Одет он подчеркнуто небрежно. Перепачканное в чем-то пальто, мятая, старая кепка, под скрученным в жгут сереньким кашне виден расстегнутый ворот занесенной рубашки. Физиономия у него заросла черной щетиной. Словом, Лева выглядит довольно жутковато.

— Тебе надо соорудить такой же туалет, — застенчиво улыбаясь, говорит он.

Мы с Леной принимаемся за дело. Этот вариант предусмотрен нами еще в Москве.

— Велено передать, — говорит между тем Лева. — По тому адресу действительно живет приезжий. Пока только установлено, что он из Москвы.

Вот тебе и раз! Как хорошо, что мы не зашли во двор!

Когда мы собираемся наконец уходить, на город уже спускаются сумерки.

Напоследок Лева критически осматривает меня.

— Тебе бы еще роста убавить, и полный порядок, — усмехаясь, говорит он. — Чтоб не бросаться в глаза. Первая заповедь в нашем деле.

— Трудновато, — отвечаю я. — Но если ты велишь...

— Ай, бросьте, — машет рукой Лева. — Калеки мне тоже не нужны.

— Мальчики, только будьте осторожны, — говорит Лена и глядит на меня: — Мне еще не хватает, чтобы что-то случилось с тобой.

— Сестренка, у тебя, кажется, сдают нервы. — Я, словно ребенка, глажу ее по голове. — Ну, ну. Все будет в порядке.

А Лева, наш застенчивый, немногословный Лева, вдруг выдает целую речь, весьма, кстати, удачную.

— Чуть не забыл, — говорит он. — Мы сегодня звонили в Москву, в ваше хозяйство. Майор Цветков велел поздравить вас с праздником и передать, чтобы работали спокойно. Ваш друг капитан Откаленко чувствует себя нормально. Также просил передать вам привет. Через два дня его транспортируют в Москву, к его старикам. Вот так. Как поняли?

Мы с Леной переглядываемся, и она чуть вымученно улыбается.

— Поняли, как надо, — отвечаю я и тоже улыбаюсь.

— Ну, идите, мальчики, идите, — говорит Лена. Я чувствую, что ей хочется побыть одной, хоть немного, ведь скоро появится Гога.

Мы выходим из нашего шикарного номера и торопливо сбегает по выложенной ковром лестнице, мимо удивленного нашим видом швейцара в золотых галунах и говорливой толпы иностранных туристов.

У подъезда нас ждет машина.

Когда мы отъезжаем от гостиницы, Лева говорит:

— Теперь я тебе обрисую, куда мы едем. — Он на секунду умолкает, словно набираясь сил для такого длинного рассказа. — Вообще-то говоря, это довольно-таки неказистый пивной бар. Но! — Лева предостерегающе поднимает палец. — Директор — вполне надежный человек. Это раз! Очень удобное помещение, выходы, подсобки. Это два! Но главное — это три! Кое-кого там поят в долг. И кормят тоже. Миросые музыканты. Весь любимый репертуар. Бывают и «королевы». Ну, и всякие нужные и интересные встречи. Словом, реклама идет на всю Одессу. Среди нашей «публики», конечно. Никто из приезжих не минует этой точки. Появляются и весьма опасные. И это их последний загул. Между собой мы так это место и зовем: «Точка и ша!» Но ни одного мы там не берем. Что ты! Там все чисто и безопасно. Мы их берем далеко и совсем в дру-

гих местах, когда они уже забыли, что провели вечерок в той точке. Ведь есть и другие места, где они у нас «отметились».— В голосе Левы звучит больше злости, чем лукавства.— Но вот что имей в виду. Между собой они там толкуют и счеты сводят.

— Галя хочет завтра пойти туда со мной,— говорю я.— Показать кого-то.

— Во, во. Где же и показывать, как не там? Но сначала мы сами все посмотрим, и ты маленько освоишься. Сидеть будем отдельно. Мы не знакомы.

Машина между тем все петляет и петляет по ярко освещенным, шумным улицам. Но чем дальше от центра города, тем улицы малолюднее и темнее.

Наконец машина останавливается.

— Дальше пойдем пешком,— объясняет Лева.— Нам рекламы не надо, мы не пижоны.

Он вылезает из машины, и я следую за ним.

Мы проходим два или три квартала тихих, с черными окнами, словно уснувших домов — все их жители, вероятно, там, на праздничных улицах, — поворачиваем за угол и неожиданно попадаем на довольно людную площадь.

На противоположной стороне я вижу широкие, задернутые шторами и освещенные изнутри окна в полуподвале какого-то дома, красно-зеленую неоновую вывеску над ними, слышу доносящуюся оттуда музыку и догадываюсь, что это и есть та самая «точка».

Мы пересекаем площадь.

Неширокие каменные ступеньки ведут с тротуара вниз, к дверям бара.

Но Лева ныряет в соседние ворота, проходит через темный двор и толкает какую-то незаметную дверь. Я, как тень, следую за ним.

— Отсюда можно попасть и на площадь и на другую улицу,— говорит Лева.— Двор проходной. Ты выходи на площадь и, как все смертные, заходи в бар. Там меня увидишь. Пока.

Лева исчезает.

Некоторое время я стою в темноте, чтобы привыкли глаза. Надо исследовать на всякий случай этот двор. И, только изрядно полплатив по нему, я осторожно выхожу на площадь.

Я понимаю, вот-вот начнется то главное, ради чего мы с Леной приехали сюда. Мы уже вышли на след Зуриха, мы уже разными путями идем по этому следу и по следу кого-то из его сообщников, которого мы, видимо, не знаем, сообщника особо доверенного и опасного, если ему поручена расправа с Галей. Возможно, это некто, приехавший из Москвы, но не исключено, что это тот самый Горохов, «дядя Петя», убийца Клячко, который поднял руку и на Игоря. Ох, добраться бы мне только до него!.. Я чувствую, как натянуты у меня нервы и слегка пересыхает во рту.

Я медленно спускаюсь по щербатым ступенькам и толкаю застекленную дверь бара.

В гардеробе мое пальто принимает какой-то худенький, вихрастый паренек в тужурке с золотыми галунами. Остренькие его глазки внимательно ощущают меня. Все понятно: ведь я здесь впервые.

Я прохожу в зал. Он довольно большой, с низким, потемневшим уже потолком, беспорядочно заставленный красными и серыми пластиковыми столиками на тонких металлических ножках. Народу здесь много, и свободных мест почти не видно. Шумно, накурено, жарко. В глубине на маленькой эстраде расположился оркестрик, он азартно наяривает что-то захватывающее и жалобное одновременно.

Наконец замечаю свободное место у окна и пробираюсь между столиками туда. Переступаю через чьи-то ноги, кто-то толкает меня, пьяно хохочет. Я спотыкаюсь, невольно хватаю кого-то за плечи. Испытывая тут не принято.

Наконец я разваливаюсь на свободном стуле, словно пришел к себе домой и стесняться мне тут некого.

За моим столиком сидит еще какая-то парочка. Он норовит ее поцеловать, обнимает за шею, притягивает к себе, она, оглядываясь на меня, шумно отбивается и заливается смехом. Девушка накрашена до невозможности и изрядно пьяна. Парень, видимо, тоже немало выпил и уже плохо контролирует свои действия. На столике перед ними недопитая бутылка водки и пустые пивные кружки, на дне которых скопилась пена. Края обеих кружек почему-то испачканы помадой. Тут же растерзанная пачка дешевых сигарет.

Ко мне подходит молоденькая официантка в помятом белом переднике и кокетливой белой наколке на пышных волосах. Подведенные глаза ее бойко стреляют по сторонам. Меня она окидывает быстрым и цепким взглядом. Да, тут с новыми людьми знакомятся внимательно и запоминают, конечно, тоже.

Я небрежно заказываю две кружки пива, бутерброды с сыром. Длинные мои ноги не умеваются под столиком и вылезают в проход. Вся поза выражает благодушие и сонливость. Но внутренне я очень напряжен и весь словно собран в комок. Я внимательнейшим образом изучаю всех вокруг и вхожу в обстановку. Интересные типы окружают меня, молодые и пожилые, бородатые и совсем безусые, девчонки и парни, пьяные и трезвые, веселые и чем-то обозленные, развязные и тихие, они беседуют, спорят, ссорятся и обнимаются, смеются и визжат. Шум и гам вокруг порой даже заглушают звуки оркестра.

Вдали за одним из столиков я замечаю Леву, он с кем-то чокается пивной кружкой.

В зал заходят все новые люди, шумно присоединяются к компаниям за столиками.

Один из вошедших мне вдруг кажется знакомым. Коренастый, невысокий, с вытянутым, бледным лицом, в очках, с короткими усиками и лысым, яйцевидным черепом. Но вот где именно я его встречал, почему-то вспомнить не удается. Странно. Ведь память у меня на такие вещи хорошая.

Я не заметил, как этот человек появился в зале. Я только вижу, как он внимательно оглядывается по сторонам и вдруг исчезает на миг за портьерой у гардероба, словно его кто-то резко и неожиданно утащил туда. Потом он снова появляется, пробирается между столиками и усаживается недалеко от меня.

Человек этот сидит скромно, потягивает пиво из кружки и беседует с кем-то из соседей. Но я время от времени ловлю на себе его мутноватый и равнодушный, пожалуй, даже слишком равнодушный взгляд. Почему мне знаком этот человек?

А он между тем рассказывает, видимо, что-то интересное. К его столику подсаживаются еще трое или четверо парней, в том числе и Лева. Оттуда доносится смех и чьи-то запальчивые выкрики.

Потом компания постепенно рассасывается. Уходит и тот человек, лениво уходит, не спеша.

Больше за весь вечер ничего особенно интересного не происходит. Я медленно допиваю третью кружку пива. Соседняя парочка не прекращает возни.

Наконец Лева подает мне знак уходить. Я подзываю официантку и расплачиваюсь. Девушка за моим

столиком провожает меня любопытным, нагловатым взглядом.

В гардеробе Лева шепчется о чем-то с пареньком-швейцаром, когда тот подает ему пальто, и, не стесняясь, ссыпает ему в руку какую-то мелочь.

Я выхожу первым.

Лева догоняет меня, когда я успеваю уже пересечь площадь и углубиться в темный переулок, откуда мы с ним вышли часа три назад.

— Ну, как? — спрашивает он. — Море удовольствий?

— Пожалуй.

— Скоро мы изведем всю эту погань, увидишь, — зло и убежденно говорит Лева. — Кто сам на правильный путь не встанет, того заставим. А когда мы с ним выйдем часа три назад. Чтобы людям дышать легче было.

— Не скоро еще.

— Ого! Учи, Одесса очень терпелива, но когда она рассердится... И не таких бандитов она душила. Это я тебе говорю.

Лева возбужден и на время теряет свою обычную молчаливость.

— Между прочим, мне тут шепнули, — говорит он. — Слушай внимательно. Пришли двое. Один сунулся было в зал — и сразу назад. Говорит другому: «Старый кореш сидит. Я его, гада, сразу срисовал, хоть он и перетерялся. Иди и открой моргалы! С ним надо посчитаться. А мне сюда путь закрыт». И тот, второй, пошел и, по-моему, смотрел на тебя.

— Это такой в очках, с усиками и голой головой?

— Он самый.

— Знакомая какая-то личность.

— Именно...

— А второй какой?

— Второго срисовать не успели. Пальто, кепка, здоровый такой.

— Ну, поглядим...

Вот и еще две тени мелькнули перед нами. Кто эти люди?

— Завтрашний твой визит сюда с Галей надо подготавливать, — обеспокоенно говорит Лева. — Этого-то мы возьмем на крючок сразу, как появится. И второго постараемся. А вообще, чтоб ты знал, это тебе не парк культуры и отдыха и не детки-пионеры. Тут можно потерять здоровье, понятно?

Мы сворачиваем за угол. Машина уже ждет нас и, когда мы садимся, с урчанием срывается с места.

Да, потерять здоровье на нашей работе можно в любой момент.

Глава IX.

ЧЕГО ЭТО ВСЕ СТОИТ

На следующий день я звоню домой Богдану Теляшу.

Голос его ласков и вкрадчив.

— Все сговорено в лучшем виде, — сообщает он. — Интересно за ваше предложение. Увидимся или что?

Мы улаживаемся о встрече. Через час, в кафе на Дерибасовской. Теляш берет заказывать столик.

Я вешаю трубку. И тут же снова звоню. На этот раз Стасю.

Мы с ним приходим к выводу, что Зурих вряд ли будет присутствовать на этой встрече, хотя сама

она, конечно, произойдет с его ведома и даже согласия.

Мы получили сообщение, что в Москве проверили Зуриха по всем нашим учетам и очень удивились, обнаружив его предыдущую крупную судимость. Удивились не потому, естественно, что считали Зуриха непорочной и светлой личностью, а потому, что наше открытие свидетельствовало об удивительной самоуверенности этого травленного волка, о его наглости даже. Видимо, Зурих решил, что на этот раз он уже неуловим и потому можно действовать под прежней фамилией. Словом, тут он зарвался.

Так, кстати, часто бывает со всякого рода людьми с нечистой совестью, когда они полагают, что все концы в их неблагоприятном прошлом надежно спрятаны и никогда не всплывут прежние темные дела и поступки.

Об этом я и думаю после разговора со Стасем. Я думаю об этом еще и потому, что хочу отвлечься от других мыслей.

Сегодня целый день у меня почему-то тревожно на душе, меня все время преследует чей-то тусклый, сверлящий взгляд, он мне даже снился ночью. Никогда я еще не чувствовал себя так скверно. И с трудом подавляю раздражение, чтобы не заметила Лена. Она и так уже довольно подозрительно поглядывала на меня за завтраком.

Вот и сейчас, когда я кладу трубку, Лена говорит:

— Виталик, чем ты озабочен?

— Ничем я особенно не озабочен. С чего ты взяла?

— Неправда. Я же вижу. И ты обязан мне сказать. Я тебе не сестричка в конце концов, а сотрудник, кажется.

Но я пытаюсь отшутиться.

— А что? Беру в сестрички. Ты меня устраиваешь.

— А как помощник я тебя, значит, не устраиваю? — сердито спрашивает Лена.

Я бодро отвечаю:

— На все сто процентов.

— Вот видишь! И я тебя успела уже изучить, миленький мой братец, — улыбается Лена. — Поэтому не пытайся что-нибудь скрыть от меня.

— Ни божьей. — Я молитвенно складываю руки. Лена подходит и внимательно смотрит мне в глаза.

— Так чем ты озабочен?

Я хмурюсь.

— Понимаешь, какое дело...

И рассказываю о вчерашней встрече в баре и о разговоре, который передал мне Лева.

— ...Впрочем, — заключаю я, — это могло ко мне и не относиться.

— Нет, это относилось к тебе, — убежденно возражает Лена. — Тебя кто-то узнал.

— Ну, это еще вопрос.

— Все равно. План операции надо строить, исходя из этого.

— План построен, исходя из цели операции.

— Но с учетом новых обстоятельств, — настаивает Лена и неожиданно вздыхает. — Ох, как мне не хочется, чтобы ты шел сегодня туда с этой Галей!

— Ну, ну, — строго говорю я. — Не распускаться. Мы все-таки на работе.

И вдруг замечаю, что говорю это больше самому себе, чем Лене. Она, в свою очередь, хмурится и смотрит на часы.

— Иди. Тебе пора в кафе.

— Верно, — спохватываюсь я. — Гуд бай, крошка!

Я надеваю пальто, шляпу и торопливо выхожу из номера.

Кафе на Дерибасовской я нахожу довольно быстро. В праздничный день оно забито до отказа, на дверях красуется знаменитая табличка «Мест нет», и довольно солидная очередь топчется у дверей на тротуаре. Бородатый швейцар, видимо, предупрежден и почтительно пропускает меня сквозь зеркальные двери.

В красивом, светлом зале с белоснежными скатертями и хрусталем на столах я разыскиваю Теляша. Он сидит в углу возле окна за небольшим столиком на две персоны и приветственно машет мне рукой.

Но, прежде чем подойти к нему, я еще раз внимательно оглядываю зал. При моем росте это не так уж трудно. Однако ничего подозрительного я не замечаю. Свидание с Зуриком, как мы и предполагали, здесь не состоится. Он, конечно же, опасается прямой встречи на людях с незнакомым человеком. А Теляш служит как бы приманкой, эдакой подсадной уткой, ну, и своеобразной лакмусовой бумажкой тоже. Приманка и еще одна проверка меня одновременно. Между прочим, все это предвидел такой умный мужик, как Стась.

Теляш горячо жмет мне руку и, когда я сажусь, тонко и одобрительно замечает:

— Вы, однако, осторожны.

— Хочу расплачиваться рублями, а не здоровьем.

— Вы правы,— подхватывает Теляш, и большие уши его выразительно двигаются.— Бог мой, кто же хочет иначе?

Официант подает нам закуску, открывает бутылку с вином, и мы приступаем к трапезе.

— Я вам скажу так,— продолжает Теляш прерванный разговор.— Конечно, бизнес невозможен без риска. У нас особенно. Это ж ясно, бог мой. Ибо!..— Он поднимает палец.— У них в худшем случае разорение, у нас, извините, тюрьма. Это две разницы, чтоб мне пропасть.

— Потому что у них все это по закону, а у нас против,— как можно равнодушнее замечаю я.

— Или это непонятно! Риск, конечно же, есть, бог мой. Но и доход тоже. А? Надо ж жить! И как можно лучше. Я так рассуждаю или нет?

— У каждого в жизни свои интересы,— туманно говорю я, поддерживая разговор.— И свое дело.

— Именно! А наше дело, я считаю, искусство. Умный человек все у нас может, чтоб мне упасть и не встать,— с азартом продолжает Теляш, ожесточенно поглощая закуску, уши его при этом непрерывно двигаются.— Господи, да только поворачивайся! Что тут главное? Кому дать, сколько дать, как дать. Это решает. При определенных условиях все берут. Ну, ей-богу же, все! Я, конечно, не такой ловкач, как другие. Но и не последний, заметьте себе.

Теляш самодовольно улыбается, и кругленькая его очкастая мордочка превращается в печеное яблоко.

Ну и тип. Даже не тип, а продукт, я бы сказал. По его мнению, значит, все покупается и все продается, в том числе и совесть, конечно. Последнее особенно его интересует. И мнение это, что самое главное, не с неба к нему упало, не на веру принято. Нет, оно подкреплено фактами, вот ведь что. Он уже сам много раз «давал». Скажи, пожалуйста: «не такой я ловкач». Врет, сукин сын, прибедняется. Ловкач он первостатейный! Точнее, жулик. И к тому же со своей подлой «философией». Пусть, мол, кому угодно будет хуже, зато мне будет лучше. И знать больше ничего не желаю. Такого надо схватить за руку и дать по этой руке, как следует

дать. А потом уже попытаться его перевоспитывать. Только, разумеется, где-нибудь подальше от Одессы...

Теляш замечает, что я молчу, и понимает это по своему. Считает, видимо, что такого делового человека, как я, не кормят общими разговорами, тем более что в «бизнесе» я, конечно, понимаю не меньше его, а он в моих глазах может показаться пустым болтуном.

Спохватившись, он умолкает, мордочка его становится сосредоточенной, в глазах появляется напряженное внимание.

— Если нет возражений, перейдем к делу. Я бы хотел услышать ваши предложения,— говорит Теляш, и уши его, как два локатора, чуть заметно надвигаются на меня.— А если вы считаете возможным, то...

— Передать вам гонорар? — усмехаюсь я.— Это здесь-то?

— Боже упаси,— смехавшись, отвечает Теляш.— Мы найдем другое место. Сейчас интересуюсь за дело.

— А что значит «все сговорено», как вы выразились по телефону? — спрашиваю я.— Как это понимать?

— Михаил Александрович мне звонил вчера,— понизив голос, сообщает Теляш.

— И что же?

— Встреча, если нет возражений, назначена на завтра. Вечером. У меня дома.

— Возражений нет.

— Но насчет вашего предложения и... гонорара я Михаилу Александровичу пока не сказал. Или я что-то не так понял?

Теляш хитренько смотрит на меня, и уши его чуть заметно отодвигаются назад.

Я тоже улыбаюсь.

— Вы очень понятливы. Григорий Макарович сейчас работает самостоятельно.

Взгляд Теляша снова становится почему-то напряженным, и уши угрожающе надвигаются на меня.

— Михаил Александрович заметил,— говорит он,— что вы не можете иметь связь с Григорием Макаровичем.

Интересно, почему это Зурик так полагает? Может быть, он знает что-то, чего не знаем мы? Вряд ли. Правда, Эдик мне сказал, что к Григорию Макаровичу не раз подкатывались прежние дружки и он гнал их вон. Возможно, среди них был и Зурик или человек от него. Но это еще ничего не значит. Однако проверить надо. Не забыть проверить.

Я снисходительно усмехаюсь.

— Михаил Александрович не бог и не его наместник на земле. Он не может все знать и видеть.

— Хи, хи, хи,— тоненько смеется Теляш.— Или я этого не понимаю, чтоб мне... А если конкретно?

Я готов к этому вопросу. Ребята из ОБХСС напичкали меня всевозможными сведениями, особенно, конечно, Эдик по своей «строительной линии».

— Железо,— коротко говорю я.

— О! — щелкает пальцами Теляш.— Блеск, чтоб мне не жить. Сколько?

— А сколько сумеете проглотить?

— Я-то? Да сколько дадите, боже ты мой.

— Тогда сегодня вечером я буду иметь разговор с Москвой,— важно говорю я.— Но все это... вы понимаете?

— Я деловой человек,— прижимает руки к груди Теляш.

— Этого мало. Вы теперь наш человек.— Я делаю ударение на слове «наш». — И Михаил Александрович... это вы тоже понимаете?

— Абсолютно! Вы меня еще не знаете.

Но мне кажется, что я его знаю. К сожалению, мне это только кажется.

— Между нами говоря,— Теляш заговорщически понижает голос,— Михаил Александрович с большим недоверием отнесся к вашему приезду. Даже велел...

И тут Теляш сообщает мне о довольно любопытных мерах, которые решил принять Зурих, организуя встречу со мной.

Нервы у меня натянуты до предела, и я воспринимаю малейшие нюансы в тоне и настроении своего собеседника. И вот сейчас мне кажется, что Теляш что-то не договаривает или чуть-чуть искажает. Однако проверить это я не в состоянии.

— Гм...— бормочу я.— Горько слышать. Но с вами, кажется, можно иметь дело. Только учтите,— сухо предупреждаю я,— двойная игра будет означать конец всякой игры.

— Клянусь,— с придыханием произносит Теляш, преданно смотря мне в глаза.— Чтоб мне не жить. Я с большим сомнением пожимаю его влажную руку.

Другого выхода у меня нет. Зурих должен быть завтра задержан во что бы то ни стало.

А вот что произойдет сегодня вечером, этого я себе представить не могу.

Внезапное похолодание, видимо, установилось прочно. Без всякой осени в город сразу пришла зима. С неба сыплет мелкий снежок. Побелели крыши домов и деревья. На улице скользко, зябко и ветрено. Серое море, низкое, серое небо, жидкая грязь под ногами.

Под вечер приходит Лева.

Он, между прочим, сообщает, что известный нам домик во дворе взят под наблюдение, но приехавший из Москвы человек там почему-то до сих пор не появляется. Зато дважды там появлялся... Теляш. И выглядел весьма озабоченным. По-видимому, он тоже разыскивал этого человека. Тут, кажется, у Зуриха произошла какая-то неувязочка.

Я собираюсь к Гале, чтобы вместе пойти в тот бар.

— Мы тебя там в случае чего подстрахуем,— говорит Лева.— А до вашего прихода изучим обстановку за столиками. Если что-то осложнится, будем встречать еще на подступах, как условились. Учти.

Уже совсем темнеет, когда мы выходим с ним из гостиницы.

Лева на машине подбрасывает меня к нужному месту.

Дальше я иду уже один.

Вот и знакомый забор. В кромешной тьме я нащупываю калитку. Свет редких фонарей не проникает сквозь густые, заснеженные кроны деревьев вдоль тротуара. Я почти бесшумно открываю калитку.

В окнах домика за шторами горит свет.

Иду к крыльцу по выложенной камнями дорожке и жду, когда в темноте загремит цепь и раздастся лай Шалуна.

Но пес сегодня не на цепи, он узнает меня и, тихо урча, подкатывается к моим ногам. Я глажу его по густой шерсти и достаю кусок сахара. Шалун лижет мне руку, тыкается в нее мокрым, холодным носом. Он искренен в своем дружеском чувстве ко мне, единственное существо здесь, которому можно верить. Пес молча и преданно сопровождает меня до самого крыльца.

Необычное его поведение наталкивает меня на новую мысль. Я не поднимаюсь по скрипучим сту-

пенькам к двери, а, прижавшись к стене, медленно и неслышно двигаюсь вдоль освещенных окон. Какие-то неясные голоса доносятся из дома, кто-то там разговаривает с Галей.

Шалун с веселым любопытством следует за мной, норовя лизнуть мою руку. Он решает, что начинается какая-то игра. Мой предостерегающий жест, однако, удерживает его от бурных проявлений радости.

Около одного из окон я задерживаюсь. Здесь голоса из дома звучат громче.

Я поднимаю голову. Ну, понятно. Открыта форточка.

Ногой я нашариваю в стене удобный выступ. Вот когда пригодился мой рост. Я могу разобрать каждое слово, которое произносится там, в доме.

Галя говорит с каким-то мужчиной.

— Он сейчас придет,— говорит она раздраженно.— Уходи.

— Успею. Шалун залает. Так мы договорились?

— Да, да...

— И ты не будешь плакать по тому дураку, надеюсь? Он хотел нас обмануть, сволочь! И тебя тоже, не думай. И если бы с ним не случилась беда...

— Ай, брось! Я знаю, что это за беда. Но плакать я не собираюсь, не бойся. Я и о тебе не плакала.

«Зурих! Неужели это Зурих? — мелькает у меня в голове.— Может быть, сейчас, сразу...»

Но я одергиваю себя и продолжаю напряженно слушать.

— Значит, золото ты отдашь,— спокойно и властно говорит мужчина.— Это ты правильно решила. Тогда ты будешь жить, Галя. Весело жить. Спокойно. Я заберу не все. Где оно?

— Не сейчас. Он же вот-вот придет.

— Шалун предупредит. И это недолго. Ну?

— Завтра,— упирается Галя.

— Ну! — угрожающе повторяет мужчина.— Мне тоже некогда.

— Он сейчас придет...

— Ничего. Этому мальчику недолго прыгать, если все правда. На него очень сердиты.

«Ого! Это уже обо мне. За что они на меня так сердиты, черт возьми!» Мне кажется, Зурих не ассоциирует нового Галиного ухажера с деловым человеком, приехавшим из Москвы к Теляшу, и на том спасибо.

— Вот и делайте с ним, что хотите! — неожиданно говорит Галя.— Мы же обо всем условились. Но только...

Злость охватывает меня. Ну, что же, милая, теперь мы играем на равных! И посмотрим, кто кого. Но тут же я соображаю, что положение теперь совсем не равное. Меня, видимо, знают.

— Неси... — шипит мужской голос.— Неси, или...

— Ой! — испуганно восклицает Галя.— Не надо... не надо...

А, черт! Хоть бы одним глазом увидеть, что там происходит.

Однако следует спешить. Нельзя позволить, чтобы она отдала ему это золото, которое, видимо, спрятал у нее Клячко. Нельзя, иначе оно может исчезнуть.

Я торопливо спрыгиваю на землю и выбегаю на дорожку, ведущую к крыльцу. Шалун легкой трусцой следует за мной. Теперь надо, чтобы он залагал. Но пес и не собирается этого делать, он полон дружбы ко мне.

Тогда я валю его на землю. Решив, что начинается новая игра, Шалун весело вскакивает и, припав на передние лапы, громко лает. Ну, вот, старина, теперь все в порядке, спасибо!

Я поднимаюсь на крыльцо и стучусь.

На этот раз дверь открывается совсем не так быстро.

Галя, улыбаясь, предлагает мне пройти в комнату. Голос ее оживлен и даже радостен. Неплохая, однако, артистка. На ней опять новое, дорогое и, конечно же, весьма открытое платье, оно плотно облегает фигуру, выставляя напоказ все ее прелести. Интересно, для кого она так оделась: для меня или для Зуриха? Но как легко, однако, она продала меня! Я про себя усмехаюсь. Скажи, пожалуйста, даже в такой обстановке разыграло мужское самолюбие! Но тут у меня появляются совсем другие, весьма тревожные мысли: что же все-таки готовится, что произойдет сейчас в этом чертовом баре?

— Мы уже идем,— говорит Галя.— Я только возьму пальто.

Между прочим, в комнате полный порядок. И, конечно, никого нет. Зурих, видимо, ушел через другую дверь.

Словно подтверждая мой вывод, во дворе слышится злобный лай Шалуна.

— Чего это он? — спрашиваю я.

— А! — машет рукой Галя.— Наверное, прошел сосед.

Она достает из шкафа пальто. Я предупредительно забираю его и помогаю надеть. Я же влюблен, этого пока нельзя забывать.

Галя тушит всюду свет, мы выходим на крыльцо, и она тщательно, на два замка, запирает дверь.

Нам везет. Неподалеку от дома я ловлю такси.

Через несколько минут мы оказываемся на знакомой площади. Вокруг, несмотря на плохую погоду, довольно много людей.

Галя берет меня под руку, и мы направляемся к бару.

Трудно передать, что я сейчас испытываю. Конечно, моя работа кое-чему меня научила. Например, рисковать. Она же мне привила ощущение опасности, когда надо мобилизоваться до предела. И все-таки порой, честно говоря, мне бывает страшно и приходится подавлять в себе это чувство. И еще меня иногда покидает хладнокровие, я знаю за собой это свойство. И тогда я делаю ошибки. Боязнь ошибки сейчас тоже владеет мною.

Но я гоню, гоню от себя эти мысли и крепче сжимаю локоть Гали.

Она понимает это по-своему и кокетливо поглядывает на меня снизу вверх. Щеки ее раздурманились, то ли от быстрой ходьбы, то ли от волнения.

— Тебе хорошо со мной? — спрашивает она.

— О да,— отвечаю я и стискиваю зубы.

С каждой минутой мне все труднее притворяться, с каждой минутой растет ощущение опасности.

Только бы мне сейчас зацепиться глазами за своих ребят, тогда нас уже не разорвешь и ничего с нами не сделаешь. Тогда уже мы будем хозяевами положения.

Все ближе, ближе бар с его освещенными окнами и рвущейся на площадь музыкой.

Мы минуем ворота, куда прошлый раз свернули с Левого, впереди уже ступеньки, ведущие вниз.

В этот момент за нашей спиной раздается короткий окрик:

— Эй, Галка! А ну, подойди, что скажу.

Мы оглядываемся. Около ворот стоит какой-то парень, в темноте мне трудно его разглядеть.

— Ах, это ты, Сенечка,— весело отзывается Галя.— Сейчас.

И я поддаюсь беззаботности ее тона.

Мы подходим.

Парень отступает в ворота, как бы не желая мешать прохожим, и мы невольно следуем за ним.

И тут оглушительный удар обрушивается на меня. Я падаю навзничь, как подкошенный. Острая боль в ушах, на секунду пропадает зрение, я ничего не вижу. Из открытого рта у меня несется какой-то приглушенный хрип. Я действительно словно провалился куда-то.

Когда я открываю глаза, вижу склонившееся надо мной лицо, оно плывет, двоится, скачет... Морщась, я с огромным усилием провожу ладонью по глазам, хочу остановить эту сумасшедшую пляску. Лицо знакомое, очень знакомое...

— Жив, пахло! — говорит нагнувшийся надо мной парень.

Он замахивается огромным, фантастически огромным кулаком, и я только в последний момент догадываюсь, что в нем зажат кастет. Это смерть!..

— Стой, Толясь, — говорит кто-то другой. — Дай-ка я его обшарю сперва.

Толик, вот это кто! Старый знакомый. Он теперь берет реванш у меня.

Но уже другой человек наклоняется надо мной. Круглые очки. Усики. Длинный голый череп. Тот самый, из бара!

— Быстро, Петруха, быстро, — торопит его еще кто-то. — Оттянем его подальше.

Они подхватывают меня за руки и волокут в глубь двора. Тело бьется о камни. Но не больно, куртка предохраняет меня. Я продолжаю хрипеть. Но уже все вижу. Что-то липкое ползет по лицу, затекает в рот. Кровь! Очень соленая. Моя кровь... Голова снова начинает кружиться. И боль в ней, режущая, колющая, пульсирующая, черт ее знает какая! Нет сил ее терпеть... И слабость... Как больно они выкручивают мне руки!

Но вот я опять вижу. Вижу! Их трое. Гали нет. Она исчезла, убежала. И, конечно, никого не позовет на помощь, гадина!..

Кто-то из троих с размаху бьет меня сапогом по ребрам, я со стоном перекачиваюсь на бок, стон рвется какими-то всхлипами вместе с последними ключьями воздуха из отбитых легких, нового я не могу набрать, я не могу вздохнуть.

Чьи-то руки уже лезут в карманы куртки. А я стараюсь протиснуть свою к груди, к подмышке. Трещит ворот рубашки, сыплется пуговицы.

— Пустой, гад!.. — хрипит Толик.

Это он шарит у меня по карманам.

Я пытаюсь увернуться, медленно, тяжело, неуклюже. Мне больно сделать любое движение.

Толик наотмашь бьет меня по лицу, но небрежно, скользящим ударом, раздражающим кожу. Я мешаю ему лезть в карманы брюк.

И упрямо тянусь дрожащей рукой к себе под мышку и, добравшись наконец, совсем уже слабыми, непослушными пальцами пытаюсь расстегнуть кобуру.

Толик выворачивает карманы моих брюк. На землю выпадают кошелек, расческа, платок.

— Делай его! — кричит человек в очках. — Живей! — Ага...

Взмах... Но я успеваю перекачаться на бок, и кастет в руках Толика свистит мимо моего уха.

Тогда третий парень хватается за ноги и прижимает их к земле. Петр, он в очках, всем телом наваливается мне на живот.

— Все, мусор. Отжил... — сипит он и командует Толику: — А ну! Вдарь его теперь!

И тут я стреляю.

Раз, другой, третий! Как бич, хлещут выстрелы в пустом, темном дворе.

Толик рушится на землю, как колонна. Мне даже кажется, что земля подо мной вздрагивает.

Теперь в Петра... чуть ниже ствол... Выстрел!

Он не успевает вскочить. Он только сваливается с меня и, как-то странно икая, кричит:

— А-а!.. А!.. А-а!.. А!..

И отползает от меня. И ползет еще дальше в темноту. Я вижу его скрюченную фигуру, искаженное болью лицо без очков.

Третьего парня уже нет. Он исчез. Ноги мои свободны. И я пытаюсь подняться. Не могу... Нет, я поднимаюсь... И поднимаюсь на дрожащих, ослабевших ногах.

Пистолет прыгает у меня в руке. Я прислоняюсь спиной к стене. Теперь ногам легче. Но снова кружится голова и раскалывается от боли. Все плывет перед глазами, кружится черный двор.

— Сенечка... — кричу я. — Сенечка... — Но это только шепот. Я вдруг вспомнил, как назвала Галя того, третьего.

Дыхание у меня хриплое, судорожное и короткое, как всхлипы. Неужели я плачу? Но почему же так щиплет глаза? Почему я ничего не вижу?!

Нет, я вижу, начинаю видеть!

Ко мне из темноты крадется Петр. Ближе, ближе... Обходит лежащего на земле Толика, пригибается, как для прыжка. У него в руке нож. Он без очков, скалит зубы... Он думает, я его не вижу.

Я с усилием поднимаю тяжелый пистолет и прерывисто шепчу:

— Стой... Стре... ляю...

И Петр застывает на месте.

Но я стреляю! В воздух, в воздух...

И слышу шаги людей, многих людей. Они бегут ко мне...

Я падаю на чьи-то руки.

Снова темно...

За окном чистое, палево-голубое небо. Утро. Косящие лучи солнца пронизывают комнату. Незнакомую комнату. Пустую и белую, как в больнице. Кажется, это и в самом деле больница.

Приподнявшись на локте, я оглядываюсь. Белая тумбочка, белая табуретка рядом, белая пустая кровать напротив. На мне неизвестная рубашка из плотной бязи с завязками на воротнике. В квадрате пододеяльника видно рыжее байковое одеяло. Дальше металлическая спинка кровати.

Голову мне сжимает повязка. Я провожу по ней рукой. Бинт. В теле легкая слабость. Но голова ясная и совсем не болит. И вообще, ничего не болит. Я глубоко и свободно вздыхаю. Нет, все-таки глубоко вздохнуть больно.

Да, значит, я угодил-таки в больницу.

На тумбочке возле кровати лежат мои часы. Они еле слышно тикают. Тоже, значит, целы. На них шесть часов и пятнадцать минут. Утра, конечно.

Я откидываюсь на подушку и начинаю припоминать все, что случилось вчера вечером около этого проклятого пивного бара.

Оказывается, я прекрасно все помню.

Да, я угодил в засаду. Все было подготовлено. Этот ход мы не учили. Ребята ждали меня внутри, в баре. Меня и всех других. У Гали был совсем другой план. Она собиралась меня с кем-то познакомить, и мы оба должны были затем попасть в милицию. Да, вот этот план мы и взяли в расчет. Но в самый последний момент, видимо, все изменилось. Вмешался Зурих. Они сговорились с Галей. И тогда она отдала меня им. Я же слышал все сам. Меня узнали, это теперь ясно. И узнал меня Толик.

Итак, Толик оказался в Одессе. Вот почему он брал расчет на фабрике. Вот почему Надя Пирожкова встретила его на вокзале. Я совершил серьез-

ную ошибку: пропустил мимо ушей ее слова об «Одессе-маме», куда ее приглашал Толик, и за это дорого поплатился, чуть не завалил все дело. Конечно, это был он, Толик. И он же звонил ей по телефону по поручению Зуриха. Значит, и сюда, в Одессу, его послал Зурих. Он не надеялся миром покончить с Галей. А с Толиком Зурих познакомился еще тогда, на фабрике. Кажется, тот вздумал приревновать Варвару или что-то в этом роде. И Зурих сразу понял, на что может пригодиться этот отпетый парень.

Толик... Какой опасный и страшный путь он прошел. И погиб. Наверное, погиб. Я вынужден был в него стрелять. Зачем я с ним тогда поссорился, у Варвары, я же мог и не ссориться! Кузьмич сказал: «Аукнется тебе еще эта драка». Аукнулась. И мне, и Толику. На моей совести этот непутевый парень. Как он меня вчера... С лютой злостью. И все-таки... все-таки первым совершил ошибку я. А там, во дворе, он упал как подкошенный. Я выстрелил три раза... Господи, неужели я его убил?..

Я ворочаюсь в постели и стараюсь думать о другом, о том, что было еще вчера вечером в том дворе.

Там был еще один... Петр. Я тоже в него выстрелил. Но он жив. Я держал его на мушке потом. Он ведь крался ко мне с ножом. И был без очков. Без очков, кстати, он мне еще больше знаком... Да, да, я где-то читал его приметы... Постой! Петр Горохов! Вот он кто! Из Пунежа! Ну, конечно!..

В этот момент дверь моей палаты открывается и заходит сестра. Толстая, пожилая женщина в белом халате. При виде меня ее добродушное лицо расплывается в улыбке.

— Глазки смотрят? Давай, сынок, температуру померим.

Она встывает и сует мне под мышку холодный градусник.

— Да нет у меня никакой температуры,— бодро говорю я.

— Есть, нет, а мерить надо. Порядок такой. В больнице ты или где?

— Вот и отпустите с миром. Практически я здоров.

— Лежи, лежи,— улыбается она, сложив руки на животе.— Доктор посмотрит, тогда и отпустит. А сестренка заберет.

— Она была здесь?

— Или нет? Во втором часу ночи еле выпроводили ее. Уж убивалась, не знаю как. Хорошая у тебя сестренка. И с виду хороша, а уж похожа на тебя, прямо вылитая.

Честное слово, я скоро поверю, что Лена и в самом деле моя сестра. Они меня в конце концов уговорят.

— И еще товарищи твои тут толпились. Милиция, значит. Одного-то я знаю. В нашем доме живет. Станислав Григорьевич. Жена у него тоже врач. Сидела около тебя.

Так мы и болтаем все десять минут, пока я держу градусник.

Температура у меня оказывается нормальной, и я чуть искательно говорю:

— Штаны бы хоть вернули. Встать хочется.

— Велено лежать,— отрезает сестра.— И ни-ни. Понял? А уточку я тебе сейчас принесу, не бойся.

— Да какая там уточка! Я плясать могу, не то что...

— И даже не говори,— начинает сердиться она.— Через час обход будет, вот тогда и проси свои штаны.

Она уходит, а через минуту действительно возвращается с уточкой. Несет ее нежно, как сокровище. Вот, черт, положение!

Наконец я снова остаюсь один.

Когда лежишь в больнице, есть время подумать. И мысли при этом настраиваются на какой-то, я бы сказал, философский лад. Например, что есть жизнь и что есть мы в этой жизни. И даже все ли ты в ней успел. Словно я помирать собираюсь. Надо сказать, что и работа моя тоже наталкивает порой на такие вот мысли. Только сосредоточиться на них обычно некогда. Хотя столько судеб проходит перед тобой, таких разных и по большей части сложных, трудных, а то и трагических. Иной раз кажется: ну, что ты суетишься, что тебе надо и что тебе под силу в этом мире? Конечно, борьба с преступностью, ликвидация ее — благородная цель, что говорить. Но во что это упирается в конечном счете? В экономику? Чтобы у всех все было? Мало. Я так полагаю, что все равно никогда сразу у всех всего не будет. Потребности растут быстрее экономики. Это ведь залог прогресса, кстати. И потребности на то и потребности, чтобы стремиться их удовлетворить. Но как, каким путем? И тут встает иная проблема. Воспитание. В конечном счете все к этому приходит.

Мой отец как-то, когда у нас зашла об этом речь, привел одну мудрую восточную пословицу. Звучала она приблизительно так: «Если твои планы рассчитаны на год — сей просо, если твои планы рассчитаны на десятилетия — сажай деревья, если же твои планы рассчитаны на века — воспитывай людей». Задача, по-моему, самая важная и самая трудная. Впрочем, это даже не по-моему. Я только с этим согласен. Об этом думали и писали многие умные люди. Мы в исторически короткие сроки перестроим экономику страны, но чтобы перевоспитать миллионы людей с веками укоренившимися нравами, вкусами, привычками и взглядами, потребуется не одно поколение. Шутка сказать, переделать историческую эстафету поколений — генетическую и психологическую!

Гигантская задача. И необычайно пестрая, что ли. Одно дело, к примеру, перевоспитать таких людей, как, скажем, Варвара или тот же Гога. И совсем другое — перевоспитать Теляша и ему подобных. Эти питаются не только отрицательным опытом предшествующих поколений и всякими нашими ошибками и недостатками, но и сладкой мечтой о «западном» образе жизни. А ведь и тех и других перевоспитывать надо. Всех их и навсегда не упрячешь за решетку. Такая идея только в безумном мозгу какого-то бюрократа может возникнуть или совсем темного человека. Сколько же потребуется времени и сил, чтобы всех их перевоспитать? Много. Очень много. Во всяком случае, моей жизни на это не хватит. Но ее хватит, чтобы хоть чуть-чуть очистить воздух, которым мы дышим. И еще чтобы вселить в людей убеждение, что так, как этот Теляш, к примеру, долго не проживешь, что так жить не надо. И ради этого, я вам скажу, уже стоит потрудиться!

Занятый этими мыслями, я не замечаю, как наступает время обхода больных. Седенький пожилой врач в старомодном пенсне, всего меня ощупав неожиданно сильными пальцами и со всех сторон выслушав — у него не резиновый, современный фонендоскоп, а тоже старенькая, местами потрескавшаяся трубочка, — наконец, одобрительно говорит:

— Однако вы-таки счастливо отделались, молодой человек. Полагал, недельку мы с вами повозимся. А тут, возможно, и пары деньков хватит.

— Что вы, доктор,— говорю я с максимальной бодростью.— Да я себя отлично чувствую. И мне сегодня надо домой.

— Э-э, и не рассчитывайте.

— Но я дома буду лежать, честное слово!

— Ну-ну, молодой человек. Я за вас отвечаю перед всей одесской милицией, а это не шутка. Мне только еще не хватает таких забот. Вчера вот и комиссар приезжал.

— Но, доктор...

Мольбы мои кончатся тем, что доктор сдается.

— И только потому,— говорит он,— что верю вашей сестрице. Очень милая и энергичная особа. Кстати, весьма похожа на вас.

Опять! Нет, это просто удивительно!

— Подготовьте выписку к двенадцати,— говорит доктор уже другой сестре, дневной, очень молодой и весьма кокетливой.

— Сестрица уже здесь, Аверкий Спиридонович,— говорит она, стреляя в меня подведенными глазками.

— К двенадцати,— сурово и непреклонно говорит врач.

И я понимаю, что хоть тут он должен настоять на своем.

— А допустить ее ко мне можно?— робко спрашиваю я.

— Это пожалуйста...

Они уходят, и в палате появляется Лена. На плечи ее накинута халат.

Она кидается ко мне и обнимает, словно я вернулся с того света. И вдруг начинает плакать, уткнувшись мне в грудь.

— Ну, ну, нервы, сестренка, нервы,— говорю я и глажу ее по голове.

— Тебе... легко... говорить...— сквозь слезы бормочет Лена и наконец отрывается от меня.

А через каких-нибудь два часа меня привозят в гостиницу, и я довольно бодро и притом вполне самостоятельно поднимаюсь по лестнице к себе в номер.

И вот уже я, словно шах, возлежу на подушках в кабинете своего «люкса». Здесь же Лена, Стась, Лева и еще двое ребят из их отдела.

Я уже рассказал все, что помню из вчерашней схватки во дворе, и поделился своим открытием в отношении Петра Горохова.

— Да, это он,— кивает Стась.— Мы его взяли.

Я уже знаю, что Толик жив. Пока, правда, жив. Состояние у него тяжелое. Хотя я удивительно рационально, оказывается, влил в него все три пули: две в ноги и одну в правое плечо. Чудо, конечно.

— Кто был третий?— спрашивает Стась.

— Третий был Сенечка,— отвечаю я.— Он держал меня за ноги.

Лена сидит бледная и молчит.

Нет, все-таки женщинам слишком трудно на нашей работе, их нельзя к ней допускать, во всяком случае, вот к таким операциям, это жестоко. Они слишком эмоционально все воспринимаяют. Равенство тоже имеет свои границы.

— Сенечку этого мы быстро установим,— говорит Стась.— Через Галину Кочергу.

— Братцы! — неожиданно вспоминаю я и даже подскакиваю на своих подушках.— У нее же теперь прямой контакт с Зурихом! Я забыл вам рассказать!

И торопливо передаю разговор, который услышал в комнате Галины.

— ...Теперь кое-что становится ясно,— заключаю я.— Клячко должен был привезти это золото в Пунеж. И когда он приехал пустой...

— Нет,— качает головой Стась.— Зурих уже до этого ему не верил, уже что-то пронюхал и готовил расправу. В той записке это же было ясно сказано. Помнишь? И Клячко, таки-да, решил его надуть. И спрятал золото у Галины. А потом поехал на встре-

чу с Зурихом, на встречу со своей смертью. Вот как это было, хлопцы, чтоб мне провалиться.

— Ясно, как день,— соглашается Лева.

— За Галиной вы смотрите?— обеспокоенно спрашиваю я.

— Или нет,— усмехается Стась.— И за домом тоже. Неотрывно. Будь спокоен.

— Хуже с этим Толиком,— замечает Лева.— Его еще долго придется лечить, паскуду.

— А что Горохов?

— Сейчас поедем допрашивать. Он в порядке.

— Мне надо участвовать в допросе,— решительно заявляю я.— Особенно по эпизоду с Откаленко.

— Ни-ни,— ласково говорит Стась, прижимая мои плечи к подушкам.— И не рассчитывай, голуба. А то отправим обратно к Аверкию Спиридоновичу. Или нет, думаешь?

— Да ты понимаешь...

— Ни, ни.— Стась непреклонен.— Допросов еще будет много.

— Ладно,— неохотно уступаю я.— Буду лежать. Только нужен немедленный обыск у Галины. Там золото. Она не успела его передать.

— Зачем же немедленный?— улыбается Стась.— Пусть сначала до нее придет Зурих.

— И он-таки придет,— вставляет кто-то из ребят.

— Именно,— подтверждает Стась.— А так она, чего доброго, еще как-нибудь его предупредит, что обыск был. Они и так уже встревожены. Сенечка, небось, кое-что сообщил. И Горохов не вернулся. И Толик.

— А если Зурих не придет?— спрашиваю я.

— Есть еще Теляш,— напоминает Стась.— И деловой человек из Москвы. Совсем не тот, кто вздумал ухаживать за Галиной. Ты ему позвони, Теляшу. И назначь встречу на завтрашний вечер. Не раньше. Два дня тебе лежать, помни.

— Уж и два дня,— ворчу я.— Придумали...

— У тебя папа врач, мама врач,— проявляет вдруг удивительную осведомленность Стась.— Медицину надо слушать, голуба. Ничего не поделаешь. Вечером получишь полный отчет.

Когда мы с Леной остаемся одни, я еще некоторое время ворчу, потом берусь за телефон.

С Теляшом я договариваюсь быстро.

— Михаил Александрович хочет вас видеть,— сообщает он ликующим голосом.— Но и наша договоренность остается в силе, надеюсь?

— Безусловно,— подтверждаю я.— До завтра.

— Ждем. Весьма ждем.

Я вешаю трубку и довольно потираю руки.

— Итак, предстоит работенка,— говорю я Лене.

Но про себя отмечаю какую-то странную интонацию в последней реплике Теляша. И это менястораживает.

Два дня проходят в лихорадочной деятельности.

За это время дал первые показания Горохов. Ему деться некуда. К тому же прилетел наш товарищ из Пунежа. И Горохова приперли к стенке уликами. Сначала он признается в нападении на Игоря. Потом в убийстве Клячко. Но все, что возможно, валит на Зуриха. И, конечно, не просто валит, а выдает того с головой. Они, оказывается, еще в колонии познакомились, когда Зурих свой первый срок отбывал и Горохов тоже. С того времени Горохов не раз оказывал Зуриху различные и весьма опасные услуги и однажды за это «сел», но Зуриха в тот раз не выдал. Сейчас другое дело, сейчас ему, Горохову, светит вышка. Дважды судимый за разбой, он совершил убийство и попытку второго. Сейчас ему пощады ждать не приходится, и он мечется, он готов на все. Страшное состояние...

Взят и Сенечка. Это просто мелкий хулиган. Он ничего не знает, кроме того, что Галина познакомила его с Толиком и последний посулил ему хороший куш за участие в драке.

Но Зурих у Галины не появляется. Был, однако, зарегистрирован визит Теляша в комиссионный магазин. Он о чем-то коротко переговорил там с Галиной. Судя по встрече, они до этого знакомы не были.

И вот настает вечер, когда мне надо идти к Теляшу.

Квартира его уже двое суток как взята под наблюдение. Но Зурих почему-то не показывается и там. Значит, он придет туда позже, может быть, даже после меня. Не исключено, что Теляш хочет сперва поговорить со мной наедине. Но вдруг Зурих что-то учуял и скрылся из города? Конечно, золото — великий магнит. Но Зурих не дурак, он понимает, что после той истории около бара Галина у нас на подзрении. И она легко может вывести на его след.

Впрочем, все это только наши предположения. Теляш ведь сказал, что Зурих хочет увидаться со мной. Правда, та странная интонация...

Я одеваюсь и на этот раз весьма тщательно и продуманно. Прежде всего скромность и солидность. Без всяких там курточек, свитеров и, конечно, мятого, старого пальто с затасканной, грязной кепкой. На мне сейчас белоснежная рубашка, модный галстук и темный, хорошо сшитый костюм. Все это тоже было учтено еще в Москве и прихвачено с собой, включая добротное пальто и шляпу. Только в таком виде я и являюсь перед Теляшом. Эх, если бы мне еще стать сегодня пониже ростом...

Чувствую я себя вполне сносно. Голова, правда, временами слегка кружится, от слабости, наверное. На щеке Лена припудривает мне несколько ссадин, их теперь почти не видно. Вот только еще больно глубоко вздохнуть. Но это уже пустяки.

В условленный час за мной заезжает Лева.

— Зурих появился? — нетерпеливо спрашиваю я.

Лева досадливо качает головой.

Итак, Зуриха все еще нет у Теляша. Я начинаю беспокоиться.

Мы прощаемся с Леной и уходим.

Она остается. И снова будет, конечно, волноваться. Ее роль кончилась. Она мне очень помогла, эта славная девушка. Она мне и сейчас помогает, одним своим присутствием даже, если хотите знать.

Машина несется по знакомым и незнакомым улицам. Мы всего пять или шесть дней в этом городе, а мне иногда кажется, что мы уехали из Москвы чуть не месяц назад.

Вот, наконец, и нужная нам улица. Она начинается за первым углом налево. Машина останавливается.

Лева исчезает. Мы уже обо всем условились, в том числе и о сигналах.

Дальше я иду один, заворачиваю за угол и поглядываю на светящиеся номера домов. Холодно, сыро в тонких туфлях и легком пальто, под ногами чавкает грязь.

Вот и дом семнадцатый. Я надвигаю слегка на глаза шляпу и толкаю тяжелую дверь подъезда.

Квартира Теляша на третьем этаже. Известно, что его жена и сын уехали на праздники к старикам родителям в Лузановку, под Одессу, и еще не вернулись. Таким образом, Богдан Теляш сегодня один, и обстановка для конфиденциальной встречи у него в доме самая подходящая.

А сам дом сейчас окружен. Контролируются и все подступы к нему, все входы и выходы, лестницы, чердак. Слишком крупный и опасный хищник должен попасть в капкан, его нельзя упустить. Условле-

но, что ребята войдут в квартиру по первому моему сигналу. Им может быть цветок, который я передвину — горшки с цветами стоят там на всех подоконниках и хорошо видны с улицы, — любой новый предмет, который я поставлю на подоконник, взмах рукой возле окна — человеческий силуэт легко просматривается на фоне легких тюлевых занавесок, наконец, мой звонок дежурному по управлению и любые слова, которые я при этом скажу. В последнем случае сигнал будет передан ребятам по радио.

Словом, все готово. Дело за самым главным — чтобы появился Зурих. Его беспрепятственно пропустят в квартиру, если он будет один. Наш разговор с ним может оказаться полезным.

Но Зуриха пока нет. И где он скрывается, неизвестно. И появится ли он вообще у Теляша — тоже неизвестно. Неужели весь поиск придется начинать сначала?

Я медленно поднимаюсь на третий этаж. Чувствую, как чьи-то глаза следят за мной. Но это свои. Любая другая слежка была бы мгновенно обнаружена.

Звоню. За дверью слышатся быстрые шаги. Щелкает замок, и дверь распахивается. На пороге стоит Теляш. Лицо, как печеное яблоко. Множество морщинок в радостной улыбке расплзлось по желтоватому лицу, глаза за круглыми стеклами очков сияют восторгом.

Он подобострастно жмет мне руку и помогает снять пальто. Около зеркала я причешиваюсь. Затем из передней проходим в столовую.

Все тут красиво и современно. Прозрачные нейлоновые занавеси, за которыми видны горшки с цветами. В серванте переливается хрусталь. Посреди комнаты на круглом полированном столе ваза с фруктами, большая китайская пепельница. У стен удобные кресла, тахта под красивым ковром, спускающимся со стены. Рядом дверь в соседнюю комнату, вероятно, спальню.

— Прошу, прошу, — говорит Теляш, потирая ручки.

Мы усаживаемся на тахту и закуриваем.

— Где же Михаил Александрович? — интересуюсь я.

— Будет. А пока... Вы звонили в Москву?

— А вы сомневались?

— Чтоб мне не жить, если я сомневался. И что же?

— Получено добро на семь тонн.

— О-о! Гран мерси. — Теляш, жмурясь, потирает руки и вдруг хитренько смотрит на меня сквозь очки. — Но Григорий Макарович, кажется, болен? Он в больнице.

Ого! Дело у них поставлено. Но выходит, что Теляш кому-то проговорился?

Я с сомнением смотрю на него и хмурюсь.

— М-да...

— Неувязочка? — сочувственно осведомляется Теляш.

— Довольно крупная, — отвечаю я.

— Выходит, играете втемную? — спрашивает Теляш. — За такие номера, я извиняюсь, у нас в Одессе...

— Лучше не договаривайте, — с неожиданной суровостью перебиваю я его. — Не вешайте себе еще один камень на шею, милейший.

— То есть? — иронически переспрашивает Теляш. — Или я ослышался, или что?

— То самое. Вы звонили Григорию Макаровичу позавчера. И говорили с его супругой. Так?

— Ну, так...

Теляш, опешив, таращит на меня глаза.

— А я звонил вчера. И со вчерашнего дня, к ва-

шему сведению, Григорий Макарович уже дома. Не угодно ли проверить?

— Так вы-таки умница, чтоб мне не жить! — Он всплескивает руками и с восторгом смотрит на меня.

— Я-то умница. А вот кто вы? — угрожающе спрашиваю я.

— Кто я? Я всего только осторожный человек, — усмехается Теляш. — И я, ей-богу, никуда не звонил. Так... Дошли слухи.

— Ах, вот оно что! Слухи? И вы всего только осторожный человек? Но слишком осторожный человек часто оказывается предателем, вам известно? — гневно спрашиваю я.

Я нисколько не притворяюсь, я киплю ненавистью к нему.

Пружинисто вскочив, я сую правую руку в карман, словно у меня там пистолет.

Теляш в страхе шарахается в сторону.

— Но-но! Осторожнее! Вы что?!

Он поднимает руки, как бы защищаясь от удара.

В этот момент дверь соседней комнаты открывается. В столовую спокойно заходит высокий, очень прямой, почти с меня ростом, седоватый человек с мятым и пористым, словно губка, лицом. Лохматые черные брови нависли над зоркими, очень живыми глазами, под которыми видны синие мешки.

— Ну, ну, граждане, — мягко, но властно говорит он. — Не надо ссориться. Это прежде всего глупо.

Зурих! Вот ты, оказывается, какой!

Он обращается ко мне и иронически спрашивает:

— Так вы и есть Олег Иванович?

— С кем имею честь? — сухо и подчеркнуто недоверчиво отвечаю я вопросом на вопрос.

— Михаил Александрович. К вашим услугам.

— Выходит, этот тип...

— Не надо обижать нашего хозяина, — все так же властно перебивает меня Зурих. — Лучше сядем и поговорим.

Он лениво опускается в кресло.

Я, все еще хмурясь, сажусь в другое, напротив. Между нами на тахте размещается Теляш. Но тут же вскакивает и бежит к серванту.

Через минуту на столе появляется бутылка с вином и три хрустальных бокала. Теляш торжественно наполняет их. Рука его при этом слегка дрожит.

Значит, Зурих все эти дни скрывался здесь. И, может быть, не один. И тот, второй, сейчас сидит в соседней комнате и ждет только команды...

— Выпьем! — с восторгом восклицает Теляш. — За сотрудничество! За дружбу! За... за доверие! Зурих снисходительно улыбается.

Мы чокаемся.

— Надо, друзья мои, выпить еще и за предприимчивость, — самодовольно объявляет Зурих, разваливаясь в кресле. — И особенно — за умных людей. Их немного. Тем более — очень умных.

Он достает сигарету, и Теляш услужливо подносит ему зажженную спичку.

— Что я имею в виду? — затянувшись и кивнув Теляшу, продолжает Зурих. — Жизнь весьма сложная штука, и далеко не каждому дано в ней разбираться. Ну, Олег Иванович этого постигнуть не может в силу своего возраста. Вы, уважаемый Богдан Осипович, — в силу, я бы сказал, некоторой ограниченности кругозора. Так вот, сложность жизни в сложности господствующей системы. А эта сложность имеет и обратную сторону. Чем сложнее, допустим, система управления производством, экономических связей, тем больше в такой системе уяз-

вимых, слабых точек и звеньев. И умный человек может эти звенья использовать, если с ними столкнется. Но очень умный сам находит их, даже, если хотите, предвидит, где они могут находиться. Именно так: предвидит и находит.

Я заметил, что жулики всех, так сказать, рангов любят пофилософствовать, каждый на своем уровне, конечно. Это как-то утверждает их в собственных глазах. А человеку, даже жулику, надо самоутвердиться. Жулику особенно, хоть в чем-то.

— Вы, Михаил Александрович, умеете предвидеть и находить, как никто, — объявляет Теляш и даже закатывает глаза.

— Да, я умею, — спокойно подтверждает Зурих. «От скромности ты не умрешь», — думаю я. Но все же про себя вынужден признать, что некоторый резон в его рассуждениях есть.

— И вторая проблема — это люди. — Зурих продолжает упиваться нашим вниманием. — Человек — это тоже система, хотя и не такая уж сложная. Цель его одна: он хочет хорошо жить. Что значит хорошо? Красиво, богато, вкусно, вольготно. Не так ли? Кто ему это предложит, за тем он и пойдет. Любый человек... почти любой, — подумав, сам себя поправляет Зурих. — Умный, встретив, использует такого человека. Очень умный — его найдет. Так я нашел многих, к слову сказать.

«Мы их тоже нашли, многих. И тебя, к слову сказать, — зло думаю я. — Найдем и остальных».

— Скажите, — обращаюсь я к нему. — А что означают эти слова: «В Третьяковке, в зале Куинджи»? Зурих внимательно смотрит на меня.

— Почему вы об этом не спросили Григория Макаровича?

— Да так. Не было подходящего случая.

— А сейчас, вы полагаете, подходящий случай?

— Ну, если вам...

— Нет, почему же... — Он все еще не спускает с меня глаз. — Но, пожалуй, сейчас подходящий случай и мне вам задать кое-какие вопросы.

— А на мой вы ответите?

— Извольте. Тут особого секрета нет. Так, игра случая и ума. Слова эти, как вы можете догадаться, некоторым образом пароль. Нам трем пришла такая фантазия, в том числе Григорию Макаровичу, когда мы только познакомились и собирались установить первые деловые контакты. Встреча наша произошла в Москве, на набережной. Шел дождь, помню. Надо было куда-то зайти. Ресторан по некоторым соображениям исключался. Домой к себе никто тоже не хотел нас вести. А недалеко оказалась Третьяковка. Мы улыбнулись этой необычной идее. Не правда ли, смешно? И пошли. В зале, где висят работы Куинджи, мы окончательно договорились. И, уже настроенные всей обстановкой вокруг на необычный лад, предложили на будущее такой неожиданный, я бы даже сказал, экстравагантный пароль для деловых связей и контактов. Не правда ли, оригинально?

Он продолжает все пристальней изучать меня.

— Да, очень, — говорю я.

— А теперь разрешите мне задать вам несколько вопросов, — медленно произносит Зурих. — Откуда вы знаете Григория Макаровича, если не секрет?

— Выяснять будете один вы? — снова вопросом на вопрос отвечаю я.

— Сначала я, — резко произносит Зурих. — Вы искали связь с нами. Вы к нам пришли. Логично?

— Пожалуй, — соглашаюсь я.

— Тогда отвечайте на вопрос.

— Григорий Макарович — старый друг моего отца. Сейчас я работаю в его управлении.

— Ваша фамилия?
— Симаков. Олег Иванович Симаков.
— Та-ак...

Взгляд Зуриха становится тяжелым и враждебным.

— По-моему, — медленно произносит он, — это вы тот самый молодой человек, который на днях познакомился с Галиной. Я не ошибаюсь?

— Возможно, — я заставляю себя самодовольно усмехнуться. — Очень соблазнительная женщина.

— А два дня назад вы были с ней где-то? — насмешливо спрашивает Зурих. — У вас на лице какие-то следы.

Все. С ним не удастся больше играть в кошки-мышки. Он меня расшифровал. Его надо брать. Немедленно. Он сейчас что-то задумал.

Я пытаюсь подняться с кресла.

— Сидеть! — приказывает Зурих.

Ну, это уже слишком. Я поднимаюсь и при этом краем глаза слежу за дверью в соседнюю комнату.

— Вы что, меня уже арестовали? — усмехаюсь я. Зурих остается сидеть и, пристально глядя на меня снизу вверх, медленно говорит:

— Нет, мы не собираемся вас арестовывать...

— В чем же дело?

Я замечаю, как медленно приоткрывается дверь соседней комнаты. За ней кто-то стоит...

— Дело в том, — продолжает Зурих, — что вы ввязались в скверную историю, молодой человек. И вы мне сильно мешаете. И Галине тоже.

— Галине? — переспрашиваю я. — Это исключено. Если хотите, я могу пригласить ее сюда. И мы кое-что выясним.

— Даже сюда? — иронически осведомляется Зурих. — Это любопытно. И вы думаете, она придет?

— Если ее позову я.

— Ого! Ну, попробуйте.

Он указывает на телефон около двери в прихожую. Это весьма подходящая позиция на любой случай.

Я подхожу, быстро и уверенно набираю номер. Потом говорю ласково, но настойчиво:

— Галочка? Милая, немедленно приходи к Богдану Осиповичу. Ты, конечно...

Я не заметил, какой знак подал Зурих. Я только вижу, что дверь в соседнюю комнату вдруг распахивается, и, не раздумывая, рву свободной рукой электрический шнур.

Повсюду мгновенно гаснет свет. Кажется, я устроил в квартире короткое замыкание. Но я еще хватаю повернувшийся мне под руку стул и наугад швыряю его вверх, туда, где должна быть люстра. Со звоном сыплется стекло.

Слышу, как остервенело ругается в темноте Зурих, что-то кричит насмерть перепуганный Теляш.

Я выскакиваю в переднюю, спиной наваливаю на дверь. Сердце колотится так, что мне даже больно от его ударов. И я ртом хватаю воздух.

В столовой слышится возня, падает какая-то мебель, и через минуту на дверь наваливаются. Я не в силах ее удерживать. Ох, как мало у меня, оказывается, еще сил!

Дверь медленно отжимается. За ней тяжелое дыхание трех человек.

Я чувствую, как начинает кружиться голова, и теряю ориентировку. Где дверь на лестницу, в какой стороне? Впрочем, я все равно не успею ее открыть.

В этот момент откуда-то раздается металлический скрежет. И в переднюю неожиданно падает свет с лестничной площадки.

Первым врывается в квартиру Стась. За ним еще кто-то. Острые лучи фонарей бегают по темным стенам передней, упираются в дверь, которую я держу.

— Стой! — кричит Стась. — Будем стрелять.

Я отскакиваю от двери. Она с треском распаивается. Прямо в объятия Стася попадает Теляш. И тут же катится куда-то в сторону. Стась бросается на Зуриха.

В квартире появляются все новые люди. Некоторых я даже не знаю.

...Утро. Я лежу у себя в номере. В окно бьет солнечный свет. Звонит телефон. Звонки непривычно длинные.

Жмурясь, я поднимаюсь с дивана, в трусах и майке подхожу к письменному столу и беру трубку.

Лена, кутаясь в халатик, выбегает из своей комнаты.

В трубке знакомый, ужасно знакомый хрипловатый голос.

— Виталий, ты? — спрашивает Кузьмич. — Ну, здравствуй, милый. Как себя чувствуешь?

— Все в порядке, Федор Кузьмич.

— Как Лена?

— И Лена тоже. Операция завершена, Федор Кузьмич.

Да, уголовный розыск свою задачу выполнил. Преступник задержан. Теперь дело за следователем. О, у него труднейшая задача. Зурих будет отбиваться изо всех сил. Он будет путать, врать, провоцировать, клеветать, будет втягивать в орбиту следствия все новых и новых людей, некоторых, конечно, вынужденно, вроде неизвестного пока Сокольского из Ленинграда или некоего Палатова из Ростова, других только для того, чтобы запутать следователя, при этом он будет сто раз менять показания, писать бесчисленные жалобы, а под конец, может быть, даже философствовать на тему о том, как он использовал «недостатки и ошибки системы». И надо будет сделать все, чтобы он как следует «отдохнул» от этой «работы», чтобы в будущем не мешал нам. Словом, обо всем, что еще предстоит, можно рассказывать долго, но это лучше меня сделают другие.

А я как-нибудь расскажу вам еще одну историю о своих друзьях из уголовного розыска. Эту работу я понимаю и больше всего люблю. Впрочем, понимаю еще не до конца. Но я буду учиться.

МАКСИМ ШТРАУХ,

народный артист СССР,
лауреат Ленинской
и Государственных премий

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

Думаю, о своем первом выходе в спектакле «Правда»!

Хорошо ли начинать роль Ленина, как в пьесе, с речи? Ведь в конце сцены он произносит еще одну речь. Ясно: первым выступлением надо пожертвовать.

Сначала взглянем, что происходит в пьесе перед появлением Ленина.

На сцене — трое: Авроровец (дежурный у телефона), Кузьма Рыжов (питерский рабочий) и Тарас Голота (крестьянин с Украины). Они, конечно, горят желанием увидеть Ленина.

У автора ремарка: вдалеке раздаются выстрелы и пулеметные очереди. Канонада усиливается. Очень хорошо! Вот нам и повод — вполне убедительный, — чтобы всех троих отвести к окну (оно находится сбоку, на левой стороне). Таким образом, центр сцены освобождается.

Трое у окна восторженно слушают канонаду — «музыку революции».

«Авроровец (прислушивается). Ого! Шпарьте, шпарьте!.. Ох, и ночь!..»

Тарас (прислушивается). Трещат «Максимы»... О, «Кольт»... Один... Другой...»

И вот, когда все их внимание приковано к тому, что делается в городе, когда на сцене воцаряется

напряженнейшая тишина, когда далекая канонада — предвестник взятия Зимнего — грозно нарастает, вероятно, именно сейчас, в эту самую минуту, наступает тот момент, когда на сцене должен появиться Ленин!

Прошу Т. Соловьева, играющего Авроровца, повторить слова: «Ох, и ночь!» Они мне кажутся очень удачными для общего настроения и для выхода Ленина. Да и вся сцена может быть названа: «Ох, и ночь!» Великолепный момент! Действующие лица прильнули к окну, а Ленин выходит — нет, врывается на сцену!

Он один на один со зрительным залом. Первое появление Ленина на московской сцене!

Подходит к столу, просматривает свежие донесения...

Теперь самое время подключить троих у окна. Постепенно, поодиночке. Крестьянин поворачивается — и вдруг — Ленин! Остолбенел. Пауза. Толкает в бок Кузьму. Тот, ошеломленный, толкает Авроровца. Завороженный канонадой Авроровец нехотя отрывается от окна и видит: Ленин просматривает на его столе бумаги. Сразу подтягивается, подходит и рапортует.

И далее сцена идет, как написано в пьесе...

Мне такой «выход» очень нравился. Подобная трактовка появления Ленина да и вся дальнейшая «завязка» сцены найдены правильно.

Я прочел в воспоминаниях у Н. Подвойского: «...Мы (т. е. Подвойский, Антонов-Овсеенко и Чудновский) так поглощены расстановкой флажков, что не заметили, как в нашу комнату вошел Владимир Ильич».

Полное совпадение с нашей мизансценой! Возликовал — ай да мы!

На репетиции неожиданно для себя обнаруживаю во время входа один «добавочный эффект». Если можно так сказать, нахожу как бы «предпоявление» Ленина.

Дверь находится в самом центре. В ее верхней части — матовое стекло. И вот, когда я подошел к ней и взялся за ручку, моя тень отразилась на стекле. Соображаю: зритель это заметит. Прошу электриков направить осветительный прибор так, чтобы мой силуэт очертился порезче. Зал предупреждается — вот он! Пауза... Потом распахиваю дверь и быстро — к столу!

В каждой роли я придаю большое значение построению первого выхода. Ну, а в такой роли особенно!

Решив, каким образом будет появляться «мой» Ленин, потихоньку двигаюсь дальше по тексту.

Я уже упоминал, что большое впечатление производили на меня ленинские расспросы как способ познания жизни. В пьесе «Правда» такой сцене не оказалось. Может быть, для нее нет повода? Нет, нужное место нашлось! Ленин знакомится с Тарасом, крестьянином с Украины. Великолепно! Вот тут Ленин и должен засыпать своего собеседника градом вопросов на тему: как дела на Украине? Разве он пройдет мимо такой возможности?

Обращаюсь к Корнейчуку с просьбой дописать такую сцену. Он это делает, но очень уж скупо. Сцена все-таки вошла в спектакль.

П. Керженцев подсказал мне два хороших словечка, которые Ленин иногда пускал в оборот, — «батенька» и «ну-те, ну-те».

Уютные, добрые слова!

Нужно только найти для них каждый раз психоло-

Окончание. Начало см. в № 11 «Юности».

гически точное место, дабы не звучали они жанрово-бытовыми привесками. Оно нашлось.

Обращение «батенька» пригодилось в разговоре с Тарасом. Именно к его несколько лохмато-взъерошенному облику (каким играл его И. Агейченков), это слово подошло как нельзя лучше.

«Ну-те, ну-те» оказалось удачной реакцией на обращение Тараса: «Товарищ Ленин, у меня к вам есть просьба».

Отвечать так сухо и строго, как написано у автора: «Что, товарищ?», мне не хотелось. Тем более, что просьба-то Тараса самая сокровенная: «Запишите меня в вашу партию: может, убьют, так неудобно будет умирать».

Так вот, это душевное «ну-те, ну-те» тоже пригодилось и стало на место!..

Как шла работа над ленинским голосом? Источник тут один — бесценные граммофонные записи.

Первое, что поражает при прослушивании, — своеобразный ленинский тембр. Совершенно особое, на пластинках, может быть, чуть завышенное, баритональное звучание.

Вторая особенность — знаменитое ленинское «р». На мой слух, Ленин картавил мягко, почти грассировал.

Резкая картавость воспринимается как недостаток речи, в то время как грассирование звучит даже приятно, как у французов.

И то и другое начинаю тренировать с большим усердием. И тем и другим овладеть оказывается не так-то легко. Даже потом, перед каждым спектаклем, перед каждой съемкой, приходится упражняться, «настраивать», «налаживать», свой речевой аппарат.

Надо еще самому все проверить на слух. Придумываю такую «хитрость».

Мне нравится запись речи Ленина, посвященной памяти Свердлова. И вот, выучив текст, я записываю ее на пластинку. Таким образом получаю возможность сопоставить оригинал со своим исполнением. Стараюсь дело довести до того, чтобы различить две эти записи было бы трудно.

«Р». Ах, сколько оказалось в нем коварства! В соседстве с гласными вроде бы звучит неплохо. Но в сочетании с согласными скребет и режет ухо. Составляю список таких комбинаций и тренирую эти рулады отдельно. Обращаюсь даже к известному педагогу по технике речи. Но получаю отпор: «Я добиваюсь, чтобы избавить своих учеников от недостатков речи. А как прививать их, простите, этим не занимаюсь!»

Может, кто усомнится: а стоит ли так мучиться? Разве дело в тембре голоса? Зачем себя нагружать подобными задачами?

Не знаю, как кому. Я считаю для себя обязательным пытаться воссоздать образ с максимальной достоверностью. Все, что связано с Лениным — каждая деталь, каждый штрих, каждая его особенность и повадка мне бесконечно дороги!..

Раскладываю рядом все, какие имею, фотографии Ленина. Вроде пасьянса. Сопоставляю, ищу характерные подробности. «Впитываю» в себя его пластичский образ.

Поражает полная непосредственность! Даже тогда, когда Ленин знал, что его снимают. Люди обычно перед фотоаппаратом «деревенеют». А тут сама естественность! Никакой позы. Все непринужденно.

Бросилось еще в глаза, что Ленин на всех фото-

графиях — разный. В каждом снимке нахожу что-либо ценное...

...Вот Ленин у книжного шкафа. Создается впечатление даже некоторого атлетизма фигуры. Какая широкая грудь, складками распирает жилет. Как распахнут пиджак! Взглянем на положение правой руки: она не опущена в карман, а опирается на его разрез. И в Кремле на прогулке после выздоровления он держит руку точно так же. И на снимке вместе с Горьким у дворца Урицкого — тоже... Надо это использовать...

...Ленин идет с группой товарищей по Красной площади. Пальто накинуто на плечи. Кепка нахлобучена, как подмечал Н. Подвойский, даже воздух ее топорщит. Это «Ленин на ходу»...

...Ленин выступает на площади. Тогда не было микрофонов. Поэтому всюду, как писал Маяковский, «рот открыт в напряженной речи».

Есть ракурсы великолепные — так и просятся на скульптуру! Жесты широкие — не комнатные. Только непонятно: почему же на многих памятниках фигура выглядит столь неестественно и напряженно?..

...Вот Ленин выступает с докладом. Какой наклон фигуры! Какой устремленно-волевой силуэт!..

...Есть фотографии, на которых исключительно удачно «схвачен» ленинский взгляд. Острый, живой, умный, как бы всепроникающий...

Никак не могу объяснить знаменитую фотографию, заснятую на III конгрессе Коминтерна, — почему Ленин сел на ступеньки? Я думал так: он пришел после начала заседания и, не желая мешать оратору (его появление, несомненно, перебило бы речь), сел на ступеньки, чтобы в подходящий момент занять место в президиуме. Вроде логично.

Однако венгерский художник Шандор Эк вспоминает как очевидец: «...Стихла овация в честь вошедшего в зал Ленина, и началось выступление итальянского делегата Лаццари. Владимир Ильич, занявший было место с краю президиума, после первых слов оратора тихо встал и присел на ступеньки, ведущие в президиум... он наблюдал за оратором в каких-нибудь нескольких метрах от него. Когда Ленин сел на ступеньки, многие в первых рядах приподнялись, чтобы уступить ему место. Но Ленин выразительным жестом и мимикой дал понять, что своей предупредительностью они только мешают ему слушать...»

Может быть, это был отдельный случай? Нет.

Вот еще: «...Почти получасовую его речь Ленин прослушал с большим вниманием, сидя на ступеньках у трибуны».

Шандор Эк назвал ступеньки даже «облюбованной Лениным точкой», с которой он слушал ораторов.

Почему же Ленин выбирал себе такую «точку»? Я думал, что это было своего рода «укрытием», однако венгерский художник свидетельствует, что Ленина из первых рядов было видно... Так я и не нашел объяснения этому снимку...

Однажды в самый разгар работы над постановкой «Правды» неожиданно получаю посылку. Разворачиваю увесистый пакет, а в нем застекленные и окантованные зарисовки, которые делал Натан Альтман с самого Ленина весной 1920 года в его кремлевском кабинете!

Как дорогá была для меня такая моральная поддержка художника! Благородный жест солидарности! Милый Альтман! Он-то, вероятно, хорошо понимал, до чего мне трудно, понимал степень моего волнения и ответственности, ибо, делая зарисовки, пережил все это когда-то и сам. Как известно, Ленин отказался ему позировать, сказав: «Ведь это будет неестественно». И вот Альтману пришлось «ловить»

Ленина, обходя его со всех сторон, останавливаться то справа, то слева, то сзади кресла.

Я долго разглядываю рисунки Альтмана и убеждаюсь, что каждый художник видит свою натуру по-своему. У Андреева, например, Ленин выглядит совсем иначе, «по-андреевски». У Бродского — тоже иначе. У каждого художника — «свой» Ленин!.. Вдруг — еще подарок! Батюшки!

На этот раз от режиссера кинохроники Эсфири Шуб. Она прислала мне маленький кадр с изображением Ленина. Этот снимок стал мне особенно дорог одной деталью. Владимир Ильич сидит за столом, а рука на колене. Она сжата в кулак! Какая воля в этом жесте!

Мне вспомнился знаменитый портрет академика Павлова, написанный М. Нестеровым. Помните, художник усадил великого старца у окна, за которым виднеется пейзаж Колтушей. Как смело, почти вызывающе уложил он на стол две вытянутые руки, сжатые в кулак. И чудится, будто ученый держит в них все тайны мироздания. Выразительный жест!

Ленинский кулак на коленях очень красноречив. До сих пор берегу этот кусочек пленки как дорогую для себя реликвию, вдохновлявшую в работе.

Беспокойство за грим возникло у меня с самых первых дней работы. Грим делал И. Кутилин. Мы «колдовали» долго и упорно. Первый сеанс длился около четырех часов. Удивляться тут нечего — грим был тяжелый, «скульптурный».

И вот рискнули наконец показать результат нашей работы со сцены. Илюша саял! Вероятно, он волновался тогда больше всех...

Первому «рабочему» просмотру (кстати, ночью при пустом зале) мы придавали большое значение, хотя я не произнес на нем ни единого слова по роли. Проверялась внешняя пластическая сторона образа.

Надо было предвидеть, что произойдет на спектакле. Впервые на театральной сцене появился Ленин. Первое мгновение — первый зрительный шок! Еще Ленин не произнес ни одного слова, а публика уже начнет выносить свой приговор: похож или нет? Он или не он?

Пластической стороной образа нельзя пренебрегать ни в коем случае. Чем больше внешнего сходства, тем лучше!

Для меня все имело значение, даже ботинки!

Кстати, наш театральный сапожник делал их специально: ходил в Музей Ленина и точно скопировал фасон. Работу выполнил великолепно — ботинки не отличишь от настоящих! Их своеобразная тупоносая форма напоминала не то рабочую, не то спортивную обувь. Прочные, плотные — в них можно крепко стоять на земле.

У меня был обычай — облачивать костюм, в котором предстояло играть. Иногда видишь: одежда у актера «не обжитая». Висит как на манекене. Она не прилажена к человеку. И сразу ощущение не достоверности.

Костюм должен быть органической частью образа, а значит, и тебя самого...

...Потом наступит, конечно, момент, когда Ленин начнет говорить, когда зазвучит его слово, а через слово — мысль. И снова надо держать экзамен: убедителен ли голос, убедителен ли образ по внутренней сути? И если все окажется в порядке, тогда должно произойти слияние: одно дополнит другое, одно без другого существовать уже не сможет.

Наш просмотр окончился очень поздно, но мы остались довольны. То была наша первая проба. Разошлись по домам далеко за полночь.

Когда происходит рождение спектакля?

В день первой читки? Или первой планировки? Или на генеральной репетиции?

Нет, жизнь спектаклю дает зритель. Без него спектакль не живет и не дышит, он только готовится к появлению на свет.

Первая встреча со зрителем и есть день его рождения!

Зритель выносит свой приговор. Быть или не быть спектаклю? Каким ему быть? Прославленным или безвестным? Мимолетным или долговечным?

Занавес еще не раздвинут. Зрительный зал наполняется публикой. Людской многосотенный гул воспринимается как шум морского прибора.

Что-то будет?

Полнейшая тайна.

Режиссер храбрится. Произносит ободряющие слова. А у самого «душа ушла в пятки». Он уже беспомощен, как муж у родильного дома.

И так на каждой премьере. Ну, а сейчас волнений было во сто крат больше...

Корнейчук ввел Ленина в действие пьесы тогда, когда наступал ее кульминационный момент.

Стрелка часов приближалась уже к десяти вечера...

Судите сами. Проходит первый акт — Ленин не появляется. Второй акт — его еще нет! Петров потом рассказывал мне, что, когда спектакль смотрела Н. Крупская, она даже спросила его в последнем акте: «Ну, а в третьем-то акте Ленин появится?»

Начинается третий акт, уже скоро конец спектакля, а на сцене идет длиннющий эпизод с Керенским, которого, кстати сказать, очень хорошо играл М. Астангов: нервическая сторона его дарования прихлещась здесь как нельзя лучше.

Вот и Смольный! Наконец-то! Тут уж Ленин должен появиться непременно. Зритель ждет. Но один эпизод сменяет другой, а Ленина все нет. Получалось, что мы дразним воображение зрителя, оттягивая момент этой встречи.

И вот, когда Ленин наконец появился, зал буквально взорвался овацией. Разрядка очень большой силы.

В едином порыве зрители встали навстречу Ленину. Происходило чудо. Было ощущение, что совершается нечто невероятное, мифическое. Ведь каждый знал, что Ленин покоится на Красной площади в Мавзолее. Но казалось, он здесь, он пришел сюда, чтобы поведать людям о тех великих днях революции, которые будут вечно сиять и вдохновлять их на борьбу за счастье на нашей земле!..

Взрыв, а потом мертвая тишина. Все сидели, подавшись вперед, боясь шевельнуться, стараясь ничего не упустить, ни одного слова, ни одного звука, ни одной мельчайшей подробности...

Только на этих спектаклях я впервые понял, что такое тишина в театре! Минуты незабываемые.

Кое-что на премьере я изменил. Выход Ленина сделал более бурным, без задержки в дверях. Было ощущение, что я «обрушиваюсь» на зрителя. И готов был с тем же напором продолжать свою сцену. Но... зал не давал говорить — гремел! Стоять манекеном и ждать, пока аплодисменты затихнут, нельзя. Стал перебирать на столе телеграммы. Однако аплодисменты не прекращались. Думаю, все сейчас начнет рушиться: не в характере Ленина так долго стоять в бездействии. Поворачиваюсь к матросу. И только тогда зал постепенно утих. Надо подумать о более длительной пантомиме — мелькнуло в голове, — не стоит искусственно «тушить» такую горячую встречу...

Момент был настолько захватывающим, что растеялся не только я, но и актер Т. Соловьев — Авроровец. На первых же словах он стал от волнения

запинаться. Но неожиданно для нас это было, вероятно, воспринято зрителями как вполне удачная игровая деталь.

На этот первый спектакль я пригласил старых большевиков. В маленькой моей уборной стало тесно. Толпились в дверях, в коридоре... Всем было интересно не только услышать, но и увидеть редких гостей — седовласого П. Лепешинского, Н. Подвойского, Н. Горбунова.

Я не снимал грима, и меня подробно разглядывали со всех сторон. Делали замечания. «Лоб великоват, усы должны больше топорщиться...» П. Лепешинский даже взял ножницы и стал показывать, как Ленин любил себе подстригать усы «щеточкой». «Скулы надо больше высветить...»

К концу нашего разговора раздался неожиданный телефонный звонок — П. М. Керженцев приглашает меня к себе.

Платон Михайлович с каким-то удивлением смотрел на меня, говорил много хорошего, и опять: «А знаете, я шел на ваш спектакль с большим недоверием. Очень сомневался в возможности показа Ленина на сцене. Сейчас рад вам признаться, что ошибался».

П. Керженцев заключил нашу беседу словами:

— Укрепляйтесь в роли, но осторожно — не перегните палку.

Затем Н. Рабичев отвез меня в Музей Ленина, провел к себе в кабинет. Разговор прерывался телефонными звонками. Один из них заставил меня насторожиться — звонила Н. Крупская! Разговор был долгим. Речь шла о музее, о Вере Засулич, о Плеханове, о филиале музея в Ленинграде, об интригах Аксельрода, о его интимной переписке с Засулич.

Повесив трубку, Рабичев хитро улыбнулся:

— А главное — зачем позвонила, так и не сказала: «Не разрешайте, голубчик, показывать Ильича на сцене!» Ну, посмотрим, что будет дальше, но она, имейте это в виду, судья будет строгий.

Тут только я понял, почему мое письмо к Надежде Константиновне осталось безответным! Вот в чем разгадка!

Я шел домой и думал: какое же счастье, что обо всех этим сомнениях пришлось узнать только после сдачи спектакля!..

Итак, произошла первая встреча со зрителем! Родился спектакль с Лениным на сцене!

Спектакль «Правда» шел очень часто. Сплошные аншлаги!..

Театр стал получать поздравительные телеграммы, их вывешивали за кулисами....

Пришел Вс. Мейерхольд — театр переполошился. Присутствие Мастера всегда беспокоило. Мало ли что могла выкинуть его мятежная душа. Мнение Вс. Мейерхольда о спектакле оказалось для меня благоприятным и лестным...

Я особенно дорожил теми спектаклями, когда удавалось проводить сцену в Смольном на подъеме, как бы на едином дыхании...

Каждый спектакль был премьерой. Будничных настроений не было ни у кого из его участников. Возбуждение царило великое.

На первом же открытом спектакле передо мной встали вопросы художественно-этического порядка. Как отвечать на вызовы? Выходить или нет? Кланяться или нет? В гриме или без грима?

Я пробовал остаться на трибуне в той ораторской позе, которой оканчивал речь. Замирали вокруг и партнеры. Но в такой апофеозной «живой картине»

чувствовал себя скованно. Юдифь подтвердила, что такой заключительный аккорд неинтересен. А кроме того, публика устремлялась к рампе и начинала разглядывать грим. Впечатление от сцены только снижалось. И мы решили, что после финала мне надо исчезать!

Занавес раздвигался, на сцене — масса рабочих, солдат и матросов, все торжественно стоят по стойке «смирно» лицом к залу. Мне казалось, что отсутствия Ленина в этот момент даже оправданно — ему некогда, он весь в кипении этой удивительной ночи!

Впоследствии мне довелось видеть, как некоторые исполнители роли Ленина, быстро сняв грим, выходили кланяться. Я же испытывал при этом неизменное чувство какой-то неловкости...

На один из первых спектаклей приехал С. Эйзенштейн.

Его эрудиция и требовательность были безграничны. В наших кругах он считался высшим судьей. Многие ходили к нему на консультацию и «благословение». Когда Эйзенштейн учредил свою мастерскую, занятия стали посещать многие уже сформировавшиеся режиссеры — А. Попов, братья Васильевы... Ходили как ученики к великому мастеру. Считаю, это делало им честь.

Сразу после спектакля у нас с Эйзенштейном состоялось «производственное совещание». Основная его рекомендация была такова: побольше «ленинского железа»! И еще — раз роль столь ответственна, но мала, ее надо разработать до сантиметра... Выполнять все определеннее, четче, строже, энергичней... Фигуру хочется видеть более крепкой, коренастой. Ведь Ленин был крепыш... Руки должны быть крупнее. Я применил хитрость — стал держать в руках то карандаш, то часы...

Пожелания эти были не новы, но, видимо, все, что намечено, надо было делать еще смелее и ярче.

Петрова Эйзенштейн критиковал за композиционную рыхлость третьего акта — сцена у Керенского была, по его мнению, сильно затянута, она шла вне общего ритма спектакля. Перестановки между картинами делали вне всякого темпа, а ведь дело шло к кульминации! У спектакля не было заключительной «точки»...

Я деликатно передал советы Эйзенштейна Петрову, тем более что у нас с Николаем Васильевичем был уговор: и после премьеры ни в коем случае не успокаиваться. Думаю, что Петров сам отлично ощущал эти недоработки, — при наших темпах работы они были неизбежны.

Грим — это целое таинство. Грумер Илюша Кутилин торжественно облачен в белоснежный, свежее выглаженный халат. Похож на хирурга. Он уже разложил весь свой арсенал красок, баночек, тюбиков, карандашей, кисточек, растушевок... На столе установлено трехстворчатое зеркало. Прикреплены добавочные источники света — матовые лампочки — для более тщательной проверки грима. Я вешаю перед собой рисунок Н. Андреева. Каждый раз на каждом спектакле. Не расстаюсь с ним и на гастролях, вожу его с собой из города в город. Это мой зрительный камертон!

Мы с Илюшей любовно поглядываем на портрет — уж очень он хорош! Сильный, волевой поворот головы в три четверти, почти в профиль. Губы сжаты, рот энергичный. Выражение всего лица прекрасное, экспрессивное... Такой мажорный посыл как

М. М. Штраух в работе над своей «главной ролью».

раз и нужен в тех сценах, которые сейчас предстоит играть.

Этот рисунок Н. Андреева предпочитаю всем рисункам других художников. Он меня вдохновляет. Для меня он стал ключевым!

Работа над ролью продолжалась, естественно, и после премьеры. Фактически она не приостанавливалась ни на минуту. Меня очень заботила детальная разработка роли, но не менее волновало, чтобы сцена игралась всеми «на высокой волне» и чтобы верно был передан ленинский дух образа.

Н. К. Крупская советовала научиться показывать «Ленина на ходу». Еще не зная о ее совете, мы невольно сами стремились к этому. Мизансцены в спектакле «Правда» рождены и насыщены напряженным, стремительным ритмом нарастающих событий.

Ленин подходит к столу и просматривает донесения стоя.

Беседа с фронтовиком, он усаживает его на какой-то ящик и сам пристраивается тут же.

Разговор по телефону Ленин ведет, подсев на край стола.

Солдат останавливает Ленина у дверей, просит, перед тем как идти на штурм Зимнего, рекомендацию в партию.

Выяснив обстоятельства, Ленин тут же, не сходя с места, ставит ногу на стул и пишет записку, положив бумагу на колено.

А как сыграть иначе?

Вернуться к столу, сесть и писать? Невозможно! При тех сверхстремительных ритмах это стало бы тормозом! Поэтому все игралось в предельном, уплотненном темпе.

«Ленин на ходу» — удачное определение. Я его даже вспоминал потом в своей жизни. Когда случилось ловить по делу директора вне его кабинета,

говорил ему: «Давайте решим вопрос сразу, на ходу — как Ленин». Бюрократы этого терпеть не могут — им бы «потянуть», увильнуть от решения вопроса...

Наступил день величайшего для меня испытания — 23 ноября 1937 года. В театре стало известно, что на спектакль придет Н. К. Крупская.

Ее посещение было для меня полной неожиданностью. Надежда Константиновна не поддерживала идею показа Ленина на сцене, и я не предполагал, что она захочет посмотреть на спектакль. И вдруг...

Бросился к телефону, звоню жене: «Скорее в театр! Приехала Крупская. И смотри не на сцену, а прямо в центральную ложу, не своди глаз — что там делается!»

Перед началом спектакля меня подвели к Надежде Константиновне и познакомили. Она сказала: «Я слышала, что у вас получилось удачно, вот мы и решили посмотреть спектакль сначала в вашем театре».

Зачем она обратилась ко мне именно с такими словами? Чтобы подбодрить? У меня был, вероятно, достаточно растерянный вид. А может быть, вспомнила о моем письме к ней, оставшемся безответным?

На каждом спектакле «Правды» кто-нибудь приходил за кулисы и говорил: «Сегодня смотрит такой-то»...

Но как измерить, как описать то возбуждение, с которым мы готовились играть «для самой Крупской»?!

А каково было мне! Я считал, что более высокого и строгого судьи у этого спектакля быть не могло...

Но вот спектакль окончен, а беспокойство мое все нарастает: что скажет Крупская? Каков ее приговор?

...Я подхожу к Надежде Константиновне, мы здороваемся вновь. Она с некоторым любопытством пристально смотрит на меня и, улыbnувшись, удивляется: «Совсем другой!» Все рассмеялись!

— Мы до вас тут толковали о пьесе, об игре ваших товарищей-артистов. Ну, что я вам скажу? Я стала свидетельницей того, как горячо и взволнованно зрительный зал принимал весь спектакль и вашу игру. Это меня радует. Я относилась настороженно и с некоторым недоверием к возможности показывать образ Ленина на сцене, но публика убедила меня в обратном. Это волнует. У вас даже голос похож. Я обязательно напишу поподробнее о своих впечатлениях в специальной статье. Вот только еще посмотрю теперь, как идет спектакль в театре Вахтангова.

Н. Крупская была в нашем театре 23 ноября, а 2 декабря — в театре Вахтангова и слово свое сдержала: 13 декабря в газете «Правда» появилась ее статья «О пьесах, посвященных Октябрю», где она написала о двух первых постановках с образом Ленина на сцене — в театре Революции и в театре Вахтангова.

Встречу с Крупской я отношу к разряду исключительно интересных и волнующих событий в моей жизни. Я должен был, конечно, тут же, по горячим следам, все подробнейшим образом записать, но... не сделал этого! Столько раз я потом ругал себя за подобные упущения.

Общее впечатление от разговора с Надеждой Константиновной незабываемо. От всего ее существа веяло бесконечной добротой и сердечностью. Она располагала тем вниманием, с которым слушала собеседника, тихой своей, неторопливой, вдумчивой речью. Разглядывала всех как-то по-хорошему, словно старалась лучше понять человека.

Глядел я на нее и думал, как удивительно сочета-

лись в ней человеческая приветливость и задушевность, ласковость и уютность с непреклонной волей, мужеством и несгибаемой стойкостью революционерки.

Мне прямо не верилось, что вот это она так просто сидит и душевно беседует с нами...

Не помню уж почему, но речь зашла о мхатовском спектакле «Анна Каренина». Крупская вспомнила, что увидела в антракте девушку, читавшую книгу: «Значит, спектакль не очень захватил». Самой Крупской постановка не очень понравилась; я подумал: не потому ли, что в инсценировке выпала общественно значимая линия Левина? И вдруг отмахнулась: «Ну, да вы меня не слушайте, я известная «воркуша». Слово «воркуша» вместо ворчунья прозвучало неожиданно и меня прямо очаровало. От него повеяло какой-то уютной стариной. Впоследствии я уже стал подмечать слова, которые она сама сочиняла: «нервяга», «трепа», «человек непишущий», «чепушинка», «очень толкотливо», «неулыба» и т. д.

Две детали этой встречи особо врезались в память.

Рядом с Н. К. Крупской очутилась одна наша пожилая актриса. Поначалу она сидела тихо и скромно, но потом вдруг на нее «нашло», и она неудержимо затархтела: «Мы так счастливы, что вы нас посетили, для нас это незабываемо, это самый счастливый день в моей жизни...» и т. д. и т. п. В общем-то она была женщина довольно милая, но вот страдала такой излишне экспансивной формой общения, свойственной иногда людям нашей профессии. Мы-то к таким ее «всплескам» попривыкли, они нас даже забавляли, но на свежее ухо это было, вероятно, невыносимым. Реакция Крупской была определенной и даже резкой. Она отвернулась от нашей экзальтированной актрисы и, как бы выключив ее из беседы, сразу заговорила на другую тему, дав этим недвусмысленно понять нежелательность такого рода излияний.

Я подумал: «Так вот и Ленин, наверное, «обрезал» собеседников, будучи нетерпимым ко всякой напыщенной трескотне и выспренней фразе...»

...И еще вспоминаю одну, казалось бы, незначительную деталь, но сказавшую мне о многом.

На беседу с Крупской пришел, конечно, и наш гример Илья Кутилин. Стоял, скромно пристроившись где-то в сторонке, в углу. Во время беседы зашел разговор и о его работе, о сложности грима. Уходя, Крупская специально подошла к Илюше, пожала ему руку и поблагодарила. Это было свидетельство большого внимания к человеку, работа которого не всегда достаточно оценивается даже в нашей среде.

И вновь мне почудилось, что в таком поступке «просвечивает» ленинский характер, его любовь и уважение к трудовому человеку, какое бы скромное положение он ни занимал.

Притягательным центром всех ленинских спектаклей был, конечно, образ Ленина. Его ждали, за него беспокоились и волновались, о нем говорили, его обсуждали...

Мысль о том, что где-то еще готовится спектакль с образом Ленина, меня не очень отвлекала. Я был настолько поглощен своей работой, что было не до соседей. Дай бог хоть самому справиться!

Но публика хотела сравнений — у кого как получилось? Кто лучше сыграл? Всяческих разговоров было достаточно, что придавало добавочную остроту.

Я же недоумевал: какое может быть сравнение, когда условия работы такие неравные, материал такой не равноценный? Ведь всякое соревнование предполагает относительную одинаковость условий.

Можно было сравнивать мою работу с исполнением А. Бучмы, — он выступал на киевской сцене в той же пьесе «Правда». Или работу Щукина с игрой В. Флоринского из Воронежа — там тоже ставили «Человека с ружьем». Так было бы справедливо. Однако нас с Щукиным все равно продолжали сравнивать.

И мне не раз задавался вопрос: каково мое отношение к Б. Щукину и А. Бучме?

Вопрос для меня безусловно интересный, хотя и щекотливый; ведь я должен высказывать мнение о товарищах по общей работе.

Познакомился с тем, что делают мои «конкуренты», много позже нашей премьеры. Придерживаюсь правила — не смотреть у других то, что должен делать сам, до тех пор, пока не почувствую себя относительно «на ногах». Но в данном случае я и не мог изменить этому правилу, даже если б и захотел: наша премьера состоялась раньше вахтанговской: «Правда» — 5 ноября, а «Человек с ружьем» — 13 ноября. Напоминаю эти даты потому, что искусствоведы часто грешат неточностью, рассказывая о данных спектаклях.

Первыми исполнителями следует считать пятерых актеров: это Щукин и Штраух в Москве, Бучма в Киеве, Флоринский в Воронеже и Крамов в Харькове. Бучма назвал их «счастливой пятеркой».

Таким образом, если быть точным, то первооткрывателем в области сценической ленинщины был не какой-нибудь один актер или один театр, а несколько актеров и несколько театров одновременно. И потому каждый из них имеет право считать себя не первым, а одним из первых участников.

Сначала о Борисе Щукине.

Он был мне глубоко симпатичен как актер и человек, хотя я не был с ним лично знаком. Лишь незадолго до его смерти у нас состоялась случайная, короткая встреча. Первая и последняя. Она произошла в Кремлевском дворце на правительственном приеме в связи с одной из декад национального искусства. Я заметил, как Щукин довольно тяжело поднимался по большой лестнице, идущей к Георгиевскому залу. Иногда он даже останавливался. Я кому-то об этом сказал, но услышал в ответ: «Ах, актеры всегда преувеличивают!» Такое замечание мне показалось обидным, особенно по отношению к Щукину, потому что он был человеком очень искренним, неспособным к рисовке. Я подумал совсем о другом: а не болит ли у него сердце от непомерного напряжения одновременной работы над фильмом и спектаклем — от духовных и физических перегрузок?

Столы, за которыми мы сидели на приеме, оказались по соседству. Когда все стали расходиться, Щукин подсел к нам, и мы познакомились. Сначала пошутили, что вроде бы полагалось давно уж познакомиться. Щукин сразу стал жаловаться, как трудно поддается овладению гоголевский текст — у вахтанговцев в то время шли репетиции «Ревизора» (Щукин играл городничего). Об образе Ленина мы не говорили...

Преждевременная смерть Щукина всех нас ошеломила.

«Человек с ружьем» в театре Вахтангова мы смотрели вместе с Эйзенштейном. Атмосфера зрительного зала была приподнятая, знакомая мне по нашим спектаклям.

Я смотрел очень придирчиво, без той непосредственности, с которой положено смотреть спектакль зрителю. Разглядывал все происходящее на сцене, как через микроскоп.

Общее впечатление от игры Щукина было прек-

расное. Всем своим душевным строем и внешними данными он удивительно подходил к роли Ленина. Недаром об этом поговаривали внутри театра задолго до спектакля «Человек с ружьем». Разработана роль была подробно, общая ее тональность — убедительна. Работу Щукина над такой ответственной ролью в театре и одновременно в кино я расцениваю не иначе как творческий подвиг.

Теперь об Амвросии Бучме.

В гимназические годы был со мной такой случай. Вижу — по московским улицам расклеена афиша: «Гастроли К. Варламова». Актер уникальный. «Царь русского смеха» — так его величали. Потоптался я у афиши и подумал: «Еще успею!» А Варламов после московских гастролей взял да умер. Я кусал себе локти. Прозевал Варламова самым непростительным образом!

Так вот и с Бучмой. Это был один из лучших актеров нашей страны. Но как-то случилось, что в моменты его гастролей я бывал вне Москвы. А когда мы попадали в Киев, их театр куда-то уезжал. Никогда не удавалось мне его посмотреть. Юдифь стыдила: «Да ты понимаешь, кто такой Амвросий Бучма?! Не имеешь права не видеть такого актера! Ты обязан его изучать!»

Бучму «поймал» в Ташкенте. Действительно, это был актер редкой силы.

А в роли Ленина я увидел его в Ленинграде. Они играли на гастролях «Правду» по-украински. Шел я на спектакль, конечно, с особым любопытством: ведь игралась та же пьеса, что и у нас.

При первом появлении Бучмы его ленинский грим показался мне очень интересным и смелым. Какой-то ультрасократовский лоб, резкий изгиб бровей...

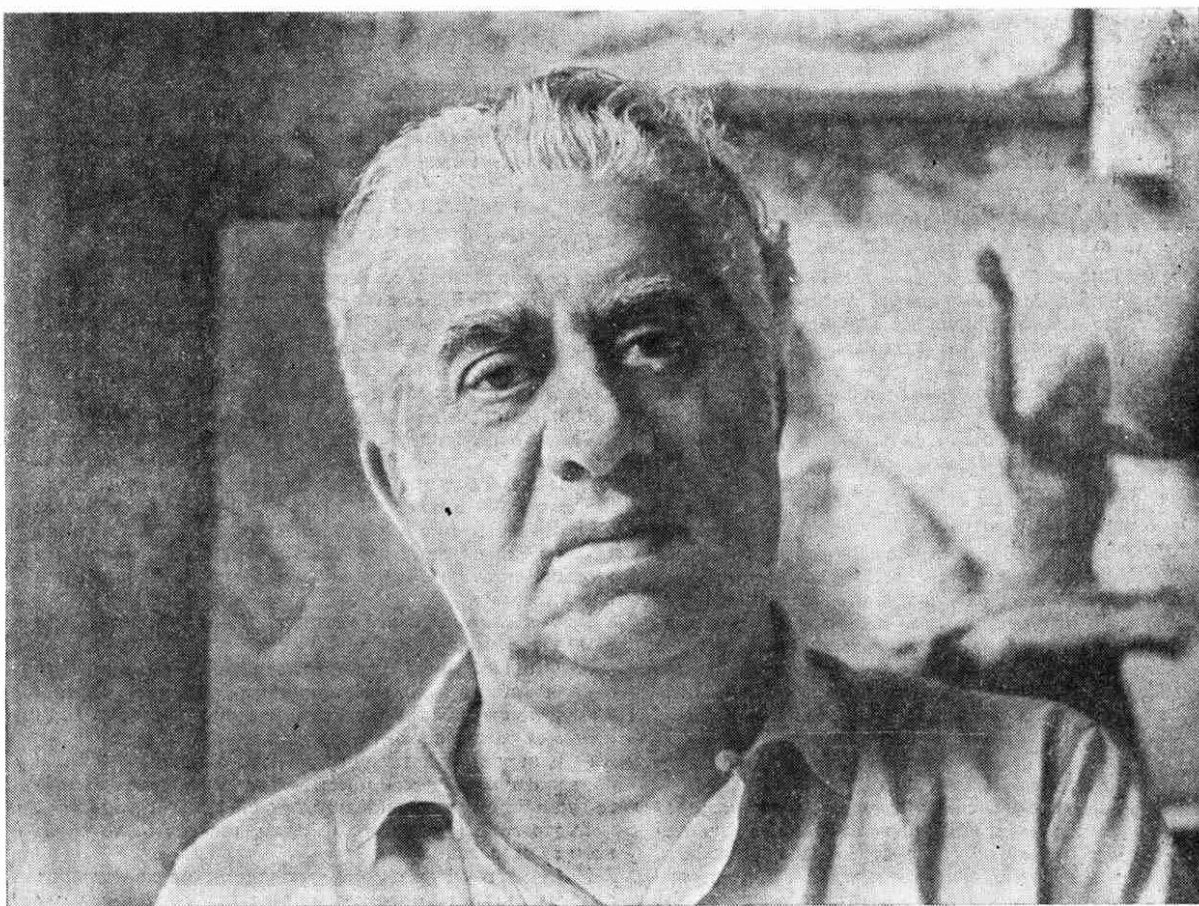
Будто голову лепил сам Роден, так все было сильно и экспрессивно...

Но в игре актера, мне показалось, не хватает тех смелых ритмов, которые соответствовали бы тому великолепному гриму, — ведь он меня так поразил. Конечно, Бучма был актер гениальный и, как мне говорили позже, стал играть темпераментней, острее, что, несомненно, прибавило его игре совершенства и блеску...

Итак, образ Ленина зажил на советской сцене... Я счастлив, что какая-то доля моего посильного актерского труда вложена в это наше общее дело...

Впереди у меня были работы над дальнейшим совершенствованием великого образа в фильмах Сергея Юткевича «Человек с ружьем», «Рассказы о Ленине», «Ленин в Польше»...

Но об этом, — как-нибудь в следующий раз.

АРАМ ХАЧАТУРЯН:

МИР МУЗЫКИ — МОЛОДЫМ!..

Этот разговор был не случаен и для корреспондента молодежного журнала и для народного артиста СССР, лауреата Ленинской и Государственных премий, Героя Социалистического Труда композитора Арама Ильича Хачатуряна. Молодежь и музыка, пожалуй, сердцевина очень важной проблемы «Музыка и слушатель». Музыка — часть духовного мира, и чем раньше молодой человек поймет это, тем богаче будет его дальнейшая жизнь. И потому так весомо для каждого слушателя мнение, совет большого музыканта о том, какими путями можно прийти к музыке. Арам Ильич Хачатурян — среди тех, кто с первых лет своей творческой деятельности отдает много сил музыкальному воспитанию слушателя, особенно молодого.

Фото А. КАРЗАНОВА.

— Арам Ильич! Иногда говорят, что молодежь отворачивается от музыки. Действительно, есть такие, что считают: можно интересно и насыщенно жить без музыки. Есть и такие, что оправдывают это: однажды-де я пытался слушать музыку (и пусть даже не однажды), но не смог в ней разобраться; классика — это, мол, не для меня; вот еще эстрада, джаз — это куда ни шло. Не стоит, мол, тратить на музыку время — оно и так заполнено до предела. И если я не понимаю музыки, поищу себе что-нибудь иное, тем более что любимая профессия, работа не оставляют мне обильного досуга... Таким образом, проблема приобщения молодежи к музыке стоит остро...

— Если говорить по большому счету об интересе молодежи к музыкальному искусству, о воспитании и стимулировании этого интереса, прежде надо разобраться: а что мы делаем для того, чтобы молодежь действительно проявляла постоянный (а не время от времени) интерес к музыке? Достаточно ли музыкальной пищи предлагаем мы сегодняшней молодежи? И сколь убедительными средствами мы преподаем музыку молодым? Здесь, мне думается, хоть и сделано многое, не все еще благополучно. Что я имею в виду? А то, что мы далеко не исчерпывающе используем огромное влияние музыки на совсем юных. Воспитание вкуса к музыке надо начинать еще в детстве. Затем в средней школе — на уроках пения. Пение — обязательная дисциплина, включенная в план школы. Не случайно же в самые первые годы нашего государства вопрос о введении пения во всех трудовых и общеобразовательных школах был поставлен специальным постановлением Совнаркома. Но часто, к сожалению, мы еще пренебрегаем воспитательной ролью пения. Нередко эти уроки остаются на бумаге, превращаясь в своего рода «повинность», особенно для тех учеников, кто не обладает специальными музыкальными данными. А здесь, пожалуй, дело прежде всего упирается не в нежелание ребят знакомиться с музыкой, а в недостаточную профессиональную (или попросту скучную) работу иных преподавателей. Проблема педагогических кадров стоит и по сей день необыкновенно остро. Сколько школ в Советском Союзе? Сотни тысяч! А педагогов не хватает. И еще: не используются широко возможности уроков пения, где ребята могли бы не только петь, но и получать какие-то первоначальные, слушательские начатки музыкальных знаний. Педагог не только должен учить петь: он должен суметь вызвать интерес к пению, к музыке. Говорить, что музыка облагораживает душу человека, возвышает человека — этого мало. Надо практически делать все, чтобы ребята это сами поняли и почувствовали. И делать это не только на словах (нужны и слова!), но в первую очередь самой музыкой. Есть, разумеется, прекрасно поставленные уроки пения и новая форма — уроки слушания музыки, но это пока что еще явления единичные. Нужна подлинная массовость, всесоюзный охват. Мне могут сказать, что у нас широчайшая сеть музыкальных школ — и в городе и в сельских местностях, и сеть эта постоянно растет, расширяется. Да, это так. Но музыкальные школы, они для ребят, имеющих все-таки специальные музыкальные способности. А обычная школа? Ее-то задача — первоначальное музыкальное воспитание. И здесь вопрос о кадрах встает с особенной остротой. Большой государственный вопрос, большой и сложный — воспитание воспитателей. С этого, на мой взгляд, начинается широкое приобщение молодых к музыке. И чем скорее и успешнее это будет решаться, тем больше появится людей, для которых музыка станет необходимой частью жизни, хотя и не будет их профессией.

— А как у Вас, Арам Ильич, начинался путь в музыку? С какими «музыкальными моментами» он связан, с какими впечатлениями детства?

— Прежде всего большую, если не основополагающую роль сыграли народные песни — армянские, грузинские, азербайджанские. И те, что пела мне мать. И те, что звучали на улицах старого Тбилиси, где я родился. Уже сама по себе атмосфера вокруг была наполнена музыкой — надо было только ее слушать и впитывать. Затем — это было чуть позже — неизгладимое впечатление произвело на меня посещение оперного театра, музыка Палиашвили... Но, быть может, особенно помогало лично мне входить в музыку и то, что в школе, где я учился, был учитель пения (правда, он приходил только два раза в неделю). Это был очень хороший учитель. Мы сидели вокруг него и распевали с ним песни, ставили разные музыкальные постановки, он увлекательно рассказывал нам о музыке, хотя все мы не знали нот... А потом — участие в духовом самодетальном оркестре училища, куда я поступил десятилетним мальчишкой... Как видите, и здесь (хотя, не признаваясь себе в этом, я и мечтал стать профессиональным музыкантом) большую роль сыграл чисто воспитательный процесс — умение и страстное желание учителей обратить наши сердца к музыке... Потому я отвожу такую важную роль урокам пения в школе, потому и постановка этих уроков может во многом оказаться основой музыкального становления молодых.

— Но вряд ли только чисто педагогическим путем, в рамках школьного учебного плана, что ли, решается этот серьезный вопрос?

— Не только. Но важнейшие, если не первостепенные истоки его здесь. ...Конечно, есть масса возможностей музыкального воспитания и за пределами школы. Однако я убежден: основа — в детстве, в школе да и в осознании самими родителями необходимости музыки в жизни детей. Музыкальная атмосфера семьи, разумное и умелое использование многочисленных возможностей, которые предлагают и предполагают радио, телевидение, филармония.

— Видимо, Вы имеете в виду то, что нельзя игнорировать такие воспитательные факторы, как радио, телевидение, грамзаписи, и еще — разветвленную сеть художественной самодеятельности, наконец, университеты культуры, лектории?..

— Бесспорно, здесь делается много интересного и полезного — нужно только умело распорядиться всем этим. Нужно отдавать делу музыкального воспитания больше заинтересованности, страстности, собственной увлеченности и брать на вооружение все возможности, которые нам предлагает государство, выделяя на это огромные средства.

— Арам Ильич, Вы уже восьмой год возглавляете один из народных университетов культуры. Расскажите, пожалуйста, о нем...

— С удовольствием... Я общественный ректор народного университета культуры молодого мастера, который находится в Москве, на Дербеневской набережной. Один из факультетов этого университета — музыкальный. Учащиеся профессионально-технических училищ и молодые рабочие приходят сюда по воскресным дням и с интересом слушают курсы истории музыки, истории искусства, эстетики, слушают саму музыку, с которой знакомят их лучшие наши исполнители. Есть здесь и практические занятия, не только лекции. А в будни наши слушатели часто посещают концерты, музыкальные театры. В специальных альбомах, которых у них уже немало, на стендах и выставках они рассказывают о том, что услышали, что узнали, что открыли для себя в музыке, устраивают своеобразные и интересные творческие отчеты. Поразительно увлеченные люди! И, каждый год подписы-

вая дипломы об окончании народного университета, я убежден, что эти молодые люди пройдут теперь всю свою жизнь в содружестве с искусством. И наверняка будут увлекать своей любовью и тех, кто сегодня почему-то убеждает себя, что музыка так и останется для них terra incognita, если однажды они не сумели в ней чего-то понять... Все мы, кто постоянно встречается со слушателями этого университета (то же говорит и Тихон Николаевич Хренников, возглавляющий народный университет культуры автозавода имени Лихачева), не сомневаемся, что в ближайшей перспективе наши воспитанники и сами будут активными пропагандистами музыкального искусства в широких кругах молодежи. А значит, хоть часть задачи, но выполнена, первоначальные пути намечены... И не случайно же и наш университет культуры и многие другие не могут принять всех желающих — стало быть, интерес велик, и его нужно всячески поддерживать и развивать.

— И не случайно, видимо, народные университеты, музыкальные лектории для молодежи, создаваемые Союзом композиторов, филармониями, энтузиастами — оркестрами и дирижерами, в первую очередь тремя московскими оркестрами — Рождественского, Кондрашина, Светланова, — и, конечно же, прекрасная педагогическая деятельность Дмитрия Борисовича Кабалевского пользуются такой популярностью среди молодых слушателей.

— Да, они думают не только о тех, кто уже пришел в зал, но и о тех, кому еще предстоит сюда прийти впервые. Вот в чем соль...

...Недавно вышла в свет книга Василия Александровича Сухомлинского «Рождение гражданина». Знаменательно, что в ней есть специальная глава, посвященная эстетическому воспитанию подростков, знакомству их с искусством в целом и музыкой в частности. И, читая взволнованные страницы, обобщающие музыкальный опыт выдающегося советского педагога, понимаешь, почему ребята из Павлышской школы входят в жизнь, уже не мысля ее вне музыки...

Вот что писал Сухомлинский: «...Если словом ограничивается проникновение воспитания в сокровенные уголки юного сердца, если после слова не начинается более тонкое и глубокое — музыка, воспитание не может быть полноценным... Музыка и пение в школах не только учебный предмет, но и могучее средство воспитания, которое должно эмоционально и эстетически окрасить всю духовную жизнь человека...» И дальше, называя музыку «книгой для чтения на языке чувств», в собственной своей практике всячески изыскивая продуктивные пути знакомства ребят с этим «языком чувств» (слушание голосов природы, собственное пение, слушание музыки — народной и классической и т. д.), Сухомлинский подчеркивал: «Труднейшее в познании языка чувств — это говорить о музыке... Слово должно настроить чуткие струны сердца, чтобы постичь язык чувств...» Причем, по мнению Сухомлинского, первые и самые яркие страницы для чтения на языке чувств — это народные песни...

Об этой книге В. А. Сухомлинского зашел разговор в нашей беседе.

— Я согласен с Сухомлинским и разделяю его точку зрения, — сказал А. И. Хачатурян. — Знаете, если бы меня спросили, с чего я бы начинал посвящение в музыку «непосвященных», я бы прежде всего обратился как раз к народным песням. Причем сначала показывал бы их ребятам, так сказать, в первоначальном, фольклорном виде, чтобы потом показать, как эти песни в различных трансформациях претворяются в классической опере, классической и современной симфонической музыке. Например, «Во поле береза стояла» — в финале Четвертой симфонии Чайковского, у него же во Второй — «Повадилась журавель» или «Сидел Ваня на диване» — в Первом квартете. Протяжная «Из-за гор, из-за высоких» — в «Камаринской» Глинки, там же плясовая песня о «камаринском мужике»... «Жаворонок» в Первой рапсодии Энеску...

Народные песни в обработках Бартока — для скрипки, оркестра, ансамблей... Частушки «Семеновна» и «Балалаечка гудит» — в финале Первого фортепианного концерта Щедрина...

— ...Грузинская народная песня в Вашем, Арам Ильич, фортепианном концерте... Кстати, здесь, видимо, можно было бы аналогично поступить и с песнями не только народными в чисто фольклорном их понимании. Например, революционные песни — «Варшавянка», «Беснуйтесь, тираны» — в Одиннадцатой симфонии Шостаковича, «Полюшко-поле» Книппера — в его же Четвертой симфонии «Памяти героев комсомольцев», «То березка, то рябина» Кабалевского — в его Третьем фортепианном концерте... Тут примеры можно продолжать долго... Я уж не говорю об опере...

— Бесспорно, можно и должно так использовать и народную песню и авторскую... А получается в результате — от знакомого к новому. Многие начинающие слушатели хорошо относятся к вокальным жанрам, но избегают чисто инструментальной музыки, даже временами боятся самого слова «симфония». А вот тут-то, идя от песни, от шире понятой песенности в симфонии, можно убедиться, что этот жанр вполне доступен каждому. А когда интерес к симфонии повысится благодаря и песне и песенности, то серьезно пошатнутся и предрассудки. А поэтому станет возможным слушать симфоническую музыку глубже, ассоциативнее, а вместе с тем и активнее. Согласны?

— Конечно, Арам Ильич. Но этот путь, мне кажется, нуждается в педагогах-музыкантах и просто в педагогах. А все-таки... Ведь молодежь хочет и самостоятельно искать и находить свои пути в музыке. Что бы Вы могли посоветовать им здесь?

— Здесь надо прежде всего понять, что искусство, которое хочешь узнать, не разложено по полочкам и, взяв музыку «с полочки», ее тотчас не сумеешь читать, как книжку. Бывает, конечно, открытие с первого раза, но далеко не всегда. Нужно не только слушать (и много слушать!) — надо еще читать о музыке, о композиторах. А необходимых популярных книг еще недостаточно, хотя немало интересного есть. Тут еще, разумеется, большую роль может и должна сыграть общая пресса, неспециальные журналы и газеты. Спорту повезло куда больше. Конечно, хорошо, что много пишут о спорте, но надо популярно рассказывать и о музыке. Когда мне пишут или говорят о непонимании музыки, я обычно отвечаю так: наберитесь терпения и побольше слушайте. Не нервничайте, если сначала чего-то не поняли. Постарайтесь, слушая музыку, увидеть в ней какие-то присущие ей красоты — пусть это станет началом вашего вхождения в музыку. Без процесса постижения, в сущности, ничего не бывает. Слушайте не по одному разу одно и то же произведение — с каждым прослушиванием оно будет открываться перед вами все глубже и щедрее, — так постепенно придет и понимание. Ходите в концерты, слушайте музыку по радио и телевидению, слушайте грампластинки... Прежде всего необходимо искреннее желание понять: без этого желания никакая пропаганда музыки вам не поможет. Желание — это необходимое условие!.. Я вспоминаю, как однажды, когда я выступал с концертами в городе Кирове, ко мне подошел средних лет человек, представился (он оказался электромонтером) и пригласил меня к себе в гости. Ему очень хотелось показать мне свою фонотеку, которой он гордился, и гордился по праву. Большая стенка в комнате была сверху донизу заставлена стеллажами с грампластинками классической и современной му-

зыка. Кстати, уже потом я узнал, что местное радио постоянно пользуется этой фонотекой, особенно когда необходимы лучшие записи классики. У этого электромонтера были поразительное лицо и глаза — озаренные, светлые, яркий, устремленный вперед взгляд... Этот человек не обладал специальными музыкальными знаниями — это просто один из настоящих любителей, который целеустремленно изучал музыку, по многу раз слушал ее, и теперь музыка — неотъемлемая часть его жизни...

— Вот Вы говорите, Арам Ильич, что прежде всего надо слушать и слушать музыку...

— Именно так...

— Но, быть может, надо подсказать, с чего начинать совсем неопытному слушателю? Вы говорили о песнях, о разных вокальных формах. А еще?

— Здесь, признаться, трудно давать рецепты. Многое зависит от особенностей характера того или иного человека, от обстановки, в которой он обычно слушает музыку или собирается ее слушать. Одним, быть может, стоило бы начать с программной музыки (то есть музыки, которой сам автор «задает» определенный сюжет). Другие, например, люди с развитым ассоциативным мышлением, могут начинать и с непрограммной музыки. Система вырабатывается потом, когда появится постоянная потребность человека в музыке. Но что бы я хотел сразу порекомендовать, это все-таки, используя огромные возможности такого всеохватного университета культуры, как радио и телевидение (отмечу, в частности, телециклы «Музыканты о музыке», «Путешествие в страну Симфонию», «Искусство дирижера»), стараться при этом слушать значительное количество произведений современных авторов в «натуральном звучании», в концертном зале. Дело в том, что микрофон не все принимает и не передает предельно четко, особенно весьма сложные сочинения, такие, как у Прокофьева или Шостаковича и других нынешних авторов, пользующихся в своей музыке непростыми современными выразительными средствами. И слушать, читать о музыке систематически, терпеливо. Тут, мне кажется, и пропагандистам музыки и слушателям необходимы такие качества, как терпение и терпимость. Терпение и терпимость при таланте и труде побеждают все — я это часто повторяю ученикам и слушателям...

— А как понимать это терпение и терпимость в деле воспитания молодого слушателя?

— Даже если молодые люди публично или в письмах продолжают утверждать, что они не могут понять и воспринять музыку, все равно надо, упорно изыскивая новые пути, опровергать эти скороспелые утверждения, продолжать вести слушателя к музыке.

— И это терпение и терпимость, видимо, в равной мере относятся и к слушателям и к тем, кто приглашает их к музыке?

— Совершенно верно...

— Что бы Вы, Арам Ильич, сказали нашим читателям — а ведь они и слушатели! — в заключение нашей беседы?

— Наш прекрасный, увлеченный слушатель, в свою очередь, стимулирует и творчество композитора, музыканта, ибо истинная муза художника — это связь с жизнью, и писать музыку о народе и для народа — это высшая цель советского композитора. Мир музыки — нашим молодым современникам. Доброго пути им в этот чудесный мир!..

Беседу вела Наталья ЛАГИНА.

Сергей Чухин

✧

Прошла машина, тяжело дыша.
Осела пыль — и прояснились дали.
Куда спешить и жать на все педали!
Угомонись, веселая душа!
Стоит такой божественный закат,
Раздольно так и широко пылает
И облака лучами подпирает,
Что я закату, словно другу, рад.

В Ясной Поляне

Сияет Ясная Поляна.
Не видно суеты нигде.
Светла, отчетлива, багряна
Листва застыла на воде.
Найду заветную аллею,
Найду покой и полутьму
И, гость незванный, пожелаю,
Что нет хозяина в дому.

✧

Нет помину о стуже и ветре,
И земля непорочно бела.
Словно сердце нуждалось в привете,
Словно почта его принесла;
Словно все изменилось на свете,
А не просто — пороша прошла.

Сомнение

На улице, наверно, застывает.
Ночь, ветрена, морозна и ясна.
И засыпает, тихо засыпает
Усталая от разных дел жена.
Во сне пусть от нее отступят страхи
За мир и лад, за близких и родных...
Горят в печи, постреливая, плахи,
А у трубы, наверно, жмутся птахи,—
Мне так бы всех
Согреть хотелось их!
То слышу я гудки далеких станций,
То слышу я голодной птицы крик,
То слышу я шум ветра меж акаций —
Глубокой ночи жалобный язык.
И вдруг меня сомнение охватит!
И я встаю в волнении:
Как же быть!
Чтоб целый мир согреть,
Души не хватит,
А между тем ее должно хватить...

АЛЕКСЕЙ
ФРОЛОВ

МАСТАКИ

Рисунок Т. ЗАВАДСКОЙ.

Ночью была сильная гроза, и теперь пахло сырой гарью — видно, где-то неподалеку молнией опалило дерево. Жадно почмокивала под ногами земля, отяжеляя с каждым шагом сапоги.

Я глянул с насыпи вниз. Тайга за ночь погрузнела, сделалась округлой. Ливень не убавил, не отмыл привычной глазу черноты. Да и не одна листва теперь уже чернела. Стволы деревьев были в темных потеках и разводах. И бурелом потемнел и съёжился.

Только реке ничего не сделалось. Она, как и прежде, неспешно катила свои непрозрачные воды, вскипая на отмелях, и в широкой заводи, куда метила упасть красавица сосна, как всегда, отражалось небо; сегодня — шапкой грязно-серой ваты...

Я съехал по осклизлой насыпи в маленький ложок, налитый до половины дождем. Постоял там недолго, покуда отстали от подошв глиняные нашенки. Обмыл сапоги.

Отсюда, от этого неприметного ложка, начиналась наша тропа — дорога к карьере, туда, где работала моя бригада.

И тогда вспомнилось другое утро. Много солнца, ленивого и щедрого. И слабый ветерок, который снимал жар с тела, когда особенно припекало, становилось неумоготу. И запах креозота — им пропитаны шпалы — дурманящий запах детства, напоминающий о давней мечте уехать далеко-далеко. И слаженное «Иизэх!..», после которого восьмидесятикилограммовая шпала становилась пушинкой и послушно ложилась на место. И звонкие ритмичные удары полукувалд — по костылю ли, по рельсу, — как удары здорового сердца. И короткие перекуры, когда дым глотался поспешно и жадно, и уже на четвертой затяжке понимаешь, что накурился, и надо бы опять за дело. И удивительное ощущение силы в руках после того, как хорошо поработаешь: привычные предметы — кирпич, стул, ложка — начинают казаться вдвое или втрое легче прежнего, а то и вовсе лишенными веса. Ощущение, которое дано испытать людям, имеющим дело с тяжелым...

Все это — там, на карьере, на самом гребне обрыва, у подножия которого торопится холодная вода. Пальма, стоят на приколе сухогрузы и наливные баржи, набросано второпях всякой всячины. Все это там — на противоположном конце тропы. Стоит только выйти на пески и крикнуть перевоз. А то свернуть одежду в узелок и нагишом вплавь через реку. Течением снесет к землянке Славы-радиста. Цепляясь за коряги, выберешься на сухое. Прорва комаров, зуб на зуб не попадает... Зато удивленные лица ребят в нашей палатке, где всегда жарко натоплено. И притворное: «Как же ты перебрался через реку? Вроде никто не просил перевоза... неужели вплавь?..»

Запахнул штормовку поплотнее, капюшон на глаза. Сегодня вымокнешь, никуда не деться...

Не сосчитать, сколько раз я пускался в этот путь, а думал всегда об одном — о том, как два года назад мы изрядно поплутали здесь и натерпелись страху.

Тогда мы только-только приехали на стройку Тюмень — Сургут — пятеро здоровых молодцов, «могучая кучка». Новенькие штормовки, новенькие сапоги со щегольски завернутыми голенищами, масса горю и сомнения и мало понятия о той жизни, которой нам предстояло жить на трассе.

Мы неважно работали. Больше спорили и рассуждали о том, как надо работать. Шумели на собраниях, отстаивали первую попавшуюся точку зрения. В своих поступках мы руководствовались какими-то усредненными представлениями о человеческом назначении, о долге, о совести. Мы лезли в чужой монастырь со своим уставом. Впрочем, со своим ли? Мы опирались, понимаю я теперь, на воображаемый опыт. Окружающие легко об этом догадывались и посмеивались в кулак: «Обломаются!» Только нам все было невдомек: мы были очень молоды.

Наверное, мы мешали людям серьезно работать. Стройка на первых порах — да еще далеко от Большой земли в тайге среди болот — дело ответственное, трудное, тут не до мальчишеских выкрутасов. Нам сказали: «Идите на карьер...» И мы сразу же согласились, полагая, что уж в новом-то деле себя покажем. Там никто не будет нас сдерживать, нами поучать...

До реки добрались машиной. Здесь кончалась дорога. Дальше нужно было идти пешком.

Нас сопровождал парнишка с карьера Кеша Казаков — позже он стал работать в нашей бригаде. Шли тайгой, горлачили песни, было весело. И вдруг кто-то обнаружил, что наш провожатый исчез. Вот тут-то все и сникли. Что делать? Где север? Где юг? Ориентироваться толком никто не умел. Одна надежда на «ау»... Голоса сорвали. Второй час бродим. Уже не молодцами. Лоску, спеси как не бывало. Сумасшедшая мечта — вы-бра-ться!

Выбрались. Да и мудро было заблудиться на том пятачке.

Когда мы узнали, что все это было проделано ради розгрыша, полезли по привычке в бутылку. А нам сказали очень даже спокойно: «Не сердитесь, хлопцы. Этот сюрприз у нас специально для новичков. Ну, как праздник Нептуна на экваторе. Таежная купель...»

Потом улеглась досада, и я как-то отчетливо понял, что таежная купель была не только шуточным церемониалом, но и первым хорошим уроком для всех нас. Мне этот урок помог увидеть со стороны наши былые поступки. Помог по-настоящему оценить их. Они в самом деле немного стоили: бравадой и пижонством мы лишь маскировали свою ограниченность, непригодность к жизни, неразвитость, а то и полное отсутствие деловых навыков. Для общения с окружающими на равных нам многого не доставало: уважения к чужому труду, умения считаться с мнением других, серьезного участия в общем деле, знаний, опыта. И еще очень и очень многого...

Говорят, понять что-то — это уже половина успеха. Я, кажется, пошел дальше. Я остался на карьере монтером пути. Мы шли здесь звенья — я да Сережа Максимов — двое из всей нашей «могучей кучки». Остальные к концу первого месяца разбежались.

И теперь я опять возвращался на карьер...

Открылась река — вот и конец тропе. Я бегом спустился к воде. Было зябко. Я порядком измок, и неясно было отчего — то ли от быстрой ходьбы, то ли напиримался лесного холодного душа.

Над рекой плавал туман. Сердито кричала одинокая чайка, то и дело пытаясь взрезать пелену тумана лезвием крыла. Противоположный берег был пуст: ни единого человека на нашей веносборке. Я позвал перевоз. Скоро на мостик баржи-сухогруза вышел шкипер Архипыч, заспанный, в нижней рубашке.

— Сашок, ты? — как будто удивился Архипыч. — А я, дак, думал, уже не вернешься, домой унесет...

...Палатка наша неловко лепилась к покатоному склону невысокого взгорка — в двух шагах от карьера, который ласкал глаз в это сумрачное утро песчаной своей желтизной.

Новому человеку могло бы показаться, что мы так нелепо поставили свою палатку по неумелости или второпях. Все здесь было, однако, продумано. На гребне взгорка жилище было бы открыто всем ветрам. В низине сыро, да и весной мигом затопит. Поэтому выбрали середину песчаного склона.

По хворостяной выстилке я поднялся к палатке. Окошки были застегнуты. Дымилась труба. Не слышать было голосов — дрыхнут, что ли?

— Ну, здорово! — сказал я и шагнул в темноту.

— Привет, — неохотно ответили мне.

— Чего без света?

— Бережем, он у нас по большим праздникам...

— Постой, никак Саня? — узнал меня кто-то.

— Ну да — Саня!.. А ну, Николук, врубай свет.

И вот хороводят вокруг меня ребята, мелькают незнакомые лица. А кого-то из старичков не достает...

Разговоры:

— Слышь, ты как персонаж с картины «Не ждали». Тебе в больнице, что — есть давали через два дня на третий?

— А Серега у нас женится. Девка — я тебе скажу...

— Не гундось...

— Хлопцы, да снимите же с него штормовку. По второму разу человек воспаление схватит...

— Приволок, Сань, я этого караса в поселок, в столовку. Верись — нет, с самой большой сковородки плавники и хвост свешиваются...

— Ножища у нее — сорок четвертый. Я увидел ту ножищу и драпу!

— Это мать яблочек подослала, два целенькими только дошли. Бери...

— Все на месте, ты чего? Слабонюк и Коньков только увоились...

Я стараюсь слушать каждого внимательно, хотя и получается вполуха. Я понимаю: всем охота выговориться. Не виделись мы два месяца. Свежий я для них человек. Наскучили ребята друг другу — сутками напролет вместе.

Слушаю, и краем глаза оглядываю палатку. Вижу: разбросано все в беспорядке. Для тайги, где распускаться смерти подобно, беспорядок — первый признак каких-то неурядиц.

Вижу, и Кеша Казаков валяется на незаправленной койке. В телогрейке и сапогах. Хмурый, вроде бы даже встрече не рад.

— Чего это Кеша не в духе? — спрашиваю я, и общий разговор сразу затухает.

— У нас на Руси угрюмого от заспанного не отличишь, — пытается пошутить Сережа. — Это не я сказал, кто-то из классиков...

— Так я и есть заспанный, — не меняя позы, говорит Кеша. — Я четыре дня рукавиц не пачкал.

— И мы не работали, — тихо говорит Иона.

— Сравнил хлеб с пирогом... — Кеша демонстративно поворачивается к нам спиной.

— Ну чего завелся? — начинает сердиться Сережа. — Говорили тебе: Бирюков¹ пошел на станцию к начальству. Разберется...

Кешу аж подняло от неудовольствия.

— Бирюков, он что тебе — бог? Он тебе что — шпалу из воздуха соорудит?.. Этот бригадир хороши,

¹ Некоторые имена и фамилии в этом очерке заменены. По сути дела, ребята только начинают жить, и мы уверены, что на их счету будет еще немало добрых дел и поступков — конфликт на карьере был по-настоящему серьезным жизненным уроком для каждого.

пока мы ему не поперек горла. А сейчас, когда шпалы нет и вы на пачку папирос в день не зарабатываете, он вам — во! — дулю покажет... Я Бирюка знаю как облупленного. Он сейчас о себе печется...

— Без работы не останемся, — уверенно сказал кто-то.

— Это в точку, — сказал Кеша. — Только за такой работой, какая вам достанется, не надо было в глушь ехать. И на Большой земле ее полно. — Он ухмыльнулся. — Правда, без романтики.

Мне показалось, что Кеша передергивает. Но возражать ему значило бы поссориться с первого дня... Утрясется все. Первый раз будто у нас простои.

Я поглядел в бригадирский угол. Кровать Бирюкова — у самой печки, чистенькая, единственная заправленная. Над кроватью — цветные картинки из разных журналов. И книжная полочка. Там с пяток учебников для десятого класса. Бригадир думал поступать в вечерку, да все недосуг. Среди книжек вижу знаменитую «Астрономию», которую какой-то остроумец переделал в «Гастрономию», очертив звездный ковш контуром бутылки, — все это не без намека на прежнее увлечение хозяина книжки.

— Вот так, хлопцы, покидаю я вас, — говорит Кеша. — Хорошие вы ребята, да еще не настали такие времена, когда за хорошую компанию платят.

И тут, легок на помине, появился сам Бирюков. Он весел (неужели шпалу достал?). Голову держит высоко. На лице, сплошь заросшем черной бородой, блестя глаза и зубы. Миша стаскивает с головы старую зимнюю шапку. В шапке — десятирублевка.

— Ну, хлопцы, — хитро прищуривается Миша, — создавайтесь, кто червонец потерял?

Сердце у меня падает. Кеша оказался прав. Наши ребята пока не знают этого обычая и покупаются — шарят по карманам, не потерялась ли чья десятка и впрямь?

Мы с Сергеем понимающе переглядываемся. Бригадир получает на десять рублей больше рабочего, и если кидает червонец на круг, — дело тут ясное. Кто червонец возьмет, тот бригадирство принял.

Бирюков замечает меня. Ему вроде становится неловко. Тянет руку:

— Саня, здоров! Давай ко мне напарником. Работа не пыльная, с песочком. Будем его помаленьку на вертушке возить. Айда.

Я молчу. Молчат и ребята. Они понимают, что был бригадир и нет бригадира. Лица у них недобрые.

— Чего щеритесь? — злится Бирюков. — Я вам не нянька... Вы мужики взрослые. Разберетесь... Я вас приветствую...

— Сань, пойдешь к Бирюку в напарники?

— Знаешь, что не пойду. Чего спрашиваешь...

— Жаль, бригада разваливается...

— А что — часового около каждого ставить?

— Да я не про то. Старичку что, старичок не пропадет. А молодые? Мы им обещали помочь. Помнишь?

— Обещали...

Мы сидим с Сергеем, думаем, как быть. Ребята в противоположном углу тихонько совещаются...

С ребятами я познакомился нынешней весной, в первое воскресенье мая. День хорошо запомнился потому, что я тогда нарвался на топляки. Ходил на лодке за клюквой на дальнюю протоку и на обратном пути нарвался.

Палым — река неширокая, но крутит-вертит, и напористо течение. Когда против течения и очень нагружен, идешь лодкой не торопясь: движка жалко.

А тут как на грех обещали вечером танцы. Так что и против течения и с грузом я шарил на полную. И опасность, конечно, прозевал. Гляжу: два огромных топляка кружат в метре от носа моей лодки, медленно разворачиваясь на быстрине. Одно бревно — точно, в обхват — могло бы сокрушить дредноут. Я круто взял руля вправо и очнулся уже на берегу.

Пахло бензином. Побаливало колено. Да лицо и грудь были липкими. Побился? Я лизнул припухшую губу языком — кисло. Вот в чем дело, — догадался и уже без опаски открыл глаза. На груди у меня висела кошелка. Собираю туда клюкву веточками. Когда все случилось, ягода, естественно, в кашу.

Тут я увидел паренька в солдатском. Он схоронился за кустами тальника. Может, испугался, что со мной чего случилось?

— Эй, — крикнул я. — Не бойся. Это не кровь. Это ягода подавилась.

Паренек подошел ко мне.

— Во врезались — лодка берег вспахала... У вас бачок пробит...

— Была бы голова цела.

— Вам повезло, а мотор теперь выбрасывай.

— Механик, что ли?

— Служил в танковых. Нас тут трое из одной части. Да еще два пацана прибудных из Киева. Утром прибыли...

Он помог мне перевернуть лодку. На днище красовалась вмятина.

— Это пустяки, — сказал. — Это выправим. А вот движок...

— Механику тут работы хватит и без лодочных моторов, — сказал я.

— А-а, все равно мы сюда не по специальности...

— На трассе можно было устроиться и по специальности. Там техники ой-ой сколько...

— Не требуется, говорят. Все занято. Сказали ехать к вам. Здесь вроде проще...

— Как сказать — проще... Вас сюда на землю прислали или на железку?

— Это что — земля, железка...

— Земля она и есть земля, — сказал я. — С карьера возят песок на трассу, засыпают болота. А железка — рельсы да шпалы — это железная дорога.

— Ага, понял... В общем, нам сказали: будете шить звенья для путеукладчика. Смешно — правда? — шить. Прямо женская работа.

— Может, придется работать в одной упряжке. — Я показал на звеносборку. — Трое нас...

— Теперь будем восьмером, — обрадовался парень. — Меня Виктором зовут...

— Меня Сашей... Только рано радоваться. Восемь человек — это, конечно, хорошо. Но вполне может оказаться, что пятеро будут лишними.

— Мы — лишними?

— Почему вы. Я просто сказал: пятеро могут оказаться лишними...

— Пусть так. А куда им тогда деваться?

— Это ты в отделе кадров спросишь. Я сейчас о другом. Вам говорили, что, мол, у нас здесь проще. Вот смотри. Мы с тобой не успели как следует познакомиться, а уже можем быть помехой друг другу. И хотя ты мне симпатичен и я тебе ничего дурного не сделал, может такое случиться, что кто-то из нас здесь останется, а кто-то уйдет. Не догадываешься, почему?

— Потому что мы новички?

— Это дело не последнее. Но суть в другом. На большом поселке сегодня уже тянут линию — делают план. У них все материалы, и техника под руками, и специалист на специалисте. А мы, на карьере, работаем на задел. У нас горячие денечки наступят через год, не раньше. Пока это мост через Палым пе-

рекинут. В общем, с нами можно и погодить. Копаемся себе втроем потихоньку, поддерживаем огонь в очаге — и то хлеб. Расчет несложный. Когда придет наш черед вести укладку, тянуть дорогу на север, пригодятся и наши навыки и все, что сумели заготовить помаленьку, впрок... Все хорошо, все логично. И вдруг...

— И вдруг приезжают пятеро молодцов, — догадался Виктор.

— Ага, — подтвердил я. — Прямо с корабля на бал. Нас становится восемь, а объем работы прежний. Значит, нужно урезать пайку на брата. Материальный стимул перестанет работать. Усвоил суть конфликта?

— Можно и без конфликта. Стоит только увеличить объем работ...

— Загнул!.. Здесь тебе не Большая земля. Материалов у нас — в обрез. Все привозное: и рельсы, и шпалы, и каждый костылик. Запасы пополняются весной, по большой воде, когда могут идти по реке баржи... Не упомяну, чтобы сюда подкидывали лишних материалов на расширение...

— Считаешь, мотать нам надо удочки?

— Не исключено, что кому-то из нас это придется сделать. Если только вас не прислали всерьез.

— Всерьез — значит, обеспечив работой и материалами?

— Именно. Предположим, начальство решило подготовить на карьере классных путейских рабочих — на будущее, и р-р-р-аз! — от сердца пару вагонов шпал и рельсы к ним в придачу. Маловероятно, но бывает... Советую не хлопать ушами, а просить работу по специальности... Здесь во всяком деле надо иметь ясность...

— Спасибо за науку, — сказал Виктор. — Надо своих поискать да посоветоваться...

— Не стоило труда, — сказал я. — Помог-ка лодку спихнуть.

Течение легко подхватило лодку, я правил веслом, вырубивая к борту сухогруза.

— Ребят тащи к нам в палатку. Увидишь. Та, которая на склоне. Места хватит, — крикнул я наполеодовику Виктору.

Вечером Бирюков вызвал меня с танцев на воздух, покурить.

— Саня, ты сеешь панику среди новобранцев.

— А чего ребятам голову морочить...

— Какая морока? Очнись. Главный инженер под них разрешил мне взять свою резервную шпалу на нашем берегу...

— Это здорово, — сказал я.

— Здорово, здорово, — проворчал Бирюков. — Они по твоей милости теперь как профессора. То им не так да это...

— Не пойму, чем недоволен.

— Тебе безразлично, сколько бумажек получишь двадцать пятого числа...

— Это почему же?..

— А на кой ляд ты им наши секреты выкладываешь? Пусть сами допирают...

— Шутишь, Миш?

Тогда он мне так ничего и не ответил. Решил отмолчаться...

День, как и утро, не выдался. Стало тепло, но небо по-прежнему было затянуто хмарью, и сырость мешала дышать, вызывала озноб, заставляла с отвращением выкидывать недокуренную сигарету и тянуться к печке, где шипели отсыревшие дрова.

Кеша Казаков уговорил Николука и Ставрогина подать на расчет. Ребята толкались в темном углу,

бесцельно переключали вещички из рюкзака на койку и снова в рюкзак, стараясь не глядеть в нашу сторону.

А мы стояли у печки, и я видел, как горько было моим товарищам. Все-таки, что ни говори, а три месяца жили душа в душу, и казалось ничто не разведет.

— Катера сегодня все равно не будет, — сказал Иона.

— По тропе пешком уйдут, — сказал Сережа.

— Чего переживать, человек волен, — утешался самый молодой из наших Костик Селюк. — И потом — они нам, по сути дела, никто...

— Ребят, а я знаю, где лежит беспризорная шпала, — вдруг сказал Витя Коломийцев, и все насторожились.

— В Улан-Удэ, у шпального завода, — попытался сострить я.

— Нет. Без шуток, — сказал Витя. — У вторых песков. Там, говорят, раньше склад был. В паводок склад разнесло. Пачек сорок лежит в распадке...

— Что беспризорные — это вряд ли, — сказал Сережа.

— Пусть даже учтенные. Лишь бы не при деле, — сказал Витя. — Если не при деле, могут отдать.

— За свое ли дело беремся? — спросил Иона.

— А что — лучше сидеть, сложа руки, дожидаться, пока нам работу принесут на блюдечке с голубой каемочкой? — Это Костик.

— Слушай, Сереж, надо связаться по радио с главным, объяснить, что к чему, — сказал я.

— Если шпала будет, и эти останутся, — кивнул Костик на ребят, которые копошились в углу.

— А-а, ну их, — сказал Сережа. — Пойдем, Сань, на рацию...

— Ты мне брось, Максимов, ваньку валять, — слышится из динамика голос главного инженера. — Я вашему бригадиру, этому виртуозу-балалаечнику, весь наличный запас с левого берега отдал. И сказал: на полгода. Научи ребят работать, как сам умеешь... А вы за три месяца, выходит, все слопали. Отвечай. Как понял? Прием.

Сережка двигает рычажком переключателя и кричит в микрофон:

— Вас понял. Бирюков про полгода ничего не говорил. Первый раз слышу. Да теперь поздно об этом. Разрешите взять сорок пачек у вторых песков? Как поняли? Прием.

— Вас понял, — кричит ехидно главный. — А почему не просишь шпалы с линии? У нас тут сто пачек лежит. Попроси, попроси. Я тебе заодно и отвечу. Как понял? Прием.

Сережа опять переключает рычажок, но говорить не спешит. Глядит на меня расстроено. Я беру у него микрофон.

— Вас понял, — говорю я. — Надо людей сохранить, Владимир Романович. Чего ж мы их учили, учили, и псу под хвост...

То ли необычная для радиопереговоров интонация повлияла на главного, то ли весомый был у меня аргумент, но голос смягчился.

— Ешьте меня, кровопийцы. Но вот как вы оттуда шпалу вывезете? Через два-три дня река совсем обмелеет, воробью будет по колено. На себе, вброд...

Связь обрывается. Слава-радиостанция безуспешно крутит ручку верньера. Голоса главного не слышно.

— А ведь он прав. На чем шпалу везти? На твоей «Таранке»? — озабоченно спрашивает Сережка, но в голосе его нотка торжества.

Я пожимаю плечами. Надо посоображать...

Ночь мы не спали. Составили койки и шептались, строили планы на завтра.

Рано утром Серега с Костей и Ионасом должны были отправиться лодкой на вторые пески — разведать, где что лежит, да и поискать заодно в окрестностях трактор-трелевщик. Если бы трелевщик нашелся у кого из соседей, это нам во многом упростило бы дело. Мы не тащили бы трактор с карьера, а главное, могли попробовать вариант с плотом.

Мы решили срубить плот там же, на вторых песках, и, нагрузив его шпалами, сплавить к карьере. Выдержит ли плот хотя бы десять пачек — вот что было неизвестно.

Потуту, проводив ребят на пески, я и Виктор пошли к шкиперу Архипычу за советом.

Основная работа у Архипыча бывала весной, когда поднималась большая вода и на стройку одна за одной шли баржи с грузом. А сейчас, по мелководью, Архипыч был как бы не у дел. Присматривал за своим немногочисленным флотом, потихоньку чистил-красил да держал перевоз.

— Во, легки на помине, — сказал Архипыч, едва мы ступили на его посудину. — В газетах про вас пишут, хвалят. А вы загордились, пятый, поди, день на работу не ходите...

— Работы нет, Архипыч, — сказал Виктор.

— А зачем тогда раньше проценты гнали, чтоб сегодня остаться без порток?

— Тут, Архипыч, другое. Бирюков ребят бросил...

— А я давно говорю, что он шельма. Даром, что черный, бес!.. Ну ладно. Я не прокурор. Зачем пожаловали?

Я рассказал ему про наши заботы и про идею с плотом. Он нас на смех поднял.

— Да вы шпалы всю потопите. Сколько одна шпала весит? Восемьдесят килограммов. А в пачке сколько их? Двадцать пять... Вам нужен плот шириной в реку делать, тогда, может, пачек пять положите... Дальше. Трелевщика днем с огнем там не найдете. Значит, везти отсюда надо? Надо. На руках вы год шпалу таскать будете — китайский труд... Вам нужна, братцы, речная платформа, именуемая, сам не знаю почему, апарелькой. Она у меня имеется в полузаполненном состоянии.

Остаток дня мы с Витькой лазали в плавках по полузаполненному трюму, искали пробойны и ставили на них заплатки.

Архипыч с бережка командовал.

— Ну вот и молодцы. Осталось из трюмов водичку откачать. Если ночи не пожелаете, на утро платформа будет на плаву...

Мы сложили на берегу костер. Кто-то догадался принести бензинчику. Куча полусырых сучьев полыхнула столбом — враз разогнало комаров. Все жалось к огню, подставляя бока и спины. Августовские ночи здесь холодны, надо было набрать тепла для работы на реке.

— Особенно не разогревайся, разомлеешь, спать захочется, — говорил Сережа Косте. Им по жребью выпало качать водичку в первую смену.

— Там заснешь, — сказал Костик. — Холодно, как нагишом в сугробе.

— Сто раз качнешь, — согреешься, — успокоил его Витя. — Еще и ополоснуться захочется...

Насосы были ручные. По правде говоря, слабой была надежда к утру откачать воду из трюмов — все равно, что вычерпать столовой ложкой бочку. Однако бодрились.

— Бирюкову, наверное, и не икается, — сказал Костик.

— С чего это ему должно икаться? Муки совести?

— Ободрал нас да еще в газете расхвастался.
— Откуда знаешь, что ободрал?
— А вы наряды у нормировщицы посмотрите. Нам закрывал по ученическим нормам, а у самого да у Казакова бывало по триста процентов смену. Бригаде «ура», денежки с Кешкой пополам...

— Работать человек умеет, — сказал Ионас, — а жулик.

— Работает на себя, — сказал Сережа.

— Помнишь, Сань, — сказал Витя, — мы сюда только приехали, а ты долбанул. Помнишь? Ты мне тогда говорил, как сложно здесь бывает. Я тебе не до конца верил. Розыгрыш, думал. Знаешь, для остротки, чтобы лучше работалось. Оказывается, может быть еще хуже. А что этому противопоставишь?

— Сань, а ты ни о чем насчет Мишки не догадывался? — спросил Сережа.

— Один раз он мне намекнул. Давно. Я думал, шутит. Потом все замаялось...

— А вообще думать об этом не думал. Работает Мишка, как лев. Все у него на заметке. Толково распоряжается...

— Вот-вот, — сказал Костик, — в том и беда. Привыкли под ноги себе смотреть. Сказано то-то сделать, сделал от и до и не больше. Сказано принести какую-нибудь штуку — принес и не подумал, что надо бы две-три сразу прихватить, иначе еще раз идти придется. Дальше — больше. Есть кому за нас думать — пожалуйста, пусть думает. Есть кому заботиться — пусть заботится на здоровье. Так и перестаем верить самим себе. Работяжка психология.

— Совать нос не в свое дело? — спросил Ионас. — Тогда начальство останется без работы...

— Костик прав, — повторил Сережа. — Потому именно так мы сейчас поступили: оторвали глаз от земли, самоорганизовались.

— Подняли глаза и увидели многострадальную шпалу, до которой надо еще дотянуться?

— Не в этом дело, — сказал Сережа. — Сегодня дороже всего то, что мы не разбежались, остались вместе...

Качать насосом вообще нетрудно. Сгибаешь руку, разгибаешь. Сгибаешь — разгибаешь. Плохо одно: нельзя останавливаться. Чуть замешкался, струя уходит на убыль. Хлопчи, заливай воду в кожух. А темп потерян.

Рука онемела, липнет к телу одежда. Лучше не думать о том, что делаешь, тогда легче работается.

Сердито бурлила вода за бортом, словно бы сопротивляясь тугой насосной струе. Прямо надо мной, на берегу, медно поблескивал высокий костер, и длинные тени волшебным образом прогуливались по стенке тайги. Отражая свет костра, небо слабо освещало черную воду. Слышались голоса ребят. Слов было не разобрать, но о веселом говорили, радовались.

Меня вдруг охватило редкое ощущение полноты жизни. Не двумерной, не ограниченной рамками привычного, накатанного, а той, в которой поминутно что-то случается. Которая не дает сохнуть мозгу, будоражит; вызывает все лучшее, что есть в тебе; соединяет в действии, в противоборстве близких по духу людей...

Не потому ли я сюда вернулся? Не потому ли и останусь?.. Меня влюбила эта жизнь, полная перемен, и всегда перемен к лучшему.

На противоположном конце нашей посуды стало тихо. Потом негромко ругнулся Виктор, затарахтел ведерко. Видимо, опять упустил воду. Недолгая возня, и монотонное «вжик-вжик» слилось с ритмами моего насоса, вошло болью в усталые мышцы.

С утра мы выкупались в реке и хорошо поели разогретой тушенки. Сережа выдал всем новенькие рукавицы и по тюбику мази против комаров... Мы шли на звеносборку не торопясь, изредка поглядывая на темную горку шпал неподалеку от крана. Эти шпалы мы привезли вчера.

— Саня с Витей, будете на втором бойке, — сказал Сережа.

— Все равно, — сказал Витя.

Кран положил на шитое звено пачку шпал. Мы взяли крюки и стали растаскивать пачку. Дело это не хитрое, надо только выдержать между шпалами нужное расстояние.

Я отвык от работы, и Витин темп мне был не по силам. Но сдавать не хотелось, и я не просил перекура. С меня лило ручьями, дышалось тяжело.

Передохнул, когда поверх шпал кран клал рельсы. Их нужно было скорее наживить костылями, потому что к нашему бойку уже спешил Сережка. Он не проверил. Но не подкопаешься — рельсы ровненько были пригнаны к шпалам. Сказал: «Шейте!» Виктор включил электромолоток. По округе разлилась дробь тра-та-та-та-а...

Стоп! Виктор выключил электромолоток.

— Смотри, идут...

К Серегину бойку подходили Николук с Васей-кой Ставрогиным.

— Сереж, — сказал Николук. — Мне никак нельзя было без работы. Мне матери деньги надо посылать каждый месяц...

— Ладно. Идите на третий боек, — сказал Сережа. — А куда девался Казаков?

— Он у Бирюкова напарником...

Бирюков пришел к нам вечером. «А ну шабашить!» — закричал он, словно ничего не произошло.

Серега сделал нам знак. Мы спустились с бойка.

— Перекурим, — сказал Мишка. — А заодно и поговорим.

— Лады, — сказал Сережа.

Бирюков дал нам огонька и прикурил сам.

— Достали шпалу. Мастаки. Это я уважаю.

Мы молчали. Тогда он спросил напрямик:

— Берете в бригаду?

Мы ждали, что скажет Сережа.

— Не берете... Да вы браку без меня напорете, умоетесь потом. Посмотри на Саньку...

Он затоптал сигарету, схватил кувалду.

— А ну-ка, дай пару костылей!..

Взмах — и костыль по шляпку вошел в дерево.

— Теперь ты пробуй. — Бирюков протянул кувалду Костику. — Давай показывай, что умеешь...

— Он не забьет с одного удара, — сказал Сережа. — Нечего показывать... Но этому можно научиться. А вот другому научиться труднее. Во всяком случае, тебе.

— Это чему же?

— Скажу — не поймешь, еще на смех подымеешь.

— Сумасшедшие, — сказал Бирюков, поочередно всех нас оглядывая. — Я вам руки свои, мозоли свои предлагаю...

— Это еще не все, Миша. Не все в человеке, — сказал Серега.

Мы медленно разошлись по своим бойкам. И я никак не мог отделаться от ощущения, знакомого раньше только по книгам. Часто близкое и вроде бы хорошо понятное только кажется близким и понятным. Вон идет Мишка — набычась, лениво волоча ногу. Свой, свой, пуд соли вместе съели!.. А ведь чужой, совсем чужой оказался человек.

СТАНИСЛАВ
ТОКАРЕВ

ЧЕТВЕРУХИН уходит, чтобы остаться

В июне он защитил на «отлично» диплом в МВТУ. И навсегда покинул лед. Нет, это неправильно, что навсегда, — он стал не инженером, а тренером (почему, об этом разговор впереди). Среди его нынешних учеников — бронзовый призер чемпионата мира 1972 года Владимир Ковалев (почему Ковалев, об этом тоже потом).

В новом качестве он производит впечатление двойственное — вроде бы тот же Четверухин и не тот. Мы его помним на льду юным, стройным и романтическим. Сейчас у него солидные усы, и он наконец выглядит на свои двадцать семь, не моложе. Его манера обращения с учениками кажется мягкой и интеллигентной, под стать бывшей манере катания, он не повышает голос, так только упрекает: «Ну, что ты опять напутал...» Правда, если присмотреться, выясняется, что тренер Четверухин, как говорится, лишь мягко стелет... «Лед как терка, падать больно», — жалуется Ковалев. «А ты не падай», — спокойно предлагает Четверухин и еще раз (а это уже третья за день тренировка) просит, как о само собой разумеющемся: «Сделай три одинарных «тулупчика», три двойных и три тройных». У Ковалева не получается, он злится, Четверухин небрежно сбрасывает куртку на бортик, выезжает и прыгает подряд эти три тройных как ни в чем не бывало. И молчит. Ковалев дупит кулаком по колену, зубцами конька — по льду, его разбирает задор, хотя он, кажется, уже на ногах едва стоит. Да, вот еще что в нем изменилось: он стал разговорчивее.

— Слушай, прежде из тебя слова клещами тянуть приходилось...

— Это логично. Понимаешь, когда я катался, я в основном получал информацию и перерабатывал. А теперь я выдаю. Я говорю, говорю, прямо скулы устают...

— Сергей, накануне Олимпиады 1972 года ты мне говорил, что олимпийский год будет для тебя последним, и я даже писал об этом в «Юности». Но ты катался и в 1973-м...

— Перед Олимпиадой я решил так: если Непела останется еще на год, я уйду. Но когда на Олимпиаде я выиграл первое место по произвольной программе, то понял, что мог и вообще выиграть. И я решил: если он уйдет, я выиграю, а если не уйдет, попробую выиграть у него. Но уже перед первенством мира 1973 года я точно знал, что потом уйду. Именно потому я напряг все силы, все, что мог... Было трудно, приближалась защита диплома, жена ждала ребенка... Я мог не участвовать тогда в первенстве страны, я был болен, но я знал, что больше первенства страны у меня не будет...

— Из десяти человек, более или менее знакомых с традициями фигурного катания, девять сочтут твой нынешний уход минимум как странный. В отсутствие Непелы ты даже просто по инерции стал бы первым в Европе и мире.

— Время ушло... Самый лучший год ушел... Силы мои (внутренние, настрой) — все ушло. В прошлом году я выложился полностью, и нынешний был бы для меня, знаешь, просто неинтересен.

— Но столько ведь лет потрачено, чтобы стать чемпионом Европы и мира...

— Да не для этого потрачено, как ты не понимаешь? Для того, чтобы пробить нашему одиночному катанию путь наверх. А первым я не стал в силу

На снимке: Сергей Четверухин (слева) и Владимир Ковалев на тренировке.

Фото А. КАРЗАНОВА.

обстоятельств. Если бы последний чемпионат мира проходил не в Братиславе, на родине Непелы, я бы у него выиграл стопроцентно. Я его уважаю, и люблю, и считаю блестящим мастером, но я бы выиграл. А инерция меня не привлекает. Я боролся с Дюрвелем и выигрывал, я выигрывал у Пера... А сейчас мне уже не хочется... Ушел Петкевич, ушел Шелли... Непела... Сейчас уже другие — не мое поколение.

— Помню, как перед прошлым чемпионатом мира ты мне сказал, что после Непелы не останешься. Что иначе просто перестанешь себя уважать.

— Говорил? Может быть... И, знаешь, еще один штрих, небольшой. Когда я заявил об уходе, меня не очень уговаривали остаться. Мне не нужны были эти уговоры — решил и решил. Но все-таки, знаешь, штришок... Нет, я вовремя ушел.

— Ты стал тренером с дипломом инженера. На твоё обучение потрачены определенные средства. Значит, впустишь? Впрочем, помнится, Лариса Семеновна Латынина в одном интервью высказала любопытную мысль. С ее точки зрения, спортсмен большого международного класса, избравший впоследствии себе иную карьеру, совсем не связанную со спортом, наносит спорту серьезный ущерб. Его знания, его многолетний опыт — все это остается втуне, практически умирает. Это, как она сказала, своеобразная утечка умов. Что ты думаешь по этому поводу?

— Если после технического, допустим, вуза ушел в тренеры средний, заурядный спортсмен, это можно считать разбазариванием государственных средств. В другом случае... Понимаешь, когда занимаешься спортом на высоком уровне, невольно чем-то жертвуешь в учебе. Знания не стопроцентные... Но победами, которые все-таки прославляют страну, — верно? — стране, государству что-то возмещаешь. Я решил стать тренером не в начале учебы, позже, и для меня выбора не было. Я сравнил, что я там и что — здесь... Это звучит высокопарно, но труд должен быть творческим, правда? Где я больше пользы принесу государству?.. Если кто-то изобретет турбинку, а я подготовлю чемпиона мира, я не буду считать, что моя работа так уж много меньше нужна и важна.

— Все верно, но мог же ты в свое время, допустим, перейти в Инфизкульт?

— Я прошел школу Станислава Алексеевича Жук: пять лет у него — это побольше, чем Инфизкульт. Кроме того, мое высшее образование дало мне знание механики, физики, а это мне как тренеру тоже очень необходимо. А потом, если учиться в таком солидном институте, как МВТУ, это приучает к самоконтролю, к самодисциплине... Мне шли на поправки, но на какие? Я сам ставил себе сроки сдачи зачетов, экзаменов... И я думаю, что на поправки шли не потому, главным образом, что я известный спортсмен. Знали: если я сказал, что к такому-то дню дам, то, значит, дам. Решил, например, что диплом буду защищать между пятнадцатым и двадцатым июня...

— А когда защищал?

— Шестнадцатого.

— Слушай, из того, что ты говоришь, получается, что молодому спортсмену, который хочет добиться больших высот, ты бы не посоветовал поступать в институт физкультуры?

— Я бы не стал давать никаких советов. В 17 лет человек достаточно взросл, чтобы соображать и решать самостоятельно. Когда я поступил в МВТУ, я точно знал, что тренером не буду. И не стал бы, если бы не пять лет у Жука. Это — большое дело. И трудное. Не многие выдерживали. Но все, что я те-

перь знаю, что понял, — это его мысли, его опыт. Он самоучка, он испробовал многие виды спорта — от легкой атлетики до тяжелой — и все искал. Подсознательно, может быть, невольно он воспитывал во мне будущего знатока своего дела. Дела, которому ты предан и никогда не изменишь. Со стороны может показаться, что сейчас я его копирую. Это не так, я строю работу по-своему, но в основе его подхода, его методы... Другое дело, что он в основном специалист по парному катанию, а я буду работать только в одиночном. Только в одиночном. Распыляться я не имею права. Это самое трудное, самый сложный вид фигурного катания.

— Сергей, а если бы сейчас перед тобой был пятнадцатилетний мальчик-фигурист? Какие основные истины из прожитого на льду ты бы ему преподавал?

— О, я бы учил его не так, как сам учился в пятнадцать... Я начал, в общем, в двадцать — поздно начал узнавать фигурное катание... Прежде всего я бы сказал, что в жертву ему нужно принести все. Повседневную жизнь, личные переживания... Не отменяя, а стараясь подчинить главному. Прежде всего надо уметь бороться с собой. Чем больше трудностей, чем больше преодолеешь, тем выше радость. Мне доставляло наслаждение, когда я подавлял в себе то, что приносило мне вред... Знаешь, тут от мелочей до крупного... Например, Володя Ковалев не может заставить себя встать по будильнику. Не может — и все... Или вот: сделал человек заход на прыжок — раздумал... Кто-то ему дорогу переехал. А, мол, мне помешали. А ты сделай. Ты прыгни. Ты заставь себя: тебе помешали, а ты прыгни. Мне всегда было приятно слышать, — только не подумай, что я хвастаюсь, — когда, например, Ира Роднина или Леша Уланов мне говорили: «Ну, Четверухин, ты волевой парень». Другие не сделали, а я сделал. В трудной ситуации. Это все опять Жук, его школа. Он так учил: «Ты сделал прыжок в три оборота со среднего хода, а если чуть быстрее, у тебя не получится. А ты заставь себя прыгнуть с большого хода, иначе не будет прогресса».

— А духом ты никогда не падал, не хотелось никогда все бросить, на все плюнуть?

— Хотелось... Но, знаешь, я люблю, когда я, например, в горах, влезть на вершину, куда особенно трудно вскарабкаться. Однажды в Крыму... Там была скала, альпинисты на нее лезли, а мы, отдыхающие, нет. И вот я раз полез, два... А там щель такая огромная, через нее не перебраться. Плюнул. А потом подумал: другие-то могли, неужели я не смогу? Влез. И почувствовал себя... покорителем, что ли...

— Но когда ты ушел со льда, это был все же своего рода и момент слабости...

— А я не ушел. Я не чувствую, что я ушел. Мне в последние годы самого себя учить чему-то новому было тяжело, что-то мешало. Чувствую, знаю, как сделать, но на себе показать не могу. Заранее знал — этого я не смогу, это мой ученик сможет. Заранее знал, как буду учить. Иногда теперь у меня мелькает мысль: это надо побыстрее, научить побыстрее. А потом: не тороплюсь ли? А потом: нет, нет, надо торопиться. И я иногда ненавижу Борьку Харитонову (тоже ученик Четверухина, ему 15 лет. — С. Т.), что он распускается, чего-то не может, боится... Конечно, он маленький, он не все понимает... Но я должен заставить его понять...

— Сергей, раз мы заговорили о твоих учениках, остановимся подробнее на Ковалеве. Любители фигурного катания, должно быть, помнят, что год с лишним назад Ковалев был дисквалифицирован и лишен звания мастера спорта международного класса за то, что принято называть «нарушением спортивного режима», проще сказать, за выпивку и скандал. Как на

него действовал урок? И вообще как вышло, что он перешел к тебе?

— Погоди, не так много вопросов сразу. Дисквалификация снята, он выступает, а наши с ним отношения — это долгая история. Еще в 1972 году, когда я говорил, что собираюсь уходить со льда, он подошел как-то ко мне — на Олимпиаде — и спросил, взял бы я его, и я сказал, что нет.

— Почему?

— Потому что тогда это был несерьезный разговор. Володя... Понимаешь, способностей у него тьма. Но важнее, что у него сильный характер, напор, дикое желание пройти сквозь все трудности. Этот индивидуум может быть лидером. Но был он молодой, чувствовал в себе эту силу. Решил, что способен все преодолеть, а на пустяках сломался... Понимаешь, я мог позволить себе одну сигарету в неделю, а он позволял и больше, и выпить мог, и нагрубить, и считал, что ему все нипочем, это его и сломало. Перешел грань, сам не заметил когда. Будь я тогда возле него, я бы что-то подсказал, но не было никого, кому он мог поверить, — были сверстники, которых он не ставил ни во что. Кто они? А он — третий в мире... В тот год я с ним вообще не разговаривал. Видел, как он работал, но не разговаривал. Может быть, он на меня обиделся. На комсомольском собрании сборной я первым предложил его дисквалифицировать. До тех пор, пока он не докажет, что понял. Я выступил не только потому, что я был комсорг сборной, а и чисто по-человечески: я считал, что он должен понести наказание по тому рангу, в котором находился. Он крупная фигура, третий в мире, и наказывать его надо было по-крупному... Он тогда замкнулся. Он сильно переживал. Чувствовалось: или — или. Или будет работать, или все бросит. И он выдержал. Это, знаешь, надо было такое выдержать: другие люди, его соперники, двигались вперед, появлялись новые имена... А у меня в этот момент появилась своя забота. Я рассуждал так: ну, буду я тренером. Если работать с малышами, учить их стоять на коньках, значит, у меня угроза потерять квалификацию... Мне нужен был такой материал, в который я смогу вложить все, что знаю, человек, который меня поймет и сможет работать, если надо, на двести процентов, а надо — на двести пятьдесят от своей мощности... И у него тоже была дилемма. Он тренировался у Татьяны Александровны Толмачевой. Я тоже когда-то у нее начинал. Он же у нее добился третьего места в мире. Но, понимаешь, Татьяна Александровна была к нему — как бы сказать? — слишком добра. Кого он мог выбрать, к кому попроситься? К Жуку? К Чайковской? Почему он выбрал меня? Я ведь у него это спросил сразу, когда он ко мне пришел: «Смотри, Володя, кто я как тренер? Никто...» А он мне ответил: «Я наблюдал за твоей работой в течение многих лет и понял, что ты сможешь быть для меня ведущим». «Работа? — сказал я. — Знаешь, какая у Станислава Алексеевича работа? Слышал, какие у него нагрузки? Так и у меня будет. Я полностью подчинен этому ритму, и жить тебе станет не легче — тяжелее». Кажется, пока он не жалуется.

...Потом опять была тренировка. Потом фигуристы играли в хоккей. Команда, за которую выступал Сергей Четверухин, выиграла у команды, в которой играл Владимир Ковалев, со счетом 7:4. Шесть голов забил Четверухин, седьмую шайбу подправила в сетку крохотная одиночница Маша Морозова.

Потом Сергей мне сказал:

— Видал? Забегал Володька, скорость появилась.

Ковалев играл в поясе со свинцовыми пластинами весом в четыре килограмма.

На стендах «ЮНОСТИ»

УСПЕВ СКАЗАТЬ О САМОМ ВАЖНОМ

Одна за другой сменяются выставки молодых художников на стендах «Юности». После обсуждения работ их авторы выслушивают критику и похвалы. Однако выставка Валерия Рыбакова (1941—1972) уже не может быть обсуждена в его присутствии. Едва переступив тридцатилетний рубеж жизни, молодой художник трагически погиб.

Его творческая биография только еще начиналась. Он много работал, был пытливым, талантлив, требователен к себе.

Валерий Рыбаков окончил Ивановское художественное училище, затем работал на Дальнем Востоке. Художник активно участвовал в зональных, молодежных, республиканских выставках. Ныне некоторые его работы приобретены Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Это значит, что его имя не исчезнет бесследно. Он успел сказать о самом главном: о себе и своей жизни, о том, что любил, что было ему дорого, что всегда звучало в душе. Это было трудно, судьба не баловала Валерия. И все же многое ему удалось.

В работах, которые экспонировались осенью этого года, в «Юности» привлекает неповторимый внутренний мир художника. Этот мир можно назвать прекрасным и яростным — по той силе ощущения жизни и по биению души, которые так явственно дают себя знать в гравюрах В. Рыбакова. Их не назовешь литературными, хотя художник много и часто обращался к творчеству Маяковского, Брехта, Платонова. Литературность часто оборачивается в изобразительном искусстве иллюстративностью, поверхностным перечислением. В работах Валерия Рыбакова постоянно чувствуешь стремление художника к собирательному образу: то это упругий речной воздух над рыбацкими лодками, то олицетворение женского материнского начала, то мотив вековой русской истории в Суздале или Боголюбове. Иллюстрации Рыбакова отличаются изобретательностью, хорошей выдумкой. Часто они созданы на одном дыхании, льются свободно, как тихая, задушевная песня. И слов не разберешь, одна только мелодия, но она задевает душу. А порой его иллюстрации звучат призывно, набатно. И публицистичность работ Рыбакова и лирическая их направленность сливаются в единое образное русло.

Рисовать для Валерия Рыбакова было так же естественно, как жить. Он был прирожденным художником, и графика стала для него средством общения, возможностью говорить с людьми о пережитом, увиденном своими глазами. Жаль, что художник не успел раскрыться, ему понадобилось бы еще для этого пять — семь лет. Но все, что он сделал, бережно сохраняется его друзьями, по их инициативе была организована выставка в Москве.

Валерий Рыбаков пробовал различные виды техники: офорт, монотипию, линогравюру. В его работах легко читаются успехи и просчеты нашей графики, он шел в русло ее развития.

Григорий АНИСИМОВ

Знаменитый романист Жорж Сименон, живущий сейчас в Швейцарии, в Лозанне, в начале февраля этого года вызвал своего секретаря Этена и, посмотрев ему прямо в глаза, сказал: — Прошу вас, возьмите мой паспорт, — он протянул ему документ, — поезжайте в бельгийское посольство и попросите в графе «род занятий» зачеркнуть слово «романист» и заменить его словами «без профессии».

Удивленно взглянув на патрона, секретарь сел в машину и уехал в Берн.

Только потом стало ясно, что этим символическим жестом писатель хотел как бы сообщить всем своим читателям и почитателям о решении покончить с многолетней литературной деятельностью.

Исподволь это решение готовилось давно. В один из октябрьских дней прошлой осени Жорж Сименон, живший и тогда в Швейцарии, в усадьбе Эпеленж, спустился на первый этаж своей виллы, в большую светлую комнату, увешанную картинами французских импрессионистов. Остановился у прозрачных этюдов Сислея. Осмотрел старинную мебель, рабочий кабинет. Ходил неторопливо, иной раз притрагиваясь к стулу, столу или картинной раме, словно бы прощался с близкими ему вещами. Затем решительно вышел на потемневшее поле, расположенное прямо у выхода из стеклянных дверей, пересек его и направился в лес.

**МАРТЫН
МЕРЖАНОВ**

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ПРОФЕССИИ

Гуляние по тропинкам, покрытым пожухлой листвой, продолжалось долго. О чем он размышлял? Может быть, о судьбе персонажей только что написанного романа «Мегре и господин Шарль», или о новой книге и новых его героях, или, наконец, о своей судьбе? Когда писатель вернулся в дом, он попросил секретаршу связаться с Лозанной и найти агента по продаже недвижимого имущества.

— Что вы сказали, господин? — испуганно спросила секретарша.

— Я хочу продать дом...

Он решил проститься с этим тихим уголком, расположенным вблизи Женевского озера, в двадцати километрах от города, в окружении лесов и полей, в стороне от дорог. Здесь он прожил много лет, привык к природе, мягкому климату, тишине, здесь он написал десятки книг и даже поставил памятник любимому персонажу своих романов — комиссару Мерге. И вдруг...

Агенты быстро нашли покупателей, и писатель без сожаления покинул насиженное гнездо, взяв с собой самые необходимые вещи. Пишущую машинку не взял.

Жорж Сименон стал горожанином и, по его словам, человеком без профессии.

Теперь, когда все это обнародовано в печати, мне вспомнилось, как два года назад, посетив уютный Эпеленж, я и корреспондент

На снимке: Жорж Сименон в Эпеленже.

Фото Бориса ГУРНОВА.

«Комсомольской правды» Борис Гурнов встретились с этим популярным писателем на его вилле.

Он вышел к нам из своего кабинета, приветствуя нас взмахом правой руки. В левой он держал длинную дымящуюся трубку. Это был высокий, стройный, худощавый человек, в очках с роговой оправой, с волосами, зачесанными назад, в белой рубашке с черной «бабочкой» на воротнике. Улыбка выдавала в нем доброго, гостеприимного хозяина.

Четко, очень четко вспоминая наш разговор о судьбах романа, вокруг которого в те дни бурлили жаркие дискуссии: роман пытались отвергнуть как жанр. Сименон горячо отстаивал жизнеспособность романа, его действительность и конкретность и сейчас, в атомно-кибернетическом веке.

— Я уверен, — сказал он, — что роман будет жить хотя бы потому, что он способен рассказать о судьбе всей человеческой жизни, раскрыть все стороны бытия, надежды, стремлений человека, его духовный мир... Речь может идти только о стилистических преобразованиях романа.

О своем персонаже — комиссаре Мегре — Сименон сказал, что котел бы с ним проститься: отправить его в отставку или убить в схватке с уголовниками. Но он не может этого сделать потому, что получает множество писем с требованием продолжать рассказы о подвигах Мегре.

Сименон писал роман за романом. Всего им издано 214 книг, большинство из которых рассказывает о талантливой, смелой работе комиссара Мегре.

Я задал вопрос:

— Не утомляет ли вас такой необычный темп работы?

— Нет, каждые два месяца из-под моего пера, а вернее, из-под клавишей моей машинки, выходит роман. Обдумываю я его сравнительно долго, а пишу не больше десяти дней. Я не умею отдыхать. Больше того, от безделья у меня начинается нервный зуд, и я снова берусь за работу.

И вот теперь, два года спустя после этой встречи, увидев в газетах аншлаг «Сименон уходит из литературы», я направил ему письмо, в котором просил ответить, чем вызвано его решение, насколько оно окончательно, касается ли оно только романов, посвященных комиссару Мегре, или его можно толковать более широко.

Ответ не оставил сомнений. Писатель ушел из литературы потому, что пошатнулось его здоровье (ему семьдесят лет), и это совпало с его критическим отношением к

своим персонажам, их жизни и судьбе. Жорж Сименон прислал мне последнее интервью, данное им швейцарскому журналисту Генри Токсу для лозаннской газеты «Фей д'Авис».

Нужно сказать, что писатель очень редко встречался с журналистами, но после того, как стало известно о его переезде из Эпеленжа в город, его атаквали представители газет, журналов, агентств. С трудом, но все же он отбивался. Слухи и сплетни росли, как снежный ком, проникали в печать. Тогда Сименон решил сам сообщить правду о себе.

Журналист Токс рассказывает: «Секретарь Жоржа Сименона уведомил, что писатель хочет меня видеть и собирается дать интервью. Договорились о встрече. И вот я увидел знаменитого писателя в клинике, где он заканчивал курс лечения. Сименон улыбался, и по глазам его можно было понять, что он подготовил для меня сенсацию. «Моя интуиция, — сказал писатель, — подсказала мне важное решение. Я больше не буду писать романов. Говорю об этом вам первому».

Сименон рассказал о своем физическом состоянии, о головокружениях, которые появились у него полтора года назад, и о том, что лечение в клинике принесло ему пользу. Для того, чтобы жить в кругу своих персонажей, нужно иметь крепкое здоровье, а его уже нет. Писатель всегда предпочитал изучать людей, так сказать, с натурой: наблюдал за их поведением на улице, в автобусе, магазине, театре, подмечал их жесты, манеру держаться, разговаривать. В Эпеленже он много времени проводил среди фермеров, а когда пускался в дальние плаванья, старался сблизиться с матросами, кочегарами, капитаном, понять их профессию, их любовь к своему делу. Теперь это ему недоступно.

(...Два года назад, когда у нас зашел разговор о пристрастиях писателя, Сименон говорил:

— Я увлекаюсь медициной, хочу понять, как орган мышления — мозг — управляет поведением человека. Достоевский научил меня искать объяснения поступков, на первый взгляд, непонятных или нелогичных. Я и допытываюсь.)

— Писать романы становилось все труднее и труднее, — признался Сименон журналисту Токсу. — Я об этом никому не говорил, бодрился. Роман «Мегре и господин Шарль», написанный в феврале прошлого года, — последний роман.

— Как же вы чувствуете себя после того, как решили бросить

литературу? Здоровье ваше восстановилось? — спросил Токс.

— Самочувствие у меня превосходное, наконец я стал свободным человеком и больше не завишу от своих героев. Они больше полувека терзали меня. Я жил в их «шкуре», они командовали мною, моим мозгом, нервами, забирали все силы. Теперь я сбросил их «шкуру», живу своей жизнью.

Далее писатель высказался в том смысле, что он мог бы, конечно, продолжать писать, как говорят французы, играя на ремесле. Но он не желает этого делать, ибо любит своих читателей и хочет остаться в их глазах честным романистом. Он вспомнил об одном известном французском писателе, который, обращаясь к нему, сказал: «Сименон, я уже четыре года только и занимаюсь самоплагиатом, переписывая то, что когда-то писал». Вспомнил и о другом писателе, покинувшем литературу и занявшемся журналистской деятельностью.

Сименон же не видит для себя возможности переключаться на что-либо иное. Он думает, что каждый человек должен сам распределить силы своей жизни и знать их предел, черту, за которую не следует переступать. Теперь писатель полностью отошел от своих романов, никогда их не перечитывает.

— Если бы я это делал, то, пожалуй, запретил бы их перендывать.

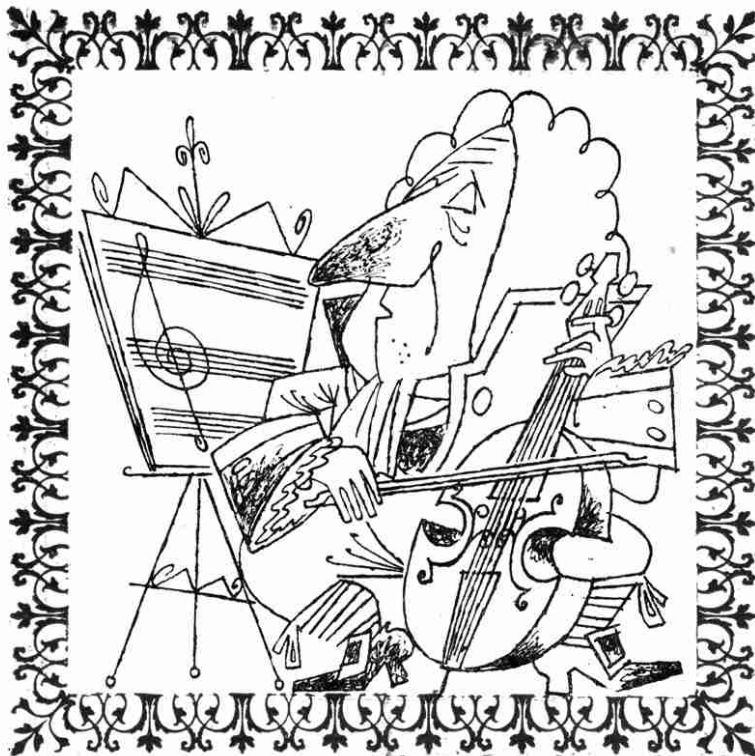
Сименон утверждает, что его решение окончательно и никто и ничто не заставит отступить от него. Правда, в интервью, данном швейцарскому журналисту, есть фраза, которая говорит о том, что еще не все мосты сожжены. Вот она: «... я не утверждаю, что не буду писать для себя, для своего удовольствия; но вряд ли я буду публиковать написанное».

Итак, прекратил публикацию своих произведений известный писатель, создавший особый стиль современного романа с динамичным сюжетом, емкой фразой, писатель, которого ценил и любил Эрнест Хемингуэй.

Больше года Сименон не думает о судьбе своих персонажей, о сюжетных ходах романа, не садится к машинке, которую оставил в Эпеленже и которую называл «машинкой пыток».

Пока он молчит.

Остается лишь надеяться, что, может быть, настанет момент, когда написанное Жоржем Сименом «для себя, для своего удовольствия», все же увидит свет.

Рисунки Н. ОФФЕНГЕНДЕНА.

**ВАРЛЕН
СТРОНГИН**

СПАСИБО ФЕДЬКИНОЙ ЖЕНЕ!

У Федьки жена злющая. Зашли мы к нему после футбола, а она глаза таращит, краской наливается, вот-вот закипит. О выпивке и речи быть не может. Попрощался я с Федькой и на улицу вышел. Иду сам не знаю куда. Домой еще рано. Обещал после десяти прийти. Вдруг останавливает меня девушка. Рыженькая и в очках. Видимо, студентка. Билет предлагает.

— Куда? — спрашиваю.
— В концертный зал, — говорит.
— Почему?
— Рубль.

— Подходит, — говорю. Беру билет. Занимаю место. Жду, когда выйдет конференсье и меня сме-

шить начнет, чтобы о Федькиной жене забыть. А тут появляется на сцене женщина в длинном черном платье и объявляет:

— Боккерини. Соната № 3 соль мажор.

Я поначалу даже не понял, что произошло. В себя пришел только, когда щупленький музыкантик стал на большой скрипке пилить. Поставил ее между ног и смычком водит. Наизусть. Без всяких нот.

«Вот попал! — думаю. — Бежать надо. Пока не уснул».

А бежать неудобно. Вокруг люди сидят и с вниманием на сцену смотрят. И я смотреть стал. Вижу, пианистка по клавишам руками перебирает. Рядом другая женщина сидит. Ноты переворачивает. Как музыка на странице кончается, так переворачивает. Вроде она при этой пианистке стоит подсобницей. Втроем вкалывают. Который на большой скрипке пидикает — главный. Остановится — и они работу прекращают. Бровью поведет, мол, начинай — и они его слушают. Это уже интересней. А в зале люди какие!.. Сроду таких не видал. Две старушки с нотами пришли и глаз от них не отрывают. Видимо, из народного контроля. Музыканта проверяют: то ли он играет. Это, чувствую, даже забавно становится. Настроение у меня поднялось. Стал я к музыке прислушиваться. Тягучая такая. И грустная.

Тут я Захара вспомнил. В тридцать лет похоронили. Ни за что человек погиб. Из-за плохой бабы. А какой парень! Голова курчавая. Руки золотые. Силы невиданной. Такелажником был. Как живой передо мной стоит. Обнять хочется... Но тут слева от меня старичок носом захлюпал. Наверно, тоже вспомнил о чем-то печальном. У каждого человека свое горе. А музыка пробирает, вроде как утесовское «Раскинулось море широко». Только без слов, и, чтобы понять, напрягаться надо. А настроение создает то же. Задумчивое. И вдруг бац — конец. Весь зал зааплодировал.

— Bravo! — кричит старичок и у меня спрашивает: — Ну как?

— Ничего, — говорю.

В перерыве программку посмотрел, и оказалось, что попал я на концерт виолончельной музыки. Играет лауреат конкурсов. Молодой, щупленький, а лауреат! Удивительно даже.

«Хватит, — думаю. — насмотрелся. Наслушался. Хорошего понемножку».

В гардероб направляюсь. А тут ко мне старичок подходит. Тот самый. Видимо, ему поговорить не с кем, так он со мной решил побалакать.

— Во втором отделении Куперен будет, — говорит он.

— Я не против, — говорю. — Пусть будет.

— И Прокофьев, — продолжает старичок. — А как вам понравилась Гендель?

— Ничего, — говорю. — Может!

— Изумительно! — восклицает старичок. — Соната написана в 1705 году! Что вы по этому поводу скажете?

— Да, — говорю. — Неплохо сохранилась. Звучит.

— То-то и оно, — говорит старичок, — классика!

Весь перерыв со мной проходил. Пришлось на второе отделение остаться. На Куперене, признаюсь, я малость задремал. Но музыку слышу. Деревня приснилась. Детство. По зеленому лугу бегая. Бабочек ловлю. Босой. В рубашонке. Тепло. Ветерок обдувает. Красота. На аплодисментах очнулся и подумал: «Если бы не этот Куперен, то я бы никогда детство так хорошо не вспомнил. Куда там, сплошные заботы...»

А потом музыкант заиграл марш Прокофьева. Из оперы. Называется «Любовь к трем апельсинам». Бодрый марш. Все повеселели. Я свадьбу вспомнил, как мы гуляли. Как я цыганочку плясал. Как тесть перебрал и лез ко всем целоваться. Кончилась музыка — люди «браво» кричат, цветы музыканту преподносят. Он их женщинам передает. Даже подсобнице букет вручил. Для вида несколько раз со сцены уходил, а потом уселся и заиграл такое... Объяснить не могу. Ничего на память не идет. А душу тербит. Аж выворачивает. «Мелодия» Глюка называется. И надо же такое придумать! Обидно мне стало. За себя. За жену свою. За дружков. Такое — и ни разу не слышали!

Прихожу домой. Телевизор молчит. Жена тоже. И я молчу.

— Где тебя носило? — не выдержала жена. — Небось, у Федьки набрался?

— Нет, — говорю, — у Глюка.

— Нового дружка завел? У тебя это недолго!

У меня жена тоже злющая. Хотел я ей пару ласковых сказать... Но не сказал. Пусть Федькину жену благодарит. Ведь это я из-за нее с Глюком познакомился.

В. САПРОНОВ

ЭПИТА ФИИ

БЮРОКРАТУ

Был сей усопший бюрократ
Из бюрократов настоящих.
О нем недаром говорят:
Сыграл, сердешный,
в долгий ящик.

АЛКОГОЛИКУ

Под этой плитой алкоголик
уснул.
О, сколько он горького
в жизни хлебнул!
Приятель! Сверхшая обряд
поминальный,
Почти его память водой
минеральной.

ЛОВКАЧУ

Он, обходя не раз закон,
Выкидывал такие шулки,
Что, нажется, не умер он,
А взят всевышним на поруки.

Тульская обл.

Содержание

РОМАНЫ. ПОВЕСТИ

АДАМОВ Аркадий. Квадрат сложности	10—12
АМЛИНСКИЙ Владимир. Возвращение брата	3, 4
БОРИСОВ Евгений. Чудачка	1
ВАСИЛЬЕВ Борис. Не стреляйте в белых лебедей	6, 7
ВОРОНЦОВА Елена. Нейлоновая туника	4
ДОДОЛЕВ Юрий. На Шаболовке, в ту осень...	5
ДРУЦЗ Ион. Запах спелой айвы	9
ЗОЛОТУХИН Валерий. На Исток-речушку к детству моему	6
ЛИХАНОВ Альберт. Обман	8—10
МАШКИН Геннадий. Егор, сын охотника	10
РУДНЕВ Олег. Петькины именины	8
СЕИТАЛИЕВ Медетбек. Дочь мельника	2
СТУДЕНИКИН Николай. Небо	7
ТИТОВ Владислав. Раздел	12
ЧИЧКОВ Василий. Эти непослушные сыновья	11, 12
ЧУПРОВ Алексей. Зима — лето	2, 3

РАССКАЗЫ

БАСАРИЯ Этери. Как пахнут травы	3
БЕРЕЗОВСКИЙ Николай. Наш интернат	4
ГЕЙКО Юрий. На колодце	1
ГНАТЮК Наталья. Денежка. Струляндия	5
КУВШИНОВ Игорь. Атлет. Подарок	1
ЛАСКИН Борис. Портрет	6
ЛУЦКИЙ Сергей. Ясная жизнь	1
МАКСИМОВ Евгений. Березовые перезвоны	4
ОСТРОВИЙ Сергей. Кикимора	11
РОМА Р. Открытие	2
ТОКАРЕВА Виктория. Рарака	7
ХОЛЕНДРО Дмитрий. Очей очарование. Мужчины	8
ЧЕРНЫХ Валентин. Полет с космонавтом	4
ШЕРЕШЕВ Вячеслав. Старый Барлей	1
ЯСЕНЕВА Нора. Левая, правая где сторона?	6

ПОЭМЫ. СТИХИ

АГЕЕВ Николай. «Сизые, простуженные дали...». «Крик протяжный журавлиный...»	11
АЛИХАНОВ Сергей. «Ты проходишь, исчезаешь, как звезда...». «Мне стало видаться и думаться прозрачной...». «И вдруг начнется ливень проливной...». «А зелень выходила вновь в тираж...»	11
БЕЛЯЕВ Михаил. «Священны наблюденья наши...». «Не говорю: земля просторна...». «Проходишь ты и только краем глаза...»	3
БЕРЕСТОВ Валентин. Слушая хор. Востовой. Тридцатые годы. Калуга, 1941. Горлиники	6
БОГУЧАРОВ Александр. «Повторяю опять и опять...». «Нас разделяет стена...». «Эпистолярного искусства	

журнала «Юность» за 1973 год

7	МАСТЕРА... «Хранит мой день мое несовершенство...»	ДРОФЕНКО Сергей. Из неопубликованного	9	МАСТЕРА... «Хранит мой день мое несовершенство...»
1	БРОВКА Петрусь. Веселка. Симфония утра. Кавказский рисунок. За что вас так люблю?	ДРУНИНА Юлия. Памяти Клары Давидков	10	КУШНЕР Александр. Отказ от поэмы. «Перерастает человек земную жизнь свою...»
9	ВАНШЕНКИН Константин. Болгарский дождь. В Красной Пахре. «А что там? У дочери гости...». Пушкинские Горы. Расставанье. Купание с лодки	ДУДИН Михаил. Стихи, посвященные югославским друзьям	3	«В черной трубке услышав отбой...». Лавр
2	ВАСИЛЬЕВА Лариса. Мать партизана. «Разучилась веселиться...». Сахалин. «Рассвета прозрачное время...». «Я думаю о Вас ночами...»	ЕВПАТОВ Владимир. «Не су-жы — какие есть заслуги...»	1	ЛАСТОВЕНКО Борис. Атака. То-поля зашумели в ночи... Природа, Родина, народ... «Это молодость просто была!»
3	ВЕГИН Петр. Паруса. «Окуни-лицо в черемуху...». Деревья бывшего концлагеря. Август	ЕФИМОВ Моисей. Ленские пи-саницы	7	ЛАТЫНИН Леонид. Разговор в Сургуте. Перед прозой. Стихи о весне, написанные осенью. «Еще не брошена монета...». «Перемена пого-ды...». Сон о речке Тахе. Первое прощание. Осеннее Подмосковье
6	ВИНОКУРОВ Евгений. Жажда. Стакан чая. Однополчанину. «Отец, папаша, батя...». Как в первый раз. Бомбей. Полу-улыбка сфинкса. «И я еще задумаюсь о том...». «Из исторических событий...». Гамбург. «Он так и остался навеки чудачком...». Чутье	ЗУМАКУЛОВА Танзиля. «Кто хочет взять от жизни слиш-ком много...». «Ты говоришь: «Кто к славе не стремит-ся...». «Бросишь камень бе-столково...». Колыбельная	11	ЛИСАНСКИЙ Марк. Березка. На площади святого Марка. Виа Систина
3	ВОЗНЕСЕНСКИЙ Андрей. Выпу-сти птицу! Похороны Кирса-нова. Художник и модель. Память. Иронический трактат о скуке. Песня вечерняя. Испанская песня. Разговор в двух шагах от «Юности»	КАДРИЯ . «Эй, ну-ка по чести ответь мне...». «Пой, Камил-ля, пой...»	12	ЛЫСЕНКО Геннадий. «Листва осенняя редела...». «Ночью филин глухо ухал...». «Ког-да и я из детства выбыл...». «Была распутица пора...»
9	ВЫШЕСЛАВСКИЙ Леонид. «Вот партбилет. В нем наша честь и сила...»	КАЗАНЦЕВ Василий. «От стог-ов теплому несет печным...». «Пила напевает, сверкая...». Земляника. «Путь лежит от ворот полевых...». «Гул от-хлынул перронный...». «Играет тело от избытка силы...»	1	МАРТЫНОВ Леонид. Дар вообра-жения. «Читатели моих трудов...». Старинный театр. Демон. Завет Верлена. «Я на час-другой...». Лесные сказки. Ветви. Язык цветов
4	ГЕВЕЛИНГ Александр. Вчера—сегодня. «Да, наше время слишком отдаленно...»	КАНЕВСКИЙ Валерий. Лети, автофургон!.. «Ты изменил-ся. Словно кто-то...». «Про-хладные травы в августе парном...»	6	МИХЕЕВ Александр. Звезды. Поезда
5	ГЛУШАКОВ Евгений. «Кача-лись медленно вагоны...». «В поле ночь. Свежо. Мороз-но...»	КАНОАТ Мумин. Голоса Ста-линграда	3	МОРИЦ Юнна. Озаренье. Со-ловью. К другу. Июль. Колы-бельная. «Живого чувства родненый тенью...». «Пол-ночный холод кислорода...». Ведро земляники
3	ГРИШИН Александр. Скрипач. «На том холме, где синеве раздолжно...». Осенью. Маят-ник	КВЛИВИДЗЕ Михаил. «Мы го-ворим порою в восхи-щение...». Лирический репор-таж с проспекта Руставели. «Мне непонятно, как произо-шло...». Последний раунд	10	НАРЗУЛЛАЕВ Нормуррад. Обла-ка. Голос тишины. Луч улыб-ки
7	ГУЛИДОВ Евгений. Казахстан. Стихи о море	КЕРЕСЕЛИДЗЕ Мтвариса. «Здесь какой-то мальчик продавал фиалки...». Я роди-лась в июле. Снова ожида-ние...	11	ОЛЕЙНИК Борис. «Мне возле старого причала...». Нико-лаю Кибальчичу
4	ГУРИНОВИЧ Валерий. «Моя трудовая карьера...» Баллада о снах. Тундра	КЕШОКОВ Алим. Из стихов об Индии	10	ПЕТРОВСКИЙ-ТЕВЕТКЕЛ Нико-лай. Весенняя панорама
1	ДАВЫДОВ Сергей. «Злые встречи с войной...» На ки-ностудии	КОРКИЯ Виктор. Память. «Не будь словами поражен...». «Что сбудется и что не сбуд-ется...»	3	ПОЖЕНЯН Григорий. Из воен-ных тетрадей
11	ДАГАНОВ Абдулла. Родина и мать	КОСТРОВ Владимир. Мать. Чи-тая книгу друга. «Я уезжал надолго...». На буровой. «Я погасил печальный разум свой...»	1	ПУЗЫРЕВ Эдуард. Ярмарка
8	ДАМИНОВ Дим. «К моей дерев-не ехать долго...». «Так что это было?». «Уйди невиди-мой тропой...»	КОСТЮРИН Диомид. Старт. Плотгоны. «Когда сгорит по-следний лист...»	4	ПУЧКОВ Владимир. Парашю-тист. Доктор Нина
1	ДАНИЛОВ Семен. «Тогда мы жили у реки Амги...». «Шо-фер Семен, не мучай нас...». «В тайге — засохшие дере-вья...»	КОЧЕТОВ Владимир. «В лило-вой основной чаще...». В подмосковной роще... «Ох-рани меня, удача...». «Люб-лю бродить...»	8	РАХМАНИН Борис. Военрук. Ола морщинам
12	ДАХИЕ Макс. «Шумят ветра...». Дворцовая площадь. Вот так я сварил металл. Памяти Нади Рушевой. В апреле	КРАВЧЕНКО Анатолий. Белые костры. «Гремят литавры — хороши!..»	12	РЕЦЕПТЕР Владимир. «Что производят в ранг со-бытия...». «Летать, испыты-вать судьбу...». «Собака лает, ветер носит...». Три стихот-ворения о пейзаже
1	ДЕМЕНТЬЕВ Андрей. Солнце Сарьяна. Дельфин. Утро 9 мая 1945 года в Калининне. Встреча с Керн. В цирке. Судьба. Плов. Бессонница. Противоречия. Частный слу-чай. Годы	КУГУЛЬТИНОВ Давид. «Весна... Мне кажется порой...»	10	РЗА Расул. Сказание о скрип-ке, старом садовнике и скри-пичном мастере. Анст
6	ДЗАСОХОВ Музафер. Сердце сердец. Слава	КУГУЛЬТИНОВ Давид. «Весна... Мне кажется порой...»	9	РОГОВ Алексей. Следы. Проез-дом
11	ДИДУРОВ Алексей. Рассветный город. Влок	КУГУЛЬТИНОВ Давид. «Весна... Мне кажется порой...»	8	РОЯ Инара. Станции и поезда. В роще
6	ДМИТРИЕВ Николай. «Схоло-дала, забелела...». Дед	КУГУЛЬТИНОВ Давид. «Весна... Мне кажется порой...»	1	РЫКОВ Василий. Кузнецы. Вы-сота
1	ДМИТРИЕВ Олег. Выпускаю птиц. Перевал. При свече. Акварель	КУГУЛЬТИНОВ Давид. «Весна... Мне кажется порой...»	1	РЯШЕНЦЕВ Юрий. Городские пейзажи
8		КУГУЛЬТИНОВ Давид. «Весна... Мне кажется порой...»	4	САВЕЛЬЕВ Иван. «Лесом ли, полем пройду я...». «Маль-чишка с обручем несется...». Прощание с мартом. «Люб-лю неяркие цвета...»
		КУГУЛЬТИНОВ Давид. «Весна... Мне кажется порой...»	2	САВОСТИН Николай. «Свет осе-ни начальной над зали-вом...». Неизвестные поэты. «Звезда упала в синие сне-га...»
		КУГУЛЬТИНОВ Давид. «Весна... Мне кажется порой...»	1	САМЧЕНКО Егор. Баллада о рабочих розах. Баллада о войне и мире
		КУГУЛЬТИНОВ Давид. «Весна... Мне кажется порой...»	4	САНИНА Рина. «Молчанье Веч-

ного огня...». «Горести мои переживая...»

САФИЕВА Гулрухсор. Не ошибусь. Родина. Сестре Масто-не

СИДОРОВ Валентин. «И опять нахлынуло, вернулось...». «А мир совсем не замкнут и не строг...». «Спасибо, снег, что ты идешь...». «Пусть бой сей-час беззвучен и незрим...»

СИКОРСКИЙ Вадим. «Морской волны мгновенное цве-тение...». «Сказал он: «Мне ль решить задачу?...». «Мировой истории не помню я...»

СИМКИН Сэм. Степь. Исцеление

СЛУЦКИЙ Борис. Фронт про-ходил по Гжатскому рай-ону. «Забился на верхнюю полку...». «Перед вечером. Улица Майкова. Проверка

СМЕЛЯКОВ Ярослав. Из нео-публикованного

СМИРНОВ Лев. «Печь жарко топится в избе...». «Зеленая лампа в окне...». Монолог осветителя. Матрешки

СОЛНЦЕВ Роман. Эконда. Сти-хи о чайке

СОЛОЖЕНКИНА Светлана. «И небо, и ветер...». «Вот поезд едет в Учалье...». «Так речка весело поет...». «Под небом северным, тоскливым...». «Снег падает так безутеш-но...». «У метели бессвязные речи...»

СТАРШИНОВ Николай. У кост-ра. «А тут — ни бронзы, ни гранита...». «Получше при-смотришься...». «Только вспо-мню тебя — затоскую...». Де-вочка и чайки. «Медлитель-но идут за днями дни...»

СУЛЕЙМЕНОВ Олжас. Черное и красное. Весна в пустыне

СУХАРЕВ Дмитрий. Сорок два. Путинки. Мы ушли от Ни-китских ворот. Песенка про художественную стрижку. «Какие чудесные дети...»

ТАБИДЗЕ Галактион. Из не-опубликованного

ТАРАСЕНКО Николай. «Спаси-бо» тому вдохновенно...». «Алеша Фатьянов, который уж год тебя нет...»

ТАРБА Иван. Горные туры на водопад. Наездник

ТАРЕЕВ Евгений. «Ну к чему мне, к чему мне, к чему мне...». В порту

ТВОРОГОВА Валентина. В ожи-дании самолета. «Перепутаю даты и лица...». Адыгейская песня

ТИХМЕНЕВА Елена. «Мне бы очи синие...». «Была гро-за...». «Понуро и зло без-брежность...»

ТРЯПКИН Николай. Пролета-рии всех стран! «Земная ти-шина! Старуха богомолка!...». «Днем и ночью, снова днем и ночью...»

УШАКОВ Николай. Верлибры. Мои герои. Семен Прохоро-вич. Шагреневая кожа

ХИМЕТ Назым. Человеческая панорама

ХРАМОВ Евгений. Диккенс. «Любимая, пишу тебе, пи-шу...». «Началом всех начал был переулочек...»

ЦЫБИН Владимир. Созвучья

ЧУГАЙ Ольга. Середина лета. «В ноябре, когда в приро-де...». «Ты погоди...»

ЧУХИН Сергей. «Прошла ма-шина, тяжело дыша...». В Ясной Поляне. «Нет помину о службе и ветре...». Сомне-ние

ШАБАНОВ Василий. Солоница.

«Тогда мы ждали не сквор-цов...»

ШАЛАМОВ Варлам. «Я поста-вил цель простую...». «Тиши-на — это лозунг мира...». «Уступаю дорогу цветам...». «Как сердечный больной...». «Иногда в одиноком похо-де...»

ШЕФНЕР Вадим. Напев три-дцатых лет. На Невском. Дом на Васильевском острове. Назидание. Хрестоматий-ный мальчик

ШИМКУС Владас. Светящаяся девушка. Начало. В порту

ШИРОВОК Виктор. «Живешь, не замечая нив...». «Не знаю, что может быть лег-че...». «Как ласточки, брови летели...». «Ау, осенняя де-ревня...». «На проспекте Ру-ставели...»

ШКЛЯРЕВСКИЙ Игорь. «Когда я слишком долго весел...». 22 июня 1972 года. «Я полу-чил твое письмо...». Вечные радости. «Все ты видишь, од-нако себе не на горе...»

ЗМИН Геворг. «Пой мне, пожа-луйста...». В лесу. «Что мне думать о смерти...». Пир. «Масис, ты весел...». «Про-сти, нет, не я нарушаю обет...»

ОЧЕРКИ. СТАТЬИ.

АИПИН Еремей. На буровой

АЛИДЖАНОВ А. Всегда искать!

АФОНИН Валентин. Мой КАМАЗ

БЕРНАЛ Дж. Д. Рассказы для мистера Полевого.

ГРИГОРЬЕВ Марк. Арифметика соревнования

Край, где взрослеют мальчи-ки

ДИДУРОВ Алексей. Прощаль-ный марш

ЗЕРЧАНИНОВ Ю., СЛАВКИН В. Берлинский полиэкран

ИВАНОВА Нина. Живая вода

КАЗАКОВ Михаил. Ищу своего студента

КОЖЕВНИКОВА Надежда. Бу-гины

КОЗЫРИН Владимир. Было трудно

ЛЕТОВ Вадим. Глубинка

МИНАСОВ Р. Диалог после боя

МИНУТКО Игорь. Параллели

ОСИПОВ И. Крылья Тюмени

ПЕРЕПЛЕТКИН Юрий. Лучший каменщик

САНТУРЯН Игорь. Человек из ресторана

СТАРОСТИНА Елена. Главное явление природы

СТРЕЛЯНЫЙ Анатолий. Прово-ды

ТКАЧЕВ Александр. Десятый апрель Драгина

ФРОЛОВ Алексей. Мост будет Заявка на радугу

Книга на стройке

Прыжок через Обь

Мастаки...

ШЕЙНИС З. Весною семнадца-того

ЭГГЕРТ Ганс. КАМАЗ, который делает людей

ЮДИНА Валентина. Жили-были девочки

Я+Я=Семья

ЯКОВЛЕВ Андрей. Вокруг Ро-берта

ЯНАЕВ Г. Фестиваль возвра-щается в Берлин...

НАУКА И ТЕХНИКА

БЛОК Георгий. Эмбрино — на грани жизни

ГЛАДКОВ Теодор. Был бездель-ником алмаз...

ГОЛОВАНОВ Я. Год Коперника

ЗАЛЫГИН Александр. Индуст-рия ферм

ЗУБКОВ Анатолий. Хатха-йо-га — истина и предубеждения

ИВАНОВА Н. Каравай для всех

КОВАНОВ Владимир. Рождение человека

Найти искателя. Беседа с академиком С. Т. Беляевым

ПОЛЯКОВСКИЙ Леонид. Пожи-вем, поищем, поудивляемся, внедрим

СИДОРЕНКО Лариса. Инженер-ная психология — что это такое?

СНЕГОВ Сергей. Проблемы океана — океан проблем

ЯРОШЕНКО В., ПОСПЕЛОВ Г. Будни и праздники ученого

ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

АНДРОНИКОВ Ираклий. Рим-ская опера

АНИСИМОВ Гр. Найти главное! Успев сказать о самом важ-ном.

АННЕНКОВ Вл. Ответственный перед историей

БАЖАНОВ Л. Здравствуй, господин Гоген!

БЕРЕСТОВ Валентин. Радость

ВОЗНЕСЕНСКИЙ А., ОГНЕВ В. Диалог о поэзии

ВОРОНОВ Вл. Таланту нужно сочувствие

Время выбора

ГАРИНА Ольга. Легенды и были

ГУСЕВ Владимир. Че Гевара — легенда и жизнь

ДАНИН Д. Исследование бес-смертия

ЖДАНОВ В. В лаптях или в ту-фельках? По поводу некото-рых иллюстраций к стихам Н. А. Некрасова

ИСАКОВСКИЙ Михаил. Так пришел он в нашу жизнь

КАМБАРОВА Дилором. «А хо-тела стать востоковедом...»

КАССИЛЬ Лев. «Верю в силу книги»

КРИВИЦКИЙ Александр. Утра-ченное и возвращенное. (Предисловие к стихам На-зыма Хикмета)

КРУГЛОВ Юрий. В поисках пе-сен

Круг чтения. Маленькие ре-цензии и аннотации

КУЗНЕЦОВ Феликс. Как чело-веку человеком быть?

КУПЦОВ Иван. Акварели Васи-лия Сурикова

Родной простор

КУТЕЙЩИКОВА В. Трагедия восемнадцатилетних

ЛАВЛИНСКИЙ Л. Стихи о люб-ви

ЛАЗАРЕВ Л. Там, где горела земля...

ЛАКШИН В. Не случайный гость

МАМАЛАДЗЕ Теймураз. «Сча-стливы люди, у которых та-кая песня»

МАРТЫНОВ Леонид. Пути поэ-зии

Маяковский сегодня. Гово-рят Константин СИМОНОВ, Виктор ШКЛОВСКИЙ, Антал ГИДАШ, Леонид МАРТЫ-НОВ, Василий КАТАНЯН, Ри-та РАЙТ, Имант ЗИЕДОНИС, Борис СЛУЦКИЙ, Изет СА-РАЙЛИЧ, Сергей ЮТКЕВИЧ

НЕМЕНСКИЙ Б. Радость иску-ства

НИКУЛИНА Галина. Три пись-ма

ОБРОСОВ Игорь. Сила живого образа	6
ОГНЕВ Владимир. Память войны	5
ОСМОЛОВСКИЙ Ю. Русские женщины	9
ПАНКИН Борис. Время звонко и коротко	2
ПЕРЕВОЗЧИКОВ А. Искусство Советской Прибалтики	12
ПИСТУНОВА Александра. Температура чувства	5
ПЛЕХАНОВА Нина. В поте лица твоего...	3
ПОЗНЯЕВ М. Весна художника	8
ПЬЯНОВ Алексей. Человек — добро	10
РЕФОРМАТСКАЯ Н. О Пришвине	6
СИДОРОВ Евгений. Остановленное мгновение	7
СЛУЦКИЙ Борис. Об одном молодом поэте	10
СОКОЛОВ В. Не просто любовь или рабочая тема в современной прозе	3
СОЛОВЬЕВ Владимир. Логика сердца и варианты судеб Дебюты «Авроры»	4
ТУРКОВ А. Жизнь без заката	1
ХАЧАТУРЯН Арам. Мир музыки — молодым!	12
ЦИШЕВСКИЙ Юрий. Камень будоражит воображение...	1
ЧУХОНЦЕВ Олег. Избранные стихи Д. Самойлова	11
ШКЛОВСКИЙ Виктор. Брайтоские впечатления	11
ШТРАУХ Максим. Главная роль	11
ЩЕРБАКОВ К. По следам нестоличных премьер	9

ЗАМЕТКИ. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

БАРДИН Владимир. Последние собаки Антарктиды	3
БЕЛКИН Юрий. Он фотографировал Ленина	4
БЕРНШТЕЙН А. «Дьяволенок» Том Джексон	9
ВЕКСЛЕР А., МЕЛЬНИКОВА А. Клады одного переулочка	7
КАМЕНСКИЙ Ф. Уточняя Ильфа и Петрова	11
КАРАХАН Л. Все началось с лошади	1
КАТЮШЕНКО Михаил. В городе Бобруйске — перед началом спектакля	2
КОЖЕВНИКОВА Надежда. Умение собирать чемодан	4
КОРДОН Аркадий. Ефрейтор Збруев служит в Таманской	2
ЛЕКСИН Ю. «Вы друг другу подходите, а вы, извините, нет...»	6
МЕРЖАНОВ Мартын. Человек без профессии	12
ПРОВОРОВ М. Коктейль. «Галка Галкина»	9
ПЧЕЛЯКОВ А. По утрам гориллы пьют сладкий чай	7
РАХИЛЛО Иван. Голос Шалыпина	3
ЧУПРОВ Алексей. Характер Гугенотки	6

ПОЧТА «ЮНОСТИ»

Письмо января. Лика В. Хочу, стать артисткой!	1
Письмо февраля. Валя Ф. Признание в любви	2
Письмо марта. Коля Попов. Мечтаю обживать нетронутый край. Ада Левина. Торопись к началу	3
Письмо апреля. Виктор Н. Я не удовлетворен собой... М. Пархонов. Как себя найти?	4
Письмо мая. А. Невский. Ждут ли нас так же, как мы?.. Алексей Чупров. Бу-	

дем справедливы друг к другу	5
Письмо июня. Ира Г. Как быть? Ирина Селиванова. Оглянись на себя...	6
Письмо июля. Светлана Калинова. Мне стыдно за них! Лазарь Карелин. О воспитании совести	7
Письмо августа. Олег Аврушин. Снова о танце	8
Письмо сентября. Анна Т. Дальше только красный... Ада Левина. Кому светит зеленый?	9
Письмо октября. Юлия Ф. Не хочу тянуть ляжку. Владимир Лисовский. В поисках себя	10
Письмо ноября. Лида К. Уволена по собственному желанию. Владимир Козырин. Правильно ли поступила Лида?	11
Письмо декабря. Лариса Маринина. Может, и мой отец почитает... Надеяться — значит, жить	12

СПОРТ. ШАХМАТЫ.

БЛИЗНЮК Семен. Его четвертая Универсиада	6
БОТВИННИК Михаил. Несостоявшийся матч	8
ВОЙТЮК Татьяна. Как подняться из реверанса...	2
ЗЕРЧАНИНОВ Юрий. Хроника семи месяцев е-2—е-4	6
ИВАНОВ Валентин. Он был сильнее всех на футбольном поле и слабее всех за его пределами	8
КАТЮШЕНКО Михаил. Суров ли Кныш?	5
КРАУЗЕ Виктор: «Я не люблю стадион»	3
Откровения массажиста Соболева	9
ПИНЧУК Анатолий. Восемь секунд	4
РОШАЛЬ Александр. Путь Карпова	7
РУБИН Е. История со счастливым концом	1
РУХАНЕН Рейма. Девушка, родившаяся в Юханнус	11
СЕРГЕЕВ В. Вокруг ГТО	11
Старик такой застенчивый...	11
СНЕГИРЕВ В. Эксперимент	3
Ивана Скачкова	3
ТОКАРЕВ Станислав. Четверухин уходит, чтобы остаться	12
ЮСИН Анатолий. Раз, два, три...	4

ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ

АРКАНОВ Арк., ГОРИН Гр. В. Габрове живут габровцы	9
БРАЙНИН Борис. Литературная пародия	5
БРИКЕР Б., ВИШНЕВСКИЙ А. Дело принципа	1
ВИШНЕВЕЦКАЯ Марина. Диспут	3
ВЛАДИМОВ Мих. Пародия	4
ВОЛЬФСОН Михаил. Две истории	2
Галка ГАЛКИНА. Каков вопрос — таков ответ	1,8
Вис	6
Перлы	6
ЕЛИН Николай, КАШАЕВ Владимир. Две юморески	11
ЕФРЕМОВА Татьяна. На косой линейке	1
ЖИЛИНСКАЯ Витайте. Западная	5
ИЗМАЙЛОВ Л. Аисты и капуста	10
КАЗОВСКИЙ Мих. Его звали Кеша	7
КАНЕВСКИЙ Александр. Качай его!	6

КАТЮШЕНКО М. Интервью у передовика	10
КОМИССАРЕНКО С. Выход	8
КОРСУНСКИЙ Л. Миниатюры	1
Предложение	6
КОТЛЯРСКИЙ Юрий. Пора любви	4
ЛИВШИН С. Я же все-таки педагог	8
МИНИ-ЮМ	4
ОРЛОВ Владимир. Трусаки	5
ПАНКОВ Владимир. Кругом намеки!	8
Первая попытка	4
САПРОНОВ В. Эпитафии	12
СТАНИЛОВСКИЙ Н. Свидание	7
СТРОНГИН В. Особое задание	5
Спасибо Федькиной жене!	12
ТРЕЕР Л. Поход	11
ТРЕСКОВ Василий. Некогда!	7
ФЕНЕВ Александр. Пародии	2
ЧЕРВЯКОВ Игорь. Уникальный типаж	3

В ИЛЛЮСТРИРОВАНИИ ЖУРНАЛА ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ:

Н. БАЙРАКОВ, В. БАХЧАНЯН, А. БЕЛЛ, Л. БИРЮКОВ, В. БИСЕН-ГАЛИЕВ, Р. БОЧЕНКОВА, С. БРОДСКИЙ, И. БРОННИКОВ, О. ВУКОЛОВ, А. ГОЛОВЧЕНКО, А. ЖИТОМИРСКИЙ, Б. ЖУТОВСКИЙ, Т. ЗАВАДСКАЯ, Т. ИВАНШИНА, Е. КАЧЕЛАЕВА, О. КОКИН, А. КОШКИН, Ю. КРУГЛОВ, И. КУДИНОВ, М. ЛИСОГОРСКИЙ, Н. ЛИСОГОРСКИЙ, А. ЛОЗЕНКО, А. ЛУРЬЕ, А. МАКСИМОВ, Л. МАРКОВ, Л. МОРОЗ, Е. МУХАНОВА, Ю. НИКУЛИН, Г. НОВОЖИЛОВ, В. ОРЛОВ, И. ОФЕНГЕНДЕН, Л. ПЕТРУШИН, П. ПИНКИСЕВИЧ, А. ПЛАКСИН, Б. ПОЛЯНСКИЙ, Г. ПОНДОПУЛО, А. ПУШКАРЕВ, Е. РАСТОРГУЕВ, Ю. РОГОЗИН, И. САВИНОВА, Е. СОКОЛОВА, И. СУСЛОВ, В. ТЕРЕЩЕНКО, А. ТОКАРЕВ, И. ХОХЛОВ, В. ЩАПОВ, В. ЮДИН.
--

АВТОРЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, РЕПРОДУЦИРОВАННЫХ НА ОБЛОЖКАХ:

И. БОЛЬШАКОВА, О. КОМОВ, Ю. КРУГЛОВ, А. ЛИВАНОВ, Л. МЕЛЬНИКОВ, А. МОРДАНЬ, Г. НЕЛЕДВА, Я. НИКОЛАДЗЕ, К. ПАНКОВ, А. ПАХОМОВ, В. ПЕТРОВ-МАСЛАКОВ, В. ПОПОВ, М. РОЙТЕР, В. РЫБАКОВ, Т. САЛАХОВ, Х. САНДЛЕР, В. СМЕРНОВ, В. СУМАРЕВ, Я. ТИТОВ, Ф. ХАЛИЛОВ, Ю. ЦИШЕВСКИЙ, В. ЧАПКИН, К. ЧЕПРАКОВ, Г. ЧИГАНОВ.
--

НА ВКЛАДКАХ:

№ 1. В. ВЛАДЫКИН, Б. ЗАОЗЕРСКИЙ, Э. КАЛЕНИК, О. ОСИН, В. ПАВЛИКОВ,
№ 2. Т. КОВАЛЕНКО, Н. КУЗНЕЦОВ, В. РЫЖИХ, В. СИДОРОВ, В. ТАУТПЕВ,
№ 3. С. ГУСАК, С. МУХАНОВ, И. ПИМОГИНА, Л. ХАРЧЕНКО, О. ЦИВИЛЕВА,
№ 4. В. И. СУРИКОВ,
№ 5 Б. М. НЕМЕНСКИЙ,
№ 6. Э. БРАГОВСКИЙ, Д. ЖИЛИНСКИЙ, В. ПОПОВ, И. ТИМЧЕНКО, В. ШТРАНИХ,
№ 7. Ю. МЕЖИРОВ, В. РЫЖИХ, М. ФУКС, Е. ЧЕРНЫШЕВА,
№ 8. Поль ГОГЕН,
№ 9. В. И. ИВАНОВ,
№ 10. Э. ГЛЕБОВА, И. ЗИМЕЛЕ, О. КИКЕЕВ, В. МАЛОЛЕТКОВ, А. ПАРКОСАДЗЕ,
№ 11. Н. А. АНДРЕЕВ,
№ 12 Л. БУМАНЕ, С. ДЖЯУКШТАС, Р. МУЗИС, Ю. ПАЛЬМ, О. СУББИ, И. ШВАЖАС.

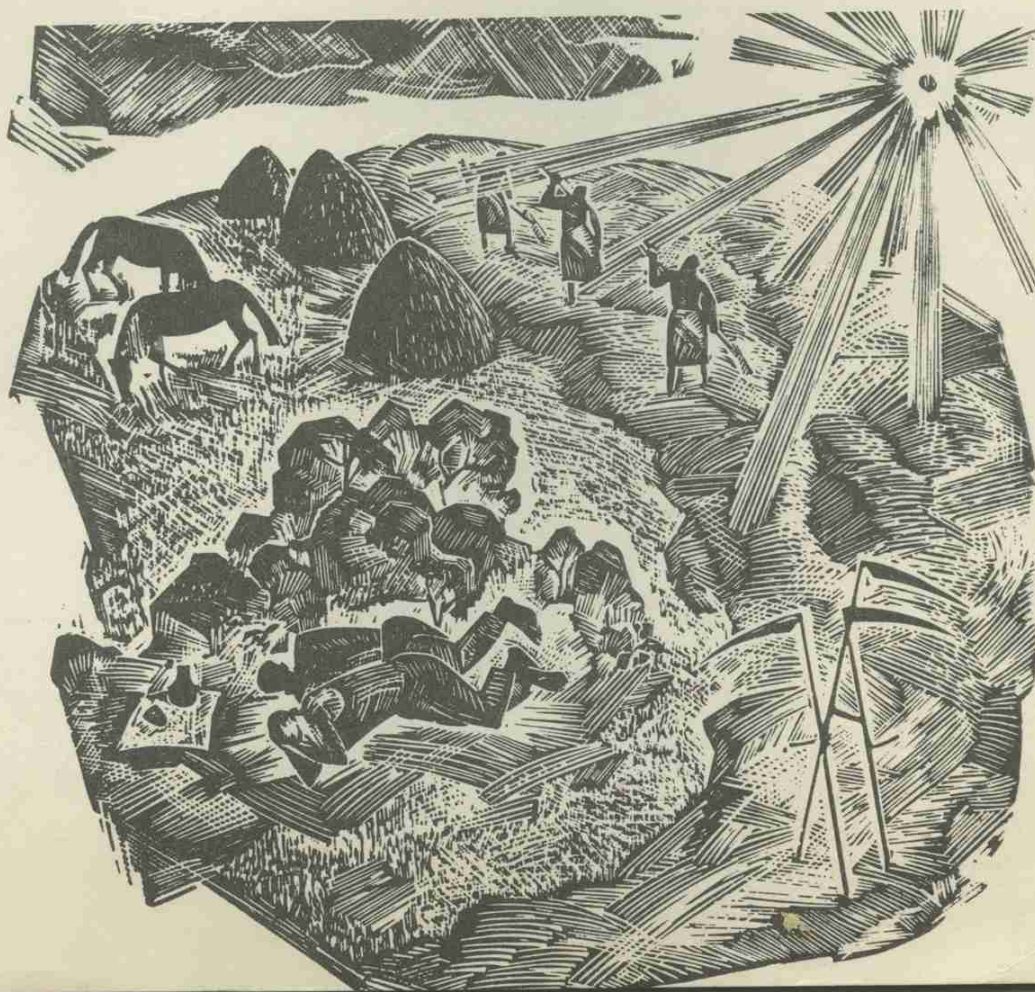
На стендах
«ЮНОСТИ»

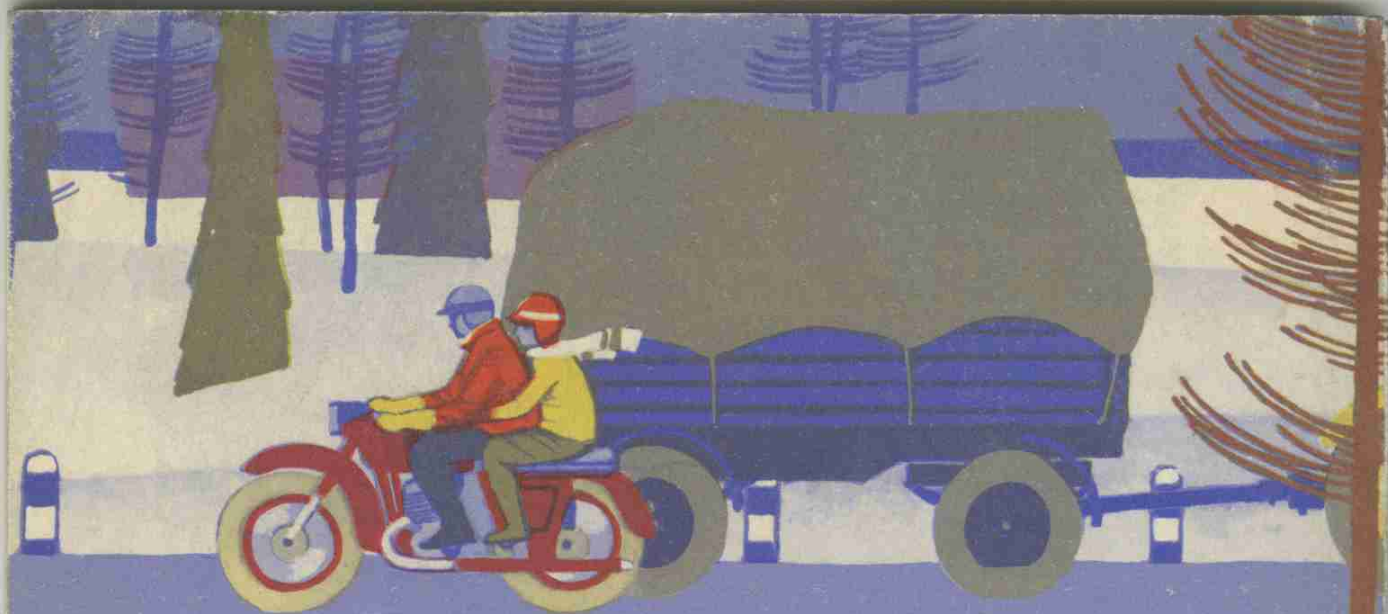
**Валерий
РЫБАКОВ**
(1941—1972)
г. Владимир

Света
(офорт).

К полудню
(линогравюра).

Цена 40 коп.

Индекс
71120